

А 2010
276 56 к

**Общественный
строй казахов
первой половины
XIX века и
Букеевское
ханство**

Салык ЗИМАНОВ

Лучшие образцы казахской науки

Салык ЗИМАНОВ

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ
КАЗАХОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА И БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО**

АРЫС

Алматы

2009

Министерство культуры и информации Республики Казахстан
Комитет информации и архивов
Программа выпуска социально-важной литературы

Редакционная коллегия:

Б.А. Майлыбаев (председатель), А.Т. Мухамбедьярова,
М.С. Раимханов, К.Б. Сафинов, М.М. Сембеков, К.Ж. Толегенов

Зиманов С.

3-62 Общественный строй казахов первой половины XIX века и Букеевское ханство / Салык Зиманов. – Алматы: Изд-во «Арыс», 2009. – 400 с.

ISBN 978-601-291-000-1

Книгу сборника избранных произведений видного ученого, академика С. З. Зиманова составляют научно-исследовательские труды, опубликованные в 1950-1960 гг., и монография «Общественный строй казахов первой половины XIX века», изданная в 1958 г. В трудах исследуются особенности кочевого скотоводства в Казахстане, роль и место патриархально-родовых пережитков в общественных отношениях казахов, развитие земледелия и товарно-денежных отношений в казахском обществе в первой половине XIX в.

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-291-000-1

© Зиманов С., 2009
© Изд-во «Арыс», 2009

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАЗАХОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

1958 г.

*В настоящей работе,
изданной в 1958 году, исследуются особен-
ности кочевого скотоводства в Казахстане, роль
и место патриархально-родовых пережитков в обще-
ственных отношениях казахов, развитие земледелия и товарно-
денежных отношений в казахском обществе в первой половине
XIX в. В ней рассматриваются формы владения и собственности на
основные средства производства – на землю и на скот, характерные
черты феодализма и социальное строение казахского общества
указанного периода.*

*Работа основана на использовании архивных, литературных
и нормативных источников, относящихся к истории
общественных отношений дореволюционного
Казахстана.*

- **ВВЕДЕНИЕ**
- Часть первая. **ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА У КАЗАХОВ**
- **I. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОЙ**
 - Кочевое скотоводство
 - Режим кочевого хозяйства
 - Земледелие и сельскохозяйственная техника
 - Ремесло, промыслы и промышленность
- **II. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА КАЗАХОВ**
 - Общинно-родовые пережитки и их роль в общественных отношениях
 - Аульская община
 - Товарно-денежные отношения
 - Выводы
- Часть вторая. **ФОРМЫ И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ У КОЧЕВНИКОВ**
- **III. ФОРМЫ И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА СКОТ**
 - Экономическая роль скота
 - Формы собственности на скот
 - Саунные отношения
 - Классы и скотовладение
- **IV. ФОРМЫ И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ**
 - Роль земли в производстве кочевников
 - Формы землепользования
 - Монопольное право феодалов на землю
 - Характер частного землевладения
 - Феодалные и общинные отношения в землевладении
 - Выводы
- Часть третья. **КЛАССОВОЕ СТРОЕНИЕ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА**
- **V. КЛАСС ФЕОДАЛОВ**
 - Султаны
 - Бии
 - Тарханы
 - Старшины
 - Бай
 - Духовенство
- **VI. КЛАСС НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ**
 - Жай-шаруа
 - Кедей-шаруа
 - Байгуши
 - Жатаки
 - Жалшы
 - Егинши
 - Жумыскеры
 - Рабы (кулы)
 - Тюленгуты
 - Выводы
 - Заключение

Введение

В истории Казахстана первая половина XIX в. знаменательна важными сдвигами, которые произошли в различных областях жизни казахского народа. В области экономики получает заметное развитие земледельческое производство, возникают отдельные очаги капиталистического производства, усиливается процесс перехода части кочевого населения на полуоседлое и оседлое положение. Значительно расширяются экономические связи Казахстана с Россией, становится возможным непосредственное общение трудовой части казахского и русского народов.

Серьезные изменения происходят и в политической жизни казахского общества: окончательно ликвидируется ханская власть, местная власть сращивается с колониальными органами, завершается процесс присоединения Казахстана к России, изменяется положение отдельных социальных групп.

Ослабление силы патриархальной идеологии ведет к росту политической сознательности казахского народа. Народные массы переходят к более высоким формам классовой борьбы. Важным изменением является и то, что передовые общественные идеи стали формироваться под благотворным влиянием демократической культуры России.

Исследование общественного строя казахов в первой половине XIX в. представляет несомненный научный интерес, тем более что изучение этого периода позволяет осветить один из основных вопросов общественного строя – проблему феодализма. Дискуссии и конференции последних лет, посвященные этому вопросу, вновь подтвердили необходимость конкретного и углубленного исследования общественного строя кочевых народов периода господства феодального способа производства.

Ведущим вопросом при исследовании общественных отношений является вопрос об отношениях собственности на основные средства производства. Этими отношениями определяется природа экономического строя общества. В зависимости от оценки характера господствующих производственных отношений, основанных на определенных формах собственности, могут иметь место различные точки зрения по вопросу о природе и особенностях общественного строя казахов первой половины XIX в.

Исходя из этого, в нашем исследовании отводится центральное место рассмотрению и анализу форм и отношений собственности как на

скот, так и на землю, составляющие основные средства производства в скотоводческом обществе казахов.

Отношения и связи людей между собою в обществе, где имеются классы с противоположными интересами, выступают как классовые отношения и связи, точнее – как отношения, в конечном счете подчиненные интересам определенных классов. Форма и суть этих отношений определяются социальной структурой общества, которая в свою очередь вырастает на базе производства, системы потребления и обмена. Таким образом, между отношениями собственности и социальным устройством общества существует неразрывная органическая связь, в которой первые определяют и характеризуют второе.

Природа и особенности общественного строя казахов и заодно феодализма в казахском обществе в достаточной степени ясно смогут быть раскрыты, если на основании анализа конкретных фактов удастся обнаружить и установить то, что свойственно и характерно отношениям собственности и социальным группам. Это и является целью настоящей работы.

Было бы неправильным подходить к изучению общественного строя казахов как к какому-то исключительному явлению. Верно, разумеется, то, что каждое общество имеет свой путь исторического развития, обусловленный особенностями природных, социальных и политических условий и среды. Это полностью относится и к казахскому обществу. При всем этом закономерности формирования, развития и падения феодализма в Казахстане в основном те же, что и в других феодальных кочевых и некочевых обществах.

Исходя из этого, мы в работе иногда приводим данные из жизни других кочевых народов, занимавшихся, как и казахи, преимущественно скотоводством. Вскрытые, обнаруженные и описанные закономерности и характерные факты истории одних народов помогают правильно понимать и оценивать аналогичные явления у других народов, стоявших на таком же уровне общественного развития. Такое сопоставление, на наш взгляд, весьма плодотворно в научном исследовании и облегчает вскрытие истины.

Исторический материализм, как известно, не отрицает особенностей исторических путей развития различных стран. Эти особенности могут быть раскрыты и правильно поняты только на основе положений этого учения. Задача исследователя дореволюционной истории Казахстана заключается в том, чтобы, вооружившись научной марксистской методологией, исходя из всеобщей истины марксизма-ленинизма, вскрыть те внутренние закономерности общественного развития, которые управляют разрозненными фактами, выступающими порою на поверхности общественных явлений в формах, далеко не соответствующих их содержанию и действительным общественным функци-

ям. Без научной методологии легко можно оказаться в плену фактов и потерять перспективу научного их обобщения и анализа.

По истории Казахстана XIX в. имеются обширные литературные и архивные источники. Как правило, в них более подробно освещаются вопросы внешней истории казахского общества: смена ханов, губернаторов и чиновников, их деятельность, примечательные события, образ жизни народа.

Политика колониального проникновения в казахскую степь и подчинения Казахстана русскому самодержавию не могла успешно осуществляться без должного изучения особенностей казахского общества, нравственных качеств народа, его воззрений, быта и обычаев. С активизацией колониальной политики со стороны царизма начинает проявляться все возрастающий интерес к жизни казахов. Начиная с конца XVIII в., царским правительством снаряжается ряд экспедиций, посылаются чиновники с особыми поручениями, связанными с изучением положения казахского народа; Казахстан посещают русские ученые, путешественники. В печати начинают появляться различные обзоры, описания отдельных сторон жизни и быта казахского народа. Среди этих работ были и солидные исследования, охватывающие большой круг вопросов из общественно-политической истории страны. Следует также отметить, что некоторые из чиновников, по долгу службы соприкасаясь с казахами, смотрели на их жизнь как на некую экзотику и, побывав в степи, старались передать свои впечатления соотечественникам в виде рассказов о странных и забавных обычаях мало знакомого русскому читателю народа.

В дореволюционный период был накоплен богатый и ценный эмпирический материал о казахском обществе. По содержанию его можно разделить на три части: а) работы исследовательского характера, б) отчеты различных чиновников, описания путешественников, документы мемуарного характера, в) различные сборники государственных актов, служебной переписки, норм обычного права казахов.

К работам первого рода, в первую очередь, относятся труды П.С. Палласа¹, Георги², Н.П. Рычкова³, А. Левшина⁴, Г. Броневского⁵, Бла-

¹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. I. Спб, 1773.

² Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II, Спб, 1799.

³ Рычков Н.П. Дневные записки путешествия Николая Рычкова в Киргизкайсацкую степь в 1771 году. Спб, 1772.

⁴ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Чч. I, II, III. Спб, 1832.

⁵ Броневский Г. Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, чч. 41-43.

рамберга¹, Сильвергельма², М. Красовского³, Л. Мейера⁴, И. Завалишина⁵, В. Григорьева⁶, Н. Гродекова⁷, А. Добросмыслова⁸, А. Макшеева⁹, Ч.Ч. Валиханова¹⁰, И. Алтынсарина¹¹. В этих и других подобных работах содержатся не только ценнейшие факты из истории Казахстана, но и вместе с тем имеются научные обобщения.

В свое время были опубликованы многочисленные заметки и описания чиновников, путешественников и других лиц, содержащие их личные впечатления о казахском обществе. Такого рода работы носят характер путевых записок, в них нет широких обобщений, сопоставления и изучения фактов. Несмотря на отсутствие в этих работах целеустремленности, дифференцированных данных об общественных отношениях казахов, они ценны как первоисточники для исследователя.

Среди них следует особо отметить записки Бланкеннагеля¹², Д. Гладышева¹³, Ф. Назарова¹⁴, Пospelова и Бурнашева¹⁵, Е. Кайдалова¹⁶, А. Грена¹⁷. Мемуарный характер имеют работы Н. Лыкошина¹⁸, Г. Арандаренко¹⁹, В. Духовской²⁰.

¹ *Бларамберг*. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней и Зауральской (Малой) орд Оренбургского ведомства. Спб, 1848.

² *Сильвергельм*. Военно-статистическое обозрение Киргизской степи Западной Сибири. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVII, ч. III. Спб, 1852.

³ *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Чч. I, II, III. Спб, 1868.

⁴ *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб, 1865.

⁵ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Сибирская киргизская степь. Т. III. М., 1867.

⁶ *Григорьев В.* Русская политика по отношению к Средней Азии. Спб. 1874; Оренбургские киргизы. «Народная беседа», 1864, кн. 1 и др.

⁷ *Гродеков Н.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889.

⁸ *Добросмыслов А.* Тургайская область. Т. I. Тверь, 1902; Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.

⁹ *Макшеев А.* Географические, этнические и статистические материалы о Туркестанском крае. Спб, 1868; Описание низовьев Сыр-Дарьи. Спб. 1856; Путешествия по киргизским степям. Спб, 1896; Исторический обзор Туркестана и наступательных движений в него русских. Спб, 1890.

¹⁰ *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения. Спб, 1904.

¹¹ *Алтынсарин И.* Избранные произведения. Алма-Ата, 1957.

¹² *Бланкеннагель*. Замечания майора Бланкеннагеля. Последствия поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793-1794 годах. Спб, 1858.

¹³ *Гладышев Д.* Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740-1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиним. Спб, 1851.

¹⁴ *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. Спб, 1821.

¹⁵ Поездка Пospelова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. «Вестник ИРГО», 1851, ч. I, кн. I.

¹⁶ *Кайдалов Е.* Караван-записки во время похода в Бухарию Российского каравана под воинским прикрытием в 1824 – 1825 годах. М., 1827 – 1828.

¹⁷ *Грен А.* Из путевых заметок по Киргизской степи. «Инженерный журнал», 1862, № 2.

¹⁸ *Лыкошин Н.* Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг., 1916.

¹⁹ *Арандаренко Г.* Досуги в Туркестане. Спб, 1889.

²⁰ *Духовская В.* Туркестанские воспоминания. Спб, 1913.

При написании данной работы мы постоянно обращались к таким сборникам документальных материалов, как многотомный сборник материалов по истории завоевания Туркестанского края, «Гусский Туркестан»², «Материалы по истории Казахской ССР»³, сборники по обычному праву казахов⁴.

Несмотря на различия в характере, объеме и содержании работ, основной массе дореволюционной литературы о казахах присущи некоторые общие черты. Многие авторы рассматривают казахское общество как общество, стоявшее в стороне от столбовой дороги общего исторического процесса. Все то, что не укладывалось в рамки привычного понятия среднего европейца, вызывало изумление и рассматривалось как прирожденное свойство архаичного казахского общества. Нередко казахов по уровню общественного развития отождествляли с дикарями, полудикими людьми. Даже такой крупный ученый, как А. Левшин, считал, что по образу жизни казахи близки к состоянию «естественного человека»⁵.

По мнению М. Красовского, автора весьма ценного исследования о Казахстане, казахи до соприкосновения с русскими вели «бродячий образ жизни... в чем дикарь (т. е. казах-кочевник. – С. З.) находил для себя настоятельную необходимость»⁶. М.А. Терентьев, написавший трехтомный труд по истории завоевания Россией Средней Азии, называет казахские орды XVIII в. «первобытными» обществами «диких номадов»⁷ и т. д. Пороком почти всех дореволюционных работ о казахах является идеализм и субъективизм. Объяснения тем или иным общественным явлениям многие из авторов искали в прихотях ханов, султанов и биев. Порою выводили их из «народного духа». Характерно в этой части утверждение Л. Мейера о том, что «многие странности в самой истории народа» проистекают и объясняются характером Абулхайр-хана и т. д.⁸

Для буржуазных ученых особенно характерна модернизация общественных отношений. Ко всем явлениям, относящимся к различным периодам истории и к судьбам различных народов, эти исследователи

¹ *Серебренников А.Г.* Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1842 – 1866 годы. Ташкент, 1914 – 1916.

² Русский Туркестан. Сборник. Вып. I, II, III. М., 1817.

³ Материалы по истории Казахской ССР. Т. II. Алма-Ата, 1948. Т. IV, М. – Л., 1940.

⁴ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948. *Самоковцов Д.* Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876 и др.

⁵ *Левшин А.* Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб, 1832, стр. 18, 68.

⁶ *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Ч. П. СПб, 1868, с.тр. 68

⁷ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии (в трех томах), Т. I. СПб, 1906, стр. 45, 51.

⁸ *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 246.

чаще всего подходили с точки зрения современных им буржуазных порядков. «Нет ничего характернее для буржуа, – писал В.И. Ленин, – как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»¹. Подобной ограниченностью методологии страдают многие дореволюционные исследователи, писавшие о казахском обществе первой половины XIX в. Подбор и оценка фактов из общественной жизни казахов производились ими односторонне, исходя из буржуазного представления об обществе, без достаточного учета роли и связи этих фактов с другими явлениями.

Другой характерной особенностью большинства дореволюционных литературных источников является узость рамок исследования, отсутствие глубины анализа и описательный характер. В результате мы имеем такое положение, когда написано немало о разных сторонах жизни казахского общества, но исключительно мало – о самом народе, непосредственных производителях материальных благ, мало исследований по социально-экономическим и политическим вопросам. Данные, относящиеся к общественным отношениям казахов, вкраплены в различные по характеру работы.

Критическое освоение литературных материалов – процесс довольно сложный. Казалось бы, чего проще: собрать их, привести в систему по признакам описываемых предметов, явлений и попытаться найти в них присущие им общие или групповые качества. При непосредственном столкновении с материалами задача оказывается гораздо более сложной. Специфика тех трудностей, с которыми приходится здесь сталкиваться исследователю, заключается не только в том, что ему необходимо быть весьма осторожным при использовании тех или иных сведений – не всегда можно на них всецело полагаться, приходится проверять и сопоставлять их с другими источниками, – но и в том, что, кроме тенденциозности, в них немало добросовестных заблуждений самих авторов. Незнакомство с внутренней жизнью казахского общества, незнание ее особенностей, ограниченность взглядов нередко приводили их к описанию лишь бросающихся в глаза явлений и сторон народного быта, а пытаясь истолковать и объяснить виденное, они зачастую внешнее, случайное принимали за существо дела.

Наша задача осложнялась еще тем, что казахское общество в изучаемый период не имело своей письменности. Делопроизводство, основанное на татарском наречии, только что начинало вводиться в органах местного и колониального управления. Хотя нас отделяет от описываемого времени 100 – 150 лет, серьезными письменными

¹ Ленин В.И. Соч., т. 1, стр. 137.

историческими памятниками, относящимися к этому периоду, мы не располагаем, если не считать скудных деловых записей писарей, преимущественно из татар.

Изучение дореволюционной истории кочевых скотоводческих обществ по-настоящему развернулось только в годы Советской власти. Среди крупных работ советских ученых в этой области можно назвать труды акад. Б. Владимирцева¹, члена-корреспондента Академии наук СССР С.П. Толстова², акад. Б.Д. Грекова, члена-корреспондента Академии наук СССР А.Н. Якубовского³, проф. А.Н. Бернштама⁴, проф. Л.П. Потапова⁵, проф. С. Токарева⁶, Г.П. Башарина⁷.

Во многих национальных республиках, где в дореволюционное время господствовали патриархально-феодалные отношения, осуществлено издание курса истории края от древнейших времен до наших дней. Во всех этих работах имеются анализ и обобщения фактов, ценнейшие указания и выводы, которые могут быть использованы и были использованы нами при разработке проблемы, составляющей предмет настоящего исследования.

Интересные положения и сведения об отдельных сторонах общественного строя казахов XIX в. содержатся в работах советских ученых А. Чулошникова⁸, М.П. Вяткина⁹, Н.Г. Апполовой¹⁰, В.Ф. Шахматова¹¹, Т.М. Культелеева¹² и др. Особенно ценными для нас являются исследования проф. М.П. Вяткина, в которых вопросам общественных отношений казахов отведено значительное место. В них нашел разрешение ряд спорных и сложных вопросов общественного строя казахов XVIII-XIX вв. Кроме литературных источников, нами использованы богатые архивные материалы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Казахской ССР в г. Алма-Ате,

¹ Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.

² Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

³ Греков Б.Д. и Якубовский А.Н. Золотая орда и ее падение. М., 1950.

⁴ Бернштам Д.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI-VIII веков. М.-Л., 1946; Очерки истории гуннов. Л., 1951.

⁵ Потапов Л.П. Очерки истории алтайцев. М., 1953.

⁶ Токарев С. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936; Общественный строй якутов в XVII-XVIII вв. Якутск, 1945.

⁷ Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII-середины XIX вв.). М., 1956.

⁸ Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 5. Оренбург, 1924.

⁹ Вяткин М.П. Батыр Срым. М. – Л., 1947; Очерки истории Казахской ССР. М. – Л., 1940.

¹⁰ Апполова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата, 1948.

¹¹ Шахматов В.Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1949.

¹² Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955.

Центральном государственном историческом архиве и Центральном военно-историческом архиве г. Москвы.

Недостаток в документальных материалах в известной степени восполняется фольклорными источниками. Различные стороны жизни казахского общества весьма богато представлены в устном творчестве народа. В нем можно найти немало картин, отражающих общественные условия жизни народа, социального строя казахского феодального общества. Критическое использование этих сведений при освещении явлений и событий исторического прошлого оказывает большую помощь исследователю. В этой связи следует отметить богатое собрание рукописей научной библиотеки Академии наук Казахской ССР, частично использованное автором.

Автор вполне сознает, что сама по себе проблема общественного строя сложна и ответственна как по содержанию, так и по объему, т. е. по тому кругу вопросов, которые она в себя включает. Эта проблема предстала перед нами еще более сложной, поскольку история дореволюционного Казахстана вообще изучена еще слабо и недостаточно. Мы совершенно далеки от мнения о том, что в нашей работе охвачены все вопросы, относящиеся к общественному строю казахов, или что затронутые вопросы освещены с исчерпывающей полнотой.

Автор с благодарностью примет все замечания, которые окажутся полезными в дальнейшей работе над проблемой общественного строя казахов в прошлом веке.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА У КАЗАХОВ

ГЛАВА I

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Территория и население

В известном афоризме «Человек – дитя природы» заложен глубокий смысл. Это означает не просто то, что люди обитают на земле, добывают себе средства к существованию, являются частью природы или ее историческим продуктом. Этим выражением подчеркивается и то, что люди, как бы ни отличались они от остального бытия природы, будучи существами, одаренными чувствительностью и сознанием, как бы ни подчиняли они своей власти предметы внешней природы, имея при этом свои закономерности рождения, роста и гибели и сохраняя видимую обособленность и самостоятельность по отношению к другим предметам природы, – при всем этом люди не теряли и не могли потерять своей связи и зависимости от природы и ее условий.

Исторический материализм учит, что географическая среда с точки зрения смены общественно-экономических формаций и социальных отношений не может считаться определяющим фактором. Те изменения, которые совершаются в области отношений людей друг к другу, связаны с естественными условиями в большей степени косвенно, непрямо, отсюда и характер и темпы этих изменений не определяются естественными условиями так, как следствие определяется причиной. Если нельзя непосредственно выводить уровень общественного развития из особенностей географической среды той или иной страны, то несколько иначе обстоит дело, когда речь идет о формах хозяйства и о характере производства. Поскольку процесс производства имеет целью в конечном счете присвоение продуктов природы, добывание материальных благ – средств к существованию, – естественные условия производства выступают как важнейшая составная часть производительной деятельности людей и общества в целом. Возьмите любое конкретное общество и вы найдете, что «экономический уровень его развития» есть не что иное, как материальный результат и состояние воздействия производительных сил общества на природные условия,

причем интенсивность этого воздействия находится в зависимости от достигнутого уровня развития орудий и средств труда.

Мобильность средств существования в каждом конкретном случае зависит от приемов, способов и форм воздействия на предметы природы. В свою очередь содержание и основы этих приемов и способов определяются состоянием техники и умением и возможностью людей пользоваться этой техникой. Движимое стремлением как можно больше получить средств к существованию, общество проявляет постоянную заботу о развитии производительных сил, хотя не всегда эта задача может быть разрешена положительно.

По выражению К. Маркса, земля является первоисточником, и кладовой всех богатств, обеспечивающих существование человеческого общества. Этим раскрывается общественное значение земли вообще. Географические условия конкретны, следовательно, конкретны и порожденные ими продукты, которые присваиваются обществом. Здесь следует отметить и ту истину, что общество в данных конкретных условиях не может иметь больше средств к существованию, т. е. присваивать предметы природы, нежели это позволяет уровень развития этого общества. Следовательно, наряду с постановкой вопроса о том, что может дать данная природная среда, надо еще ответить на вопрос, что может взять общество из того, что представляет в распоряжение человека эта среда и, в частности, земля как кладовая всех средств к существованию.

Казахстан имел обширную территорию с богатыми и разнообразными естественными ресурсами. Хозяйственно-экономический быт казахов нельзя рассматривать в отрыве от этих условий. Отрыв народа от тех условий, в которых он жил и творил, превратил бы его из конкретного и реального явления в абстракцию, в понятие, лишенное особенных и единичных качеств.

Территориальные границы расселения казахского населения в первой половине XIX в. в основном соответствовали ныне существующей площади Казахской Советской Социалистической Республики. Казахская земля протянулась от северо-восточных берегов Каспийского моря и Приволжской низменности на западе до предгорий Тянь-Шаня на востоке, т. е. более чем на 3000 км. Северные границы Казахстана примыкали к Сибири и Алтайским равнинам и проходили по Прииртышским и Приишимским степным просторам, а на юге доходили до южных пределов Кзылкумов.

Одной из ранних и более или менее полных географических работ, в которой содержится описание пределов расселения казахов в первой половине XIX в., является работа известного русского ученого А. Левшина. Установление западной, северной и восточной границ Казах-

стана не представляло особой трудности, поскольку они определялись линиями русских и китайских владений. В то время русские ученые не располагали достаточными сведениями о южных территориальных границах казахского общества, примыкавших к среднеазиатским ханствам. По А. Левшину, «самая северная точка оной находится под 55° северной широты, на левом берегу Иртыша, недалеко от Омской крепости. На юг кочующие жители сей страны не доходят далее 42°. С запада на восток она простирается от 65°35' до 102° долготы (от первого меридиана).

Северную границу (идя от востока к западу) составляют: во-первых, часть Алтайских гор; потом р. Иртыш, от Иртыша до Тобола, или до Звериноголовской крепости, так называемая Горская сибирская линия; от Звериноголовской крепости до устья Уя река Тоболь; далее река Уй и потом Урал, начиная от Спасского форпоста (близ Верхоуральска), почти до Оренбурга, или, точнее говоря, до Нежинского форпоста, от которого линия идет вверх по речке Бердянке; далее по речке Бурдале и по Илеку до самого устья его, а наконец опять по Уралу. Западным пределом служит тот же Урал и часть Каспийского моря. На юге киргиз-казаки примыкают к туркменцам, кочующим на восточной стороне Каспийского моря; к морю Аральскому, к владениям хивинцев, ташкенцев, туркестанцев и диких киргизов или бурутов. Восточную границу составляет Китайская укрепленная линия, идущая от Малой Бухары на севере до пределов России»¹.

Л. Мейер, составивший обстоятельное описание казахов, считал крайней северной точкой обитания казахов Оренбургского ведомства станицу Звериноголовскую, а на юге – «Кукча-тенгиз» (Аральское море). Он отметил большую неопределенность, существовавшую в отношении южных пределов расселения казахов. «Южная граница... неопределенна, – указывал он. – ...Обыкновенно считают реку Яны-Дарью за предел наших владений на юге. Здесь, собственно говоря, соседственного владения нет, потому что пустыня Кизиль-Кум фактически не принадлежит никому»².

Более половины территории Казахстана приходилось на долю пустынной и полупустынной степи, включавшей в себя обширные районы песчаных и глинистых массивов, мало пригодных для обитания. Среди них наиболее крупными были: Кзылкум, Муюнкум, Нарынкум – к югу от озера Балхаша. Более мелкие песчаные площади встречаются повсеместно и в районах Прикаспийской низменности – на полу-

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. Спб, 1832, стр. 2-4.

² *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб, 1865, стр. 11.

острове Мангышлак и в окружности Аральского моря, по долинам рек Эмбы, Уила и Сыр-Дарьи и т. д. Весь степной район до Заилийского и Джунгарского Алатау занимали пески Сары-Ишикотрау.

На этих массивах преобладали сыпучие пески с барханами. Между песчаными возвышенностями обычно находились участки земли без растительности (такыр) или с редкой растительностью. Естественных водоемов в песках, за весьма редкими исключениями, не было, но возможность сооружения колодцев не была исключена.

Песчаные районы использовались казахами как естественные укрытия для скота зимой. А такие пески, как Малые и Большие Барсуки, Тойсайган (Малая орда), отличавшиеся обилием подножного корма и воды, с успехом использовались и как летние пастбища. Однако подобных песчаных массивов было весьма немного. «Чрезвычайно редкие дожди и высокие температуры воздуха летом, жестокие морозы зимой, ветры, песчаные бури, крайне сухой воздух, резкие колебания температуры летом в течение суток – таков климат пустынь Казахстана».¹ На юге Казахстана находилась огромная безводная необитаемая степь – Бетпак-Дала. Обширные степные полосы с сочным и обильным травостоем в основном лежали на севере, северо-востоке и на востоке страны. Они представляли основную базу развития кочевого скотоводства. А. Левшин так описывает северную полосу казахской степи: «Тут луга изобильные травой и разного рода цветами, тут видны леса, не только годные на дрова, но и строевые; есть много равнин, покрытых черноземом и удобных для хлебопашества, есть озера, наполненные рыбою, и реки чистой приятной воды».² В западной части Казахстана более или менее плодородные места были заключены в районе Мугоджарских гор, по долинам рек Ори, Илека, Хобды и Уила. В общем балансе земельной площади страны подобные пространства занимали незначительное место.

Луговые массивы с естественными водоемами главным образом служили для летних стоянок и использовались для нагула и откорма скота. Поскольку таких мест было недостаточно и часто они проходили узкой полосой вдоль рек, в летнее время на таких участках теснилось множество казахских аулов.

По сравнению с обширными степными просторами количество естественных водоемов, особенно пресных, было очень незначительным. Многие из озер, число которых весьма невелико, содержали соленую воду. В хозяйственном отношении большую ценность имели крупней-

¹ *Тажиев И., Крупко П.* Казахская ССР, изд. 2. Алма-Ата, 1956, стр. 8.

² *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. СПб, 1832, стр. 15-16.

шие реки: Сыр-Дарья, Иртыш, Ишим, Урал, Бухтарма, Или, Чу, Эмба, Торгай. По берегам этих рек казахи занимались в той или иной степени земледелием, устраивали зимовки скота и располагали луговыми летними пастбищами. Множество мелких рек, весной выходявших из берегов после таяния льда, летом высыхали совсем или зарастали болотными растениями так, что становились непригодными для хозяйственного использования. Хозяйственные и бытовые потребности населения в пресной воде удовлетворялись преимущественно за счет искусственных водоемов колодезной системы. Л. Мейер совершенно правильно указывал на то, что «киргизская степь весьма бедна открытыми пресными водами, потому что часть показанных на карте озер содержит соленую воду, а речки по большей части текут летом, не непрерывным руслом, но сохраняют воду только в омутах».¹ К этому надо добавить, что атмосферные осадки в Казахстане, за исключением горных районов юго-востока, были незначительны. На больших просторах страны травы, быстро набиравшие силу после таяния снегов, часто преждевременно желтели и выгорали под палящими лучами солнца. Земледелие там, где оно культивировалось, могло развиваться лишь как поливное.

Леса в виде отдельных небольших массивов встречались на севере и в горных районах страны. Наиболее значительными из них являлись: на территории Акмолинского округа – Минреусский (105x30 верст) и Мунчактинский боры, Чуль-Чубарская березовая дубрава (250 кв. верст); в Кокчетавском округе – массивы строевого леса: Сандыкту, Айргау, Кошкарбай, Якши-Тюкинский бор; в Баян-Аульском округе – Баян-Аульский сосновый бор (250 кв. верст); Дальбинская сосновая роща (40 кв. верст); в Каркаралинском округе: Кентский лес (112 кв. верст), Боктинский (100 кв. верст) и Куфский (80 кв. верст) боры².

На территории, оренбургских казахов выделялись Наурзум-Карагай (204 кв. верст), Амане Карагай (309 кв. верст), Терсек-Карагай, Бель-Агач, Ара, Сабын-Агач и некоторые другие³.

Лесные районы служили самыми лучшими местами для зимовок. Здесь скотоводы находили обильный подножный корм для скота, воду, а самое важное – надежную защиту от сильных степных ветров и снежных буранов, столь часто свирепствовавших на севере страны. Пользование этими районами прежде строго регламентировалось. В рассматриваемый период многие из указанных выше лесных массивов были объявлены собственностью русского государства, и казахи постепенно лишались права пользоваться ими.

¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1855, стр. 13.

² Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1868, стр. 120-126.

³ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 128.

Горные районы не занимали сколько-нибудь значительного места в экономике казахов. Более или менее крупные горные кряжи проходили преимущественно вдоль восточной и юго-восточной границ Казахстана и спорадически использовались небольшой частью местного населения как летние пастбища и для укрытия скота зимой.

На юго-западной окраине лежало обширное плато Устюрт. На нем не было открытых водоемов, скудна была растительность. Кустарники, растущие кое-где, были пригодны лишь как корм для верблюдов. Подземные воды проходят здесь на большой глубине. Часто в этом краю бушуют сильные ветры и бураны. Все это вместе взятое делало район Устюрта почти непригодным для скотоводческого хозяйства.

Огромная площадь на востоке Казахстана занята мелкосопочником. В отличие от Устюрта этот район более богат растительностью и открытыми водоемами, что делает его ценным в хозяйственном отношении.

Для развития рыболовства и охотничьего промысла в Казахстане имелись благоприятные условия. Каспийское и Аральское моря и крупное озеро Балхаш с системой мелких и крупных рек, впадающих в эти водоемы, изобиловали разнообразными видами рыб. Однако население мало занималось рыболовством, к нему прибегали в годы особой нужды беднейшие из крестьян.

Точно так же, несмотря на богатство и разнообразие животного мира, охотничий промысел оставался побочным, второстепенным источником средств к существованию для казахского населения. Каких-либо племен или родовых подразделений, общин, специально или преимущественно занимавшихся рыболовством или охотой, как это наблюдается у алтайцев, якутов и многих других народов, в Казахстане не было.

Из изложенного видно, что природные условия Казахстана наилучшим образом благоприятствовали именно развитию кочевого скотоводства. Полупустынные и степные районы с незначительными атмосферными осадками, обширные песчаные и горные районы могли служить и служили угодьями для содержания скота. При том уровне развития производительных сил, каким характеризовалось казахское общество начала XIX в., оно не могло перейти от кочевого скотоводческого хозяйства к другим формам производства как к основным и развивать их в значительных масштабах. Нельзя не признать правильность заключения, к которому приходит А. Левшин, что «самые степи их (казахов. — С. З.) как будто нарочно созданы для кочевой жизни»¹. К такому же выводу позже пришел М. Красовский, весьма авторитетный знаток жизни казахов: «Безбрежные, скучные равнины, покрытые, однако, раститель-

¹ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб, 1832, стр. 31.

ностью, которая здесь больше, чем где-нибудь, способствует быстрому размножению скота, могли быть обитаемы только народом, который посвятил бы себя исключительно пастушесству»¹. Хотя высказывания и Левшина, и Красовского не лишены некоторого оттенка идеализации кочевого хозяйства, тем не менее оба исследователя правильно характеризуют особенности географической среды Казахстана как совокупности естественных условий производства казахского общества.

В тех сведениях, которые приводятся в различных источниках о численности казахов, имеются значительные расхождения. Дело в том, что официальной переписи в то время не проводилось. Каждый из авторов, зачастую тот или иной царский чиновник, пользовался своими источниками, откуда он черпал сведения о численности населения. Одни полагались на донесения местных должностных лиц, другие исходили из поступлений по сборам, третьи исходили из своих личных наблюдений и т. д.

В подробных записках казахского старшины Кобека Шукуралиева и казанского татарина Галия Шахмуратова, составленных в 1803 г. по поручению Оренбургского военного губернатора Волконского, сказано, что в Большой орде, состоящей из 13 родовых отделений, проживало до 70 000 семей, в 100 отделениях Средней орды насчитывалось до 159400 семей, а в Малой орде, в ее 217 отделениях, было до 165700 семей, т. е. всего около 400000 семей казахского населения².

В докладной записке от 25 июня 1805 г., представленной муфтием Мухамеджаном Хусаиновым на имя Александра I, приводятся данные о казахских родах и численности населения. В ней говорится: «...По примечанию моему, когда в бытность мою по пограничным комиссиям в их орде (имеется в виду Малая орда. – С. З.) и по отобранному мною от них киргиз-кайсак, неприметным образом сведению, сами они полагают по крайней мере, уже мало до 400 000 кибиток, из числа коих в каждой положить хотя по 10 душ, то составлять будет 4 000 000»³.

Генерал-майор Броневский, находившийся во главе управления казахами, полагал, что в начале второй четверти XIX в. в Средней орде, в составе которой насчитывалось 84 волости, было до 500 000 юрт, или до трех миллионов душ⁴. Не лишне будет здесь указать, что несколько ранее капитан Андреев (1790 г.) в отношении Средней орды называл более скромную цифру, а именно - 176400 кибиток. А. Левшин, сопоставляя эти данные, считал более близким к истине сообщение Андреева. «По нашим

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. I. Спб, 1868, стр. 391.

² См. Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. М. – Л., 1940, стр. 512.

³ Там же, стр. 227.

⁴ Броневский Г. Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки». 1830, ч. 41.

соображениям, — заключал он, — все три орды киргиз-казачьи должны составлять около 500 000 кибиток, из них в Большой орде заключается до 100 000, в Средней до 210 000, а в Меньшей — около 90 000».¹

Обратимся теперь к более поздним сведениям. В начале 20-х гг. XIX в. председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Гене под предлогом намечавшегося якобы бесплатного распределения соли из Илецкого правления потребовал от султанов-правителей списочный состав юртовладельцев отдельно по каждой части Младшего жуза. Если судить по представленным ими данным, то к 1825 г. в Средней части жуза было 21 000 кибиток, в Западной — 77 700 кибиток (к 1828 г.).² Начиная с 1837 г. в Младшем жузе были введены сборы по 1 руб. 50 коп. серебром с каждой кибитки. Судя по поступлениям, в том же году в жузе было: 15 506 кибиток, в 1849 г. — 67 280 кибиток, в 1859 г. — около 100000 кибиток, а в 1862 г. — 155 025 кибиток.

Ответственные чиновники считали, что эти данные, в том числе самая большая последняя цифра, относящаяся к 1862 г., «не дает полного понятия о числе вносящих повинности, потому что часть денег скрыта по причине злоупотреблений местных властей, не говоря уже о том, что многие роды платят эту повинность не за полное число кибиток».

В областном правлении оренбургских казахов полагали, что к началу второй половины XIX в. в этой части Казахстана насчитывалось не менее 160000 кибиток, т. е. 800000 душ обоего пола.³ Председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев в письме Н-ву от 29 августа 1854 г. сообщал, что казахское население края исчисляется примерно в один миллион душ обоего пола.⁴

По губернаторским отчетам, население области сибирских казахов составляло: в 1854 г. — 262848 человек, в 1856 г. — 259166, в 1858 г. — 261 487 и в 1860 г. — 283 045 человек.

Сам начальник области М. Красовский считал, по указанным уже выше соображениям, эти сведения намного заниженными. Кроме того, он рекомендовал считать средней семью, состоящую из 5-6 человек, а не из 4 человек, как это было принято в официальных отчетах. По его мнению, долголетние наблюдения и сопоставление их с официальными сообщениями позволяют смело утверждать, что население области сибирских казахов доходило до полумиллиона человек.⁵

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. Спб, 1832, стр. 3-4.

² *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб, 1865, стр. 46.

³ Там же, стр. 86.

⁴ *Веселовский Н.И.* В.В. Григорьев, по его письмам и трудам. Спб, 1887, стр. 135.

⁵ *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Ч. I. Спб, 1868, стр. 323.

В описаниях Западной Сибири И. Завалишина население Семипалатинской области – самостоятельной административной единицы, не вошедшей в состав ведомства сибирских казахов, – исчислено в 179252 человека.¹

А. Макшеев, который пользовался данными старшин и официальных сборов, указывал, что в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях к 1867 г. кочевало более полумиллиона казахов.²

Мы здесь сознательно приводим порою противоречивые сообщения различных источников с тем, чтобы иметь возможность отделить ошибочные суждения от истинных, составить более ясную картину численности казахского народа.

В более ранних сведениях, относящихся к началу XIX в., указывается, что казахское население проживало приблизительно в 400000 юртах (записки К. Шукуралиева, Г. Шахмуратова, М. Хусаинова). В сообщениях середины XIX в., более достоверных, составленных с использованием официальных данных, указывается почти такое же число юрт: не менее 160 тыс. юрт в Оренбургском ведомстве (по А. Мейеру и В.В. Григорьеву); 85 тыс. юрт в Сибири (по М. Красовскому); 36 тыс. юрт в Семипалатинской области (по И. Завалишину); до 100 тыс. юрт в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях (по А. Макшееву), а всего – около 380 тыс. юрт. Если полагать, что в среднем в каждой юрте проживало не менее 5 членов семьи, то численность казахского населения приближалась к двум миллионам человек. Что касается данных, значительно превышающих эту оптимальную цифру (Броневский), то они, по-видимому, не соответствуют действительности.

На территории Казахстана, кроме казахов, жили также русские, узбеки, таранчи, киргизы и представители других народностей. Они в основном расселялись в пограничных районах, в административном отношении были отделены от казахов и подчинялись соответствующим своим управлениям. Непосредственно в казахской степи представителей инациональных групп в рассматриваемый период проживало очень немного.

Огромную территорию площадью в 2 800 тыс. кв. км населяло, как уже говорилось, не более двух миллионов человек, или до 400 тыс. юрт. На долю каждого юртовладельца в среднем приходилось 7 кв. км земельной площади.

Почти все это население было занято в одной отрасли хозяйства – кочевом скотоводстве.

¹ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. М., 1862, стр. 7.

² *Макшеев А.* Географические и статистические материалы о Туркестанском крае. СПб, 1868, стр. 54.

Кочевое скотоводство

Как указывает Ф. Энгельс, приручение различных видов животных началось на восточном материке еще на средней ступени варварства. Скотоводство возникло в районах заливных лугов и удобных пастбищ первоначально как оседлое. «Образование стад, – указывает Ф. Энгельс, – привело к пастушеской жизни в пригодных для этого местах: у семитов – на покрытых травой равнинах Евфрата и Тигра, у арийцев – на равнинах Индии, Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, Дона и Днепра».¹

Как видно из этого, южные районы современного Казахстана в глубокой древности были одним из крупных очагов зарождения скотоводческого хозяйства. До тех пор, пока пастушеские массы сохраняли примитивную оседлость, пустынные, степные пространства оставались необитаемыми. «Позднейшим поколениям кажется поэтому, – продолжает далее Ф. Энгельс, – что пастушеские народы происходили из местностей, которые не только не могли быть колыбелью человечества, но, напротив, были почти необитаемы для их диких предков и даже для людей, стоявших на низшей ступени варварства».² Образование пастушеских племен, у которых основной отраслью труда становится разведение скота, и их выделение из общей массы населения привело к первому крупному общественному разделению труда в истории человеческого рода.

Кочевое скотоводство – более поздняя форма скотоводства. Оно как устойчивая форма ведения хозяйства утвердилось преимущественно на Востоке, в обширных степях Азии. По-видимому, это не случайное явление. В этой части света существовали наиболее благоприятные условия для зарождения и развития кочевого скотоводства. По мнению многих авторитетных ученых, кочевое скотоводство зародилось во втором тысячелетии до нашей эры и получило бурное развитие к V в. нашей эры. Кочевое скотоводство возникло как результат разрешения противоречий между старой формой ведения скотоводческого хозяйства и теми количественными и качественными изменениями, которые претерпела в ходе развития эта древняя отрасль хозяйства. Оно призвано было разрешить противоречие между потребностями расширения объема скотоводческого производства и узкой его экономической базой. Сами по себе указанные противоречия, лежащие в области экономики, не могли привести к зарождению и развитию кочевого скотоводства. Они создавали возможность и предпосылки замены старой формы хозяйствования более совершенной, соответ-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 12.

² Там же.

ствующей новым экономическим условиям формой. Как всегда, общества, раздираемые внутренними экономическими противоречиями, независимо от того, сознают это члены общества или нет, ищут практического выхода из создавшегося положения. Причем тот результат, в котором получают разрешение эти противоречия, в своем содержании обусловлен многими объективными, реальными факторами, в первую очередь уровнем развития производительных сил общества, накопленным производственным опытом и условиями естественного благоприятствования.

Наличие огромных необжитых пространств, представляющих собой обширные резервные пастбища для скота, во многом предопределило направление дальнейшего развития скотоводства в соответствующих районах. Производственное освоение громадных пустынь и ведение хозяйства на огромной территории, которые стали возможными только на определенном уровне развития средств труда, опыта и трудовых навыков людей, доставляло гораздо большую массу материальных благ, нежели примитивные оседлые и полuosедлые скотоводческие хозяйства. Таким образом, кочевое скотоводство по сравнению с ранним примитивным оседлым скотоводством в свое время было крупным экономическим прогрессом, создавшим новые, весьма благоприятные условия для дальнейшего развития производительных способностей индивидов и общества в целом.

Кочевое скотоводство могло зародиться, развиваться и сохраняться лишь при наличии определенных условий, главным из которых является пастбищное пространство. К. Маркс писал, что «для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием».¹

Изменения в объеме, характере пастбищного пространства неизменно сказывались не только на состоянии кочевого скотоводства, но и на общественной форме присвоения земельных угодий.

Итак, главным условием зарождения и успешного развития кочевого скотоводства является обширное пастбищное пространство, изменения в объеме и содержании которого неизменно вызывали соответствующие изменения в объеме и характере кочевого скотоводческого хозяйства.

Процесс сужения пастбищного пространства, которым располагали казахские скотоводы, начавшийся гораздо раньше, активизировался в первой половине XIX в. Основным ускорителем этого процесса была колонизаторская политика царизма. В интересах колониального подчинения казахов русское правительство стало переходить от создания пограничных линий к организации сети проникающих в глубь степи

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XII, ч. I, стр. 188.

опорных баз как в виде укрепленных форпостов, так и в виде казачьих станиц и переселенческих пунктов. Для первой половины XIX в. характерно еще то, что казахская степь стала превращаться в плацдарм для подготовки наступления на среднеазиатские ханства – Хиву и Коканд. Эта подготовка сопровождалась строительством новых промежуточных военных баз, линий снабжения.

Так, например, в самом начале XIX в. богатейшие соляные копи Илецкого района с прилегающими к ним обширными пастбищами были изъяты из ведения казахов и приписаны к Оренбургской линии. В 1834 г. на восточном берегу Каспийского моря, в урочище Кзылтыш, было построено Ново-Александровское укрепление, перенесенное затем (в 1846 г.) на полуостров Мангышлак – в поселения крупного казахского рода Адай. В 1835 г. было объявлено об изъятии больших земельных массивов так называемого района «новой линии», лежащих между реками Уралом и Уем, и приписке их к землям Оренбургского казачьего войска.

В конце 30-х гг. организуются Акбулакское и Эмбенское, а в 1845 г. – Уральское (Иргизское) и Оренбургское (Тургайское) укрепления. В низовьях реки Сыр-Дарьи в 1847 г. было возведено Раимское укрепление, завершавшее линию военных баз, тянувшихся от Оренбургской линии к югу, в направлении Хивинского ханства. Организация округов в Средней орде сопровождалась закладкой многочисленных казачьих станиц и переселенческих поселений внутри этих округов. Русские войска, продвигаясь на юг от Сибирской линии, в середине XIX в. построили укрепления Копал и Верное в непосредственной близости от Кокандского ханства.¹

В результате этих мероприятий большие пространства, включающие лучшие пастбищные угодья, оказались занятыми новыми районами укрепленных линий, поселениями казаков и переселенцев под военные и хозяйственные нужды царского правительства.

В наметившемся кризисе кочевого скотоводства немаловажную роль играли внутренние противоречия, свойственные казахскому обществу. Крестьяне-кочевники под давлением все усиливавшихся феодальной эксплуатации и произвола разорялись в массовом масштабе. Они постепенно отходили от кочевых коллективов, часть из них становилась оседлыми или полuosедлыми земледельцами, часть стала заниматься промыслом, а некоторые уходили в населенные пункты в поисках заработка.

¹ Григорьев В.В. Русская политика по отношению к Средней Азии. СПб, 1874, стр. 24-26; Рязанов А. Набеги хивинцев и туркмен в Киргизскую степь в 1848 году. Труды общества изучения Киргизского края. Вып. 6. Оренбург, 1924, стр. 6.

Расстройству хозяйства кочевников, в особенности Младшего жуза, в значительной мере способствовали агрессивные действия Хивинского и Кокандского ханств. Пользуясь разобщенностью казахских родов, хивинские эмиры не только обирали, притесняли тех из них, которые занимали кочевьями область бассейна Сыр-Дарьи, но и своими систематическими набегами вынуждали массы казахских аулов откочевывать в малоудобные пастбищные районы.

Приведем несколько типичных примеров. В 1820 г. войска хивинского хана Махоммед-Рахима численностью до 10 тыс. человек напали на мирные аулы казахов, кочевавших по р. Сыру. При этом было убито 350 казахов, захвачено в плен 1935 человек, преимущественно женщин, угнано 4173 верблюда, 7085 лошадей, 1138 голов рогатого скота и 45645 баранов.¹

В 1847 г. полчище хивинского бека Ходжа Нияза в районе урочища Раим, на правом берегу Сыра, разграбило более 1000 казахских дворов, захватило в плен много женщин и стариков.² Лучшие зимовые места по р. Сыр-Дарье, находившиеся под контролем и в пределах досягаемости среднеазиатских ханов, занимались казахами с опаской, с постоянным риском подвергнуться нападению со стороны агрессивных соседей.

В первой половине XIX в. возникли феодально-монархические движения как реакция крупной феодальной знати на политику присоединения Казахстана к России. Некоторые из них имели характер местных бунтов (движения султанов Каратая, Гаип-Калия Ишимова и т. п.), а другие распространились на более или менее обширную территорию и продолжались в течение ряда лет (движение султана Кенесары Касымова). Султаны стремились использовать антиколониальные и народные движения в своих интересах. Они применяли угрозы и прямое насилие по отношению к мирным аулам, родам, не оказывавшим им поддержку. Феодальные и противодействующие им движения охватили значительные районы Средней и Малой орд. В результате внутренних междоусобиц многие кочевые хозяйства пришли в серьезное расстройство.

Ко всему этому следует добавить, что царские военные отряды, часто снаряжаемые в казахскую степь с карательной и иными функциями, нередко по пути нападали на ни в чем не повинные мирные кочевые коллективы и разоряли их. Множество родовых подразделений, спасаясь от карателей, оставляли свои обжитые кочевья и пере-

¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 37.

² Макиеев А. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб, 1896, стр. 19.

селялись в другие районы. Только в начале 20-х гг. один за другим были отправлены в глубь Казахстана до десятка карательных отрядов под командованием инженерных офицеров (1821 г.), полковника Милорадовича (1823 г.), полковника Назарова, Циолковского, Аржанухина (1824 г.), подполковника Щапова (1825 г.) и т. д.

Все указанные обстоятельства в своей совокупности обусловили обострение кризиса кочевого скотоводства в Казахстане в первой половине XIX в. Процесс упадка кочевого хозяйства был налицо, хотя он далеко еще не был завершен. Скотоводческое хозяйство в Казахстане обладало исключительной живучестью, оно продолжало играть доминирующую роль и в течение XIX в. Большие и малые потрясения, которые испытывало казахское общество под влиянием как внутренних, так и внешних сил, потрясения, разрушающе действовавшие на производство кочевников, хотя вносили немало изменений в процесс производства, однако не могли ликвидировать кочевое скотоводство и привести к замене его другой формой хозяйствования.

Мы считаем, что одной из основных причин устойчивости и жизнеспособности кочевого скотоводства в условиях Казахстана было то, что, с одной стороны, производительные силы оставались в основном неизменными, а, с другой стороны, этими потрясениями, которые имели место в истории казахского народа, не было разрушено главное условие кочевого скотоводства – пастбищное пространство, пригодное для содержания скота на подножном корму в течение круглого года. Временные притеснения в пастбищах, приводившие к кризису производства кочевников, сменялись затем периодами относительного восстановления пастбищных площадей в прежних границах и дальнейшего расширения их. Это не означает, что естественные условия и само кочевое скотоводство оставались все время неизменными. Наоборот, оно, достигнув своего кульминационного пункта развития, давно уже начало испытывать действие сил внутреннего разрушения. Процесс падения кочевого скотоводства так же стар, как и старо само казахское общество, которое возникло в XV в. Он порожден, в первую очередь, сужением объема и пределов пастбищных территорий. Однако при всем этом приходится говорить лишь о постепенном ограничении развития кочевого скотоводства, о сужении его основ, но отнюдь не о его ликвидации.

Другой причиной устойчивости кочевого скотоводства в Казахстане было то, что в результате слабого развития товарного обращения и отсутствия разделения труда между отдельными частями общества, натуральное хозяйство оставалось господствующим. Казахское общество состояло как бы из отдельных мирков, мало чем отличаю-

щихся друг от друга, живущих своими обособленными интересами. Потребление, почти полностью удовлетворяемое на местной основе, в известной степени стимулировало скотоводческое производство.

Кочевое скотоводство кочевому скотоводству рознь. Так, например, в жизни киргизских кочевников преобладали элементы оседлости, получило распространение сенокосение, кочевой кругооборот был сравнительно небольшой. Многие кочевые племена Алтая скотоводство сочетали с охотой, рыболовством и т. д. Кочевое скотоводство у казахов, имея много общих черт с кочевым хозяйством у других народов, вместе с тем содержало ряд специфических особенностей. Казахи почти не знали сенокосения, в продолжение круглого года скот находился на естественных пастбищах; за редкими исключениями, не возводились специальные хозяйственные постройки и жилища хотя бы на зимнее время, совершались большие переходы по пастбищам и т. д. Короче говоря, на формы производства казахов, с одной стороны, повлияло то, что они, несмотря на различные притеснения, продолжали обладать обширными степными и полустепными пастбищными районами, а с другой стороны, на них отразился низкий уровень общественного развития. Формы ведения хозяйства, его объем и масштабы свидетельствовали о том, что природные силы еще в немалой степени господствовали над производством. Хозяйство казахов находилось в большей зависимости от природы, чем хозяйство горных киргизов. Бескормица, степные метели и другие стихийные бедствия со всей силой обрушивались на беззащитных казахских кочевников, уносили тысячи голов скота, разоряя десятки и сотни аулов, пуская по миру массы бывших скотоводов, лишившихся своего единственного богатства — скота.

* * *

Следует сказать несколько слов о том, какую роль играло кочевое скотоводство в поступательном ходе развития тех обществ, в которых оно было преобладающей формой хозяйства на определенном историческом этапе. Известно, что кочевое скотоводство в свое время доставило ряд преимуществ народам, занятым им; в период зарождения и расцвета оно было глубоко прогрессивным общественно-экономическим явлением. В связи с переходом на пастбищно-кочевую систему ведения скотоводческого хозяйства открылся, как уже говорилось, большой простор для развития производительных сил общества. Но как всякое явление, экономические формы не могут оставаться вечно молодыми, прогрессивными. Тем более это от-

носится к такой отрасли производства, как кочевое скотоводство. В процессе длительного развития оно превратилось из передовой формы производства в его оковы. Именно на этой стадии мы застаем его в первой половине XIX в. в Казахстане.

По своей внутренней природе кочевое скотоводство таит в себе значительные элементы застойности. Хозяйственное освоение громадного пространства предполагало распыление общества на небольшие группы, с минимальными связями между ними. Оно не могло способствовать возникновению и развитию крупных оседлых центров. Там, где начиналась оседлость, как правило, кончалось кочевое скотоводство. Осуществление производства мелкими группами, а также необходимость коллективных усилий в преодолении трудностей, борьбе со стихийными бедствиями и в защите интересов общества от нападений извне во многом обуславливали существование коллективных институтов в общественных отношениях, элементов круговой поруки внутри этих групп. В этом смысле сам характер производства у казахских кочевников в известной степени создавал благоприятные условия для сохранения старых отношений и учреждений.

Однако из этого нельзя делать категорический вывод о том, что земледельческие общества по уровню своего развития всегда стоят выше, чем скотоводческие, и было бы серьезной ошибкой объяснять отсталость того или иного общества только характером форм общественного производства, тем более выводить эту отсталость непосредственно из них. То, что земледелие является более прогрессивной формой производства, чем скотоводство, относится в первую очередь к сфере хозяйствования, но отнюдь не к сфере и характеру отношений людей между собою. Рабовладельческие общества могли быть земледельческими по характеру преобладающей формы производства. Наоборот, феодальные отношения могли господствовать и в скотоводческих обществах. Это мы отмечаем потому, что некоторые исследователи патриархально-феодальные отношения, которыми характеризовалась природа общественных отношений в дореволюционном Казахстане, в последнее время стали выводить из наличия кочевого скотоводства у казахов. Разумеется, последнее играло известную роль и оказывало существенное влияние на характер производственных отношений в целом, но такое сложное явление, как социально-экономический строй общества, не может быть объяснено только формой и характером хозяйствования.

Режим кочевого хозяйства

В рамках одного и того же способа производства могут быть осуществлены различные формы хозяйствования. Одни феодальные общества являются земледельческими, вторые – скотоводческими и т. д. Также ясно, что каждая отрасль производства внутренне конкретна, т. е. она не может быть одинаковой по своей структуре во всех обществах, где она господствует. Так, например, при наличии многих общих черт, которыми в целом характеризуется кочевое скотоводство, оно, как было отмечено выше, по режиму ведения в Казахстане несколько отличалось от кочевого скотоводства в Киргизии или на Алтае.

Режим хозяйствования, присущий тому или иному обществу и устанавливаемый его членами, вовсе не является волевой категорией. Люди не только не свободны в выборе общественной формы производства, они также не вполне свободны в выборе форм хозяйствования. В этой части кажущаяся свобода людей на самом деле является лишь приведением организационной формы производства в соответствие с задачами и требованиями, вытекающими из наличных, объективных, материальных условий производства. Поскольку эти условия исторически определены, постольку и формы организации производства конкретны.

Форма производственного общения людей между собою должна воплотиться в какой-то схеме, которая в процессе неоднократного повторения закрепляется как организационная оболочка этих отношений, – то, что мы называем хозяйственным режимом. Производство, внутренний режим, присущий этому производству, в первую очередь определяются уровнем развития производительных сил общества. Мы указывали, что производительные силы казахского общества были неразвиты, примитивны и разобщены, и это не могло не предопределять как общественную форму присвоения средств, необходимых для существования, так и строй хозяйства, приспособленный и служащий этим целям. Эта связь свидетельствует об определенном значении режима хозяйствования, которое было бы неправильным не учитывать.

Производственный цикл, характерный для казахов-кочевников, был организован следующим образом.

С наступлением первой оттепели после зимних месяцев, когда земля еще не впитала талую воду в степи, кочевники начинали сниматься с мест зимних стоянок. Наступление первых предвесенних дней встречалось с большой радостью и подъемом. Все это было вызвано, главным образом, интересами содержания скота, доставления ему более сытного и обильного корма после тяжелого периода зимы.

Истощенный зимней бескормицей скот не мог совершать длительные переходы, поэтому скотоводы старались организовать перекочевки с пастбища на пастбище так, чтобы это не отразилось на состоянии скота. Появляющаяся весной зеленая и сочная растительность способствовала быстрому восстановлению хозяйства кочевников. В этот период не только тучнели стада, но и сами кочевники благодаря этому начинали жить по-новому. Появлялось молоко, масло, а несколько позже – и мясо. Загнанные зимними стужами в землянки, утепленные юрты, люди вновь становились хозяевами бескрайних степных просторов. Участок пастбища, осваиваемый кочевниками весной, носил название «коктеу».

Летом травостой достигал полной зрелости, травы делались более питательными для скота. Это был самый лучший период для скотоводства. Кочевая жизнь казахов не прекращалась. На одном месте они находились до тех пор, пока здесь были удовлетворительные корма. При этом они учитывали и то, что обратный их путь может проходить через эти же участки. Поэтому пастбища должны быть оставлены такими, чтобы ко времени обратного перехода они успели покрыться сочным травостоем, тем более что впереди лежали свежие участки пастбища, сулящие большую хозяйственную выгоду. Именно этими моментами объясняется то, что кочевники, как правило, не вытравляли кочевые полосы и оставляли пастбищные участки до полного их использования. Летние пастбища назывались «жайлау».

Во второй половине лета, достигнув конечного пункта кочевого кругооборота, казахские аулы отправлялись в обратный путь. В этот период и осенью скот становился наиболее упитанным. Это уже давало возможность кочевникам обменивать его на промышленные и ремесленные товары у проходящих и странствующих торговцев, а также пригонять определенную его часть на меновые пункты и ярмарки, в районе которых они бывают в период кочевых переходов.

Осенние кочевья, именуемые «кузеу», уже выбираются в местах, примыкающих к районам зимних стоянок. Это делается потому, что, будучи недалеко от зимних мест, можно было заготавливать топливо, свозить сено, вести иные подготовительные работы к зиме. Кроме того, у некоторых кочевников были пашни в районе зимних кочевьев, за которыми ухаживали оставленные члены семей или бедные родственники, или нанятые для этой цели сезонные наемные работники.

Самым тяжелым, чреватым опасностями и изнурительным периодом для хозяйства казахов была зима. Кочевники, как правило, не занимались заготовкой сена, хотя бы даже в виде страхового запаса на непредвиденный случай. Небольшие стога сена, сосредоточенные у

отдельных кочевых юрт или землянок, имели строгое назначение: они предназначались для раннего приплода и в качестве дополнительного прокорма для отборочного скота (молочный скот, верховые лошади и т. п.). Метели, бураны, сильные ветры, гололедицы, постоянно свирепствовавшие в зимние месяцы, являлись настоящим бичом для кочевников и нередко приводили к массовой гибели скота. Поскольку кочевники не сооружали хозяйственных построек, единственным средством сохранения и содержания скота зимою были естественные укрытия: горные ущелья, лесные массивы, кустарниковые рощи, впадины, защищенные от ветров, и т. д. Казахи старались организовать зимние стоянки именно на таких участках. Зимою недалеко от юрты (землянки) возводились небольшие тростниковые и снеговые стены (сокпа, ыктырма, шийкора, камыскора и т. д.), призванные служить хоть некоторой защитой скоту от ветров. А иногда, в зависимости от местности, делались углубления в снегу с небольшим козырьком со стороны ветра, где содержалась часть животных.

Скот в течение всей зимы содержался на подножном корму. Обычно лошади аула угонялись на более далекие отгоны, мелкий и рогатый скот, если его было немного, держали при зимовках. После сильных метелей и снегопадов на выпас вначале пускали лошадей, которые своими сильными копытами разрыхляли снеговой покров и доставали себе корм из-под снега. Вслед за ними пускался крупный, а затем мелкий скот, пользовавшийся выступающей из-под разрыхленного снега травой. Нередко метели и бураны быстро заметали протоптанные ранее следы, что серьезно затрудняло прокорм скота. Случалось, что бараны, которых было много у казахских скотоводов, оказывались бессильными преодолеть снеговые барьеры, оставались в снегу и под толщей снега погибали.

Самым опасным и лютым врагом казахских скотоводов был «жут», т. е. гололедица. Бывает так, что внезапно наступившая временная оттепель в середине или в конце зимы сменяется буранами, крепкими морозами. В результате образуется твердая снеговая корка, которую скоту пробить очень трудно. Пытаясь добыть подо льдом корм, животные обессиливают, сбивают себе ноги и массаги погибают. Трудность добывания и отсутствие корма становятся причиной массовой гибели скота. Жут наступает и тогда, когда продолжительные снежные бураны заметают зимнее пастбище вместе с пасущимся на нем мелким скотом. Жутовые годы приносят громадный урон хозяйству кочевников.

Труд скотовода по освоению пастбища, в особенности в зимнее время, есть процесс весьма трудоемкий, сложный, связанный с большими лишениями, а порою и опасностями для самой жизни людей.

Истощенный за зимние месяцы скот, этот основной источник существования кочевников, является объектом их заботы и внимания с наступлением первых же весенних дней. Все подчиняется тому, чтобы хозяйство было переведено снова на нормальные рельсы. Обилие пастбищных угодий в свою очередь намного уменьшает производственную затрату труда кочевников. Вот почему наступление весны для кочевых казахских аулов означало не только пробуждение природы, но и освобождение от тяжелых зимних оков, и выливалось поэтому нередко в своеобразное торжество трудовых людей. В перекочевках от мест зимних стоянок на весенние, летние и осенние пастбища соблюдался принцип меридионального кочевания, т. е. с юга на север и обратно. Казахские роды, располагавшиеся в Центральном и Южном Казахстане, доходили до северных пределов страны и с наступлением осенних дней возвращались обратно на юг. Аулы, зимние стоянки которых располагались на севере Казахстана, большей частью переходили в пустынные, малонаселенные степи Сибири, частью переходили на юг, а зимою останавливались в пунктах, расположенных на севере. Такая традиция кочевания, по-видимому, была продиктована интересами хозяйственного освоения пастбищных пространств, лежащих на различных параллелях.

В течение всего периода кочевания одной из самых острых хозяйственных проблем оставалась проблема водоснабжения. Многие небольшие речушки в степях и полупустынных районах Казахстана в летнее время почти полностью высыхали. Береговые участки и поймы рек, которых немного в степи, могли удовлетворить далеко не все нуждавшиеся в воде кочевые коллективы. Как правило, кочевой путь пролегал часто через безводные и маловодные территории. В этих условиях сильно возрастает хозяйственная ценность оазисных участков с водными источниками, неглубокими подземными водами. Такие участки оказывались в руках более сильных и многочисленных кочевых коллективов. Поземельная борьба концентрировалась и велась в первую очередь именно вокруг таких участков. Основным источником водоснабжения оставалась система искусственных водоемов – колодцев. На каждой стоянке расчищались старые колодцы, сооружались новые. Нередко глубина залегания подземных вод достигала десятков метров. Рытье таких колодцев, удовлетворяющих потребность целых коллективов, требовало труда многих людей. Нельзя не отметить и того, что ручная пойка скота при отсутствии надколодезных приспособлений, облегчающих труд скотовода, также была сопряжена с большими усилиями и обеспечивалась трудом группы людей. Поскольку содержание скота было связано с постоянным обновлением

места стоянок, то такие оборудованные колодцы бросались, и на новом месте колодцы сооружались заново. Не легче было с водоснабжением и зимою. Правда, скот в это время утолял жажду снегом, но всегда бывает часть скота, которую надо поить водою (или это обессиленные, больные животные, или ранний приплод и т. д.). Для получения воды, употребляемой в этих целях, нужно было растапливать снег, а топливные ресурсы скотовода были очень скудны.

Быт казахов отражал особенности производства кочевников-скотоводов. Жилищем для одного семейства служила юрта (кибитка), приспособленная к быстрой разборке и сборке. Домашняя утварь, не отличавшаяся разнообразием, была также приспособлена к постоянному перемещению по пастбищам. Зимою казахи, за редким исключением, не кочевали. Они оставались в землянках, полуземлянках, сооруженных наспех только на одну зиму, а чаще всего приспособляли свои легкие юрты к зимним непогодам. Кибитки обносились камышом, земляными или снежными валами, утеплялись вторыми и третьими кошмами и тростниковыми плетениями.

В первой половине XIX в. еще редко можно было встретить кочевника-скотовода, обзаводившегося сколько-нибудь приличным саманным или, тем более, деревянным жилищем на зиму. Среди привилегированной части общества – чиновников, крупных феодалов, перешедших на службу царскому правительству, уже встречались владельцы имений с недвижимостью. Таких хозяйств было еще немного, и обычно они не входили непосредственно в кочевые коллективы, исследованием жизни которых мы занимаемся.

Произведенный выше краткий обзор режима хозяйствования кочевников-казахов свидетельствует о том, что в скотоводстве самым трудным, сложным вопросом был вопрос освоения пастбища – доставание корма и организация водоснабжения. На первый взгляд это кажется парадоксом, однако действительность часто вносит необходимые коррективы в наши представления и познания о явлениях общества и природы. Мы привыкли аргументировать доводом «кочевники используют пастбища в естественном состоянии», часто не подозревая того, что на самом деле пользование пастбищем «в естественном состоянии» стоило кочевникам больших трудов, порою невероятных усилий.

Пользование громадной пастбищной территорией не могло быть подчинено какому-нибудь строгому режиму. Беспрепятственное перемещение массы людей в виде отдельных коллективов по различным направлениям само уже таило в себе возможность известной анархии в пользовании земельными угодьями. Если нанести на карту направления

кочевых путей аулов, то мы получили бы узел взаимоперекрещивающихся линий, в котором трудно разобраться, тем более трудно выявить законы, управляющие движением аулов по этим путям. Неискушенный путешественник или наблюдатель, имея перед собой такую картину, даже подходя вполне объективно, поневоле будет говорить о «хаосе» в земельных отношениях казахов, о «ничейности» пастбищных угодий.

На самом деле положение с землепользованием не было столь запутанным, как это рисуется отдельными дореволюционными авторами. Несмотря на длительные и дальние передвижения по огромной площади, существовал определенный порядок в пользовании пастбищными угодьями. Он заключался в том, что каждый кочевой коллектив заранее располагал районами своего кочевания. При нормальных, обычных условиях отклонения от традиционного пути кочевания допускались весьма редко. К этому вынуждали чрезвычайные обстоятельства, особые причины, сделавшие невозможным пользование освоенными ранее угодьями.

Обратимся к литературным источникам. Несмотря на то, что «весной, летом и в начале осени они (т. е. казахи. — С.З.) рассеиваются по всему пространству степи, высматривая более подходящие пастбища для своих стад ...места кочевки и пастбищ строго определены обычаем для каждого и никто из кочевников не рискнет переступить отведенной для его рода межи», — писал один из царских чиновников-очевидцев.¹ На это указывал и А. Кадомцев, хорошо знавший по долгу службы порядки в казахском обществе. Он в своем отчете по поводу поездки в казахские аулы, совершенной им в начале второй половины XIX в., подчеркивал, что «у каждой волости, каждого аула при летних перекочевках для пастбищного содержания скота есть свой известный путь следования, которым никто уже другой не имеет права пользоваться и потравить». Относительно этих мест сами казахи говорили: «Тут также кочевали и жили их отцы».² Мак-Гахан, один из весьма наблюдательных военных чиновников, говоря о режиме кочевания казахов, правильно отмечал, что «человек, незнакомый с их обычаями, не найдет ни малейшей системы в этих переходах. Каждый род или аул следует год за годом именно по тому направлению, идя по тем же тропинкам, останавливаясь у тех же ключей, по которым или у которых останавливались их предки тысячу лет тому назад, а многие аулы, зимующие всегда по соседству, каждым летом удаляются друг от друга на целые сотни верст.

¹ *Завадский-Краснопольский А.К.* Русское царство. Приаральский край. Спб, 1874, стр. 15.

² *Кадомцев А.В.* Отчет о поездке в Киргизские степи. Спб. 1877, стр. 34.

Эти переходы до того регулярны и точны, что можно бы заранее предсказать, где можно будет найти какой из этих кочевых аулов в любой день в году... Ни один аул никогда не сбивается со своего пути и не позволяет другому вступить на него. Каждый аул имеет право пересечь дорогу другого аула, но пройти хотя бы небольшое расстояние тем же путем его никогда не допустят. Малейшее уклонение какого-то ни было аула или племени от пути, по которому переходили его предки, уже считается достаточным предлогом для войны; да, на деле оказывается, что основанием почти всех распрей и побоищ между киргизами служит то, что один какой-нибудь род завладел не пастбищем, как можно еще было бы предполагать, но дорогой рода или аула».¹ Такие же сообщения содержатся в материалах известных путешественников по Средней Азии Н. Северцева и Д. Федченко. По их мнению, путь кочевания казахского аула «каждый год... тот же, установленный веками, и пойти по пути, по которому ходит другой аул, считается преступлением».²

Хотя некоторые из указанных выше авторов несколько преувеличивают строгость режима эксплуатации пастбищных угодий, но в целом передают правильно то, что имело место в действительности. Их свидетельства говорят о том, что в производственном освоении пастбищного пространства существовал определенный порядок, установившийся веками и соблюдаемый из поколения в поколение.

В кочевом скотоводческом обществе много было таких дел, осуществление которых было не под силу отдельным индивидуумам и требовало усилий коллектива. Этим объясняется наличие различных форм коллективизма у казахов. Освоение кочевых путей, сооружение колодцев, борьба со стихийными бедствиями, защита от нападения других кочевников требовали группового сплочения. Поскольку коллективизм, свойственный в своей развитой форме доклассовому обществу, находил еще достаточную базу в области производства, он должен был сохраниться и пережить свой век и среду, его породившие. В свою очередь коллективистский принцип, которого члены общества вынуждены придерживаться в процессе производственной деятельности, соответствующим образом преломляется в сознании людей, накладывает определенный отпечаток на мышление населения и отражается на различных сторонах жизни народа.

Общинно-родовые институты прочно держались в дореволюционном Казахстане не только потому, что этого хотели господствующие

¹ *Мак-Гахан*. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875, стр. 42.

² *Лялина М.А.* Путешествия по Туркестану Н.А. Северцева и А.П. Федченко. Спб. 1894, стр. 30.

классы. Причины такого положения коренятся в отсталости общественной экономики. При этом мы имеем в виду не только отсталую форму хозяйства – кочевое скотоводство, но и конкретные внутренние и внешние условия, в которых совершается производство кочевника.

В обществах, разделенных на классы с противоположными интересами, идет постоянная борьба в различных формах: открытая и скрытая, мирная и насильственная, за преобладание в сферах производства. Поскольку в самом производстве господствуют определенные классы, то они завладевают теми общественными формами отношений, которые в той или иной степени обслуживают участвующих в производстве лиц. Это означает, что как бы некоторые формы отношений не казались внешне архаичными, они не могут быть вовсе свободны от воздействий сил классового господства. Ясно, что такое положение, при котором классовые отношения облекаются в старые формы, не может не затормозить развитие классового самосознания и классовой борьбы.

Единство членов кочевого коллектива, культивируемое в процессе производства, отражаясь в сознании рядовых кочевников, оставляет в нем ложный след, не соответствующий классовому положению рядового кочевника в обществе. Таким образом, в определенные периоды в истории казахского народа наблюдается противоречие между экономическим положением крестьянской массы и уровнем ее классовой зрелости. Преодоление такого противоречия в известной степени связано с преодолением тех факторов (лежащих в первую очередь в области производства), которые определенным образом его поддерживали. Разложение и наметившийся распад кочевого скотоводства и кочевой аульной общины, имевшие место в первой половине XIX в., привели к заметному росту политического самосознания непосредственных производителей – угнетенных трудящихся масс.

Как мы видим теперь, режим и организация кочевого хозяйства тесно связаны с теми отношениями, которые господствовали как между кочевыми коллективами, так и между членами внутри них.

Земледелие и сельскохозяйственная техника

Кочевому скотоводческому обществу не было чуждо земледельческое производство. Казахские кочевники не только обменивались своей продукцией с земледельцами и потребляли продукты земледелия, но и сами порою обращались к нему. Однако по степени распространения и развития земледелия Казахстан оставался отсталой страной.

Казахи в абсолютном большинстве являлись скотоводами. Эта

отрасль производства доставляла им все, что было необходимо для существования при простом, степном образе жизни: питание, одежду, средства перемещения и товары для обмена.

Богатый производственный опыт в скотоводстве передавался и умножался из поколения в поколение, процесс содержания скота во многом превратился в трудовой обычай, физическая закалка и умственное воспитание народа были глубоко связаны с ведением кочевого образа жизни и пастбищного скотоводства. При таком положении обществу гораздо легче было заниматься скотоводством и преодолевать трудности, встречающиеся при этом. Даже тогда, когда данная форма производства изживала себя, явно становилась отсталой и все меньше удовлетворяла потребности развития, общество не отказывалось от нее, и переход к более прогрессивной форме производства осуществлялся медленно, сопровождаясь серьезной борьбой и конфликтами.

Для первой половины XIX в. характерно столкновение двух тенденций в земледелии. С одной стороны, большая часть общества еще питает традиционно-пренебрежительное отношение к земледелию и тем, кто им занимается. С другой стороны, часть общества, правда еще небольшая, вопреки старым взглядам, начинает культивировать земледелие не только как временное занятие, но и как устойчивую, дополнительную к скотоводству отрасль производства. В этом заключалась борьба старого и нового, на базе которой происходило дальнейшее развитие земледелия. Та и другая тенденции имели свои объективные источники в условиях Казахстана того времени.

Земледелие развивалось по-разному в различных зонах страны. Оно имело относительно большее распространение в районах непосредственного сближения с земледельческими народами и слабее было развито в глубине страны, в степи. Удобных для земледелия площадей было немало и внутри степи, однако они во многих случаях использовались как пастбища.

Нельзя сказать, что казахи не знали земледелия. Они занимались им временами, когда разные обстоятельства вынуждали их к этому, а затем снова забрасывали участки, переходя к кочевому образу жизни. Об этом говорят древние документы, следы оросительных систем и земледелия, сохранившиеся по берегам многих рек, обнаруженные и описанные некоторыми авторами. Бесспорно и то, что земледелие никогда не поднялось до значительного уровня на преобладающей территории Казахстана. Как одна из дополнительных, второстепенных отраслей производства оно функционировало на протяжении многих веков.

Источники, относящиеся к концу XVIII и началу XIX вв., сви-

детельствуют о весьма незначительных размерах распространения земледелия в Казахстане. Многие путешественники и чиновники, побывавшие в казахских аулах, почти не встречали возделываемых полей или обнаруживали их лишь по берегам некоторых рек, в районе зимовок, в виде небольших разрозненных участков.

Казахи постоянно кочуют, живут в подвижных юртах, «о хлебопашестве же, которое и без того в большей части степи сухих и солончаками изобильных их степей, было бы не прибыльно, они и не думают», – писал известный исследователь Георги в конце XVIII в.¹ Переводчик отдельного Сибирского корпуса Ф. Назаров, посланный в 1813 г. в Коканд и проследовавший через казахскую степь, отмечал в своих записках, что казахи почти не сеют хлеба, «они пренебрегают хлебопашеством».² Поспелов и Бурнашев во время поездки в Ташкент в 1800 г. встречали на территории Среднего жуза по берегам реки Нуры, весьма удобные для земледелия, лишь разбросанные не большие пашни казахов.³ Указанные авторы побывали преимущественно в северных и северо-восточных районах Казахстана, почвенно-климатические условия которых более благоприятны для занятия земледелием. Тем не менее оно здесь, как это видно из их сообщений, не получило серьезного развития.

Начиная со второй четверти XIX в. положение в земледелии существенно изменяется: намного увеличивается число «егиншей» (пахарей), осваивается новая площадь под пашни, земледелием начали заниматься не только бедные хозяйства, как это было прежде, но и некоторое число зажиточных хозяйств, повышается общая культура обработки полей и т. д.

Генерал-майор Броневский, ведавший делами сибирских казахов, сообщает, что в 1833 г. обрабатываемая казахами площадь составляла: в Кокчетавском округе – 2 десятины, в Баян-Аульском округе – 7, в Каркаралинском – 4, в Акмолинском – 182, в Аман-Карагайском – 54, в Кокбектинском – 412 десятин земли. Всего было засеяно 2684 десятины земли и собрано на них 20 772 четверти 3941 пуд разного зерна. Он указывал, что это «начало хлебопашества в Киргизской степи».⁴ Гагемейстер, автор «Статистического описания Сибири», имевший доступ

¹ *Георги*. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. СПб, 1799, стр. 126.

² *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. СПб, 1821, стр. 5.

³ Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. «Вестник ИРГО», 1851, кн. 1, ч. 1, стр. 7.

⁴ *Броневский*. Ведомость о посеве и урожае разного рода хлеба в 1833 году в Омской области. «Земледельческий журнал», 1834, № 19, стр. 937-942.

к материалам пограничных управлений и пользовавшийся местными сведениями, указывает, что в Средней орде к 1834 г. казахи больше стали заниматься хлебопашеством по берегам рек Тарбагатая, Каратау, Богаса, Аксуата, Кар-бача, Дебеске, Кумболы. На этих местах хлебопашцы в том же году собрали 127000 пудов китайской пшеницы, 1500 мешков гороху и 2000 мешков проса.¹ Согласно другому достоверному источнику, если казахи Средней орды в 1841 г. засевали 3 четверти озимого и 709 четвертей ярового хлеба, то в 1850 г. соответственно они засевали 1026 и 3449 четвертей, т. е. за 10 лет посевы увеличились более чем в 6 раз.² В Средней орде земледелие было наиболее развито на территории Кокбектинского округа.

Такое же положение наблюдалось и в Малой орде. Крупный знаток жизни казахов В. Григорьев, являвшийся долгие годы председателем Оренбургской пограничной комиссии, писал, что до 40-х гг. XIX в. по плодородным берегам Тургая земледелием занималась лишь 80 дворов егиншей, а к 1866 г. их уже стало около 500 дворов.³

По официальным данным, к 1850 г. в Восточной части Малой орды было 627, в Средней – 4064, в Западной – 2019 кибиток казахов-хлеборобов, которые засевали около 9500 десятин земельной площади.

Наиболее развитым районом земледелия являлся бассейн Сыр-Дарьи. Часто разливающаяся на огромные пространства полноводная река Сыр-Дарья и ее прибрежные районы представляли большие удобства для развития поливного земледелия. Здесь часть казахов исстари занималась возделыванием полей.

Известный исследователь А. Макшеев, побывавший в бассейне Сыр-Дарьи в середине XIX в., так описывает состояние земледелия в этом районе: «Хлебопашеством в настоящее время занимаются по правому берегу р. Сыра от Джюлека до Джаман-Дарьи и по обоим берегам той же реки ниже Майлибаша, а также около бывшего Хивинского укрепления Ходжанияс и русских фортов № 2 и №3.⁴ Остатки ирригационных каналов свидетельствуют, что в прежнее время хлебопашеством занимались также и в других местах и особенно по правому берегу Караузекских болот, между Караузеком и Джаман-Дарьёю, по верховьям Джаны и Куван-Дарьи, по низовьям Куван-Дарьи и пр.»⁵ По мнению другого современника, число земледельцев в бассейне Сыр-

¹ *Газемейстер*. Статистическое описание Сибири. Ч. II. Спб, 1854, стр. 14.

² *Идаров*. Киргизская степь Сибирского ведомства. 1854, ч. VIII, стр. 23.

³ *Султан Сейдалин 2-й*. О развитии хлебопашества по бассейну р. Тургая. «Записки Оренбургского отдела ИРГО», 1870, вып. 1, стр. 211-212.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5144, л. 14.

⁵ *Макшеев А.* Описание низовьев Сыр-Дарьи. Спб, 1856, стр. 31.

Дарьи весьма невелико, но если учесть те кочевые хозяйства, которые прикочевывают сюда зимою и «участвуют в выгодах урожая», то число их может быть положено до 10000 кибиток.¹

Управляющий казахами по Сыр-Дарье советник Осмоловский и его помощник старшина Карамышев приводят следующие сведения о развитии хлебопашества среди казахов этого района² (табл. 1).

По данным Старкова, в 1860 г. в районе Сыр-Дарьи было 10295 кибиток казахов, занятых земледелием, а по отчету командующего Сыр-Дарьинской линией – 8827 кибиток.³

Таблица 1

Годы	Всего было хлебопашцев (в кибитках)	
	в районе форта Перовского	в районе форта №1
1857	2472	сведений нет
1858	3324	7650
1859	5228	6872
1869	4000	4350

Судя по этим документам, можно полагать, что к концу 50-х гг. XIX в. в этом районе в среднем уже насчитывалось до 10 000 хозяйств, в той или иной степени связанных с земледелием.

Долины рек Чу, Таласа, богатые атмосферными осадками районы юга и Семиречья издавна считались центрами земледельческой культуры. Оседлое население этих районов, преимущественно не из казахов, обладало богатым опытом возделывания земли и выращивания не только зерновых, но и садов. Однако казахи, расселенные среди этих оседлых народностей, в основной массе оставались кочевниками-скотоводами. Они если и занимались земледелием, то в незначительных размерах, и для многих из них оно представляло лишь дополнительный источник средств существования. Так, например, в Копальском округе, где имелись обширные плодородные угодья, по официальным данным, в 1862 г. земледелием занимались только 320 казахов.⁴ «Земледелие у них (т. е. казахов. – С. З.) только на-

¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 95.

² Там же, стр. 109.

³ Терентьев М.А. Статистические очерки Среднеазиатской России. СПб.

⁴ Абрамов Н. Город Капал с его округом в 1862 году. «Записки ИРГО по отделу общей географии», 1867, т. I, стр. 295-296.

чинает пока развиваться, главным образом по рекам Илеку, Ишиму и Сыр-Дарье, а также в Семиреченском и Приилийском краях», – писал один из современников.¹

Заметное развитие земледелия в казахском обществе происходило как по линии расширения обрабатываемых площадей, так и в результате перехода к земледелию некоторых зажиточных хозяйств, пренебрегавших им раньше. Прежде земледелие считалось у казахов таким способом существования, которым могут заниматься только бедняки, оказавшиеся в безвыходном положении. Причем сплошь и рядом земледельцы подвергались нападкам и насмешкам со стороны кочевников. Кочевое скотоводство рассматривалось как универсальная отрасль хозяйства, чем-то вроде привилегии «свободных» казахов. О силе таких представлений говорит тот факт, что как только бедняку-земледельцу удавалось поправить свое экономическое положение и приобрести несколько голов скота, он снова становился кочевником-скотоводом. На фоне подобной исторической действительности постепенный охват сферой земледельческого производства некоторой все более увеличивающейся части обеспеченных кочевых хозяйств не мог не обратить внимания современников, в том числе и царских чиновников, по долгу службы обязанных наблюдать за изменениями в общественной жизни казахов.

В этой части весьма ценные сведения содержит ведомость о знатных казахах, занимающихся земледелием в Омской области, составленная генерал-майором Броневским и пересланная им в редакцию «Земледельческого журнала» в 1833 г.²

Приведенные цифры не дают исчерпывающих данных о состоянии земледелия в казахских округах Омской области, охватывающих большую часть территории Средней орды. Вряд ли автор учитывал здесь отдельных, разбросанных небольшими аулами пахарей-бедняков, часто отдаленных от основных кочевых путей родов. Он, очевидно, располагал сведениями о имущих и влиятельных в тех местах лицах, достаточно известных органам пограничного управления. Но все же содержание этого документа весьма ценно, и оно дает более или менее наглядное представление о развитии земледелия на обширных просторах Северо-Восточного и Центрального Казахстана. Среди лиц, занимающихся земледелием, встречаются султаны, весьма влиятельные и находившиеся в то время на ответственных постах в местном управлении (Чингизов, Букеев, Досановы, Ханбабин), много биев и старшин. Бросается в глаза и то, что запашки их в основном были небольшого размера (преимущественно от 2 до 7 десятин).

¹ *Завадский-Краснопольский А.К.* Русское царство, Приаральский край. Спб, 1874, стр. 18.

² «Земледельческий журнал», 1833, № 5, стр. 757-760.

В ведомости, составленной Броневским, указывается время перехода того или иного хозяйства к земледелию в данной местности. Вопрос о том, занимались ли эти хозяйства земледелием и раньше, остается открытым. По общему смыслу документа видно, что эти хозяйства впервые стали регулярно заниматься земледелием. При этом нигде не говорится, что оно стало для них ведущей отраслью производства. Наоборот, земледелие здесь не было основным источником существования. Об этом свидетельствует и незначительный размер пахотных угодий. Почти все указанные в ведомости хозяйства, за малым исключением, земледелием стали заниматься с конца 20-х гг. XIX в. Это вполне согласуется и с сообщениями других источников. Кокчетавский окружной приказ от 8 марта 1825 г. доносил в Омское областное управление о том, что «некоторые киргизские старейшины, изъявив желание на заведение хлебопашества, просят снабдить их для сего земледельческими орудиями и семенным на посев хлебом».¹ Султаны Жантай и Мандай Токтамышевы из Кокчетавского округа в 1829 г. обратились в пограничное управление с просьбой оказать им содействие в переходе к земледелию.² Таких фактов было много.

Сдвиги в распространении земледелия среди казахов, ставшие уже заметными в первой половине XIX в., явились результатом не только внутреннего развития общества, но и того серьезного влияния, которое оказывали на казахских скотоводов русские крестьяне. Непосредственный контакт с русским земледельческим населением, расселенным как вдоль северных границ, в районе военных укреплений, нередко далеко вклинивавшихся в глубь степи, так и в казачьих станицах и крестьянских хуторах, образовавшихся по некоторым водным магистралям, а иногда и в степи, — способствовали обогащению части казахского населения опытом возделывания полей, вследствие некоторого улучшения техники обработки почвы, ухода да посевами вложенный в землю труд стал приносить большие плоды казаху-пахарю, и для отдельных хозяйств земледелие уже оказывалось делом если и не более выгодным и рентабельным, чем скотоводство, то, во всяком случае, таким, которым стоит постоянно и серьезно заниматься. Это было прогрессивным шагом в экономическом развитии казахского общества. Хотя реальные результаты развития земледелия в то время еще оставались незначительными, однако само по себе то качественно новое, что зародилось в отношении земледелия, имело большую будущность.

Пограничное управление сибирскими казахами в своем отчете за 1842 г. указывало, что казахи Кокчетавского, Аман-Карагайского,

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 417, л. 2.

² Там же, д. 506, л. 5.

Баян-Аульского и части Акмолинского округов, кочующие вблизи линии, «от частовременных сношений с русскими привыкают уже к оседлой жизни и, подражая русским, выстраивают себе при зимовых местах и даже при приказах дома и другие заведения...».¹ В отчете за 1844 г. управление отмечало, что «киргизы, через обращение их с русскими, время от времени смягчиваются в нравах, – имеют большие наклонности к оседлой жизни; между ними постепенно увеличивается хлебопашество».² Характерен и такой факт. В 1841 г. на территории Баян-Аульского округа, по официальным данным, земледелием занимался один только отрядный начальник Шахматов.³ А в 1844 г. окружной приказ особо указал, что «ныне как жители селения, так и часть киргиз, видя пользу, начали сеять хлеб».⁴ Казахи имели общую границу и соприкасались не только с русскими земледельцами. Южные их соседи – узбеки, туркмены и каракалпаки являлись народами древней земледельческой культуры. Но почему-то казахи близлежащих районов весьма медленно втягивались в сферу земледельческого производства.

Еще медленнее развивались производительные силы в области земледелия. Такое положение, безусловно, объясняется сложным комплексом причин и мотивов. Но среди них, надо полагать, ведущее значение имел тот факт, что все эти народы по уровню развития общественно-экономических отношений и технических средств труда стояли на значительно более низкой ступени, чем Россия. Культура земледелия в России по сравнению с азиатскими странами была более высокой, а ее общественно-экономические отношения – более зрелыми и развитыми.

Истиной следует считать то, что земледелие как на севере, так и на юге могло развиваться только при наличии назревших внутренних предпосылок к этому в недрах самого казахского общества. Например, такими предпосылками были упадок кочевого скотоводства, сужение пастбищного пространства, необходимость добывания дополнительных средств существования помимо тех, которые доставляло скотоводство для части населения. После того как эти условия созреют или в процессе вызревания их начинают действовать и иные объективные и субъективные факторы, в том числе такой, как влияние других более развитых народов. Было бы ошибкой объяснять интенсивное развитие земледелия в северных и южных районах Казахстана исключительно только влиянием соседей или иными, внешними по отношению к казахскому обществу, мотивами.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 943, л. 23.

² Там же, д. 1456, л. 11.

³ Там же, д. 3321, л. 25.

⁴ Там же, д. 3, л. 420.

На состояние земледелия значительное влияние оказывала политика официальных колониальных властей. Следует заметить, что царское правительство не выработало в области экономики единой и согласованной политики для всей территории Казахстана. Пограничное управление, ведавшее делами казахов Среднего жуза, проводило энергичную деятельность по развитию земледелия и оседлости среди коренного населения. Оно установило даже поощрительные меры для тех, кто переходил к занятию земледелием, образовало особый фонд помощи семенами, деньгами казахам-земледельцам. Такая политика была узаконена «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г. Она положительно сказалась на экономическом развитии этого района. Напротив, Оренбургское управление, ведавшее делами в основном казахов Малой орды, до начала 60-х гг. проводило противоположную политику. Здесь царские чиновники в переходе части казахов к оседлости и земледелию усматривали угрозу интересам России, а именно – возможность уменьшения поставок скота и продукции скотоводства метрополии, уменьшения потребления казахами хлебопродуктов, ввозимых из России. Ряд оренбургских губернаторов официально проповедывал «теорию» о том, что казахи должны оставаться «вечными пастухами» и «вечными кочевниками»

Такая политика препятствования развитию земледелия и оседлости среди местного населения не могла не тормозить это развитие. Однако она не могла приостановить или тем более ликвидировать процесс внедрения земледельческого производства, закономерно вытекавший из поступательного хода развития самого общества.

* * *

Приемы, способы обработки полей и применяемые при этом технические орудия труда отличались крайней отсталостью, недостаточностью навыков, а следовательно, и малой производительностью. Об этом красноречиво свидетельствует культура рабочего цикла, начиная с выбора участка под пахоту и кончая уборкой урожая. Как правило, в центральных и южных районах пахотные участки выбирались в непосредственной близости к водным источникам с тем, чтобы максимально облегчить задачу полива. Оросительная система была несложна. Вода доставлялась по мелким и небольшим канавам. Подъем воды до нужного уровня осуществлялся вручную или редко при помощи особого устройства – черпалки (шығыр), приводимого в действие рабочим скотом. Основным орудием казаха-земледельца была лопата или шот (вид кирки) и деревянная соха, посредством которых произ-

водилась мелкая вспашка и обработка полей. Семена разбрасывались по вспаханному полю, а затем производилось боронование сложенным пучком соломы или мелкого камыша. Казахи сеяли в основном просо, пшеницу, редко кукурузу.

Огородничество развивалось слабо. Уход за посевом был весьма несложен. Сорняки во многих случаях не удалялись или удалялись не полностью, периодическое рыхление почвы, за редкими исключениями, почти не производилось. Основной заботой после сева были поливка и охрана угодий. Урожай снимался с помощью ножа и серпа.

Доктор Эверсман в своих записках, относящихся к 1821 г., отмечал, что «по берегам залива и самой реки Сыр-Дарьи кочуют киргизы в большом количестве. Они живут в крайней бедности, питаются скудно рыбою и произведением жалкого хлебопашества своего. Они сеют просо и немного ячменя, и пашни свои, расположенные по самому берегу, наполняют посредством проведенных каналов».¹

По свидетельству одного из царских чиновников, приаральские казахи пахут землю «неуклюжей лопатой».² Известный русский географ Н.А. Северцев, побывавший в начале второй половины XIX в. в районе относительно развитого земледелия – в бассейне Сыр-Дарьи, называет казахов «плохими земледельцами». Он пишет, что «поля вспахиваются у них самым первобытным образом: киргиз идет за плугом, мальчишка тащит впряженных волов за веревку. Где встали волы, там и окончилась борозда. Между бороздами большие пропуски; местами плуг выскочит и проползет боком. В результате все поле безобразно изрыто и очень мало похоже на пашню».³ Некоторые казахи, расселенные по берегам реки Нуры (в Средней орде), для орошения полей пользовались водочерпательными приспособлениями, приводимыми в действие рабочим скотом.⁴

На севере Казахстана отдельные земельные участки засеивались просом и другими культурами. По свидетельству Л. Мейера, казахи этими участками пользовались 3-4 года подряд, а затем оставляли их до тех пор, пока они не зарастали снова ковылем.⁵

Отдельные зажиточные семьи, переходившие к земледелию, приглашали к себе на работу земледельцев из татар и русских крестьян, у которых они учились обрабатывать землю и ухаживать за урожаем, а также приобретали новые сельскохозяйственные орудия. Это особенно

¹ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 14. Оренбург, 1905, стр. 204.

² *Заводский А.К.* Русское царство, Приаральский край. Спб, 1874, стр. 17.

³ См. *Лялина М.А.* Путешествия по Туркестану Н.А. Северцева и А.П. Федченко. Спб, 1894, стр. 18.

⁴ *Гагемейстер.* Статистическое описание Сибири. Ч. II. Спб, 1854, стр. 333.

⁵ *Мейер Л.* Киргизская стена Оренбургского воеводства. Спб, 1865, стр. 97.

было характерно для районов, прилегавших к крестьянским селениям и казачьим станицам. Автор ряда ценных сообщений о земледелии в Средней орде Броневский писал, что он своими глазами видел искусно проведенные каналы оросительной системы, принадлежавшие казакам, занимавшимся земледелием недалеко от русской крепости Бухтарминской, у подножья Нарымских гор. У них были наряду с местными деревянными сохами приобретенные у русских торговцев сохи с железными наконечниками.¹ Другой современник отмечал, что казахи начали приобретать земледельческие орудия от казаков.² В архиве сохранились документы, свидетельствующие о росте запросов на русские сельскохозяйственные орудия. Так, например, в 1825 г. некоторые старшины Кокчетавского и Каркаралинского округов обратились в соответствующие приказы с просьбой оказать им содействие в приобретении русской сельскохозяйственной техники.³ Старшина Мурзатаев от имени 115 хозяйств, делами которых он ведал, в 1825 г. обратился в Омское областное управление с просьбой об отводе им земли и об отпуске земледельческих орудий из России. Он также просил выделить им крестьян из татар для обучения земледелию.⁴ Старшина Атабаев из Джавар-Каракульской волости Кокчетавского округа в 1831 г. просил омского начальника назначить к нему «какого-нибудь сословия русского человека пахаря, который бы знал производство хлебопашества».⁵

Некоторое развитие производительных сил в земледелии, наблюдаемое преимущественно на севере Казахстана, явилось результатом прогрессивного влияния России на казахское общество. Рамки этого влияния оставались еще узкими, нередко на общественной арене выступали силы, противившиеся этому влиянию. Тем не менее такое воздействие хотя медленно, но неуклонно росло и развивалось. Нельзя не отметить и некоторого роста производительности земледельческого труда казахов. Такое положение увеличивало притягательную силу земледелия. В северных районах Казахстана, не в пример центральным и южным районам, хлебопашество, как уже говорилось, развивалось более интенсивно. В 1844 г. некоторые казахи Аягузского и Кокбектинского округов даже вывозили хлеб на продажу к своим соседям. Аягузский окружной приказ в своем годовом отчете за 1844 г. писал о том, что казахи «к распространению земледелия имеют один перед другим соревнование».⁶

¹ Броневский Г. Записки о киргизах-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 192-193.

² Колмогоров Г. О промышленности и торговле в Киргизской степи Сибирского вedomства. «Вестник ИРГО», 1855, кн. 1, стр. 15-16.

³ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 228, лл. 2-3.

⁴ Там же, д. 423, л. 1.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4818, л. 9.

⁶ Там же, д. 3, л. 42.

Если говорить в целом, то земледелие в первой половине XIX в. продолжало оставаться, как прежде, второстепенной отраслью производства и не имело еще серьезного веса в экономике казахского общества. Обширные заливные участки, прибрежные угодья, а также огромные черноземные пространства в районах с достаточными атмосферными осадками, удобные для посева, казахами использовались исключительно слабо, в мизерном количестве. Даже в бассейне Сыр-Дарьи, в районе относительно развитого земледелия, много было еще неосвоенных, удобных к земледелию участков. Инженер Нещель, сопровождавший в 1847 г. оренбургского губернатора во время его похода к Аральскому морю, сообщает, что по дороге, по берегам рек, часто можно было видеть «целые площади, покрытые цветущими растениями», среди которых изредка встречались островки небольших полей хлеборобов-казахов.¹

О слабом развитии земледелия среди казахов свидетельствуют данные, приводимые М. Красовским. В начале второй половины XIX в. в Акмолинском округе на каждые 1000 человек приходилось только 13 занимающихся земледелием, а в остальных округах – и того меньше. На 1000 жителей-казахов приходилось пахарей: по Каркаралинскому округу – 8 человек, по Атбасарскому – 6, по Баян-Аульскому – 5 и по Кокчетавскому округу – 1 человек.²

Относительно причин слабого развития земледелия в казахском обществе имеются различные мнения. Некоторые дореволюционные авторы искали эти причины в психике, нравах народа. Другие, более наблюдательные и серьезные, объясняли это объективными факторами: пространством, климатическими условиями, навыками людей. Для нас представляется разумным мнение о том, что при наличии огромного пастбищного пространства и сухих степных районов, при недостаточности атмосферных осадков на большей части территории и естественных водных источников, а также при рутинном состоянии техники, кочевое скотоводство было производительнее, чем примитивное земледелие. Сужение естественных условий кочевого скотоводства и в связи с этим его производительности толкало кочевника-скотовода к поискам других источников средств существования, и он находил их в земледелии. Такое явление мы и наблюдаем в первой половине XIX в.

Несмотря на примитивность организации земледелия и незначительные масштабы его развития, отношения, возникающие на базе земледельческого производства, были сложны.

Можно было бы отметить несколько групп отношений, отличающихся друг от друга как по субъектам, так и по своим объектам.

¹ Географические известия РГО. СПб, 1848, стр. 125.

² Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1868, стр. 79

1. Отношения между «свободными» земледельцами и кочевниками. С одной стороны, крестьяне-бедняки, полностью перешедшие к земледелию и обходившиеся своими скудными средствами, формально считались как бы «свободными». С другой стороны, поскольку они занимали угодья на территории определенного кочевого коллектива, сохранялась прежняя их родовая принадлежность и вытекающие отсюда для них некоторые права и обязанности: они в сущности были зависимыми от этих коллективов и от их знати. Об этом М. Красовский писал так: «...Игинчи, обрабатывающие какое-либо находящееся вне черты их постоянных зимовок поле, землю под пашню получают с согласия общества известного аула... Таким образом, получившие луг работники с самого начала становятся в некоторую зависимость от общества».¹

Кроме того, егинши нуждались в покровительстве и опеке со стороны кочевых групп и были связаны с ними сбытом земледельческой продукции. Положение таких земледельцев из-за постоянного притеснения со стороны кочевников, а также из-за низкой производительности труда оставалось весьма неустойчивым и трудным. При первой возможности они снова вливались в ряды кочевых скотоводов. «Только лишь безвыходная нищета может побудить кочевника заняться хлебопашеством, — указывал один из чиновников. — Но лишь только он обзавелся скотом, тотчас бросает свою неуклюжую лопату, которой он пахал землю вместо сохи, — он делается кочевником».² Об этом же несколько раньше писал и А.Н. Тетеревников. В бассейне Сыр-Дарьи, считавшемся районом более устойчивого земледелия, по его мнению, казахи-земледельцы преимущественно бедны «и только под влиянием нужды временно возделывают землю. При первой возможности они отстают от этого занятия и обращаются к более привольной жизни».³

Эти высказывания отражают положение основной массы казахских земледельцев, сделавшихся «свободными» от кочевого скотоводства.

2. Отношения между феодальной знатью, заводившей пахотные угодья, и непосредственными производителями-крестьянами, занятыми на этих угодьях и работающими на определенных оговоренных условиях при помощи орудий и средств труда, полностью или частично им не принадлежащих.

Богатые кочевники в районе зимовок или в районе летних стоянок нередко имели небольшие пашни. Для ухода за ними, как правило, они на определенных условиях содержали егиншей — пахарей или оставля-

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. II. Спб, 1863, стр. 74.

² Завадский-Краснопольский А.К. Русское царство, Приаральский край. Спб, 1874, стр. 17.

³ Тетеревников А.Н. Очерк внутренней торговли Киргизской степи; Спб, 1867, стр. 1.

ли своих родственников, преимущественно из числа тех, которые были полностью зависимы от них. Здесь мы имеем две группы отношений.

В первом случае преобладают имущественные, договорные отношения. Во втором случае – отношения патриархальной эксплуатации родичей. «Иногда богатые киргизы, – писал один из современников относительно первого круга отношений, – от себя нанимают егинчей, дают им средства для обработки земли и по большей части продолжают свою кочевую жизнь, являясь к своим полям только ко времени уборки хлеба, для сбора с егинчей следующей с них по условию части хлеба».¹

3. Указанный выше второй случай составляет особый круг отношений, отличный от предыдущего вида отношений. «Если богатый киргиз занимается посевом хлебов, – сообщает И. Завалишин, – то он для всех работ употребляет таких бедняков, которые буквально умирают с голоду и, не имея ни кола, ни двора, готовы работать из-за дневной пищи».² Следует сказать, что такие обнищавшие работники не всегда были выгодны для феодального хозяйства. Их надо было кормить и одевать, обеспечивать перевозочными средствами, наделять молочным скотом и т. д., то есть они находились хотя и в бесправном положении, но на полном иждивении знати в течение круглого года. Феодалы были более заинтересованы в таких работниках, которые полностью или частично удовлетворяли свои потребности за счет своего личного хозяйства. Эти-то работники и составляли основной объект феодальной эксплуатации, но феодалы не могли обходиться и без некоторого числа работников, лишенных средств производства.

Итак, земледелие у казахов служило дополнением к кочевому скотоводству. Его ведение так же было примитивно, как были примитивны применяемые при этом орудия труда.

Ремесло, промыслы и промышленность

Формы, способы и содержание промышленной деятельности в обществе в каждом конкретном случае определяются в первую очередь характером ведущей отрасли общественного производства. В Казахстане, как в стране развитого кочевого скотоводства, преобладала промышленность по обработке и переработке животноводческой продукции и сырья.

Ремесленно-кустарное производство, непосредственно не связанное с переработкой продуктов скотоводства, но обслуживающее потребности кочевого быта и хозяйства, не в пример многим другим фео-

¹ Там же, стр. 2.

² *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. III. М., 1867, стр. 54.

дальним странам, в Казахстане было развито исключительно слабо. В этом отношении достаточно сказать, что казахам не только не были известны средневековые цеховые объединения мастеров и подмастерьев, но и простая форма сельской кооперации мелких ремесленников и кустарей была почти неизвестна.

Обработка и переработка животноводческой продукции и сырья имели индивидуально-семейный характер. Все то, что поступало от скотоводства в той части, в которой нуждалось кочевое хозяйство, обрабатывалось силами и средствами каждой отдельной семьи. При недостатке рабочей силы привлекались соседи, родственники в порядке оказания взаимной помощи. В феодальных хозяйствах это превратилось в одну из форм эксплуатации общинников-сородичей. Технология обработки и переработки сельскохозяйственной продукции в тех рамках, которые удовлетворяли малотребовательное кочевое хозяйство, была знакома каждой семье. Поэтому производство было замкнутым, оно не выходило за пределы хозяйственного двора. Внутри феодальных хозяйств, аула, больших и малых кочевых коллективов не существовало даже подобия общественных пунктов промышленного освоения скотоводческого сырья (вроде маслодельных, салотопенных пунктов или мастерских по дублению кожи и т. д.). Отсутствие таких пунктов в известной степени объясняет расточительство, неэкономичность и простоту хозяйственных нравов местного населения, что характерно для народов на низкой стадии развития.

Итак, промышленность, связанная с обработкой и переработкой основной массы скотоводческой продукции и сырья, имела в Казахстане домашний характер и не была централизована хотя бы в небольшой ее части.

Следует сказать, что если взять в целом, то на территории Казахстана действовали кое-какие предприятия первичной обработки сельскохозяйственного сырья. Но эти предприятия были очень малочисленны, почти все без исключения не принадлежали в то время казахам и обслуживали скотопромышленников, крупных русских купцов и богачей, оптом закупавших у казахов и вывозивших в Россию и в соседние страны скот и скотоводческую продукцию. Это были мелкие предприятия с очень узкой производственной базой, или начали они создаваться в основном только с конца первой половины XIX в. К 1856 г. по области сибирских казахов насчитывались всего два кожевенных (в Каркаралинском и Кокчетавском округах) и один салотопенный (в Кокчетавском округе) заводы.¹ В 1862 г. их стало семь: три салотопенных и три кожевенных – в Кокчетавском округе, один кожевенный – в Каркаралинском округе.² В

¹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 6, л. 4.

² Там же, д. 55, л. 4.

1863 г. в Акмолинске был организован одним частным лицом «салотопельный завод» с двумя работниками. В течение года завод вытопил 2000 пудов сала за плату по 5 коп. серебра за пуд.¹

По М. Красовскому, в 1863 г. в области сибирских казахов было четыре кожевенных завода: три в Кокчетавском и один в Каркаралинском округах. На последнем заводе ежегодно выделявали до 700 кож. В нем кроме смотрителя, работали три казаха, получавшие за работу 3-4 руб. серебром в месяц. Салотопенных, мыловаренных, свечных заводов было 5 (в Кокчетавском округе – 4, в Акмолинском – 1). На Акмолинском салотопенном заводе работали 18 мастеровых, многие из них были казахи.²

И. Завалишин, один из весьма добросовестных и наблюдательных авторов, сообщает, что к началу 60-х годов в Семипалатинской области было заводов: кожевенных – 19, мыловаренных – 5, свечных – 1, с общей стоимостью в 82926 руб. серебром в год.³

В 1862 г. в Алма-Ате купцом Кузнецовым были построены винный и пивоваренный заводы.⁴

Несмотря на то что указанные предприятия работали в той части животноводческого сырья, которая была полностью изъята из ведения кочевых коллективов и продукция которых редко и лишь в небольших количествах поступала обратно в распоряжение этих коллективов и реализовалась по высоким ценам между ними, – при всем этом предприятия эти со временем стали играть известную положительную роль в распространении среди казахского населения более высоких и совершенных форм переработки скотоводческой продукции. Это становится особенно заметно в последней четверти XIX в. Некоторые крупные и состоятельные кочевые коллективы начинают заводить у себя предприятия по переработке продуктов сельского хозяйства.

Производство и отделка керамики, получившие значительное развитие у многих древних народов, мало были известны казахам.

Правда, обжиг глин, изготовление грубостенных и непрочных кувшинов и различных других сосудов практиковались в отдельных районах Казахстана. Однако и там гончарное производство не получило сколько-нибудь серьезного развития и распространения. По-видимому, это во многом объясняется кочевым образом жизни народа, при котором основное внимание обращается на прочность, легкость и портативность инвентаря и хозяйственно-бытовых при-

¹ Там же, д. 796. лл. 5-6,

² *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Ч. II, СПб, 1868, стр. 149.

³ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. III. М., 1867, стр. 51.

⁴ *Абрамов Н.* Алма-Ата, или укрепление Верное, с его окрестностями. «Записки ИРГО по общей географии», 1867, т. I, стр. 264.

надлежностей. Надо сказать, что на керамические изделия не было и спроса на внутреннем рынке. Неслучайно поэтому, что иноземные купцы и торговцы, ввозившие в Казахстан различные безделушки, имевшие определенный спрос у местного населения, почти не включали в свои товары предметы гончарного производства.

Столярные работы применялись в основном при изготовлении принадлежностей кочевой юрты. В этой части были более или менее искусные мастера. В целом же в столярно-плотничьем ремесле мало кто из казахов преуспевал. Даже такие элементарные для оседлых народов вещи, как оконные и дверные рамы, ставни и двери, мало кому из казахов удавалось прилично изготовить. Нельзя не учитывать при этом и того, что в Казахстане было очень мало лесов.

Потребление металла в феодальных обществах обычно является незначительным. Совсем небольшим оно было в Казахстане. Для наглядности это можно показать на некоторых характерных примерах. Такое основное орудие производства земледельца, как соха, не имело железного наконечника, который давно был известен многим соседним народам. На водочерпательное колесо навешивались не железные ведра, а кожаные. Железные колы (темир кзык), ставшие непременной принадлежностью кочевого хозяйства, появились в самое последнее время. Железные предметы в хозяйстве казахов имели в основном бытовое назначение, а не производственное. Более или менее сложные металлические изделия, которыми пользовалось население, ввозились в Казахстан (например, чугунные котлы, посуда и др.).

В источниках, относящихся к первой половине XIX в. или к периоду, близкому к этому времени, встречаются лишь скудные упоминания относительно существования у казахов элементов металлургии. Ф. Назаров, проезжавший через казахскую степь в конце первой четверти XIX в., указывал, что казахи Шаншар-Каракисекского рода, живущие близ реки Сары-Су в Средней орде, «вывозят на тракт к проходящим караванам выработанный свинец в слитках, который они достают по близости сих гор в большом количестве». Далее он сообщает, что ранее казахи добывали медные и свинцовые руды у подножья Кокчетау, в бассейне р. Жана-Су.¹

Следует сказать, что наличие остатков рудокопных ям и плавильных горнов на территории Казахстана в свое время было засвидетельствовано П. Рычковым.² Имеются указания на то, что казахи совместно с каракалпаками в районе нижнего течения Сыр-Дарьи в

¹ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. СПб, 1821, стр. 12, 26.

² Рычков П. Топография Оренбургская. Ч. I. СПб, 1762, стр. 312.

XVII-XVIII вв. добывали свинец, красную медь и селитру, отливали пули и приготавливали порох.¹ Можно полагать, что хотя это искусство в последующий период частично пришло в упадок, однако оно не могло совсем исчезнуть. Об этом свидетельствуют сообщения Георги² и Броневского.³ Нет сомнения и в том, что примитивная местная металлургия, которая была известна казахам с древности, становилась все больше нерентабельной по мере того, как появлялись на внутреннем рынке привозные металлические предметы, с которыми местным изделиям конкурировать было не под силу. Теперь металлические полуфабрикаты и изделия приобретались казахами в основном у соседей.

Кузнечно-слесарное и ювелирное дело имело в Казахстане также незначительное распространение. Это объяснялось не только ограниченностью металлопотребления в казахском обществе вообще, но и тем, что простота конструкции и художественной отделки тех изделий, на которые был спрос (отражавшая уровень общественных потребностей), не стимулировала развитие производства. Местные кузнецы изготавливали в основном мелкие бытовые и хозяйственные предметы из металла, производили их ремонт. Таких мастеров было очень немного. «Есть между ними (т. е. казахами. – С.З.) и кузнецы, но не искусны; и поэтому они топоры, ножи, оружие, огниво и проч. по большей части покупают»,⁴ – писал Георги.

Я. Гавердовский, наблюдавший жизнь казахов в начале XIX в., пишет, что у мастеров, занимающихся обработкой металлов, «не видно ни надежных инструментов, кроме шипцов и небольшой наковальни, ни горнов, на месте коих раскладывают огонь в яме; иные уголья раздувают ртом, а другие имеют мех, который походит более на кожаный мешок».⁵ Во Внутренней казахской орде «немного ремесленничают – из холодного железа выбивают ножи, приборы к седлам и верховым сбруям, – сообщает Евреинов, – из меди и серебра делают разные небольшие вещицы: женские браслеты, серьги и другие причудливые украшения».⁶

¹ Материалы по истории каракалпаков. Труды Института востоковедения.

² Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II, СПб, 1799, стр. 128.

³ Броневский. Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 188.

⁴ Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II, СПб, стр. 128.

⁵ Гавердовский Я. Обзорение киргиз-кайсацких степей. «Вестник ИРГО», 1822, ч. XX, стр. 141-142.

⁶ Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. «Современник», 1851, № 10, стр. 94.

Более искусными являлись золотых и серебряных дел мастера. Производство ювелирных изделий не только имело профессиональный характер, но и во многих случаях считалось потомственной и семейной привилегией узкого круга лиц. Такое положение в определенный период способствовало достижению известного профессионального совершенства. Как сообщает один из русских чиновников, к середине XIX в. каждая волость Средней орды имела по одному или по два таких мастера, которые изготавливали золотые и серебряные бляхи, кольца, серьги и многие другие женские украшения, а также производили инкрустацию на седлах и конских сбруях.¹ Обычно ювелиры обслуживали аулы богачей, и фактически наиболее искусные из них являлись придворными ремесленниками. Известны факты, когда отдельные крупные феодалы приглашали в свои владения чужеземных мастеров, чтобы перенять у них более высокое искусство и оживить ювелирное дело на местах. Так, например, хан Букеевской орды Джангир в свою бытность на Кавказе пригласил в орду несколько золотых и серебряных дел мастеров, которые затем стали обучать этому делу некоторых казахов.²

В целом как кузнечное, так и ювелирное ремесло были развиты слабо. Каких-либо объединений или пунктов, которые можно было бы назвать центрами подобного искусства, на территории Казахстана в первой половине XIX в. не было. Вместе с тем нельзя не отметить некоторого влияния русских мастеров-умельцев, живших в Казахстане, на состояние ремесленного производства. Это правильно было отмечено в корреспонденции, напечатанной в журнале «Сын отечества» в 1840 г. Там писалось, что казахи Внутренней орды «получили посредством русских познания во многих ремеслах».³

Законным теперь является вопрос: на каком же уровне развития находилось ремесленное производство в Казахстане? Казахских ремесленников не только было мало, но, главное, для многих из них основным источником средств существования продолжало быть скотоводческое хозяйство. Таким образом, профессиональная специализация осуществлялась лишь частично и далеко не была завершена. Это характерно не только для таких профессий, как кузнецы, мастера ювелирного дела, но и для портных, сапожников, шорников и других ремесленников, которые, выезжая на определенный срок на заработки в другие аулы, по возвращении большую часть года занимались своим скотоводческим хозяйством. Далее, казахское ремесло на том уровне,

¹ «Вестник ИРГО», 1855, кн. 1, стр. 4.

² Газета «Северная пчела», 1861, № 4.

³ О Внутренней или Букеевской киргиз-кайсацкой орде. Журн. «Сын отечества», 1840, ч. V.

на каком мы застаем его в первой половине XIX в., всецело обслуживало кочевое скотоводство и зависело от него.

Из всего сказанного следует, что ремесло в Казахстане еще не выделилось из сельского хозяйства, имело преимущественно домашний характер и продолжало оставаться не более чем придатком кочевому скотоводству.

Рыболовство в степных водоемах, особенно в водоемах западной части Казахстана, имело значительное распространение. По всему северному и северо-восточному побережьям Каспийского моря были рассеяны как частные, так и государственные рыболовные компании. Так, например, только со стороны Внутренней казахской орды на северном берегу Каспийского моря были организованы рыболовные ватаги князем Юсуфовым, наследниками графа Безбородко, купцами Обезьяниным, Дьяковым, Варфоломеевым, Бакаевым.¹ По официальным данным, через три станицы – Звериноголовскую, Усть-Уйскую и Каракульскую – на Оренбургской линии ежегодно вывозилось рыбы на 938 подводах весом около 108 тыс. пудов.²

Наряду с русскими крестьянами на рыбных промыслах основную рабочую силу составляли казахи.

Для многих казахских бедняков, оседавших по берегам пресных водоемов, рыба составляла одно из основных средств существования. Рыболовство получило известное развитие в бассейнах рек Сыр-Дарьи, Урала, Эмбы, Тургая, по берегам Каспийского и Аральского морей. По некоторым подсчетам, сделанным официальными органами, в начале второй половины XIX в. казахи Младшего жуза вылавливали ежегодно рыбы: в восточной части – до 2000 пудов, в средней части – до 1000 пудов, в западной части – 3500 пудов. Л. Мейер считает эти цифры преуменьшенными.³ Оренбургская пограничная комиссия в 1855 г. сообщала, что рыболовство в степи постоянного промысла не составляет, а служит лишь дополнительным подспорьем в хозяйствах бедняков.⁴

В центральной и восточной частях степи расположен ряд водоемов, богатых разнообразными породами рыб. К ним относятся: озера Зайсан, Алакуль, Балхаш, реки Иртыш, Аягуз, Лепса, Каратал, Или, Нура, Кокбектинка, Букони, Шар-Аблай и др. Однако на них рыболовство, не в пример положению в Малой орде, было развито весьма слабо. Это, по-видимому, объясняется отчасти тем обстоятельством, что кочевое скотоводческое хозяйство здесь менее ощущало тесноту в пастбищах, чем в Оренбургском ведомстве. К рыболовству переходила в первую

¹ См. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб, 1809, стр. 348.

² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2848, л. 23.

³ См. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 158.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5144, л. 14.

очередь слабообеспеченная часть казахского населения. Относительно стабильное состояние основной отрасли производства, надо полагать, предопределило ограниченные масштабы рыболовства. Рыболовные приспособления и техника лова были весьма примитивными. Казахи редко пользовались сетью или другими орудиями массового лова.

Один из очевидцев сообщает, что многие казахи ловят рыбу наставленными на поверхности воды волосяными петлями.¹ В отдельных плесах и запруженных небольших участках рек мутили воду, а затем всплывшую рыбу выбрасывали руками на берег. Для ловли рыбы в зарослях иногда пользовались железными вилками, надетыми на длинный деревянный шест. Таким образом, экономическая отсталость общества сказывалась и в этом промысле.

Охота за зверями и дичью рассматривалась не только как способ добычи дополнительных средств существования, но и в известной степени как хороший способ закалки, средство для показа своей удали, мастерства и как увеселительное мероприятие. При этом промысловое охотничество имело незначительное распространение.

На охоте часто применялись гончие собаки, приученные для этих целей крупные птицы (беркут, сокол, ястреб), организовывалась погоня за зверями (волк, лиса, заяц и т. д.) на лошадях с сойлом – массивной палкой с одним утолщенным концом. Практиковалась охота группами, устраивались облавы на зверей.

Из-за ограниченности дошедших до нас сведений трудно судить, насколько была распространена охота в отдельных областях Казахстана. Но, принимая во внимание тот факт, что часть шкурок добытых зверей вывозилась на рынок, можно по некоторым данным о торговле этими шкурками составить известное представление об этом. Ниже приводятся сводные данные о количестве и видах шкурок зверей, проданных казахами и вывезенных из пределов Казахстана купцами через пограничные пункты Петропавловск, Пресногорьковск, Омск и Коряковск за 1857 – 1861 гг.²

Сурков	361 330 шкурок	Хорьков	448 шкурок
Лисиц	16 670	Медведей	43
Волков	13925	Белок	243
Барсуков	4 413	Сайгаков	1 193

¹ «Вестник ИРГО», 1855, кн. 1, стр. 9.

² Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. II. Спб, 1868, стр. 130.

Зайцев	14 869	Барсов	3
Куниц	373	Горностаев	11
Диких кошек	1 496		

Разумеется, количество убитых зверей значительно превышало то количество, которое реализовалось на рынках. Большое число шкурок шло на внутреннее потребление. На это правильно указывается в отчете Баян-Аульского окружного приказа за 1841 г. В нем говорится, что в пределах округа жители ежегодно добывали: волков – до 500 штук, лисиц – до 1500, зайцев – до 800, маралов – до 100, диких козлов – до 1200 и сурков – до 800 штук. Однако «кожи с сих зверей в весьма малом только количестве они сбывают на линии».¹

На территории Казахстана особых коллективов или родов, занимавшихся исключительно или преимущественно звероловством и ведущих охотничий образ жизни, не было. Отдельные члены родов могли заниматься и занимались охотой в качестве основного занятия. Однако число таких людей было невелико. Так, например, в Каркаралинском округе, располагающем наиболее благоприятными условиями для охоты, этим промыслом более или менее постоянно занимались 306 человек, что составляет менее одного процента мужского населения края.² А в других районах таких охотников было, безусловно, еще меньше.

На территории Казахстана расположено около трех тысяч озер, из которых многие содержат большие запасы кристаллической соли. Богатые месторождения соли стали привлекать внимание некоторых иностранных предпринимателей. Надо сказать, что сами казахи почти не занимались промышленной разработкой этих месторождений.

Источники, относящиеся к первой половине XIX в., содержат весьма скудные сведения о состоянии и развитии этой отрасли промышленности. По свидетельству Л. Мейера, на территории Младшего жуза велась сравнительно большая работа по добыче соли. По официальным данным, ежегодно вывозилось из казахской степи не менее 741 993 пудов соли.³ По другому источнику, в 1858 г. солепромышленники вывезли из казахской степи только через линию 12-го полкового округа (станций Звериноголовской, Устьуйской и Караульской) 107781 пуд соли, через линию прошли 26 караванов при 2080 подводах и 668 человеках сопровождающих.⁴ На соляных промыслах

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 3321, л. 4.

² Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1868, стр. 131.

³ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 170.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2848, л. 22.

Илецкого района в 1804 г. было занято 173 человека из числа ссыльных поселенцев и вольнонаемных рабочих. Через год число их увеличилось до 250 – 300 человек. А к 1839 г. рабочих было уже там не менее 400 человек.¹ Это свидетельствует об определенной тенденции к росту соледобывания.

Отсутствие железных дорог, дешевого транспорта наложило свой отпечаток на развитие соледобывания. Солепромышленники периодически наезжали, то открывали, то прекращали производство.

В общем соледобывающая промышленность в Казахстане была еще примитивна и слаба.

Горнорудная промышленность была наиболее развитой отраслью промышленности в Казахстане. Богатства земных недр начали все больше и больше привлекать промышленников, купцов, соблазняя их легкими барышами. Одновременно росло число занятых в ней рабочих, в особенности из казахов. По сути дела, зарождение казахского рабочего класса в первую очередь связано со становлением и развитием в Казахстане горнорудной промышленности.

Пионерами в организации добычи полезных ископаемых на севере Казахстана были сибирский промышленник купец Степан Попов и его компаньоны.

Начиная с 1815 г. появляются первые их разработки в Каркаралинском округе. По отчетным сведениям за 1840 г., ими было здесь добыто около 22478 пудов медной и серебряно-свинцовой руды. На каждом действовавшем руднике работало от 15 до 35 казахских рабочих. В конце 30-х гг. в западной части Северного Казахстана возникает ряд золотых приисков: Мериинский (в районе ключа Сырбулак), Петровский (севернее озера Кокшетаудың Шалкары), Вознесенский (вблизи озера Майман). Купцы Поповы построили в Каркаралинском округе в 1839 г. первый плавильный завод, названный ими Благодарно-Стефановским, в 1849 г. – Александровский завод, а в 1859 г. они сдали в эксплуатацию третий, более рентабельный – Богословский плавильный завод на Беркаринских горах. Правда, эти заводы не везде оказывались достаточно доходными предприятиями. Трудоемкость добычи и доставки руд, слабая топливная база заставили промышленников искать более выгодные места для приложения капитала. К 1862 г. действовало только Александровское плавильное предприятие на базе низкокачественного маукобенского угля. На остальных предприятиях работа была уже прекращена, и деятельность промышленников Поповых со временем почти прекратилась.

На базе Спасского, Воскресенского, Владимирского и Успенского медных приисков и кзылтауского угля в Акмолинском округе созда-

¹ Дильмухамедов Е. К вопросу о зарождении рабочего класса в Казахстане. «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1950, № 3, стр. 95.

ется в 1860 г. наследником купца Рязанова Спасский медеплавильный завод, который впоследствии занимал значительное место в комплексе предприятий горнорудной промышленности.¹ В 1854 г. в урочище Караганда открывается месторождение угля, разработку которого начинает екатеринбургский купец Ушаков. Добыча угля велась здесь и в последующие десятилетия, но в незначительных размерах.² По различным данным, к 1857 г. на территории Северного Казахстана находилось более 200 действующих приисков.

Добывающая промышленность в Западном Казахстане не была развита. Близ г. Оренбурга действовал небольшой медный рудник, который был заброшен вскоре после начала его эксплуатации. На острове Челекен находилось три источника нефти с 3400 колодцами. Добытая нефть, 140000 пудов ежегодно, сбывалась в Персию. К 1859 г. нефтяных колодцев оставалось только двести.³

Несмотря на неудачи отдельных промышленников и вызванные этим перерывы в работе одних предприятий и прекращение деятельности других, на их месте появлялись новые предприятия, более совершенные. Горнорудная промышленность медленно, с трудом, неорганизованно, но шла в гору. Росло число рабочих, занятых на этих предприятиях.

На приисках и заводах работали выписанные с сибирских заводов квалифицированные русские рабочие. Почти вся трудоемкая тяжелая работа выполнялась казахами.

Источники свидетельствуют, что из среды чернорабочих казахов со временем стали появляться мастера, специалисты-рабочие. На золотом прииске Булкулдах (Кокпектинский округ) «промывальщики и все рабочие – киргизы, которые довольно искусны в этом деле», – писал А. Влангали.⁴ На Вознесенском и Ивановском приисках было 12 промывальщиков. Среди них русских – четыре, казахов – восемь.⁵ В 1839 г. на приисках, принадлежавших С. Попову, работало восемь мастеров, из них два казаха.⁶ Это весьма примечательное явление, заслуживающее быть отмеченным.

Организация горнорудной промышленности на территории Казахстана имела исключительно важное прогрессивное значение для развития политического сознания части казахских трудящихся и приобретения ими производственных навыков.

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. II, СПб, 1868, стр 145-146.

² Горбань Н.В. Барометр показывает бурю. Алма-Ата, 1932, стр. 7.

³ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 170-171.

⁴ Влангали А. Геогностические поездки в Восточной части Киргизской степи в 1849 и 1851 годах. СПб, 1853, стр. 23.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 3, л. 116.

⁶ Там же, д. 179, л. 15.

ГЛАВА II

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА КАЗАХОВ

Общинно-родовые пережитки и их роль в общественных отношениях

В.И. Ленин указывал, что в каждом обществе всегда имеются остатки прошлого, элементы настоящего и зачатки будущего. Вопрос о их соотношении может быть рассмотрен лишь в конкретном плане.

Остатки прошлого в жизни общества могут быть двоякого рода. Это, во-первых, пережитки предшествующей общественно-экономической формации и, во-вторых, наследие, доставшееся обществу от первоначальных стадий развития существующего способа производства.

В зависимости от того, каким общественным строем они порождены, какова преемственная связь между ними и существующим способом производства, эти пережитки могут иметь различный характер в обществе. Общинно-родовые пережитки, сохранившиеся в казахском обществе первой половины XIX в., были пережитками, унаследованными от первобытнообщинного строя.

Непременный закон диалектики общественного процесса таков, что новые производственные отношения возникают и формируются не отдельно от старых, а в их недрах.

Они не могут не впитывать в себя и не сохранять на протяжении определенного периода качеств старого строя, вынашивавшего их. Более того, часто новые явления облачаются в старые формы. Первые классовые общества не были свободны от форм и отношений предшествовавшего им первобытно-общинного строя. В одних обществах они проявлялись более резко и сохранялись сравнительно долго, а в других обществах обнаруживались слабее и преодолевались относительно энергично и быстро. Все это обуславливалось конкретно-историческими условиями развития той или иной страны.

Старые формы и отношения в течение известного периода, когда новые производительные силы общества еще не обрели силы, не окрепли и достаточно еще не развились, оказываются в той или иной степени годными для обслуживания нового общества. Ведущим социальным группам в обществе в первое время было гораздо легче обеспечивать свои интересы, расходившиеся с интересами старых

групп и классов, в рамках старых форм и отношений, довлевших над массами и привычных им. По мере роста несоответствия между формой и сущностью общественных явлений, которое закономерно возникало в процессе дальнейшего развития общества, старые формы и отношения постепенно заменяются новыми, вытесняются вначале из области, непосредственно затрагивающей интересы экономически господствующих классов, ослабляются, а затем ликвидируются. Такой путь развития характерен для всех народов.

Общества тем быстрее освобождаются от старых форм и остатков прежних отношений, чем быстрее развиваются их производительные силы. Живучесть, устойчивость старых форм и отношений находится в прямой и органической связи, главным образом, с развитием производительных сил общества. Постоянные изменения и перевороты в области производительных сил создают предпосылки и приводят к очищению общественной жизни от старых, переживших себя социальных институтов и устаревшей идеологии. Наоборот, медленный, почти незаметный поколениям процесс развития производительных сил общества, могущий быть названным застойным, способствует живучести старых форм в общественных отношениях, их приспособляемости к новым явлениям социальной жизни. С таким положением мы сталкиваемся в истории казахского народа.

Казахское общество, как считают многие видные ученые, миновало рабовладельческую стадию развития. На развалинах общинно-родового строя возникло феодальное общество, которое и явилось непосредственным преемником всего того, что выработал первобытно-общинный способ производства. Таким образом, оно в большей степени было связано с теми формами и отношениями, которые были унаследованы от доклассового общества, чем те страны и народы, у которых феодальному строю предшествовал рабовладельческий строй.

В Казахстане преобладало кочевое скотоводство, давно уже исчезнувшее у большинства его соседей. Земледельческое хозяйство – более прогрессивная форма производства, доминировавшая у узбеков, туркмен, таджиков, киргизов и многих других ранее кочевых и полукочевых народов, не было развито у казахов. На обширной территории Казахстана не было и сколько-нибудь значительных промышленных и культурных центров – городов, если не считать небольших населенных пунктов, организованных в основном на пограничных линиях и основанных не казахами. Ремесленное производство оставалось примитивным, домашним, т. е. отсталым и раздробленным. В крестьянских и феодальных хозяйствах всецело господствовал ручной труд.

Товарно-денежные отношения начали проникать в казахское общество лишь с конца XVIII в. Отсталость и неразвитость производительных сил общества наложили серьезный отпечаток на характер и форму общественных отношений. Над господствующими феодальными производственными отношениями в значительной степени довели экономические формы и институты, унаследованные от общинно-родового строя. Экономика и быт, нормы общежития, психология и мораль, нравственные и идеологические отношения в обществе – все это было в немалой степени пронизано патриархальщиной.

По своему значению в жизни казахов самым существенным пережитком, перенесенным из доклассового общества, было родовое деление населения.

В первой половине XIX в., по А. Левшину¹, в Младшем жузе проживали в основном три крупных поколения: Алимұлы, Байұлы и Жетыру. В свою очередь, каждое из них делилось на роды. Поколение Алимұлы состояло из 6 родов: Карасакал, Каракесек, Кете, Торткара, Шумекей, Шекты. Поколение Байұлы имело 12 родов: Адай, Жаппас, Алшын, Байбакты, Маскар, Берш, Тазы, Есентемир, Шеркеш, Тана, Кзылкурт, Шилхар. Поколение Жетыру состояло из 7 родов: Табын, Тама, Кердары, Жагалбайлы, Керейт, Тлеу, Рамадан. В Среднем жузе было 4 поколения: Аргын имело 17 родов, Найман – 9, Кипшак – 9, Увакирей – 3 рода. Такое же родовое деление существовало и в Старшем жузе.

Роды (по-казахски – «ру») дробились на отделения («тайфы»), а последние – на подотделения («ата-баласы»), которые в свою очередь делились на более мелкие подразделения («балалары», «аул»). Так, например, в начале 40-х гг. XIX в. на территории Букеевской орды кочевало 669 семейств из рода Кзылкурт. Он был представлен 7 отделениями: Субамалымбет, Субаахмет, Суба, Айбарыс, Кутымбет, Анбас и Елгул.

Одно из них, отделение Субамалымбет, состоявшее из 127 кибиток, в свою очередь делилось на 6 ата-баласы: Малымбет, Баймбет, Расымбет, Болтек, Осымбет, Мамбет. Другое отделение – Субаахмет имело 9 ата-баласы: Тамыр, Жантока, Марлыканат, Байтока, Есиргенши, Койгара, Жангара, Алтын и Кошкибай. В составе отделения Айбарыс было 5 подотделений: Суйыргаш, Кошкар, Нияз, Сохрнийаз и Утелберген и т. д. А каждое из этих небольших подразделений дробилось на более мелкие части – «оның балаларының ауылдары» – на аулы.²

¹ Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб, 1832, стр. 7-10.

² ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 139, л. 5.

Каждый член общества (кроме султанов и ходжей) принадлежал к определенному роду. Его общественные права и обязанности определялись местом и авторитетом рода, членом которого он состоял.

Мы не будем рассматривать, в какой степени эти деления и легенды о происхождении того или другого поколения или рода соответствуют действительности; это и не входит в нашу задачу. Важно отметить то, что родовое деление и представление о родовом или племенном единстве занимали определенное место в общественном сознании и оказывали влияние на различные стороны общественных отношений. Структура родового деления в течение веков претерпела серьезные изменения. Процесс возникновения новых родов не прекращался и в классовый период. Образование новых родов происходило как за счет дробления более крупных, так и в результате смешения различных родов и формирования новых. Вместо старых больших родов образовывались более мелкие новые роды. При этом старые родовые названия и связанные с ними отдельные культы забывались, на их месте возникали новые. Это отмечено и А. Левшиным. Он пишет, что, по более ранним сообщениям, в Младший жуз входило сильное племя Алшын и несколько мелких родов, которые упоминались еще в бумагах Абулхайрхана. К началу XIX в. они уже оказались почти забытыми и были заменены другими названиями.

Роды, родовые общины – это институты, порожденные общинно-родовым строем. Они возникли в свое время как общественная форма отношений коллективной собственности на орудия и средства производства и как результат невозможности присвоения продуктов природы отдельным индивидуумом ввиду низкого уровня производительных сил. Роды, родовые общины как по форме, так и по содержанию соответствовали определенной стадии развития человеческого общества – первобытно-общинному строю и определялись свойствами этого способа производства.

Те роды и общины, которые еще сохранялись в начале XIX в., не были первобытными учреждениями, ибо содержание их в корне изменилось. Как известно, главное в явлениях и предметах составляет их содержание. А содержание казахских родовых институтов определялось классовыми отношениями, отношениями между крупными собственниками на орудия и средства производства и мелкими собственниками, зачастую зависимыми от первых. Общество было разделено на классы, а родовые учреждения стали ареной классовых столкновений.

Если основное содержание родовых институтов подверглось коренному изменению в классовом обществе, то формы их в известной

степени сохранились. Получается противоречие между содержанием и формой явлений: новые отношения не могут освободиться и отказаться от старых форм, поскольку еще не развиты и не выработаны адекватные этим отношениям новые формы. А патриархальные формы продолжают обслуживать новые общественные, производственные отношения, хотя последние, как отношения классовые, по своей природе противоположны им. Отсюда общественные отношения в Казахстане, в которых главными являются отношения господства и подчинения, не могли не иметь противоречивого характера.

Сам факт сохранения сложноразветвленной системы родового деления свидетельствовал об отсталости общественных отношений казахов. Он оказывал сильное влияние на все стороны общественной жизни народа. Род как экономическое целое уже не существовал, но представление о родовом единстве и отдельные элементы этого единства еще сохранились. Это нашло выражение в родовой тамге (родовой символ, знак), уране (родовой боевой клич), общих погребениях («атажері»), во взаимопомощи, коллективной ответственности. Формально охрана чести и интересов рода считалась обязанностью каждого его члена. Нападение на отдельных членов рода, оскорбление, нанесенное им, воспринимались как нападение на весь род, как оскорбление всего рода. Кровная месть могла быть обращена против любого члена рода. Судебная присяга приносилась не лицом, подозреваемым в преступлении, а представителями рода, членом которого это лицо являлось. В уплате калыма участвовали многие однородичи. Вдова доставалась ближайшему родственнику умершего, а разведенная женщина должна была выбрать нового мужа среди мужчин того рода, к которому принадлежал прежний супруг. Многочисленные, сильные роды пользовались большим почетом, чем слабые роды. Они подчиняли своей власти более мелкие, более слабые роды, которые искали защиты и покровительства у первых. Л. Мейер писал, что «чем больше кто из них имеет своего роду, тем больше его могущество в народе».¹ Знание своего родового происхождения до седьмого колена считалось обязательным.

Как сообщают источники, первыми вопросами, с которыми обращались друг к другу впервые встречавшиеся люди, были: «Не елсің?», «Сүйегің не?», «Руың кім?», «Қай атаның баласысың?», т. е. спрашивали из какого поколения, рода и отделения происходит собеседник. Родовая принадлежность в известной степени служила не только для определения происхождения личности, но и нередко в зависимости от нее строились отношения со стороны представителей других родов.

¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 23.

Представители крупных и влиятельных родов, как уже говорилось, пользовались большим почетом, имели более веский голос при решении различных вопросов, поскольку за ними стоял крупный коллектив. Это ограждало их от обид и оскорблений, которые могли быть безнаказанно нанесены представителям малочисленных родов. Соблюдался принцип родового старшинства. Согласно этой традиции между тремя основными частями Казахстана старшинство имела Большая орда, затем шла Средняя и, наконец, Малая орда. Внутри каждого жуза существовала своя иерархия. Так, например, самым почетным и старшим родом в Большой орде считался род Жалаир, за ним шел Ошакты.¹ Родовое старшинство внутри жузов менялось в зависимости от численности, силы, богатства или влиятельности того или иного рода. Таким образом, оно по сути дела давно переродилось в казахском обществе в право сильного – в форму, отражающую общественное неравенство.

Все эти родовые обычаи соблюдались уже в изучаемый период не особенно строго, редки были случаи применения моральных и иных санкций против нарушителей дедовских норм. Но и нарушения эти не носили массового характера.

Следует сказать об отрицательных последствиях родового деления населения. Оно разобщало общество, разъединяло силы народа и порождало постоянные распри, конфликты, доходившие нередко до вооруженных столкновений между родами. Феодалские группы, господствовавшие в родах, превращали их в орудия для захвата пастбищ, скота, имущества других родов в своих узко-корыстных целях. От этого богатела знать, терпели бедствия и разорялись рядовые кочевники.

Нередко агрессивные силы соседних стран, используя эту разобщенность общества, совершали разбойничьи нападения на казахов, которые не могли в этих условиях организовать оборону своей страны.

Родовое местничество, поддерживаемое и разжигаемое феодалскими владельцами, нередко брало верх над отношениями классовой солидарности. Патриархальные идеи отравляли сознание трудящихся, серьезно тормозили классовое сплочение крестьян и развитие их борьбы. Тем самым задерживалось осмысление народом противоречивости классовых интересов внутри рода, которыми определялись в действительности отношения в обществе. Однако патриархальные догмы и пережитки не могли приостановить развитие классовых отношений и борьбы, рост социального самосознания трудящихся. Народные

¹ *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. I. Ташкент, 1889, стр. 7.

массы, задавленные угнетением, не раз поднимались на стихийную борьбу против наиболее ненавистных представителей господствующего класса. В процессе этой борьбы трудящиеся приобретали опыт, освобождались постепенно от тлетворного влияния патриархальной идеологии.

Соблюдение ряда родовых обычаев тяжелым бременем ложилось на плечи трудовой части населения. Слабо обеспеченные крестьяне, пытавшиеся не отступить от требований этих порою весьма расточительных обычаев, нередко терпели серьезный материальный ущерб и иногда совсем разорялись. Имущая часть населения легко переносила подобный ущерб своему хозяйству, и соблюдение родовых норм во многих случаях даже упрочивало ее экономические позиции.

Возьмем для примера обычай коллективной ответственности. Член рода согласно общепринятому порядку мог обратиться за помощью к своим близким и дальним родичам в пределах родового отделения или подотделения в случаях, когда ему необходимо было:

- а) уплатить «кун» (вознаграждение за убийство или увечье),
- б) исполнить иск по решению суда,
- в) возратить непосильный долг,
- г) уплатить калым (выкуп за невесту) и т. д.

В уплате большого куна, как правило, участвовали близкие и дальние родственники убийцы. При этом последний лично отдавал до 50 баранов, одного верблюда и одну лошадь; его ближайшие родственники должны были внести от 10 до 25 баранов каждый, а дальние родственники – по 1–2 барана. Чиновник Оренбургской пограничной комиссии Лазаревский, побывавший в 1852 г. среди казахов западной части Оренбургского ведомства, писал: «Случается, бедняк променивает последнего теленка на 4–5 баранов и одного из них со слезами и плачем отдает в уплату куна. В противном случае есаулы сами распорядятся его имуществом. Случается, при бедности отделения, с которого взыскивают кун, берут девок, ближайших родственниц убийцы. В ином роде в один год взыскивают 2, 3 и 4 куна, значит на кибитку придется 2, 3, 4 барана, и это должна заплатить часть бедняков, которым есть нечего, нечем детей кормить. Таких бедняков в степи и на линии много, а год от года становится еще больше».¹ Профессор М.П. Вяткин указывает, что иногда членам рода приходится 5–6 раз в течение года быть ответственными за действия сородичей.²

¹ Сборник материалов по истории Казахской ССР, т. V. Рукопись. Ленинградское отделение Института истории АН СССР.

² Вяткин М. Батыр Срым, М. – Л., 1947, стр. 124.

Ряд казахских биев рассказывали одному из русских исследователей, что при оказании помощи однопородичу всегда принимается во внимание его положение, и что она обычно оказывается соразмерного его влиянию в обществе.¹ Бедные и рядовые члены рода, попавшие в беду, не всегда могли рассчитывать на полную поддержку других своих однопородичей. А если богач оказывался в трудном положении, то обычай коллективной ответственности соблюдался строго, поскольку состоятельный человек мог впоследствии отомстить за нарушение обычаев предков.

Следует отметить, что обычай коллективной ответственности, существовавший в начале XIX в., нельзя считать сохранившимся в чистом виде родовым обычаем древности. Он не только по содержанию, но и по форме изменился. Соседский характер казахских аулов и больших кочевых коллективов отразился и на этом старом институте. А. Харузин отмечает, что во Внутренней казахской орде «при уплате долга и штрафа помогают друг другу и соседи и приятели».²

Остановимся еще на нескольких патриархальных обычаях, бытовавших в казахском обществе. Добровольное и посильное пожертвование в пользу разорившегося; нуждающегося члена рода носило название «жылу». Этот институт является одним из древнейших институтов хозяйственной взаимопомощи. Он еще носит следы родовой помощи. Но ближайшее его рассмотрение убеждает и в другом – им обеспечиваются в большей степени интересы имущих слоев населения.

Опять-таки тут не преминуло сказаться влияние отношений собственности, господствовавших в обществе. Помощь была небольшой, и не все члены обязаны были участвовать в ней, если она оказывалась рядовому кочевнику, бедняку. Эта помощь возрастала в несколько раз, и участие в ней всех родственников, приятелей и соседей было более обязательным, если она оказывалась богатому, влиятельному, почетному человеку.

Был еще другой институт – «жұртшылық». Жұртшылық как форма помощи оказывался в тех же случаях, что и жылу. В отличие от последнего он был по сути лишен добровольности, осуществлялся на основе заранее установленной раскладки, исполнение которой было почти обязательным и обеспечивалось органами местной частной власти. Сфера действия этого института была шире, она охватывала иногда население нескольких родов. Если среди ближайших родственников и соседей был принят жылу, то среди дальних родичей

¹ *Гродеков Н.И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1889, стр. 115.

² *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды. Вып. 1. М., 1889, стр. 45.

и членов родов, разделенных пространственно, превалировал журтшлык, к которому в основном прибегали знатные люди, пользовавшиеся влиянием во многих родах, на обширных территориях. И этот патриархальный институт в большой степени обеспечивал интересы именно данной категории населения и в этом смысле неплохо выполнял свои служебные функции, обслуживая интересы господствующего класса.

Интересен также обычай коллективного участия в строительстве домов, землянок, хозяйственных сооружений, каналов, надгробных памятников, в стрижке овец, в обработке и катании кошм и т. д., в отношениях между крестьянами этот обычай играл свою положительную роль, имел характер хозяйственной взаимопомощи. Нельзя не видеть, что он большей частью был выгоден для богатых семей. Дома, хозяйственные сооружения, надгробные памятники сооружались чаще всего зажиточной частью населения. Овец было много также у представителей знати.

Среди других родовых пережитков следует указать на сохранившийся обычай организации родовых поминок – «ас». Они устраивались исключительно в случае смерти крупных феодалов или других представителей знати. При этом в расходах по организации и проведению поминок участвовало большое число ближних и дальних родичей. О родовом асе дают представление следующие факты: Ф. Назаров в начале XIX в. был свидетелем организации аса в Средней орде в урочище Кушак. Поминки были организованы по одному из старших биев. Как описывает автор, при этом было расставлено «15 больших юрт... Гости пили кумыс, а жены покойника завывали, драли на себе волосы и царапали лицо... зарезано было для яства до 80 лошадей и 60 баранов». На скачках в качестве первого приза было установлено 75 лошадей и 7 калмыков-рабов; в качестве второго приза – 40 лошадей и 25 коров и т. д.¹ Броневский сообщает, что «на поминках по султанам и знатных старшин собирается народа до 3 тыс. человек, которые поедают несколько сот скота, и на скачку употребляют для призов иногда 10 калмыков да разных вещей на большую сумму». На поминках султана Чангара Солтамаметова было употреблено только на угощение до 120 лошадей.² В 1860 г. управляющий родом Жаппас Куламбаев в урочище Каракуль устроил поминки по отцу. На ас собралось около 5000 человек, было поставлено 140 ки-

¹ Назаров Ф. Заметки о некоторых народах и землях Средней части Азии. Спб; 1821, стр. 16-17.

² Броневский. Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 43, стр. 203-204.

биток и израсходовано на угощения одних лошадей 60 голов.¹ На годовом асе, устроенном в середине XIX в. в честь покойного бывшего султана-правителя восточной части Младшего жуза Ахмета Джантюрина, принимало участие около 7 тыс. человек, было зарезано 90 лошадей, 30 коров, 260 баранов и израсходовано 60 пудов риса.²

Организация подобных асов и участие в расходах по ним лежали на обязанности всех однородичей. Поскольку асы устраивались, как правило, богатыми и влиятельными наследниками, то как бы ни было тяжелым и разорительным для многих кочевников участие в таких поминках, отказаться от участия в них они по существу не могли. Каждый из однородичей, кто прибывал на поминки, привозил с собой лошадей, баранов, а также продукты скотоводства.

Родовые асы в память представителей знати в определенной степени способствовали поддержанию единства членов рода, почитанию влиятельных лиц. Стечение большого числа людей использовалось для рассмотрения различных вопросов: бии разбирали взаимные претензии; султаны и старшины обсуждали различные хозяйственные дела; ставились вопросы об отношениях с другими родами.

В рассматриваемый период частично сохранился обычай хоронить покойников только на родовых кладбищах. Один из современников указывает на то, что труп покойника перевозится на телегах или на верблюдах за сотни и более верст к местам погребения предков.³ Бывали случаи, когда в течение зимы из-за невозможности доставки к местам родовых кладбищ труп покойника хранился в кожаном чехле, подвешенном на дереве, или в горных ущельях до наступления благоприятного для его перевозки времени.

Среди некоторых родов соблюдались правила экзогамной семьи. Так, например, джагалбайлинцы (Младшая орда) не женились внутри своего рода, а брали невест из других родов.⁴ По мнению одного из крупных исследователей истории Казахстана, вообще запрещалось брать в жены девушек из семей своего рода вплоть до седьмого колена.⁵ Бурнашев и Поспелов сообщают, что у казахов «невеста всегда бывает другой волости».⁶ С дроблением и мельчанием родов и их расселением по частям среди других родов соблюдение правил экзогамной семьи

¹ *Плотников В.* Поминки. «Записки Оренбургского отделения ИРГО», вып. I. Казань, 1870, стр. 138-145.

² *Лазаревский Ф.* Очерки киргиз Оренбургского вedomства. Газета «Русский дневник», 1859, № 14.

³ *Завадский А.* Русское царство, Приаральский край. СПб, 1874, стр. 20.

⁴ *Материалы по казахскому обычному праву.* Сб. I. Алма-Ата, 1948, стр. 26.

⁵ *Вяткин М.* Батыр Срым. М. - Л., 1947, стр. 111.

⁶ *Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году.* «Вестник ИРГО», 1851, ч. I, стр. 7.

не было сложным и трудным делом. Вместе с тем нарушение этого древнего семейного обычая не было уже в первой половине XIX в. редкостью. В процессе распада рода как экономического и территориального целого на более мелкие родовые подразделения браки все чаще совершались внутри рода. Даже такой древнейший институт, как кровная месть, не был полностью изжит из области общественной жизни казахов. Несмотря на утвердившийся в обществе принцип выкупа, стороны иногда прибегали и к кровной мести. В 1887 г. казах четвертой Адаевской волости Дермантай убил своего родного дядю по линии отца за то, что тот выступил против его избрания волостным управителем. Ближайшие родственники убитого потребовали кровь за кровь. «Они, подъехав к кибитке Дермантая, – сообщает источник, – вызвали его выйти. Он вышел из кибитки, стал на колени и, совершив краткую молитву, наклонил голову. Взмах шашки – и повинная голова скатилась к ногам мстителя».¹ О наличии остатков кровной мести повествует польский поэт Густав Зелинский, живший среди казахов Средней орды. В своей поэме «Киргизия» он так описывает переживания взрослого сына после убийства его отца:

*«И в кошмарном бреде явно
Видел труп отца кровавый.
Как живой, шептал он строгу
и грозил рукой холодной:
«Мсти, беги! Живет убийца!»
Но молчит и сохнет узник,
Весь истерзанный желаньем
Отомстить или погибнуть».*²

Об этом сообщает и русский врач С. Большой, живший больше года (1803 – 1804 гг.) в плену у казахов Малой орды.³

Представление общества о явлениях окружающей природы отличалось архаичностью, во многом определялось слабостью личности перед силами природы. Отдельный камень, утес, дерево, гром и молния были предметами поклонения. Могилы знатных людей назывались «эулие», т. е. священными. Язычество имело более широкое распространение и влияние в обществе, нежели ислам.

Среди темного населения промышляли так называемые «баксы», «дуана», «жауырыншы» и т. д., т. е. разного рода шарлатаны, которые

¹ Леваневский М. Очерк киргизских степей. Журн. «Земледелие», 1895, кн. II-III, стр. 95.

² Зеленский Густав. Поэма «Киргизия» (перевод с польского), Томск, 1910, стр. 26-27.

³ Записки доктора С. Большого. Журн. «Сын отечества», 1822, № 80, стр. 59.

выдавали себя за прорицателей, предлагали свою помощь для борьбы с духами, якобы вызывающими болезни, несчастье в семье, хозяйстве.

Одним из существенных остатков патриархальных установлений являлся «конак-асы». Любой проезжий путник мог останавливаться в любом ауле и рассчитывать на даровое питание, ночлег и безопасность как для себя, так и для имущества.

Этот древний обычай, возникший и развившийся в свое время на базе общественной собственности на средства и продукты производства, соблюдался уже с большими отступлениями.

Следует отметить, что конак-асы, выработанный в течение веков, имел и другую сторону. При той организации экономической жизни общества, которая была характерна для кочевников, конак-асы осуществлялся как общественный долг каждого по отношению к другим. Путнику, отправляющемуся верхом, невозможно было запастись провиантом на всю весьма длительную дорогу по обширной степи. В известной степени само общество было заинтересовано в сохранении этого традиционного обычая. Правильно это было подмечено одним из русских исследователей. «Благодательный обычай этот существует века, – писал в своих воспоминаниях Г. Арандаренко,¹ – поддерживается разумными требованиями заңа (закона. – С.3.) не напрасно; он устанавливает в народе принципы взаимодолжения, взаимоучастия и обеспечивает каждого путника степного от случайности». Х. Кустанаев писал, что «киргизы в высшей степени гостеприимные. Гость – это «божий гость» («күдайы-конак») и отказать ему в приеме значило бы нарушить освященное вековым обычаем милосердие и быть в презрении у своих одноаульцев».² А. Добросмыслов, долгое время живший в степи и оставивший ценные сведения о Казахстане, отмечал, что «обычай о конак-асы – о даровом, бесплатном угощении и приюте на полуденный отдых или ночлег не только званому гостю, но и всякому путнику или подъезжающему до того обязателен у киргизов, что отказ в оном, наказываясь – ат-тон айпом, бывает, кроме того, поводом общественного презрения к отказавшему».³ Но в период, когда степь все больше наводнялась чиновниками, есаулами, путешественниками, торговыми и вооруженными людьми, странствующими лицами, причем все это в условиях упадка кочевого скотоводства, массового разорения крестьянских хозяйств, конак-асы становился тяжелым бременем для трудовой части населения.

¹ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. Спб, 1889, стр. 2.

² Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894, стр. 17.

³ Добросмыслов А.И. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Казань, 1904, стр. 75.

Соблюдение норм конак-асы не всегда было под силу слабо обеспеченным аулам, поэтому они нередко избегали проезжих дорог и останавливались в значительном удалении от них, чтобы избавиться от частых наездов различных гостей. Это отразилось и в народной поговорке: Қонақ бір күн қонса – құт, екі күн қонса – жұт» («Если гость остановится на один день – это терпимо, даже радостно, а если на два дня, то это – разорение для хозяина»). При всем этом отказ от соблюдения конак-асы получал отрицательный резонанс в окружающей общественной среде, поэтому даже те кочевники, которым было это в тягость, должны были хотя бы внешне соблюдать приличия гостеприимства.

В дореволюционной литературе часто подчеркивается значительная роль стариков-аксакалов в общественных и хозяйственных делах «Если старик свидится с киргизцами, бывшими на охоте, – писал один из современников, – то лучшего зверя, хотя бы лисицу или волка, без всякого требования ему привязывают в торока, несмотря на то, что приобретение ее иногда стоило им немалых трудов. Оскорбление старца не обходится без суда и взыскания (штрафа)».¹

Подобных свидетельств в источниках встречается немало. Здесь следует различать две стороны вопроса. В одном случае речь идет об уважении к людям преклонного возраста как одной из норм общежития, которая не могла не иметь особой привлекательности и силы в обществе, где были значительны остатки общинно-родового строя. В другом случае речь идет о почитании и привилегированном положении стариков, происходящих из знатных семей, уважение к которым измерялось их экономическим положением и весом в обществе. Об этом свидетельствует и то, что правом именоваться аксакалом (дословно: «белобородым») имели богатые и влиятельные лица, хотя и не старики.

Патриархальные по форме нормы и отношения пронизывали почти все стороны общественной и личной жизни людей.

Пережитки общинно-родового строя в казахском обществе сохранились не в силу простой инерции, перебросившей их из бесклассового общества в общество классовое. Как зарождение и развитие, так и сохранение их в условиях классового казахского общества обуславливались определенными объективными причинами, главным образом экономическими. Важное значение имели также социальные мотивы. Господствовавший класс проявлял особую заинтересованность в сохранении старых учреждений и норм, которые были ему выгодны. В

¹ Броневский. Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», ч. 42, стр. 92.

силу такого положения старые обычаи, как бы ни казались они дикими и гнилыми в своей основе, держались долго и изживались с трудом и очень медленно.

Патриархальные нормы и институты в казахском обществе были отчасти своеобразным продолжением частной власти знати и они играли роль средства, привязывающего крестьян через родовое деление, через сословное право на пастбище, к феодалу. Разумеется, патриархальными обычаями не могут быть объяснены сложные отношения зависимости рядовых кочевников-скотоводов от феодальных владельцев.

Из всего сказанного можно заключить, что в казахском обществе первой половины XIX в. формы родовой номенклатуры и отдельные патриархальные институты продолжали функционировать. Хотя они были лишены того социального смысла и содержания, которые были свойственны им в эпоху первобытно-общинного строя, тем не менее они продолжали играть значительную роль в жизни казахов. При изучении общественных отношений дореволюционного Казахстана нельзя не учитывать, тем более игнорировать такую особенность их развития, как живучесть патриархальных пережитков.

Аульная община

Аульная община в Казахстане оказалась весьма жизнеспособной, и она продержалась вплоть до Октябрьской революции. Такое положение было характерно не только для казахского общества. Подобные общины сохранялись и у киргизов, каракалпаков, туркмен, алтайцев и многих других народов.

Казахское общество состояло из системы аульных общин. По своей общественной роли община являлась организационной формой и первичной производственной ячейкой сельскохозяйственного населения. Раскрытие того, что из себя представляли эти общины с точки зрения их сущности, внутренних отношений и роли в обществе, относится к одной из важнейших задач исторической науки. Между тем эта проблема остается еще слабо разработанной. Многие явления в казахской аульной общине неясны, вызывают споры среди исследователей. Особенно это касается таких вопросов, как отношения классовые, кровнородственные и патриархальные, которыми определялась природа этих общин. Здесь нами рассматриваются некоторые из этих вопросов в той степени, в какой это необходимо в связи с темой настоящего исследования и в пределах тех материалов, которыми мы располагаем.

Прежде всего следует сказать, что аул не был установлением, продиктованным сверху, он возник не по распоряжению власти, не по декрету. Аул был продуктом естественно-исторического процесса, и сложился он на определенной ступени развития общества под действием объективных экономических законов. История становления и развития аульной общины в Казахстане неразрывно связана с историей зарождения и развития кочевого скотоводства.

Кочевое скотоводство на территории Казахстана зародилось в далеком прошлом, когда еще существовал здесь общинно-родовой строй. Освоение громадных пастбищных территорий и ведение на этой основе кочевого экстенсивного скотоводства было под силу только организованному коллективу. Поскольку этот коллектив первоначально формировался в недрах первобытно-общинного строя, его основой должно было быть родовое деление. Таким образом, патриархальные пережитки, которые еще были значительными внутри аульных отношений к началу XIX в., отражают длительную историю видоизменения институтов древности.

Казахский аул начала XIX в. по своему содержанию не был патриархальным коллективом того типа, который существовал в период становления кочевого скотоводства. Вместе с тем аул сохранил еще много таких атрибутов, в большинстве случаев ставших уже формальными, которые продолжали напоминать о первородной его среде.

Причины такого положения коренятся в особенностях материального производства. Производительные силы казахского общества развивались исключительно медленно, они имели застойный характер. Однако это вовсе не означает, что кочевые аулы начала XIX в. ничем не отличались от общин более раннего периода. Общество хотя и медленно, но развивалось от одной ступени экономической и политической зрелости к другой. Это не могло не наложить определенного отпечатка на путь развития аульной общины. Так, например, кочевые аулы первой половины XIX в. были более свободны от патриархальных пережитков, чем аулы, скажем, XVIII и XVII вв. Классовые отношения и формы классовой борьбы в них были более зрелыми и высокими, да и в самой организации экономической жизни внутри кочевых коллективов произошли определенные изменения. И все же природа и закономерности кочевых аулов и закономерности их развития не стали иными, чем они были в XVII и XVIII вв.

Число хозяйств, входивших в состав аула, было различным. Это зависело от многих причин: от состоятельности семей, характера осваиваемого пастбищного пространства, времени года, травостоя, безопасности кочевой полосы, длины перехода и т. д. Ханские и султанские

аулы всегда были крупными объединениями. Вокруг них собирались толенгуты, вассалы, прислуга. Обслуживание значительного владения требовало немало рабочих рук. В годы междоусобиц, когда угрожали столкновения с врагами, ханов и султанов сопровождало большое число воинов – членов преданных им родов, и окружение их становилось еще больше, а аулы – более крупными. В случаях внутренней неурядицы или внешней опасности несколько родственных аулов объединялось в общий коллектив. Однако с окончанием конфликтов и наступлением затишья аульные общины направлялись по своим кочевым полосам. Один из крупных дореволюционных исследователей Туркестанского края Л.Ф. Костенко правильно отметил, что казахов «опасность заставляла кочевать большими аулами».¹ Георги так описывает собственно ханскую орду: «Станы их, поелику аймаки, охотно пребывают в союзе, довольно заключают в себе юрт, но очень обширны. Около ханского собственного стана наберется юрт около тысячи».²

Г. Кравцов отмечает, что иногда казахские аулы объединяют до 300 кибиток. Однако такие большие аулы состояются «ввиду экономических соображений».³ Управляющий Средней частью Малого жуза султан Юсуп Нуралиев в одном из писем в 1838 г., обращаясь к оренбургскому губернатору, писал: прошу «разрешения переправить оставшиеся при мне киргизские аулы и равно и собственный мой во внутрь Куралинской линии... при мне аулов состоит довольно количество».⁴ Вполне вероятно, что сосредоточение аулов вокруг султана было вызвано усилением народной борьбы против крупных султанов, характерным для того периода. Также известно, что видный батыр Исет Котибаров, находившийся в серьезном конфликте с царской администрацией и султанами-правителями, в 1849 г. останавливался на полуострове Кок-Арал в составе 70 больших аулов.⁵

Подобные объединения нескольких кочевых коллективов были явлениями временными, имели преходящий характер. Однако и обычные, первичные кочевые аулы крупной знати, как уже отмечено выше, были более крупными по составу, чем другие, и еще больше увеличивались под воздействием, главным образом, внешних факторов.

Сами по себе хозяйственные аулы, рассеянные по всей обширной степи Казахстана, были небольшими по составу. В конце 30-х гг. XIX в.,

¹ Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Т. I. СПб, 1886, стр. 341.

² Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов Ч. II. СПб, 1799, стр. 131.

³ Кравцов Г.В. Отчет о поездке в Киргизские степи в 1872, 1873 и 1874 гг. СПб, 1877, стр. 18,

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4200, л. 40.

⁵ Там же, д. 4438, л. 3.

в связи с подготовкой к открытию нового Кокбектинского округа, через местные органы власти были собраны данные о количестве аулов и юрт, входящих в состав родов и волостей с тем, чтобы ввести новое административное деление. Эти сведения выглядели следующим образом.¹

Таблица 2

№ п/п	Владения	Всего аулов	В них юрт	В каждом среднем ауле юрт
1	Султана Досанова К.	1049	4879	4-5
2	Старшины Козубаева Т.	170	700	4
3	Султана Мусралина И	80	350	4-5
4	Султана Тогумова Т.	80	350	4-5
5	Султана Мыржикбаева	557	1593	3
6	Старшины Серимова С.	60	170	3
7	Старшины Надилова С.	150	700	4-5
8	Старшины Байсова С.	80	400	5
9	Старшины Токтагуртова	100	300	5

Кокбектинские казахи в большей степени занимались земледелием, чем казахи других районов Среднего жуза. Так, например, по данным 1844 г. в Кокбектинском округе хлебопашеством занимались 6693 человека обоого пола при общем числе населения около 40 тыс. человек. Ими было засеяно 399 десятин земли. В это же время в Кокчетавском округе хлебопашеством занимались только 4 семейства казахов, а в Баян-Аульском округе земледелие только начинало внедряться.²

Относительно интенсивное развитие земледелия сопровождалось упадком кочевого скотоводства и разложением аульной общины. Вот почему аулы в приведенной нами таблице выглядят непривычно карликовыми, хотя такое положение было уже к середине XIX в. нередким явлением, в особенности среди малоимущих кочевников. Один из авторов, проезжавший по степи в третьей четверти XIX в., писал, что невдалеке от форта Перовского, на берегу Сыр-Дарьи, стоял казахский аул, «состоящий из четырех или пяти кибиток или палаток».³

На Мангышлакском полуострове казахские аулы по «пять-шесть закопченных и ободранных кибиток разбросаны на небольшом про-

¹ Там же, ф. 374, оп. 1, д. 193, лл. 2-3.

² ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 3, лл. 120, 309, 420.

³ *Мак-Гахан*. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875, стр. 27.

странстве, и в тени их приютилось несколько коз и больных верблюдов», – указывал другой автор-очевидец.¹

Еще более мелкими были аулы, расселенные своими кочевьями недалеко от оседлых пунктов, пограничных городов, военных поселений, с которыми в той или иной степени они регулярно были связаны. В большинстве своем эти аулы были аулами бедняков, отходящих от кочевого скотоводства. Освоение скудного и ограниченного пастбищного пространства целесообразнее было производить более мелкими группами. Приведем несколько примеров. В Петропавловском округе, в районе станицы Ново-Каменской, в 3-5 верстах от нее, в 1828 г. кочевало несколько казахских аулов. Первый аул состоял из 2 кибиток, второй – из 3, третий – из 3, четвертый – из 4, пятый – из 5, шестой – из 3 кибиток. Аулы, кочевавшие в районе Ново-Николаевского редута, имели в своем составе соответственно 17, 2, 5 и 11 хозяйств.² За редкими исключениями, эти хозяйства были мелкими.

Процесс дробления кочевых аулов более интенсивно проходил в Букеевской орде. Здесь общественная жизнь в определенной мере была стабилизирована, прекратились родовые, феодальные междоусобицы, барымта, а круг кочевого перехода был ограничен. Все это оказывало влияние на величину кочевого аула. Здесь аул состоял в среднем из 3-10 хозяйств. «По дороге от Астрахани до Ханской ставки, – пишет Э. Островский (1859 г.) – через каждые 20, 30 и более верст встречается по одной или по несколько киргизских кибиток, составляющих их аулы».³ В Букеевской орде «обыкновенно в ауле бывает 2, 3, 4 и редко 8 жилищ, – сообщает П. Медведский (1862 г.), – скудная растительность степей не позволяет слишком большого скучения народа».⁴ Здесь казахи «кочуют отдельными кибитками или семействами, – говорит другой автор (1864 г.), – и зимуют каждое семейство в отдельном домике, соединяясь по 2 и по 3, редко более 10 кибиток в одном месте. Эти небольшие аулы бывают обыкновенно составлены из родственников».⁵ Аналогичное сообщение встречаем и у Евреинова (1851 г.), который писал, что жители Орды «кочуют всегда аулами, т. е. от 5 до 10 и более кибиток вместе».⁶ Все эти факты свидетельствуют, что дробление

¹ Арский А.В. Степь и оазис. «Русский вестник», 1879, № 8, стр. 129.

² ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 473, лл. 22-26.

³ Островский Э. Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду с ветеринарной целью. «Журнал Министерства внутренних дел», 1859, февраль, стр. 66.

⁴ Медведский П. Внутренняя киргизская орда. «Журнал Министерства государственного имущества», 1862, август, стр. 290.

⁵ Иванин М. Внутренняя или Букеевская киргизская орда. Журн. «Эпоха», 1862, № 12, стр. 24.

⁶ Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. «Современник», 1851, № 10, стр. 84.

хозяйственной ячейки – аула на все более мелкие части нельзя расценивать иначе как тенденцию (хотя далеко не раскрывшуюся), суть которой – постепенное выдвигание отдельной семьи на место аула. Это была одна из особенностей казахского общества первой половины XIX в.

В тех районах, где кочевое скотоводство сохраняло еще известную устойчивость, а таких районов было немало, кочевые аулы перемещались на обширной территории, и длина кочевого кругооборота оставалась значительной, аульная община была более крупной по составу. Г. Броневский указывал в 1830 г., что «аулы или, лучше сказать, семейства бывают, смотря по величине фамилии, от 5 до 70 юрт».¹ «Стан от 10 до 100 и более кибиток с семействами, происходящими от одного поколения и кочующими всегда вместе, называется улусом или аулом и заведывается большей частью аксакалами», – писал журнал «Сын отечества» в 1840 г.² Крупные аулы, насчитывавшие до 70 и 100 кибиток, как указано у этих авторов, по видимому, еще существовали в первой половине XIX в. Как мы уже отметили, они в основном были аулами крупных богачей, в особенности султанов с туленгутами. Это хорошо видно из ранних сообщений Ф. Назарова. Он указывал, что аулы, управляемые почетными биями и старшинами, состоят из 30-70 юрт каждый.³ Кроме того, большие аулы возникали, когда было необходимо объединить усилия кочевников ввиду возникшей угрозы нападения враждебных племен или кочевых групп. Хозяйственные кочевые аулы в подавляющем большинстве состояли в среднем из 5-20 дворов.

В третьей четверти XIX в. чиновник Г. Кравцов совершил несколько поездок в кочевья северных казахов и лично собрал сведения.⁴

Некоторые из аулов были более богатые, другие – менее. Почти не представляется возможным из приведенных отрывочных сведений усмотреть какую-либо закономерную связь между имущественным положением аулов и их численным составом. А такая связь, бесспорно, должна была существовать. Известно, что отдельные богачи и зажиточные крестьяне, еще не выделившиеся из аула, стремились держаться отдельно от основной массы одноаульцев с тем, чтобы обеспечить себя более привольным и удобным пастбищем.

¹ *Броневский Г.* Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 186.

² Журн. «Сын отечества», 1840, ч. V, стр. 234.

³ *Назаров Ф.* Заметки о некоторых народах и землях Средней части Азии, отдельного Сибирского корпуса переводчика. Спб, 1821, стр. 6.

⁴ *Кравцов Г.В.* Отчет о поездке в киргизские степи в 1872, 1873 и 1874 гг. Спб, 1877, стр. 23-24.

Если выраженное в приведенных выше данных соотношение скотовладения и состава аулов не отражает того, что было типичным для общества в целом, то количественный состав является довольно показательным для кочевых скотоводческих коллективов интересующего нас периода. Приведенные цифры подтверждаются сообщениями других источников. Один из серьезных исследователей Западного Казахстана, Л. Мейер, отмечал, что «в Зауральской степи казахи кочуют аулом, в котором около 15 кибиток».¹ На это указывал и Л. Костенко, который в своем трехтомном исследовании о Туркестане писал, что казахский аул в среднем состоит из 15 кибиток.²

В основе объединения кочевников-скотоводов в аулы лежали в первую очередь производственные интересы. Производственное освоение огромных площадей, потребных при кочевом скотоводстве, и преодоление связанных с этим трудностей не под силу отдельным семьям. Аульная община возникла как общественная форма освоения пастбищных пространств. В казахских аулах труд крестьян не кооперировался. Каждый скотовод был занят своим трудом в границах своего хозяйства.

Не был обобществлен и скот – важнейшее средство производства и результат труда в кочевых скотоводческих обществах. Скот находился в полной собственности каждого двора, каждого семейства. Индивидуальным было также потребление и присвоение продуктов и результатов труда. Сферой объединенной общей деятельности членов кочевого коллектива было сооружение искусственных водоемов, борьба со стихийными бедствиями, защита от вторжений извне и взаимная выручка по принципу круговой поруки. Члены кочевого коллектива были связаны между собой в известной степени отношениями взаимопомощи, коллективной ответственности и борьбы за общие интересы. С внешней стороны общинный характер аулов проявлялся в совместном кочевании групп скотоводов. В системе производства «общность» имела место в хозяйственном освоении пастбищных территорий. В общественных отношениях она получала свое закрепление в отдельных патриархальных институтах, перенесенных из первобытно-общинного строя и не потерявших еще силу. Идеологическим обоснованием казахской аульной общины служило представление о родственных связях членов кочевого коллектива и групп аулов.

Одной из характерных черт внутриаульных отношений было то, что общественные отношения переплетались и нередко срастались

¹ Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 247.

² Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Т. I. СПб, 1880, стр. 340.

с отношениями родства. Это делает весьма сложными, противоречивыми отношения, господствовавшие внутри небольших кочевых коллективов, и затрудняет определение связей между членами этих коллективов.

В дореволюционной литературе часто можно встретить высказывания, в которых казахские аулы отождествляются с большими патриархальными семьями, связанными кровнородственными узами. Так, например, по Броневскому, аул «как бы одно семейство, дети и ближние родственники – суть, подчиненные бия-старшины».¹ А. Евреинов считает, что аул есть «почти всегда одно семейство, где старший, как глава его, распоряжается всем. Голос его – закон остальным».²

Большая семья возникает и соответствует определенной стадии развития человеческого общества. Она формируется и развивается на основе общественной собственности на орудия и средства труда, общественного характера потребления («из одного котла»). Члены казахского аула имели самостоятельные хозяйства на правах частной собственности. В основе внутриаульных отношений лежали не отношения равноправных родственников, а отношения, вытекавшие из деления общества на богатых и бедных, эксплуататоров и эксплуатируемых. Само по себе совместное кочевание ближайших родственников не дает никаких оснований называть их в совокупности патриархальными семьями. Это было бы большой ошибкой.

С точки зрения отношений родства, имевших место в первичных кочевых коллективах, следует различать две их группы. Эти отношения оставались значительными в тех аулах, которые продолжали сохранять устойчивость кочевых общин и родовых признаков. Отношения родства были весьма слабы и почти не имели существенного значения в аулах бедняков, сезонных работников, жатаков и егиншей. Как правило, такие аулы возникали на основе объединения представителей различных семейных ветвей и даже родов. Первая группа аулов была более широко представлена в кочевом казахском обществе.

Действительно, ядро аула, вокруг которого собирались кочевники и составляли с ним единый коллектив, в большинстве случаев внутренне было связано родственными отношениями. Разросшаяся, а затем распавшаяся на отдельные в экономическом отношении самостоятельные части семья составляла обыкновенно ядро аула. По мере увеличения численности населения происходило дальнейшее дробление аула и образование новых первичных кочевых коллективов. Вокруг выделив-

¹ *Броневский*. Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 91.

² *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. «Современник». 1851, № 10, стр. 84.

шихся семейств собирались другие, более слабые. При таких условиях ядро аула сохраняет известную обособленность внутри коллектива и занимает господствующее положение. Следует при этом учесть, что само выделение из состава аула определенной группы крестьян в качестве ядра будущего нового кочевого коллектива предполагает наличие известного богатства, сосредоточенного в руках выделившихся хозяйств. Иначе и не было бы надобности в выделении и образовании новых аулов. Отсюда ясно, почему такие влиятельные и разветвленные семейства выступали инициаторами при формировании нового коллектива и занимали в нем доминирующее положение.

Бывали и такие случаи, что аул образовывали несколько семейств, примерно одинаково состоятельных. Но и в этих условиях какое-нибудь из семейств проводило в той или иной степени свою волю как волю коллективную.

Чисто крестьянские аулы, которые встречались в Казахстане в первой половине XIX в., были организованы как объединения сотоварищей, свободные от отношений господства и подчинения. В своих внешних отношениях они всегда находились под опекой, защитой или присмотром крупных феодальных аулов, были связаны с ними родовыми узами и отношениями зависимости.

Проиллюстрируем это на примерах. Во внутренней казахской орде тайфа Субахмет рода Кзыл-Курт, управляемая старшиной Жантокаевым, насчитывавшая 70 хозяйств, была составлена из 9 более или менее больших семейных ветвей, из которых формировалось около десятка хозяйственных аулов.¹ В свою очередь «ата-баласы» (крупная семейная ветвь) делилась на «онын балалары» (более мелкие семейные ветви) и, наконец, последние – на отдельные семьи. Следовательно, родственные отношения в какой-то степени имеют место в казахских кочевых коллективах. При этом ни ата-баласы, ни онын балалары не были большими или патриархальными семейными общинами, и не только потому что казахское общество было классовым, феодальным обществом, но и потому что они дробились на отдельные в хозяйственном отношении обособленные семьи. Взрослые сыновья редко оставались долго под опекой своих родителей. Они, сравнительно рано получив надел из имущества родителей, начинали вести самостоятельное хозяйство. Хотя роль кровнородственных отношений не может быть игнорирована в кочевых коллективах, однако было бы также неправильным переоценивать их. В первой половине XIX в. они были слабы. Источники содержат многочисленные факты, свидетельствующие о серьезных разногласиях, конфликтах и столкновениях

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 139, л. 5.

между отдельными родственными группами и семьями, что говорит о слабости естественных связей между людьми, связей, утративших свое былое значение, и о возросшей роли социальных, классовых отношений.

За неимением других данных, нами приводятся данные о составе некоторых аулов, расселенных своими кочевьями недалеко от казахских станиц и редутов Петропавловского округа.¹

К сожалению, мы не располагаем подробными данными, относящимися к степным кочевым аулам, эти данные, по сути дела, характеризуют состав аулов, оторвавшихся от кочевых коллективов и расположенных в районе населенных пунктов. Таких аулов тоже было немало.

Здесь бросается в глаза в первую очередь то, что аулы во многих случаях образовывали выходцы из разных областей и родов казахского общества. Так, например, в ауле № 1, состоявшем из двух семейств последние не были связаны между собою даже родовой общностью. Пестрым по составу был аул № 5. Здесь сотрудничали кочевники-скотоводы, происходившие из семи крупных объединений – родов. Такое положение характерно и для аулов бедняков – жатаков. Смешение членов различных родов или родовых отделений в рамках одного коллектива наблюдается и в кочевых аулах. Как правило, в составе таких аулов всегда бывают так называемые «кірме» или «қонак», не имеющие родственной связи с основным ядром аула или ата-баласы. Однако их было немного, и они по отношению к лицам, сохранявшим родственные связи, составляли меньшинство.

Далее, из приведенных данных видно, что в отдельных аулах проживают родственники. Таковы аулы, показанные под №№ 2, 3 и 4. Аул старшины Каждарова М., более влиятельного и экономически состоятельного человека, состоит из хозяйств его двух ближних родственников и одного неродственника. Аул № 4 образуют хозяйства трех братьев.

Такие небольшие кочевые коллективы, составленные преимущественно из ближайших родственников, часто встречаются среди кочевых, степных родов. Разумеется, такое положение в известной степени оказывало влияние на внутриаульные отношения, придавая им внешнюю форму родственных отношений. Однако это вовсе не противоречит тому, что аул в целом и его отдельные члены были охвачены отношениями господства и подчинения. Аул № 4, целиком составленный из семей трех братьев, находился в ведении и под опекой крупного феодала султана Карабатыра; аул № 2 в целом возглавлялся старшиной

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 473, лл. 22 – 26.

Каждаровым, который в свою очередь находился в вассальной зависимости от других более крупных феодальных владельцев.

То, что в отдельных кочевых коллективах иногда преобладали члены-родственники, вовсе не свидетельствует о примате кровнородственных отношений перед отношениями классовыми. В лучшем случае это отражалось лишь на личных связях между отдельными одноаульцами. Следует иметь в виду, что среди родственников были люди богатые и бедные, и первые диктовали свою волю вторым. Это также было одной из форм отношений господства и подчинения.

В ауле № 3 два хозяйства из пяти принадлежат Каждаровым, родственникам старшины Каждарова М., кочевавшего со своим аулом отдельно. Остальные три хозяйства происходили из отдельных фамильных ветвей. Следует отметить, что старшина Каждаров М. не кочует вместе со всеми своими ближайшими родственниками, часть из которых отделилась от него. Составляя почти половину состава аула № 3, они, при отсутствии других разветвленных, сильных семейств в ауле, очевидно, благодаря поддержке старшины-родственника, занимали более привилегированное положение. Подобная структура внутриаульной организации наиболее типична для степных скотоводческих аулов. Эти коллективы не только в целом находились в феодальной зависимости от знати, но и внутри их во взаимоотношениях одноаульцев преобладали противоречия интересов и положений.

То, что ядро аула в большинстве случаев состояло из лиц, связанных между собою родственными отношениями, в известной степени придавало общественным и бытовым отношениям патриархальный характер. Но не узы кровного родства, а экономические интересы объединяли казахских кочевников-скотоводов. Отсюда отношения между ними определялись экономическим положением, а не степенью родства.

По социальной структуре кочевой аул (за исключением некоторых аулов, в которых взаимоотношения крестьян имели характер трудового сотрудничества) состоял из привилегированной части, т. е. из лиц, осуществлявших в той или иной форме свое господство, и из зависимых людей, состоявших нередко в далекой или близкой родственной связи с представителями господствующего в коллективе слоя. Мы уже указывали выше, что власть в аульных общинах оказывалась в руках сильной и более многочисленной, сплоченной семейной ветви.

Процесс смешения в составе кочевых коллективов выходцев из различных родовых групп намного усиливается в XVIII и в первой половине XIX вв. Так, например, М. Иванин, длительное время находившийся среди казахов, указывал, что во Внутренней орде «почти

нет ни одного отделения (к концу первой половины XIX в. – С.3.), в котором значительное число кибиток не кочевало бы в других отделениях и родах по всей орде».¹ А. Харузин, который побывал в казахской степи несколько позже, отмечает, что аул султана Галия был составлен из выходцев четырех разных родов.² По данным начала второй половины XIX в., в отделении Кояс рода Ногай (Внутренняя орда) было 513 семейств, из которых 70 происходили из других казахских родов. В тайфе Уйсен таких дворов было 21 из общего числа 214 хозяйств. В другой тайфе – Кустамгалий – из 351 двора 101 находился на положении кірме.³

В течение веков казахский народ неоднократно подвергался нападениям со стороны соседей. В свою очередь и казахи предпринимали завоевательные походы против них, не прекращались внутренние междоусобицы. Барымта – угон скота – была узаконенным обычаем во взаимоотношениях между родами и родовыми подразделениями. В процессе подобных столкновений происходили перемещения больших масс населения из одних районов в другие и постоянное смешение членов различных родов. В результате одни и те же роды оказывались раздробленными и расселенными в различных частях обширных степей Казахстана, затем маломощные из них растворялись среди местного населения. Таким образом, сам принцип родовой общности, который лежал в основе патриархально-феодальной идеологии, в действительности являлся во многом формальным.

Однако несмотря на эти изменения, в трех казахских жузах к XIX в. в основном обитали те местные крупные родовые объединения, которые заселили эти территории с древних времен.

При перемещениях для кочевников-казахов были характерны не индивидуальные, а групповые переходы. Аульские общины в значительной степени слабее подвергались воздействиям смешения и были более устойчивыми. Небольшие подразделения рода Берш можно было встретить на берегу Каспийского моря, в степях Младшего жуза, в Букеевской орде, на Сыре и в других местах. Самого по себе единого рода Берш давно не существовало. Однако его более мелкие подразделения неплохо сохранились. Так было со многими другими родовыми объединениями и родами.

Во главе аула стоял аксакал – старший. Он следил за соблюдением общепринятых в казахском обществе норм жизни коллектива, спо-

¹ *Иванов М.* Внутренняя или Букеевская киргизская орда. Журн. «Эпоха», 1864, № 12, стр. 18.

² *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк). Вып. I. М., 1889, стр. 42.

³ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 74, лл. 2-25, 29-31.

собствовал примирению спорящих сторон, представлял коллектив во внешних связях и отношениях. Порядок, направление и сроки кочевания также определялись аксакалом. Он оказывал содействие местным властям в сборе налогов с населения и т. д. При решении важных вопросов аксакал обращался за советом к другим влиятельным, опытным членам аула. Эта частная власть сплошь и рядом оказывалась в руках представителей знати, влиятельных и богатых кочевников. Соединенная с вассальными отношениями или пользуясь поддержкой со стороны более крупных феодалов, эта власть образует ту политическую силу, которая поддерживает в формах, присущих отсталому кочевому казахскому обществу, личную зависимость трудовой массы аула. Хотя эта частная власть еще носит следы переживших себя патриархальных отношений, ее публичный характер несомненен.

Аул в хозяйственном отношении был обособленной общественной единицей, а в политическом отношении он входил в состав более крупного кочевого коллектива, организованного по родовым признакам. Этот коллектив занимал и эксплуатировал одно общее кочевое направление, перемещаясь по нему поаульно. Аулы сходились по требованию старшин в случаях особой необходимости, собирались вместе и на участках обширного летнего пастбища. При этом обособленность аульного хозяйства как отдельной хозяйственной ячейки стиралась. Такая система организации власти, охватывающая и связывающая части казахского общества в масштабе крупных объединений, жузов и страны в целом, явилась той формой, в которой выступали отношения суверенитета и вассалитета в своеобразных условиях казахского общества.

Казахская аульная община не была ни семейной ассоциацией, ни кровнородственным союзом, ни объединением трудового сотрудничества, хотя она возникла когда-то на этих основах. В ней было обобществлено не производство или труд непосредственных производителей в целом, не скот, не имущество. Общинный характер имела часть труда, необходимая для освоения пастбищных территорий. Формально общим было пастбище, та его часть, которая использовалась сообща на каждой стоянке. Но плодами и результатами труда пользовались члены аула по-разному. Внутриаульные экономические и политические отношения были устроены так, что небольшая часть аульной знати присваивала прибавочный труд большинства кочевников-скотоводов, находилась в привилегированном положении и осуществляла частную власть. А трудящаяся масса аула отдавала часть продуктов своего труда и признавала эту власть.

Другой характерной особенностью казахской аульной общины было то, что, несмотря на наличие классовых противоречий внутри

аула, эксплуатация извне была гораздо сильнее, чем внутренние феодальные притеснения. Как было указано выше, каждая аульская община являлась частью более обширного коллектива кочевников. В свою очередь последний входил в состав рода, родовых отделений. Во главе каждого кочевого звена в общей ступенчатой цепи административного аппарата находился феодал, и все они по своей линии в порядке подчиненности давили своим корыстолюбием, авторитетом и силой власти на рядовых кочевников – членов аульской общины. Ханы, а после их ликвидации – царские чиновники облагали кочевников государственными налогами (зекет, ушур, согум, кибиточная подать, ясак и т. д.). Родоправители-султаны, стоявшие ниже их рангом, также вводили свои налоги. Средние и мелкие феодалы сделали обязательными доставку им «добровольных», «жертвенных» приношений. При таком обширном круге лиц, пользующихся правом взимания различных поборов, неизменным оставался объект их эксплуатации – народ, рядовые крестьяне. Вся иерархическая угнетательская машина давила своей тяжестью в конечном счете на членов аульных общин. Не ограниченная никакими законами эксплуатация вызывала недовольство не только крестьян-кочевников, но и представителей мелкой знати в аулах. Это недовольство выражалось в том, что с протестом выступали нередко целые аулы, причем аульные старшины, аксакалы в определенных условиях руководили этими выступлениями.

Материальной основой феодальной эксплуатации рядовых кочевников была феодальная собственность на пастбищные пространства, выступавшая в условиях отсталого казахского общества в своеобразных формах. Аульская община кочевала на землях, не принадлежавших ей в качестве общинной собственности. Право распоряжения кочевьями являлось неотъемлемым атрибутом феодальной власти. То, что члены аульской общины формально не были стеснены в пользовании отдельными пастбищными участками, не меняло существа вопроса. Феодал, распоряжавшийся кочевым районом в целом, независимо от того, как эта земельная площадь использовалась внутри общины, требовал определенной компенсации в виде сборов или различных приношений – это зависело от конкретных условий и обстановки. Известно, что хивинские, кокандские ханы на захваченной ими территории вводили для казахских аулов сборы «за кочевание». Царское правительство также взимало налоги «за пользование государственной землей». Правда, казахские феодалы не декларировали этого, но оно считалось само собой разумеющимся и вытекающим из факта распространения их власти над кочевыми аулами. Итак, феодальные сборы, приношения феодалам и различные виды барщинных работ крестьян-казахов

по своей сущности являлись различными формами феодальной земельной ренты. Особенности этих форм отражают специфику общественных отношений казахов.

Внутри аульных общин существовало большое неравенство в землепользовании. Урочища, предназначенные для зимних стоянок, сенокосения и осеннего кочевания, считались принадлежностью главы аула. Он наделял каждого кочевника участками под хозяйственные постройки, жилища на зиму, а также для сенокосения и пастбы скота. При этом лучшие угодья всегда оказывались в руках влиятельных и богатых семей, от которых фактически были зависимы в землепользовании остальные крестьяне. Весенние, летние, нередко и осенние пастбищные районы находились в коллективном пользовании. На лучших лугах выпасался скот, принадлежавший богатым семьям. Рядовые крестьяне, владевшие небольшим количеством скота, не могли претендовать на эти участки и довольствовались второстепенными пастбищами в границах общинного выпаса. В земельных отношениях по существу доминировала фактическая власть – власть сильного, а не правовая власть. Право общинного землепользования давно переродилось в формальность, а зачастую превращалось в свою противоположность. Оно было поставлено на службу и под контроль фактической власти феодалов в кочевых коллективах. Казахская «родовая община ведет даже к еще большему гнету одних над другими, чем было бы при других условиях», – отмечал один из дореволюционных исследователей.¹ Некоторые авторитетные правительственные органы не без основания характеризовали общинное землепользование у казахов как «общинно-земельное бесправие».² На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Казахские аульные общины, содержание и формы их деятельности органически связаны с кочевым скотоводством. Первоначально они возникли как общественная форма коллективного освоения пастбищных территорий для кочевого скотоводства.

2. В первой половине XIX в. аульные общины представляли из себя небольшие первичные хозяйственные объединения, во многих случаях состоящие из 5 – 20 семейств каждое.

3. В казахских аульных общинах некоторая часть труда, необходимая для коллективного освоения пастбища и поддержания его в пригодном состоянии, носила общественный характер. А основной процесс производства – воспроизводство стада, ради которого осваивались паст-

¹ Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела. ИРГО. Вып. V. Семипалатинск, 1911, стр. 21.

² Румянцев Г.П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. Журн. «Вопросы колонизации», 1909, № 5, стр. 83.

бища, осуществлялся индивидуально, посемейно, поскольку скот находился в полной собственности отдельных членов общины. Уже одно это обстоятельство создавало устойчивую предпосылку для резкого имущественного неравенства, которое должно было существовать и действительно существовало внутри этих кочевых коллективов.

4. Общинное землепользование, на котором когда-то покоились аульные общины, давно переродилось. Лучшие урочища, места зимних стоянок, сенокосные луга оказались сконцентрированными фактически в руках знати в виде частных владений. Остальная часть пастбищной территории, используемая общиной, была подконтрольна этой знати.

5. Ядро аульной общины, как правило, состояло из семей, связанных между собою родством. Это делало сложными, запутанными внутриаульные отношения. Тем не менее экономические и классовые отношения везде и всюду превалировали над кровнородственными.

6. Рядовые члены аулов испытывали двойной гнет. С одной стороны, они эксплуатировались преимущественно на основе патриархальных обычаев собственной знатю. С другой стороны, они несли более тяжелые и многочисленные повинности перед феодалами, стоявшими вне данной аульной общины, но осуществлявшими власть над нею.

7. Казахская аульная община имела противоречивый характер по своему содержанию и по той роли, которую она играла в социально-экономических отношениях. Достаточно сказать, что феодальная знать использовала ее для упрочения своих позиций, усиления феодальной эксплуатации зависимых крестьян. В свою очередь крестьяне стремились использовать общинные права для борьбы против притеснения феодалов. При столкновении этих двух неравных сил верх брала феодальная знать. Таким образом, аульная община в конечном счете оказывалась орудием осуществления господства феодальной верхушки.

Товарно-денежные отношения

В казахских ханствах на протяжении всей истории не чеканились монеты и не было других заменителей-знаков, имевших значение всеобщего эквивалента товаров и вещей. Это свидетельствовало о неразвитости товарного обращения в обществе. Вопрос о том, в какой степени денежные знаки соседних государств распространялись на территории Казахстана, остается еще невыясненным. В исторической литературе приводились данные, говорящие об оживленных торговых связях казахов, в особенности пограничных районов, с соседними государствами. В частности, на юге среднеазиатские ханства в значитель-

ном количестве закупали у казахов скот и продавали им свои товары. На востоке торговля поддерживалась с китайскими владениями, на севере и северо-западе – с Россией. Наряду с безденежными взаимными обменами товаров расчеты при заключении сделок производились на основе денежных знаков той стороны, которая владела ими и обеспечивала их курс.

Таким образом, пограничным районам Казахстана в той или иной степени были знакомы денежные знаки России, Китая и среднеазиатских ханств. Но поскольку регулярные, в том числе торговые, связи между казахами и соседними народами были все же слабыми и осуществлялись в небольшом количестве пунктов, вряд ли денежные отношения имели серьезный вес в общественной жизни казахов.

Другой особенностью товарно-денежных отношений в Казахстане в рассматриваемый период было то, что в их развитии преобладающую, все более активизирующуюся роль стала играть Россия, настойчиво проводившая политику колониального подчинения Казахстана. Царское правительство стремилось превратить казахскую степь в обширный рынок для реализации залежалых, низкосортных товаров и в источник сырья для русской промышленности. Иначе говоря, колониальная экспансия со стороны царской России сопровождалась и экономическим проникновением в Казахстан.

В сфере товарного обращения следует различать две области отношений. Одна область отношений охватывает связи между народами, а другая – между членами данного общества. Проведение такого разграничения особенно важно для Казахстана. Несколько забегаая вперед, заметим, что в экономических связях между казахами и иноземными купцами были более развиты товарно-денежные отношения, чем в отношениях между самими казахами, в которых преобладал натуральный обмен ценностями.

Внутренний обмен был слаб и неразвит. Экономическая специализация отдельных районов носила зачаточный характер. Это и понятно, так как ремесло еще не отделилось от скотоводства, не выделились города как центры промышленного производства, и на всей территории страны доминирующей была одна отрасль хозяйства – скотоводство. Как на юге и юго-востоке – в районах относительно развитого земледелия, – так и в центральных и северных областях Казахстана оно оставалось ведущей отраслью производства. Внутренний обмен базировался не столько на экономической специализации районов, сколько на некоторых хозяйственных различиях, в основном обусловленных естественно-географическими особенностями отдельных частей Казахстана. Так, например, одни казахские роды больше раз-

водили лошадей, другие – баранов, третьи имели лучшие условия для разведения верблюдов и т. д. Между подобными родами происходил (правда, спорадически и в незначительных размерах) обмен скотом и животноводческой продукцией. Аулы, занимавшие кочевьями лесостепные районы, располагали возможностью производить на обмен деревянные части кочевых юрт (кереге, уук, шанырак, босага и др.). Земледельцы, рыбаки соответственно могли торговать излишками хлеба и рыбы. Некоторые семьи развозили по аулам соль. Для всех этих хозяйств являлось характерным то, что их основной задачей было удовлетворение личных потребностей.

Для внутреннего обмена характерна следующая общая картина: отдельные кочевые группы Сыр-Дарьинского ведомства, разводившие преимущественно баранов и верблюдов, в конце весны, например, при встрече с аулами рода Баганалы Средней орды обменивали у них породистых лошадей, которыми славился этот род. Приблизительно в июле эти кочевые группы приближались к кочевьям тургайских казахов, у которых приобретали деревянные части кочевых юрт. На обратном пути по дороге к своим зимовым местам они заезжали к сыр-дарьинским хлебоборам, чтобы выменять на зиму некоторое количество хлеба.¹ Причем число и масштаб обменных операций были весьма незначительными.

Таковы некоторые штрихи внутреннего обмена в казахском обществе. Ограниченные размеры и во многом случайный характер внутренней торговли дали повод некоторым исследователям отрицать, что подобная торговля вообще имела место. М. Красовский писал, что «внутренней торговли, т. е. обмена, который производился бы между киргизами различных местностей, в области сибирских киргизов... почти не существовало».²

Форма, в которую облекались торговые сделки, имела свои особенности. Основным мериллом стоимости реализуемых вещей считался баран. В степи «всякая торговля производится обменом, – отмечал Георги, – причем овцы служат как-будто бы размером».³ Казахи «торговали не на деньги и цены денег не знают, следовательно, их не имеют...», – указывал Броневский в 1830 г.⁴ Кайдалов, сопровождавший в 1824 г. торговый караван, следовавший в среднеазиатские ханства, сообщает в своих записках, что в пути

¹ *Тетеревников А.Н.* Очерк внутренней торговли Киргизской степи. СПб, 1867, стр. 9-10.

² *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1868, стр. 207.

³ *Георги.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. СПб, 1799, стр. 136.

⁴ *Броневский Г.* Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 187.

купцы производили только обменную торговлю с казахами, получая от них скот, кошмы, армянину, тулупы, арканы в обмен на промышленные товары.¹ Г. Колмогоров писал, что казах «не продает скота на деньги, не любит их, как приносящих ущерб его хозяйству и благосостоянию; вот почему полудикарь очень серьезно смеется над жадностью к деньгам».²

Возможно, не все достоверно в этих высказываниях. Кроме того, нужно учитывать, что они характеризуют состояние торговли в отдельных районах обширной страны. Тем не менее несомненным фактом является то, что в первой половине XIX в. денежные отношения, деньги не вошли еще прочно в обиход у казахского населения.

Прав был А. Левшин, когда он писал, что нельзя «под именем торговли киргизской разуместь торговлю на деньги, какую ведут между собою европейцы. У киргиз-казахов она находится еще в том первобытном виде, которая имела у всех народов во время их младенчества».³

Трехлетний, а чаще всего годовалый баран служил мерилем определения стоимости товаров. Существовала система оценки скота и продукции животноводства в переводе на баранов.

«Тариф» этот выглядел следующим образом.

<i>Годовалый баран ("сек") считался единицей меры</i>	
<i>Двухгодовалый баран ("кунан") приравнивался</i>	<i>к 1 1/2 барана</i>
<i>Трехгодовалый баран ("дунен")</i>	<i>2 баранам</i>
<i>Годовалый теленок ("тайнша")</i>	<i>к 2</i>
<i>Двухлетний теленок ("кунан")</i>	<i>к 4</i>
<i>10 овчин стоили</i>	<i>1 1/2 барана</i>
<i>10 мерлушек</i>	<i>1 1/2</i>
<i>Бычья кожа</i>	<i>1 1/4</i>
<i>2 кошмы определенных размеров стоили</i>	<i>3 1/2 барана</i>
<i>4 лисьи или волчьи шкуры</i>	<i>8 1/2</i>
<i>Верблюд</i>	<i>20 баранов</i>

Надо сказать, что если оценка ограниченного количества предметов потребления, находившихся во внутреннем обращении общества,

¹ *Кайдалов Е.* Караван-записки во время похода в Бухарию Российского каравана в 1824-1825 годах. Ч. I. М., 1827, стр. 94-95.

² *Колмогоров Г.* О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского воеводства. «Вестник ИРГО», 1855, кн. 1, стр. 21.

³ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. Спб, 1832, стр. 217.

более или менее удовлетворительно могла производиться в расчете на баранов, то такая система в торговых связях с русскими и среднеазиатскими купцами по мере усиления этих связей становилась все менее пригодной и все нагляднее обнаруживала свою неспособность обслуживать более развитые формы торговых отношений.

В первой половине XIX в. отмечается относительно интенсивное развитие товарно-денежных отношений в Казахстане. Это рельефно отразилось не столько на количестве обмениваемого скота, сколько в расширении сферы обращения и проникновения товарно-денежных отношений в глубь страны.

О росте товарооборота на ярмарках, расположенных вдоль пограничной линии между Россией и Казахстаном или в районах, непосредственно примыкавших к этой линии, свидетельствуют следующие факты: в 1820 г. здесь было распродано товаров на 115000 руб. серебром.

К 1862 г. привозилось товаров на сумму 5 348 438 руб. серебром, а вывоз достигал 4 431 772 руб. серебром.¹

Следует сказать, что торговля с казахами никогда не была устойчивой, стабильной. В один год совершалось много крупных торговых сделок, а на следующий год могло наступить известное затишье. Такое положение в значительной степени было связано с неустойчивым характером кочевого скотоводческого хозяйства. Жуты, стихийные бедствия, междоусобия или другие причины часто нарушали нормальную экономическую жизнь народа. Поэтому при сравнении данных отдельных лет нужно учитывать все эти обстоятельства, иначе можно прийти к ошибочным выводам. В целом тенденция восходящего развития была для торговли определяющей, хотя она и развивалась зигзагообразно. Это видно из того, какой был сделан большой скачок в развитии торговли за 40 с небольшим лет (с 1820 до 1862 г.).

Поскольку Казахстан в рассматриваемый период был разделен в политическом отношении на две части (Оренбургское и Сибирское ведомства) и сведения в источниках даются раздельно по этим ведомствам, исследователю приходится считаться с этим фактом при изучении той эпохи.

В свое время П. Рычков отмечал, что казахи Малой орды ведут внешнюю торговлю с Россией в основном через Оренбург и Троицкую крепость и на юге – с Хивой. Различные промышленники, торговые люди на Оренбургской линии ежегодно покупали у казахов до 10-15 тыс. лошадей и 40-50 тыс. баранов.² По данным Георги, к концу XVIII в. казахи только в одном городе Оренбурге продавали ежегодно около 150000 голов мелкого

¹ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. III. М., 1867, стр. 57. ↗

² *Рычков П.* Топография Оренбургская. Ч. I. СПб, 1762, стр. 329.

скота. В других городах и пунктах Оренбургской линии торговые операции производились в незначительных размерах.¹ Автор содержательной работы о торговле в Казахстане А. Добросмыслов сообщает, что в первой половине XIX в. торговля казахов Малой орды «почти исключительно сосредоточивалась на Оренбургской линии и была исключительно меновая, так как они не имели ни денежных знаков, ни весов, ни определенных мер. Меновой единицей у киргиз принимался годовой баран – сек».²

По своему значению с Оренбургом мог соперничать, пожалуй, только г. Петропавловск, являвшийся крупным торговым центром в Средней орде. По некоторым данным, в Оренбурге к 1849 г. постоянно проживали 96 человек купеческого происхождения со значительными оборотными капиталами.³

Показатели торгового оборота г. Оренбурга в известной степени могут характеризовать торговлю во всей Малой орде. Торговые связи казахов не только с Россией, но и с другими народами осуществлялись главным образом через Оренбург. В нашем распоряжении имеются более или менее достоверные, во всяком случае не преувеличенные сведения о состоянии торговли в Оренбурге, составленные в свое время таможенной. Они впервые были обнародованы А. Левшиным.⁴ В таблице 3 приводятся сведения о количестве скота, выменянного у казахов в конце XVIII и за первое двадцатилетие XIX вв. Накануне XIX в. пограничная торговля была в Оренбурге более оживленной и обширной, нежели в первой четверти XIX в. Наблюдается известное снижение вывоза скота казахами: если в 1786 и 1787 гг. соответственно было выменено баранов более 370 и 360 тыс. голов, то в 1815 г. эта цифра упала до 40 тыс., в 1818 г. – до 90 тыс. Основной причиной такого положения является то, что кочевое скотоводческое хозяйство с конца XVIII в. переживало, в особенности в Малой орде, серьезный кризис.

По данным Оренбургской пограничной комиссии за 1839 г., казахи Малой орды променивали ежегодно до 600 000 баранов примерно на 5 млн. руб. Кроме того, они вывозили на продажу разную продукцию скотоводства, которая оценивалась Оренбургской таможенной в 2 млн. руб.⁵

¹ *Георги*. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. Спб, 1799, стр. 136.

² *Добросмыслов А.* Торговля в Тургайской области. Оренбург, 1898, стр. 10.

³ *Небольсин П.* Рассказы проезжего. Спб, 1854, стр. 190.

⁴ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. Спб, 1832, стр. 221-224. Левшин считает приводимые им сведения преуменьшенными, поскольку охват всего торгового оборота таможенной был невозможен.

⁵ ЦГИА КазССР ф 4, оп. 1, д. 337, л. 33.

Годы	Всего выменено			
	лошадей	быков	баранов	козлов
1780	4643	379	225486	7250
1785	2013	362	202151	6452
1786	3559	1021	372917	12218
1787	3157	708	362134	13033
1788	4921	313	205569	9204
1800	2116	867	85221	2605
1801	1639	939	98635	2547
1802	1727	703	110139	3841
1803	1995	1719	122495	5513
1804	942	357	85827	3802
1805	776	401	105240	4452
1806	355	154	67699	3001
1807	146	60	25454	1250
1808	192	393	77435	3515
1809	42	291	89900	6935
1810	36	342	65699	5639
1811	6	428	49288	8438
1812	6	451	36880	1004
1813	53	225	18316	207
1814	8	301	23705	394
1815	21	707	40013	761
1816	184	1425	70373	1567
1817	61	565	52470	1716
1818	14	455	90558	299
1819	9	315	143336	1417
1820	68	1074	160296	3268

Значительно менее оживленная торговля, прерывающаяся иногда на продолжительное время в течение года, имела место в других пунктах Оренбургского ведомства. Об этом некоторое представление может дать донесение Оренбургской пограничной таможни от 18 августа 1841 г., поданное ею в Пограничную комиссию. В донесении сказано, что с января до августа отчетного года было выменено мелкого скота у казахов.¹

¹ ЦГИА КазССР ф. 4, оп. 1, д. 1550, л. 165.

в меновом дворе Оренбурга	– 64301 голова
в Орске	– 25760 голов
в Илецке	– 4023
в Уральске	– 15820
в Калмыковской заставе	– 12806
в Гурьевской заставе	– 38112

Крупные торговые сделки обычно заключались к глубокой осени, когда заканчивался нагул скота и кочевники, возвращаясь к своим зимовкам, делали заготовки продуктов на зиму. Поэтому то, что указано здесь, далеко не полностью отражает объем оборота. В данном случае цифры приведены нами с единственной целью – в сравнительном плане показать роль и место различных пунктов Оренбургского ведомства в системе торговых связей казахов.

Крупные торговые сделки заключали казахи с иноземными купцами и в Сибирском ведомстве.

Генерал-адъютант Анненков, управлявший землями Средней и Большой орды, в обозрении положения в этих двух ордах, составленном в 1851 г., отмечал, что, по многим данным, в последнее время ежегодно перегонялись через Сибирскую линию в Россию около 1000 лошадей, 7000 голов крупного рогатого скота и 389000 баранов. Он считал, что ежегодный оборот несколько превышал миллион рублей серебром.¹

Официальная статистика не всегда правильно отражала объем товарного обращения в казахской степи. Учитывались обороты лишь на меновых дворах и ярмарках, и то не всегда верно. Торговля, которая не прекращалась в течение года и производилась по многим другим каналам, оставалась вне контроля статистики. Г. Колмогоров, изучавший состояние торговли в Казахстане, не стал ограничиваться только анализом официальных отчетных записей. Он использовал сведения многих крупных купцов и их приказчиков.

«По собранным мною сведениям от купцов и многочисленных их приказчиков, – писал Г. Колмогоров, – можно сказать приблизительно и уверенно, что только от одних сибирских киргизов идет лошадей до 150 тыс., быков до 100 тыс., баранов до 3 млн. голов».²

Средняя орда была значительно богаче скотом, в особенности лошадьми и крупным рогатым скотом, чем Малая орда. Упадок кочевого скотоводства здесь, а также в Большой орде был менее чувствителен. Эти обширные районы Казахстана являлись крупными поставщиками

¹ *Серебренников А.* Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1851-1852 годы. Т. 3. Ташкент, стр. 168-169.

² *Колмогоров Г.* О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. «Вестник ИРГО», 1855, кн. 1, стр. 26.

скота и скотоводческой продукции в Россию. Но такая масса скота, которую указывает Г. Колмогоров на основании свидетельств купцов и приказчиков, вряд ли перегонялась казахами в Россию.

Между прочим, И. Завалишин сообщает, что в Петропавловский меновой двор в 1820 г. было пригнано казахами до 70 000 голов скота, а в начале 60-х гг. ежегодное поступление составило свыше 100 000 голов одного только крупного рогатого скота и почти до миллиона баранов.¹ Петропавловск являлся одним из самых крупных торговых центров Сибирского ведомства. Петропавловские купцы обладали солидным капиталом (общий оборотный капитал их составлял 1 598 000 руб. серебром) и торговым аппаратом (приказчики, агенты и др.). К 1862 г. в Петропавловске числилось купцов трех гильдий 201 человек.² Даже на фоне этих данных сведения Колмогорова выглядят сильно преувеличенными.

Торговые пункты находились также в Семипалатинске, Омске, Усть-Каменогорске, Пресногорьковске и в некоторых крепостях заставах и населенных пунктах.

Подводя итоги сказанному, можно прийти к выводу, что казахи были крупными поставщиками скота, особенно мелкого. По самым осторожным подсчетам можно полагать, что из Казахстана через русскую границу ежегодно переправлялось не менее одного миллиона баранов. Важную статью казахского экспорта составляла также продукция животноводства и охотничьего промысла. Вот почему царское правительство стремилось вовлечь в торговые отношения все большее число кочевых коллективов, посылая им специальные приглашения прибыть на ярмарку или меновой двор, и вместе с тем проводило политику сохранения кочевого образа жизни у казахского народа.

Крупным поставщиком товаров в казахскую степь и потребителем основной массы скота и скотоводческой продукции, которые сбывали казахи, являлась Россия. Торговые связи Казахстана с Россией все время расширялись и укреплялись. В 30-х гг. XIX в. русско-казахская торговля характеризовалась следующими цифрами (в тыс. руб. ассигн.).³

¹ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. III. М., 1867, стр.57.

² *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1868, стр. 299, 303.

³ *Рожкова М.К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М. – Л., 1949, стр. 193, 196.

Годы	Экспорт (в Казахстан)	Импорт (из Казахстана)	
		всего	в том числе живой скот
1833	4625	4065	3142
1834	4673	4617	3491
1836	4307	4569	3536
1837	3724	4508	3219
1838	3440	3748	2797
1839	3319	3590	2545
1840	3525	3832	

Из России экспортировались в большинстве случаев низкосортные, залежалые, не имеющие достаточного спроса в метрополии промышленные товары. Среди них большой удельный вес имели мануфактурные изделия, а также различные предметы хозяйственного и бытового обихода. Металлические изделия занимали крайне ничтожное место в общем балансе экспорта в Казахстан. Если Казахстан потреблял не менее половины всех товаров, вывезенных Россией в среднеазиатские ханства, то в металлопотреблении он уступал последним более чем в 10 раз. Из приведенной таблицы видно, что экспорт товаров в русско-казахских торговых отношениях уравнивался импортом. Так, например, за указанные в таблице 4 экспорт составил 27 623 тыс. руб., а импорт – 28 929 тыс. руб. Это отражает, хотя бы косвенно, обменный характер торговых сделок. Примерно 67 проц. казахского экспорта составлял скот.

В отношении торговых связей казахов со среднеазиатскими ханствами и Китаем мы не располагаем данными официальной статистики. Однако источники определенно указывают, что эти связи были значительными. Обороты по сравнению с казахско-русской торговлей были намного меньше, в особенности начиная со второй четверти XIX в., но определенную роль в экономике Казахстана они играли.

Н. Муравьев, посетивший Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., сообщает, что Хива ведет «довольно значительный торг» с различными кочующими народами, в том числе с казахами. Казахи табунами пригоняли лошадей на продажу в г. Кят, где их хивинцы охотно покупали.¹

¹ *Муравьев Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1818 и 1820 годах. Ч. II. М., 1822, стр. 98-99.

По словам самих казахов, как сообщает А. Левшин, они в прежние времена, т. е. до начала XIX в., вели с Китаем, Бухарой, Хивой и другими соседними странами не менее оживленную торговлю скотом, чем с Россией. Но теперь «междоусобия и баранты так уменьшили стада и табуны киргизские, что они и половины показанного количества скота не выпускают (в указанные страны. – С.3.) ныне».¹

Торговыми пунктами на китайской границе были Тарбагатай, Кульджа, Чугучак. Следует заметить, что китайские купцы редко проникали в глубь кочевых коллективов, расселенных даже близко, к восточной границе, тогда как выходцы из среднеазиатских ханств часто проникали мелкими группами в глубь казахской степи.

В этом, по-видимому, сказались более тесные экономические и политические связи казахов со своими южными соседями, родство языка и обычаев.

Внутренняя развозная мелочная торговля в казахском обществе преимущественно находилась в руках среднеазиатских торговцев и северных татар. Русские купцы в основном вели оптовую, крупную пограничную торговлю. Купцов, которые держали агентов и приказчиков, развозивших товары по аулам, было немного, и они в основном посещали определенные роды недалеко от пограничных пунктов. Во внутренней торговле в казахской степи господствовали бухарцы, ташкентцы, кокандцы и кашгарцы. «Вероятно, их много, ибо они видны во всякой волости», – пишет Броневский. По его словам, казахи пригоняют много скота в Среднюю Азию и Китай, так же как и к русской границе.²

С Бухарой и Самаркандом больше всего были связаны сырдарьинские казахи и кочевники юго-восточной части степи. Роды Адай, Шумшили-табын и часть рода Шекты были связаны с городами Хивинского ханства. Об объеме этой торговли мы не имеем сведений, но надо полагать, что она была значительной. Известно, что в ноябре 1855 г. казахи послали в Хиву крупный караван при 3000 вьючных верблюдах для закупки муки.³ Пограничная комиссия в 1858 г. отмечала, что некоторые казахи возят в Хиву и Бухару русские товары, приобретаемые ими на Оренбургской линии.⁴

Среднеазиатские купцы вели крупную торговлю в северных областях, приезжали к китайской границе и т. д. В течение мая – августа

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб, 1832, стр. 227.

² *Броневский Г.* Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 162-163.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5144, л. 13.

⁴ Там же, д. 5190, л. 20.

1853 г. через Акмолинский окружной приказ проследовали более 1200 верблюдов, груженных товарами купцов среднеазиатских ханств.¹

По казахской степи проходил ряд важных караванных путей, по которым двигались товары из России в Китай, в среднеазиатские страны и обратно. Нередко на торговые поезда в пути совершались нападения с целью ограбления. Местные казахские феодалы требовали от караванов больших пошлин за прохождение через принадлежавшие им земли. Смуты и междоусобицы, которые были так часты в тот период в жизни казахского общества, не могли не сказаться на состоянии караванной торговли с Россией и другими восточными странами.

Основные караванные пути имели следующие направления: 1) из Петропавловска на Ташкент, Бухару, Коканд, 2) Петропавловск – Кульджа (Китай), 3) Семипалатинск – Чугучак (Китай), 4) Семипалатинск – Коканд, 5) из Оренбурга на Бухару, Хиву, Коканд.

Казахская степь не была просто дорогой следования для торговых караванов. Купцы в продолжение всего пути вели оживленную обменную торговлю с казахскими аулами. Добрая половина товаров каравана, как правило, распродавалась казахам. Зато хозяева каравана к месту назначения пригоняли скот и привозили массу скотоводческого сырья, приобретенного по дешевке, так что перепродажа этих товаров приносила им большие прибыли. То же повторялось и на обратном пути. Пограничная торговля осуществлялась далеко не на равных началах.

Царское правительство и среднеазиатские ханы рассматривали Казахстан как объект колонизации и свои взаимоотношения с ним строили, исходя из этой политики. Серьезное значение имело и то обстоятельство, что русские и среднеазиатские купцы обладали большим коммерческим опытом, стремились получить как можно больше барыша, а казахи в подавляющем большинстве своем не имели такого опыта и куплей-продажей занимались с единственной целью удовлетворения личных потребностей. Неграмотному, отсталому и забитому кочевнику-скотоводу противостояли на рынке искусные в обманах и мошенничествах купцы, не брезгающие ничем во имя получения больших прибылей.

Приведем некоторые факты неэквивалентной торговли в казахской степи. Фунт чая или сахара стоимостью 25 коп. серебром купец продавал в степи за половину барана (т. е. за 1 руб. серебром). 6 – 7 аршин полуситца по 5 коп. за аршин обменивались на одного годовалого барана. Самовар, стоивший в России 7 руб. серебром, купец отдавал казаху за 20 баранов (40 руб. серебром). М. Красовский отмечает, что в

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 2716, лл. 19-29.

результате подобного обмена за разовый заход прииртышские купцы увеличивали свои оборотные капиталы не менее чем в 4 раза, за вычетом всех издержек и расходов.¹ По сообщению начальника Петропавловской таможни Чернявского, чугунный котел, имевший в окружности 10-12 четвертей, оцениваемый на Ирбитской ярмарке в 2 руб. 70 коп., продавался казахам за баранов стоимостью 50 руб.² Подобных примеров можно привести немало. В ряде документов официальных органов и правительственных чиновников сообщается о фактах неэквивалентной торговли с казахским населением. Характерно в этом смысле признание сенатора Энгеля, сделанное в 1828 г. после поездки в Внутреннюю казахскую орду. Относительно торговли по Узенской укрепленной линии он писал: «Главное участие в сей торговле имеют обыкновенно местные начальники (т. е. начальники укреплений. – С.З.). Торговцы покупают товары в Уральске из третьих рук и променяют киргизцам по высоким ценам и с довольно отяготительными условиями».³ Об обманах и мошенничествах со стороны купцов в торговле с казахами на меновых дворах Оренбургского ведомства сообщал попечитель прилинейных казахов на Уральской казачьей линии в 1849 г.⁴ Один из крупных русских купцов С.М. Деев признавал, что «русские купцы не стеснялись в эксплуатации киргизов и только при помощи эксплуатации наживали громадные капиталы».⁵

Неудивительно поэтому, что в казахской степи предприимчивые дельцы, даже обладая небольшим капиталом, быстро поправляли свои дела и за короткий срок наживали целые состояния. Так, например, купец третьей гильдии Д. Медведев, поселившись в Ханской ставке (Внутренняя орда), начал торговлю, имея только 30 руб. серебром, и в течение 20 лет довел эту сумму до 25 000 руб. серебром.⁶ Подобных случаев было немало.

Казахское общество обладало громадной обменной и покупательной способностью. Располагая миллионами голов скота, оно в то же время нуждалось в разнообразных промышленных и продовольственных товарах, которых в большинстве не производило само или производило недостаточно. Большая разница, существовавшая между ценами на товары в России и в Казахстане, делала очень заманчивой для русских коммерсантов торговлю с казахами. Появились различного

¹ Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. II. Спб, 1868.

² Материалы по истории Казахской ССР. М. – Л., 1940, т. IV, стр. 4.

³ Там же, стр. 293.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2510, л. 63.

⁵ Столянский П. Очерки из оренбургской старины. Оренбург, 1902, стр. 47.

⁶ Киттары М. Ставка хана Внутренней киргизской орды. «Журнал Министерства внутренних дел», 1849, т. XXVIII, стр. 177.

рода скупщики, перекупщики, и все они работали с прибылью. Кроме того, в сферу рыночных отношений вовлекались жители казачьих станиц, крестьянских хуторов и военного ведомства. Пограничные населенные пункты сделались постепенно местами поселения торговых людей. К началу открытия меновых дворов и ярмарок прибывали не только купцы из пограничных городов и населенных пунктов, но и из отдаленных губерний России. Каждая такая ярмарка превращалась в место крупных торговых сделок. В 1835 г. на весенней ярмарке при Ханской ставке (Внутренняя орда) было зарегистрировано присутствие торговых людей из 17 губерний России.¹ В 1845 г. приезжих купцов здесь было до 1000 человек, в 1847 г. — более 1500, а в 1851 г. — более 2000 человек.² К этому надо добавить сотни и тысячи казахов, пригонявших своих баранов и привозивших продукты скотоводства.

Внутренняя торговля несколько отличалась от пограничной торговли как по объему, так и характером сделок. Следует отметить, что и здесь не обходилось без вмешательства в особенности среднеазиатских коммерсантов и торговцев из татар. По официальным данным, в начале второй половины XIX в. среди казахов Сибирского ведомства постоянно проживало более 500 человек — выходцев из Ташкента, Хивы и Бухары, большинство из которых занималось на местах мелочной торговлей. Такое же положение наблюдалось и в Малой орде. К моменту организации местных рынков приезжали сюда агенты, приказчики крупных купцов. Все же на этих рынках неказахов было сравнительно немного. Основная масса торговых сделок совершалась между представителями местного коренного населения. Одни виды скота обменивались на другие, егинши (земледельцы) предлагали свой хлеб в обмен на продукты скотоводства и т. д. Для внутренних степных рынков характерно еще то, что здесь развешивали свою деятельность торговцы из казахов, которые реализовывали всякую мелочь, взятую нередко на комиссию у купцов, или играли своеобразную посредническую роль между местными и центральными рынками по доставке и перепродаже скота и иных товаров.

Выяснение того, в какой степени оформился класс торговцев среди коренного населения, представляет большой интерес. Торговлей в качестве основного рода деятельности занимались и казахи. Однако число их было незначительно. Изучение источников показывает, что казахи становились торговцами под непосредственным воздействием в первую очередь иноземных купцов, торговли с дру-

¹ *Алекторов А.* Из письма хана Джангера к графу Перовскому. Газета «Астраханский листок», 1892, № 258.

² *Небольсин П.* Очерки волжского низовья. «Журнал Министерства внутренних дел», 1852, т. XXXIX, стр. 237.

гими народами. Для складывания класса купцов и ростовщиков из представителей местного населения не было необходимых, вполне назревших внутренних условий. В частности, не было развито ремесло, городское хозяйство, слабо была выражена экономическая специализация районов. Кочевое скотоводство и сохранившиеся значительные остатки родовой номенклатуры задерживали процесс образования особой группы людей, которая избрала бы своим занятием род деятельности, отличный от того, чем занимался весь кочевой коллектив. Абсолютное преобладание одной отрасли хозяйства в масштабе всей страны оставляло мало места для разветвления купеческой деятельности.

Наиболее распространенной формой рыночных связей у казахов было личное общение непосредственного производителя товаров с потребителем.

В свое время П. Рычков указывал, что некоторые казахи Малой Орды, «покупая в Оренбурге товары, у себя в Орде торговать стали».¹ В начале второй половины XIX в., по свидетельству председателя Оренбургской пограничной комиссии Г. Генса, около десяти султанов и старшин покупали товары в городах Оренбурге и Троицке для перепродажи их в аулах.² По мнению пограничного начальника М. Красовского, в Сибирском ведомстве торговые люди из казахов появились в самое последнее время. Некоторые из них на Ирбитской ярмарке, в Петропавловске, а иногда на Нижегородском рынке закупали русские товары в розницу или оптом на наличные деньги в расчете реализовать их по более высоким ценам в степи.³ По примеру русских купцов они также практиковали отдачу мелких товаров в долг, под баранов. «Я сам был свидетелем, – пишет Г. Колмогоров, – как, например, бритву..., покупаемую в округах и городах уже за 30 коп. сер. и более, эти торговцы (казахи. – С.З.) в волостях отдавали под барана, а были случаи, что отдавали и под бычка».⁴ По данным М. Терентьева, в двух главных фортах Сыр-Дарьинской линии (форт № 1 и Перовск) торгующих казахов было в 1861 г. 9 человек, а к 1864 г. их стало уже сорок семь.⁵

Из изложенного нетрудно видеть, что казахи, ставшие торговцами, в основном играли посредническую роль между купцами соседних стран и внутренними рынками.

Можно смело утверждать, что в первой половине XIX в. крупных

¹ *Рычков П.* Топография Оренбургская. Ч. I. СПб, 1762, стр. 114.

² «Известия Академии наук СССР». Серия общественных наук, 1936, № 3, стр. 523.

³ *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1863, стр. 292.

⁴ *Колмогоров Г.* О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. «Вестник ИРГО», 1855, кн. 1, стр. 31.

⁵ *Терентьев М.А.* Статистические очерки Среднеазиатской России. СПб, 1874, стр. 13.

купцов из казахов насчитывались единицы. Правда, число их непрерывно росло, однако при всем этом они и позже не сложились в ведущую силу в торговых отношениях. Имеются данные о том, что одним из самых крупных торговцев в Малой орде был известный султан Ахмет Джантюрин, у которого служило до 25 агентов и приказчиков. Крупный купец Куламбаев вел обширную торговлю не только в степи, но и с Бухарой. Около 10 человек выполняли его поручения по торговле.¹

Вполне заслуживающим доверия является заявление крупного знатока жизни казахов В. Григорьева о том, что казахи восточной части Зауральской степи научились торговле в процессе занятия извозом азиатских товаров на верблюдах. Некоторые из них стали затем сами вести торговлю между Троицком, Бухарой и Ташкентом, имея в обороте десятки тысяч рублей.²

Во всех этих случаях речь идет лишь об отдельных торговцах из коренного населения, порою довольно крупных. В общей массе людей, постоянно участвовавших в товарообмене, они почти не выделялись, хотя некоторые из них обладали значительным влиянием на местных рынках.

Для товарно-денежных отношений в Казахстане характерно широкое развитие связанных с ними долговых отношений. Это обуславливалось теми конкретными формами торговых сделок, которые получили широкое распространение в Казахстане и вытекали из природы казахского общества.

Кочевник не всегда может пригнать на рынок достаточное количество скота для обмена на необходимые предметы потребления. Он вступает в сделку с купцами, по которой получает товары на условиях оплаты скотом на определенном месте и в определенное время. В свою очередь купец заинтересован посредством такой сделки увеличить оборот товаров и обеспечить себе известную выгоду. С самого начала потребитель товаров оказывается при этом в невыгодном положении. Он вступает в товарные отношения не как равный контрагент, а как лицо, просящее товары в долг. Такая форма торговли постепенно охватывала все новые и новые слои населения, и товаровладельцы все чаще прибегали к раздаче товаров в долг.

Так, например, иртышские скотопромышленники к зиме одалживали казахам значительное количество муки с условием оплаты ее стоимости скотом в следующем году. При чем стоимость скота должна была

¹ *Небольсин П.* Рассказы проезжего. СПб, 1854, стр. 309.

² *Григорьев В.* Оренбургские киргизы. Журнал «Народная беседа», 1864, № 1, стр. 45-46.

быть в 2-3 раза меньше рыночной. Таким образом, через год за товар с рыночной стоимостью, скажем, 100 руб., скотопромышленник получал скота на сумму в 200-300 руб.¹ По данным Семипалатинской таможни, еще в 1792 г. казахи задолжали семипалатинским купцам 285 руб. 71 коп. серебром.² Один из чиновников, интересовавшийся промышленностью и торговлей в Казахстане, пришел к выводу о том, что торговля в казахской степи «это какая-то раздача товаров в кредит на один, два, три, четыре года и даже более». Он далее говорит, что купец, продавший товар в долг, через год после обусловленного срока получал вдвойне, через два года – в четыре раза, через три года – в восемь раз больше баранов или других видов скота и предметов в переводе на баранов.³

В известной степени в отсрочке уплаты долга на более продолжительное время был заинтересован и должник. Он рассчитывает на быстрое естественное размножение мелкого скота, которое может при благоприятных условиях с избытком покрыть высокие проценты на долг. Через год вместо одного годовалого барана он должен был вернуть два барана. Это может быть сделано за счет избытка в стоимости двухгодовалого барана и его приплода. Превышение в абсолютных ценах стоимости более взрослого барана с учетом его приплода над годовалым бараном может быть приравнено в среднем к получению двух ягнят от каждой овцематки.

В долговые отношения вовлекались постепенно самые отдаленные кочевые коллективы. Исправное исполнение долговых обязательств казахами, отмечавшееся многими современниками, к середине XIX в. стало местами нарушаться. Сам по себе этот факт свидетельствовал о том бремени, которое должны были нести должники перед товародавцами. Для примера можно указать на такой характерный случай. У крестьянина Мирона Гузаева из Саратовской губернии, торговавшего пшеничной мукой в Западном Казахстане, состояли должниками 51 казах, которые должны были отдать Гузаеву 129 баранов, 1 лошадь, 17 овчин.⁴ В 1329 г. один из чиновников Оренбургской пограничной комиссии жаловался на то, что приезжающие в Букеевскую орду купцы большей частью отдают товары в долг казахам, отчего последние «входят в большие долги и в последствии для избежания оных изыскивают случай перейти за Урал тайно».⁵

Отпуск товаров в долг с условием оплаты их стоимости, которая воз-

¹ *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. СПб, 1867, стр. 24.

² *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1868, стр. 289.

³ «Вестник ИРГО», 1855, кн. 1, стр. 20-21.

⁴ *Шахматов В.Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, стр. 71.

⁵ Канд. диссерт. Аспандиарова «Образование Букеевской орды и ее ликвидация», стр. 118. Фонд Гос. библиотеки им. Ленина.

растала в зависимости от продолжительности держания долга, по сути дела является товарным ростовщичеством. В отличие от капитала, отданного под проценты, раздача товаров в долг связана с более кабальными, более обременительными условиями для товарополучателя.

Практика долговых отношений, которая характерна для казахского общества, оказывала на устои общества более сильное воздействие, чем интенсивная пограничная торговля, имевшая преимущественно обменный характер. Долговые отношения прочно опутывали кочевника, постепенно подчиняя его своим законам. Серьезный подрыв основ кочевого хозяйства, дальнейшее ослабление родовых и родственных связей между членами общества, активный процесс классового расслоения – во всем этом сказалось серьезное влияние в первую очередь долговых отношений.

К концу первой половины XIX в. русские деньги имели гораздо более широкое распространение в казахском обществе, нежели это было, скажем, в первой четверти того же века. Увеличивается число покупок на деньги не только на пограничных меновых дворах и ярмарках, но и на внутренних степных рынках. Внедрению денежных знаков способствовал ряд обстоятельств.

Во-первых, с усилением торговых связей с соседними странами обмен товарами в натуре все больше изживал себя как форма обмена, не соответствующая содержанию. Во-вторых, казахи постепенно убедились, что приобретать необходимые товары в обмен на скот невыгодно. Гораздо практичнее и удобнее было использование денежных знаков в торговых сделках. В-третьих, в развитии товарно-денежных отношений большую роль играла правительственная налоговая политика, заменившая постепенно натуральные повинности денежными. Теперь каждый двор должен был располагать деньгами в размерах, достаточных для внесения налогов. Это в свою очередь способствовало расширению долговых отношений, поскольку хозяйства, не имевшие денег, должны были занимать последние у других хозяйств.

Отмечая известное развитие товарно-денежных отношений в казахском обществе, мы не можем, однако, преувеличивать их роль и масштабы распространения. В первой половине XIX в. торговля как пограничная, так и внутренняя, носила в основном еще меновой характер. Деньги, эта разрушительная для натурального хозяйства сила, не успели еще занять ключевых позиций в казахской экономике и поэтому еще не диктовали обществу своих законов. Лишь отдельные хозяйства начали приспосабливаться к требованиям рыночных отношений.

Выводы

Каждый народ, каждая страна имеют свои особенности, отличающие их от других народов, от других стран. Эти индивидуальные различия могут быть значительными, могут быть незначительными. Если говорить строго, эти особенности не только формируют присущий данному обществу характерный облик, но и составляют важную веху исторического прогресса, поскольку последний не может совершаться вне этих особенностей.

Особенности, составляющие индивидуальную черту того или иного общественного строя, в первую очередь проявляются в режиме и организации хозяйства, в формах производительной деятельности людей, в тех общественных институтах, которые порождены данными отношениями. Исходя из этого, прежде чем разобраться в глубинных процессах, внутренних движущих силах казахского общества, зачастую скрытых под различными внешними наслоениями, мы решили, для полноты исследования, уделить некоторое внимание показу характерных особенностей хозяйственного строя и общественного быта казахов первой половины XIX в.

Как уже говорилось выше, особенности, специфические черты, присущие тому или иному общественному строю, находят объяснение в более глубоких причинах, совокупность которых образует то, что мы называем условиями материальной жизни общества.

Из изложенного в первой части настоящей работы можно сделать некоторые выводы.

1. В экономике Казахстана безраздельно господствующей отраслью производства было кочевое скотоводство. Ни земледелие, ни ремесло еще не выделились из кочевого скотоводства и не оформились в самостоятельные отрасли производства.

2. Кочевое скотоводство в первой половине XIX в. переживало упадок, который явился результатом, главным образом, сужения пределов пастбищного пространства и междоусобных раздоров, разгоревшихся с новой силой в этот период. Прекращение внутренних конфликтов не могло остановить процесса прогрессирующего разложения и упадка кочевого скотоводства, поскольку не был устранен главный фактор, определявший направление этого процесса, а именно – возрастающая земельная теснота.

3. В рассматриваемый период экономическое влияние России на казахское общество заметно возрастает. Это сказывается и в усовершенствовании орудий труда казахами, и в развитии новых производственных навыков, и в некоторых сдвигах в таких отраслях хозяйства, как земледелие и ремесло.

4. Одной из особенностей казахского общества является сохранение общинно-родовых форм и институтов, которые продолжали играть большую роль в отношениях между членами общества. Важнейшим из пережиточных общественных институтов являлась родовая номенклатура, которая сохранилась еще в своей древней форме, хотя содержание ее не только не соответствовало этой архаической форме, но и противоречило ей.

5. Первичной производственной ячейкой и одновременно территориальной единицей казахского общества была аульская казахская община, внутри которой преобладали частные интересы отдельных семей.

6. Для казахского общества первой половины XIX в. характерно господство натурального хозяйства. Кочевые коллективы во всем походили друг на друга и были слабо связаны между собой и внешним миром.

Торговля, по объему обширная, носила в основном обменный характер. Товарно-денежные отношения, в сферу которых были вовлечены в первую очередь жители пограничных районов, отчасти феодальная верхушка, не достигли еще того уровня, при котором они начинают играть революционную роль разрушения старых форм общественных отношений.

7. В кочевых коллективах отношения имущественного и социального неравенства нередко переплетались с отношениями патриархальными, родовыми. Такое положение отчасти затемняло действительную классовую подоплеку взаимоотношений между членами казахского общества.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФОРМЫ И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ У КОЧЕВНИКОВ

ГЛАВА III

ФОРМЫ И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА СКОТ

Экономическая роль скота

При кочевом скотоводстве непосредственным объектом производства был скот. Однако одним только указанием на это обстоятельство нельзя исчерпать значение, место и роль скота в системе кочевого скотоводческого хозяйства. Нам представляется важным вначале определить экономическую роль скота, составляющего основной объект производства у кочевников-казахов. Характеристика экономического строя кочевников во многом зависит от того, как толкуются и оцениваются роль и место скота в системе производства.

Некоторые товарищи (В.Ф. Шахматов и С. Толыбеков – в Казахстане) считают, что в кочевых обществах средством производства является только скот, а земля является им лишь постольку, поскольку во все времена и эпохи она оставалась кладовой всех богатств, т. е. по существу пастбище не является средством производства в кочевых скотоводческих обществах. Так, например, С. Толыбеков пишет: «При кочевом скотоводстве, где нет земледелия, земля не могла выступать в качестве основного средства труда, а являлась естественным условием производства». И далее: «Земля и скот служили различными объектами и главными средствами труда в двух самостоятельно существовавших в истории отраслях материального производства – кочевом скотоводстве и оседлом земледелии».¹

Есть другая, противоположная точка зрения, определяющая, что скот вообще не может быть отнесен к средствам производства. В эпоху феодализма независимо от характера производства как в земледельческих, так и в кочевых обществах земля объявляется единым всеобъемлющим средством труда.

Считать, что во всех случаях при феодализме понятие «средства производства» включает только землю или в кочевых обществах толь-

¹ «Вестник АН КазССР», 1955, № 8, стр. 37, 46.

ко скот и, исходя из этой формулы, заранее принимать землю или скот в качестве единственного объекта феодальной собственности без различия стран, исторических условий, — является неправильным.

По нашему мнению, это противоречит содержанию понятия собственности вообще, феодальной собственности в частности. В определениях классиков марксизма-ленинизма средства производства или «средства труда» (К. Маркс) выступают таковыми постольку, поскольку они служат источником жизни, т. е. необходимым условием добывания материальных благ. Тот или иной класс экономически господствующим в обществе оказывается в той мере, в какой в его руках сосредоточены необходимые условия добывания материальных благ, т.е. источники жизни. Поэтому вряд ли является правильным признание в качестве средства производства при феодализме только земли или только скота. К. Маркс указывал, что средства труда — это «источники жизни». А источники жизни включают в себя не только землю.¹

В кочевых скотоводческих обществах непосредственным объектом производства выступает скот, сохранение и развитие которого составляет первостепенную задачу каждого члена общества. В свою очередь эта задача может быть осуществлена только на основе планомерного освоения пастбищных угодий, создания условий, необходимых для содержания скота. Без этого немыслимо кочевое скотоводство вообще. Казахские кочевые коллективы так и поступали. Они в поисках сочных и питательных кормов для скота совершали продолжительные переходы. При недостатке удобных пастбищ пытались приобрести их путем захвата у соседей. Это говорит о том, что земля для кочевников являлась не только первоисточником всех средств и предметов труда, но и служила вместе с тем основным условием производства.

Иногда говорят, что скот — это всего-навсего естественный продукт земли. Такое определение, по нашему мнению, верно лишь частично. Животные до их приручения действительно оставались естественными продуктами земли. Однако после того как скот стал объектом общественного производства, на его воспроизводство, постепенное совершенствование и изменение стал все больше и больше затрачиваться человеческий труд, он перестал быть только естественным продуктом природы, а стал также продуктом человеческого труда.

Экономическое значение скота может быть определено лишь на основе анализа той среды и тех условий, при которых скот становится одним из средств производства. Важнейшим из этих условий является земля. Это вытекает из того, что сам по себе скот не может возратить

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах, Т. II. Госполитиздат, 1948, стр. 11.

затраченный и вложенный скотоводом труд в преобразованном материальном виде. Скот, стоя или передвигаясь, но не пользуясь плодами земли, ничего не может дать полезного человеку. Он выполняет свою положительную функцию не иначе, как путем обращения к плодам земли. Скотовод-пастух посредством труда, приложенного к скоту, использует особые физиологические качества животных, чтобы превратить вещества природы, земли в потребительные стоимости (молоко, мясо и т. п.). Другое дело – труд охотника, рыболова, земледельца, у которых он преобразуется в самих объектах, к которым прилагается, и работник получает их в виде дичи, злаков и т. д. Отсюда забота о скоте, столь ярко выступающая у кочевников, вместе с тем есть забота о пастбищах. Скот выступает в роли орудия труда, при помощи которого осуществляется воздействие на землю. Такое обстоятельство могло породить известную иллюзию, что земля не имела серьезного значения в производстве скотоводов.

Кочевник-скотовод вкладывает в землю немало прямого и опосредствованного труда. Освоение пастбища представляет сложный и трудоемкий процесс. Оно под силу только коллективам. В степных, полупустынных районах освоение пастбищных угодий требует организации и создания системы искусственных водоемов, колодцев на всем пути кочевания для снабжения водой как многочисленного скота, так и населения. Это всегда сопряжено с затратой труда значительных коллективов. Пастись скот – это не значит просто передвигаться со скотом по всякой пастбищной полосе с юга на север или с севера на юг. Это гораздо более сложное занятие, требующее предварительной разведки, определения качества травостоя, удобства и сроков перехода и выхода и т. д.

Все это говорит о том, что освоение и эксплуатация пастбища требовали от кочевников умения, опыта, большого труда. Разумеется, кочевники-скотоводы не сеяли трав и не обрабатывали почву в этих целях, но не одним этим определяется человеческий труд, затрачиваемый на использование земли как источника жизни.

Под понятием «земля» следует разуметь некую пространственную площадь (понятие географическое) и территорию – носителя плодов (понятие производственное). Собственность как результат присвоения имеет дело со вторым определением. Присваивается не сама земля как определенная территория, а ее плоды. Они могут быть естественным продуктом земли или результатом приложения труда к земле. Причем естественные плоды земли или естественные условия жизни могут быть локализованными в пространстве (растения, вода и др.) и конкретно не определенными в пространстве (например, животные, скот).

В последнем случае и само пространство не имеет ясно выраженных границ. Однако было бы неправильным, исходя из этого, делать вывод о второстепенном значении земли.

Некоторые исследователи неправильно считают, что признание земли в качестве одного из основных средств производства в феодальных кочевых обществах якобы приводит к отождествлению скотоводческого и земледельческого обществ. Феодальный способ производства, будучи одной из ступеней исторического развития общества, возникает под действием определенных закономерностей, которые в главном идентичны для всех стран света. Феодализм как в кочевых, так и в оседлых земледельческих обществах зиждется на базе монопольного права владения основными средствами производства одной части общества – феодалов и эксплуатации (на основе внеэкономического принуждения) непосредственных производителей – крестьян.

Признание земли основным средством производства в Казахстане не означает последующего механического перенесения всех правовых и экономических институтов земледельческих обществ в жизнь казахского общества. Никто не собирается таким путем отождествлять казахское феодальное общество с другими феодальными обществами.

Правильно то, что кочевник имеет дело со скотом. Но, с одной стороны, скот есть естественный продукт земли, а с другой стороны, он является результатом труда, связанного, главным образом, с освоением пастбищных угодий. Освоение пастбищ не только требует затраты человеческого труда, оно вместе с тем означает превращение земли в источник существования людей путем использования скота как средства воздействия на нее. Скот, играющий опосредствующую роль между землей и кочевником-скотоводом, является средством производства.

Приложение труда в скотоводстве одновременно должно сопровождаться освоением пастбища. Как скот, так и земля являются важнейшими средствами производства в этих обществах. Вопрос о том, какое из них является ведущим, определяющим в экономических отношениях, будет рассмотрен ниже.

Формы собственности на скот

Производственные отношения непосредственно связаны с формами собственности на основные орудия, средства и продукты производства. Прежде чем разбирать многообразные формы отношений, складывающиеся как между классами, так и между отдельными членами общества в связи с владением, использованием и присвоением средств и продуктов труда, следует для большей ясности и полноты исследования выяснить

основания этих отношений, т. е. систему форм собственности, характерную для данного общества. В данном случае нас занимают вопросы отношения классов и социальных групп к такому важнейшему средству и в то же время продукту производства в кочевых обществах, как скот, и конкретные формы, в которые складываются эти отношения. Важным является также определение пределов и объема собственности на скот.

Нам уже приходилось приводить положение Энгельса о том, что приручение домашних животных и выделение пастушеских племен из общей массы населения явилось первым крупным общественным разделением труда в истории человечества. Социальным следствием этого исторического экономического сдвига в жизни общества было появление классов с противоположными интересами. «Из первого крупного общественного разделения труда, – писал Ф. Энгельс, – возникло и первое крупное разделение общества на два класса – господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых».¹ Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах стада перешли из владения большого коллектива в собственность отдельных семей. Разумеется, прежде чем племенная или родовая собственность превратилась в индивидуально-семейную собственность, она должна была пройти ряд промежуточных, переходных форм и этапов развития. Ф. Энгельс указывает, что в основном этот переход должен был произойти на средней ступени варварства.² Таким образом, можно констатировать, что частная собственность на скот является одной из древнейших форм частной собственности.

У известных нам древних кочевых народов мы не находим общей собственности на скот. У скифов скот уже принадлежал отдельным семьям. Доказательством этому служат меты на ушах коней, захороненных в могилах вождей племен, в отличие от родовых знаков.³

Такое же положение было у гуннов и орхоно-енисейских тюрок.⁴ В кочевом обществе туркмен IX-XI вв. скот с давних пор находился в частной собственности.⁵

Казахское общество на протяжении длительного исторического периода не знало общности скота. Ни в устном творчестве народа, в котором немало отголосков древности, ни в многочисленных пережитках общинно-родового строя, мы не находим каких-либо указаний на коллективную собственность на скот. Сам этот факт свидетельствует о

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 137.

² Там же.

³ Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М. – Л., 1952, стр. 52.

⁴ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951; Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII веков. М. – Л., 1946.

⁵ Очерки истории туркменского народа и Туркменистана в XIII-XIX веках. Ашхабад, 1954, стр. 59.

том, что общественная собственность на скот, по-видимому, в древности была заменена и полностью вытеснена семейно-индивидуальной собственностью.

Класс казахских феодалов в целом и его отдельные представители не имели монопольного права на владение скотом. Ханы, султаны, бии, батыры и старшины не только не владели всей массой скота в обществе, но и никогда ни открыто, ни косвенно не претендовали на такое право. Стремление завладеть чужим скотом или ограничить в правах его владельца расценивалось как посягательство и покушение на жизненные основы существования членов общества. Ни с фактической, ни с формальной стороны феодального верховенства на скот не существовало.

Скот находился в индивидуальной собственности каждой семьи, независимо от ее социального положения. Представители знати распоряжались принадлежавшим им скотом как собственностью, крестьянские семьи также выступали как полноправные хозяева скота, который им принадлежал, и пользовались в отношении его всеми правами неограниченного ничем собственника: они могли его продать, зарезать, дарить, завещать, не несли никакой ответственности за его гибель, уничтожение и т. д. Скот, находившийся во владении феодалов, составлял феодальную собственность. А скот, находившийся во владении крестьян, составлял крестьянскую собственность. Отсюда ясно, что производственные отношения между кочевниками были отношениями между собственниками скота.

Распределение скота между членами казахского общества было далеко не равномерным. Одни члены общества являлись собственниками большого количества скота, иногда исчислявшегося тысячами голов. Другие имели его в незначительном количестве, в пределах прожиточного минимума и меньше. Были и бесскотные, малоскотные крестьяне. В трех кочевых группах рода Керей Среднего жуза, по данным 1838 г., скотовладение характеризовалось следующими цифрами.¹

В пределах одной и той же кочевой группы одни хозяйства владеют более 100–200 головами лошадей, тогда как другие имеют всего 1–5 голов. В собственности одних хозяйств состоят более 100–200 голов мелкого скота, а в других его нет совсем. Такое же соотношение наблюдается и в других кочевых коллективах. Отсюда следует, что отношения между членами в кочевых общинах суть отношения между крупными и мелкими скотовладельцами.

Далее, видно, что среди членов трех кочевых общин богатых скотовладельцев относительно немного. В отделении Досай из 27

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 920, лл. 93–94, 146, 148.

хозяйств выделяются более или менее крупными скотовладениями только три хозяйства, которые указаны под номерами 2, 4, 6. В составе кочевого коллектива Канай таких хозяйств 2 из 22 (№ 2 и 3). В группе Аккоз из 36 семейств 8 имеют более 50 голов крупного скота каждое. Эти более или менее зажиточные скотовладельцы, несомненно, использовали чужой труд в своих хозяйствах. Что касается остальных хозяйств, то они вполне могли обеспечить уход за скотом своими силами.

Из этого вытекает, что отношения между членами казахской общины представляли не что иное, как отношения между небольшой кучкой богатых скотовладельцев, использующих труд непосредственных производителей в своих хозяйствах, и громадного большинства средних и мелких хозяйств, основанных на личном труде.

Из приведенных данных также видно, что основная масса крестьянства владеет скотом в размерах, достаточных в основном для обеспечения прожиточного минимума среднего семейства. Так, например, по коллективу Досай из 27 хозяйств только 6 являются слабо обеспеченными бедняцкими хозяйствами. В отделениях Канай и Аккоз их насчитывается соответственно 7 (из 22) и 3 (из 36) хозяйств. Это дает основание считать, что большинство дворов являлось самостоятельными хозяйственными единицами. Показанные нами здесь кочевые группы являются менее состоятельными в экономическом отношении.

Итак, 1) наряду с феодальной собственностью существовала и крестьянская собственность на скот; 2) распределение скота среди членов общества было крайне неравномерно: представители господствующего класса сосредоточили в своих руках большие стада, тогда как крестьяне преимущественно являлись средними и мелкими собственниками скота; 3) основная масса крестьян была обеспечена скотом в пределах необходимого прожиточного минимума; 4) в составе каждого кочевого коллектива были и малоскотные и бесскотные крестьяне. Число их возрастает в первой половине XIX в.

Саунные отношения

Почти во всех феодальных скотоводческих обществах известен институт наделения скотом бедных крестьянских хозяйств, которое производилось более обеспеченными хозяйствами. У казахов это называлось «сауном».¹ Об объеме, характере и месте подобного рода

¹ По-казахски слово «саун» обозначает молочный скот: «саун беру» – наделение молочным скотом. Однако в литературе «сауном» называют наделение скотом вообще, что также принято нами.

отношений в экономической жизни обществ существуют противоречивые мнения. В литературе была высказана мысль, что саун представляет собой «первоклетку феодальных отношений» в кочевых скотоводческих обществах. Экономист С. Толыбеков в недавно вышедшей работе утверждает, что наделение скотом крестьян в казахском обществе имело такое же социально-экономическое значение, как и наделение помещиками крестьян землей в России. Характер «наделения скотом бедных родственников баем ничем по существу от этого не отличался», – пишет он.¹ Оно было «основной формой проявления патриархально-феодальной эксплуатации в кочевом ауле».² Такая точка зрения отражает взгляды определенной группы исследователей. Существует и противоположная точка зрения. В связи с этим необходимо остановиться на данном вопросе более подробно.

К сожалению, какими-либо конкретными указаниями, статистическими материалами относительно распространения сауна в казахском обществе первой половины XIX в. мы не располагаем. Поэтому при рассмотрении этого вопроса приходится пользоваться косвенными данными, научно обоснованными логическими построениями.

1. В таблице суммированы данные по тайфам Шиндаулет, Сахау, Буран, Сындыр, Клыбай рода Киржа и тайфе Мамай рода Жумагул, всего 400 дворов, располагавшихся в начале второй половины XIX в. своими кочевьями на землях Большой казахской орды.³

Важным вопросом является установление критерия при определении экономической состоятельности хозяйства. Дореволюционные исследователи находили, что таким критерием является владение лошадьми. По их мнению, оно «верно отражает действительное расслоение киргизской массы на разные по степени обеспеченности скотом вообще группы».⁴ На основе детальных расчетов к аналогичному выводу пришла также статистическая группа, работавшая в Казахстане и возглавляемая Ф. Щербиной. Она считала, что «лошадность является хорошим признаком хозяйственного благосостояния. Вместе с увеличением числа лошадей в хозяйстве растет величина семьи, увеличивается общее количество скота, увеличивается потребление хлеба и мяса и т. д.»⁵ Исходя из этого, исследователи дореволюционного казахского

¹ Толыбеков С. Вопросы экономики и организации скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX веков. Труды Института экономики Академии наук Казахской ССР, т. II, 1957, стр. 38.

² Там же, стр. 79.

³ ЦГИА КазССР, ф. 1, он. 1, д. 27, лл. 3-29, д. 26, лл. 1-12.

⁴ Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область, Певровский уезд. Ташкент, 1912, стр. 31-32.

⁵ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область, Зайсанский уезд. Т. VIII. Спб, 1909, стр. 135.

аула в Перовском и Казалинском уездах, где кочевое скотоводство получило значительное развитие, считали зажиточными хозяйства, имевшие от 4 до 13 лошадей, а хозяйства, располагавшие более 14 лошадьми, относились к категории богатых. По характеристике экспедиции Ф. Щербины, хозяйства, имеющие 4–5 лошадей, «весьма значительно приближаются к категории хозяйств нормальных». А хозяйства с 6 и 7 лошадьми, как правило, имеют «сравнительно высокую степень благосостояния». В Зайсанском уезде Семипалатинской области к концу XIX в. четвертая часть таких хозяйств пользовалась наемным трудом.¹ Дореволюционные статистики пытались определить уровень благосостояния семей казахов путем суммирования всех видов скота и выражения этой суммы в лошадях.

Это исчисление давало в основном такие же результаты, какие получались при первом способе.

В своем труде «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин, подвергая глубокому анализу данные земской статистики, установил закономерную связь между обеспеченностью крестьян надельной землей, инвентарем, семенами и занятием их промыслами, с одной стороны, и обеспеченностью крестьян рабочим скотом (лошадью) – с другой. Говоря о безлошадных и однолошадных хозяйствах, В. И. Ленин писал: «Это крестьянство наименее обеспечено надельной землей, зачастую сдает ее по неимению инвентаря, семян и пр. Из общей крестьянской аренды и покупки земель ему перепадают жалкие крупницы».² Аналогичная связь между владением лошадьми и другими видами скота существовала и в казахском обществе. В кочевом обществе казахов лошадь имела не менее важное хозяйственное значение, чем в земледельческих обществах. Без нее нельзя было совершать перекочевки, отправляться на охоту, общаться с сородичами и дальними соседями. Казах не только был скотоводом, но уже с детства приучался к верховой езде и становился опытным и выносливым наездником. Лошади высоко ценились как мясной и молочный скот. Это хорошо отражено в устном народном творчестве. Казахи говорят: «Ат ұстаған азабынан құтылады», «Жаксы ат ажал болмаса да бейнеттен құтқарады», т. е. «Кто владеет лошадью, тот не знает лишения», «Хорошая лошадь, если не спасет от смерти, то спасет от мучений».

В указанной выше группе скотоводческих хозяйств безлошадных дворов насчитывалось 19, что составляет 5 проц. к общему числу хозяйств. Приблизительно такое же количество крестьянских семей

¹ Там же, стр. 137.

² *Пети В.И.* Соч., т. 3, стр. 116.

имело по одной лошади. У них было не много и других видов скота. Несомненно, что эти хозяйства могут быть отнесены к наименее обеспеченным. Что касается последующей группы хозяйств, владеющих 2–3 лошадьми, то хотя они также могут быть отнесены к разряду неимущих, однако они в той или иной степени обладают собственной материальной возможностью совершать перекочевки, заниматься промыслами и поддерживать связи с другими кочевыми коллективами. Они уже не нуждаются в том, чтобы им каждый раз помогали тягловой силой более обеспеченные соседи. Этим они отличаются от первой группы хозяйств. 75 проц. хозяйств кочевников-казахов владели (каждое) рабочим скотом в размерах, полностью покрывавших хозяйственные потребности средней семьи. Изложенное говорит о том, что: а) большинство крестьянских дворов, входящих в состав указанных выше кочевых коллективов, обладало хозяйственной самостоятельностью и не нуждалось в наделении рабочим скотом; б) только незначительная часть скотоводов находилась в таком положении, что не могла обходиться без помощи соседей.

Остановимся теперь на степени обеспеченности кочевников молочным скотом. Молочные продукты являлись одним из основных предметов потребления в скотоводческих обществах. Удельный вес крупного рогатого скота в хозяйстве казахов по сравнению с другими видами скота был незначителен.

Это объясняется тем, что разведение крупного рогатого скота было сопряжено с большими неудобствами в условиях экстенсивного кочевое скотоводства. Если исходить из того, что потребность средней кочевой семьи в молочных продуктах могла быть удовлетворена при наличии 4–5 голов крупного рогатого скота, то необеспеченные или слабо обеспеченные крестьянские хозяйства составят 49 дворов из 400, т. е. их насчитывается приблизительно столько же, сколько безлошадных и однолошадных дворов. Из них 13 семей не имеют дойных коров или имеют по одной корове, а 36 дворов являются собственниками 2–3 голов крупного рогатого скота. Можно допустить, что именно эта группа хозяйств крестьян-кочевников нуждалась в дополнительных средствах существования. Абсолютное же большинство членов кочевых коллективов располагало необходимыми условиями существования. Это видно из того, что каждое из 321 хозяйства (что составляет более 80 проц. всех хозяйств) владело таким количеством крупного молочного скота, которое могло удовлетворить потребность средней крестьянской семьи в молочных продуктах.

Такое положение дает основание утверждать, что возможный круг кочевников, по своему положению вынужденных прибегать к «по-

мощи» других семей из состава своего кочевого коллектива, и в этом случае был весьма узок.

В каждом кочевом коллективе всегда встречались бесскотные и малоскотные крестьянские дворы, где основным источником средств существования было не личное хозяйство. Нами приведены данные о всех видах скота, находящихся в собственности кочевников. Для наглядности и удобства эти данные выражены в крупном поголовье.¹ Из этого видно, что 27 дворов — экономически слабо обеспеченные хозяйства, пять дворов из этого числа совсем не имеют скота, а у остальных имеется от 1 до 5 голов скота (в переводе на крупный).

Крестьяне из этой группы (27 хозяйств) в значительной степени были зависимы от знати. Многие из них на положении «консы», т. е. почти даровых работников, обслуживали хозяйства богатых. Однако не их трудом и не ими определялись экономические отношения, господствовавшие в казахском феодальном обществе в целом. Безусловно, они играли существенную роль в обслуживании хозяйства феодалов и представляли объект наибольшей эксплуатации со стороны последних.

Тем не менее не они являлись основным объектом отношений господства и подчинения. Феодальный способ производства зиждется на присвоении знатью прибавочного продукта зависимых крестьян, обеспеченных условиями существования.

Крестьяне, не обладавшие этими условиями, в экономическом отношении были гораздо менее выгодны для феодала, чем кочевники, ведущие самостоятельное хозяйство.

Во владении каждого из 78 крестьянских дворов находилось от 6 до 10 голов крупного скота, или в переводе на мелкий скот — от 70 до 110 баранов. При ограниченном потреблении, которое было характерно для большинства казахских скотоводов, надо полагать, что такое количество скота было достаточным для осуществления в этих хозяйствах производства и воспроизводства. Не исключено, конечно, что некоторые кочевники прибегали к дополнительным источникам добычи средств существования. Что касается остальной части хозяйств скотоводов, составляющей 75 проц. членов кочевых коллективов, то они должны быть охарактеризованы как хозяйства, обладающие необходимыми условиями производства, экономически самостоятельные, свободные от саунных отношений.

2. Рассмотрим теперь распределение скота в роде Кете Внутренней орды. По данным 1841 г., этот род состоял из нескольких родовых

¹ Исходя из средних рыночных цен того времени, примерно 10 голов мелкого скота (баранов) приравнены к одной голове крупного скота.

отделений (тайф) и подразделений (ата-баласы), которые иногда резко отличались между собой по имущественному положению своих членов. Саун не мог не иметь различную степень распространения внутри одного и того же рода. Так, например, в тайфе Нилдан на долю каждого ее члена в среднем приходилось по 74 головы всех видов скота, что в переводе на крупный скот составляет по 28 голов; в тайфе Майлы это выражалось соответственно в 32 и 18 головах скота, еще меньше скота на каждого члена коллектива приходилось в другой тайфе – Есталы. Чтобы по возможности избежать одностороннего освещения, мы объединили в один кочевой комплекс несколько тайф, представлявших около десятка старшинств и более 30 хозяйственных аулов. Следует сказать, что род Кете в целом не был ни самым богатым, ни самым бедным родом во Внутренней орде. Его члены почти исключительно были заняты скотоводством. Анализ такого кочевого комплекса представляет известный интерес для исследования вопроса о саунных отношениях. Приводится характеристика тайф Нилдан, Майлы и Есталы рода Кете, в которой объединены их хозяйственные показатели.¹

В Младшем жузе верблюды использовались как перевозочное и вьючное средство, а также как ценный молочный скот, лошади же служили в основном для верховой езды. Процесс нормального хозяйствования среднего кочевника обеспечивался здесь 3-4 верблюдами и 2-4 лошадьми. Бедняцкие хозяйства перевозили свое скудное имущество не только на верблюдах и лошадях, но и приспособивали для этих целей иногда и коров. Они вполне могли обходиться 2-3 верблюдами и 1-3 лошадьми.

Не имели верблюдов или имели только по одному верблюду 77 хозяйств. Предположим, что у них был только один выход – пойти на услужение к обеспеченным родичам, работать в их хозяйстве, получая за это в саун дойный скот, во время перекочевков – рабочий скот, а также материальную «помощь» в других формах. 30 других крестьянских семей располагали каждая одним верблюдом, а во владении оставшихся 29 хозяйств находилось по одному верблюду и по одной лошади. Особенно последняя группа крестьян не всегда нуждалась в помощи соседей. Имея в своей собственности одного верблюда и одну рабочую лошадь, «кедей-шаруа» (слабо обеспеченные крестьяне) часто обходились в своих хозяйствах собственными средствами.

Около 45 проц. (144 из 321) всего состава кочевников имели от 2 до 3 верблюдов. Более половины из них сверх того имели и 1-3 лошади. Разумеется, что они владели и другими видами скота. Эта категория

¹ ЦГИА КазССР, д. 78, оп. 1, д. 121, лл. 2-10.

крестьян, по крайней мере большинство из них, не должна была вовлекаться в саунные отношения. Следует учесть, что по своему значению и рыночной стоимости один верблюд приравнивался к 2-3 лошадям.

Если еще прибавить к этой группе скотоводов более обеспеченную часть кочевников, то получится, что свыше 75 проц. рассматриваемых хозяйств обладало необходимым минимумом рабочего скота. Что касается молочного скота, то только 43 хозяйства не имели его или имели по одной голове. В основном из этих хозяйств и выходили саунщики. Во владении многих крестьянских семей (из 321 – у 116) находилось по 2-3 коровы. Очевидно, лишь незначительная часть из них прибегала к «помощи» более имущих кочевников, т. е. становилась в саунную зависимость от них. Надо учесть и то, что казахи в качестве молочного скота использовали не только крупный рогатый скот, но и верблюдов, кобылиц, овец и коз. Более того, по своему значению в хозяйстве кочевников крупный рогатый скот уступал некоторым другим более ценным казахами видам скота.

Менее половины, точнее 40 проц. крестьянских дворов, кроме 2-3 голов крупного рогатого скота, содержат еще от 3 до 20 верблюдов и лошадей. Это уже достаточно для покрытия минимальной потребности семьи как в молоке, так и в рабочем скоте. Можно допустить, что крестьянские семьи, имевшие в своей собственности до 4-5 голов скота (в переводе на крупный), составляли ту социальную группу, выходцы из которой пополняли ряды саунщиков. Таких семей в трех отделениях рода Кете было 99, или менее трети всех хозяйств. А остальные, т. е. более 66 проц. всех членов рассматриваемого кочевого объединения, могли обходиться без помощи скотом со стороны. Да и по сложившейся традиции семейства, имевшие в своей собственности 6 и более голов крупного рогатого скота (или 70-80 баранов), не могли рассчитывать на «помощь» соседей или богатых родичей.

В первой половине XIX в. намного усилился процесс расслоения и обнищания крестьянской массы казахов, кочевое скотоводство переживало серьезный кризис. И хотя действие этого кризиса сказалось и на рассматриваемом кочевом комплексе, круг возможных саунщиков ограничивался незначительным числом крестьянских дворов.

Таких примеров можно было бы привести еще много. Как было отмечено выше, уровень обеспеченности скотом может колебаться в различных кочевых коллективах. Учитывая это, нами были приведены данные не об отдельных коллективах скотоводов, а о целых кочевых комплексах, занимающих обширную кочевую область и охватывающих десятки и даже сотни хозяйственных аулов (каждый аул состоял из 5-15 кибиток).

В результате анализа двух больших групп кочевников-казахов нами установлен круг возможных саунщиков, причем оказалось, что число их всегда в несколько раз меньше, чем число свободных от этих отношений крестьян. К разряду возможных саунщиков причислялись все те крестьяне, которые не были обеспечены в необходимой степени рабочим и молочным скотом. В действительности же далеко не все они наделялись скотом. Отсюда должны быть исключены бедняцкие семьи, члены которых уходили на заработки, выполняли сезонные или поденные работы в других родах или в оседлых хозяйствах, занимались охотой, рыболовством и другими промыслами в целях получения дополнительных средств существования. Таких семей в первой половине XIX в. было немало. Так, областное правление сибирских казахов в рапорте генерал-губернатору Западной Сибири от 6 сентября 1855 г. сообщало, что волостными управлениями области на местах ежегодно выдаются выезжающим на заработки лицам до 10 тыс. увольнительных билетов.¹ А по области оренбургских казахов, по официальным данным, в том же году было выдано более 16 тыс. годовых увольнительных билетов.² В 1862 г. число таких лиц возросло до 20 тыс.³

Нуждающиеся пользовались «помощью» не только богачей-баев, но и нередко своих соседей – рядовых членов кочевого коллектива.

Далее, не всегда казахские баи оказывали помощь тем обедневшим одноаульцам, которые нуждались в ней и обращались к баям, чтобы получить эту помощь.

Таким образом, саунщиков в действительности было гораздо меньше, чем это следует из приведенных выше расчетов.

Говоря об объеме и пределах наделения скотом представителями феодальной знати рядовых кочевников, нельзя не принимать во внимание того важного обстоятельства, на которое указывалось ранее, а именно, что феодалы не обладали монопольной собственностью на скот, существовала и ничем не ограниченная крестьянская собственность на скот. Феодальная знать не имела также в какой-либо форме особых, преимущественных прав на владение скотом. В свою очередь каких-либо признаков, которые бы свидетельствовали о том, что члены кочевой общины владели скотом условно, на правах «пожалованного», «наделенного» имущества, мы нигде не находим. При этом нельзя упускать из виду того, что основная масса скота была сосредоточена в руках господствующего класса. Это относится к фактической стороне дела. Такое положение объясняется тем, что феодалы владели основ-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 529, л. 20.

² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 5144, л. 16.

³ Там же, д. 2511, л. 206.

ным условием содержания и накопления большого количества скота – пастбищами.

Известно, что феодалы в земледельческих обществах наделяли крепостных крестьян землей потому, что они обладали монопольной собственностью на землю. Крестьяне сидели на земле, не принадлежавшей им. Этими отношениями собственности и определялись отношения между крестьянами и помещиками. В кочевых скотоводческих обществах, в частности в Казахстане, феодалы монопольным правом на скот не обладали. Скот находился как в частной собственности феодалов, так и в частной собственности крестьян-кочевников. Само собой разумеется, при таком положении наделение скотом феодалами зависимых людей не могло иметь всеобщего характера, а следовательно, нельзя его считать основой отношений феодальной зависимости в казахском обществе.

Принимая скот за основное условие производства и наделение крестьян скотом как всеобщую основу общественных отношений, можно было бы подумать, что ханы жаловали скот султанам, султаны – биям и батырам, последние в свою очередь – баям, и, наконец, баи наделяли скотом крестьян-кочевников, поскольку одну из характерных черт феодализма составляет иерархическое владение основным средством производства. Однако в действительности такого положения не было. Никогда казахские крупные феодалы не наделяли за службу своих вассалов, а эти вассалы – своих вассалов скотом. Если такие случаи и имели место, то они были единичными, вовсе не характерными для казахского общества. В то же время и вассалы, и рядовые кочевники несли множество повинностей по отношению к сюзеренам и господам, которые не могут быть объяснены отношениями скотовладения.

Султаны, бии и старшины, стоявшие во главе родовых подразделений и аульных общин, не только отправляли административную, судебную власть над членами подвластных кочевых групп, но и распоряжались ее кочевым районом, обладали правом на «добровольные» и обязательные приношения крестьян. Поскольку они присваивали неоплаченный труд непосредственных производителей, то независимо от того, каким количеством скота лично распоряжались султаны, бии, старшины и т. д., они являлись представителями господствующего феодального класса.

Род Ногай во Внутренней орде считался самым богатым среди других родов. При всем этом ни один из 29 наиболее влиятельных старшин не имел больше 20 верблюдов и 40 голов крупного рогатого скота. Более половины старшин (15 из 29) имели от 2 до 40 лошадей.¹ Они по своему

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 74, лл. 22-131.

положению мало чем отличались от первой группы старшин. Еще меньше скота было у аульных старшин – самых мелких представителей знати. В Центральном историческом архиве Казахской ССР сохранились данные о 57 аульных старшинах Баян-Аульского округа, относящиеся к 1857 г. Из этих данных видно, что 34 двора (т. е. 60 проц.) владели 1–10 лошадьми, в распоряжении 47 старшинских хозяйств (т. е. 82 проц.) находилось от 1 до 10 голов крупного рогатого скота.¹

О чем говорят эти факты? Они говорят о том, что не все представители феодальной знати имели материальные возможности, а следовательно, и не могли наделять скотом нуждающихся в этом крестьянские семьи.

Не противоречит ли это общему тезису о том, что основная масса скота в казахском обществе была сконцентрирована в руках феодалов? Нет, разумеется, не противоречит. Крупными скотовладельцами в первую очередь были султаны. Но они, как правило, находились вне казахских родов, за редким исключением, не уступали никому своего скота. Большие стада были сосредоточены у некоторой части биев, старшин и баев. Таким образом, в целом в руках класса феодалов действительно находилось огромное количество скота, но из этого не следует, что существовал обязательный постоянный порядок наделения скотом, которым якобы объясняется вся сложная структура общественного организма.

Если исходить из того, что наделение скотом непосредственных производителей составляло основную первичную общественную клетку, то указанные бии и старшины, пользовавшиеся феодальной рентой, эксплуатировавшие основную массу кочевников-скотоводов, не могут быть отнесены к классу феодалов: ведь количество скота, находившегося в их распоряжении, было близко к среднему уровню скотовладения в соответствующих родах. Все это свидетельствует о том, что отношения господства и подчинения, существовавшие в казахском обществе, не были следствием отношений, возникших между феодалами и рядовыми кочевниками в результате наделения последних скотом.

Любое общественное явление, в том числе и саун, должно изучаться в непосредственной связи с конкретными историческими условиями. Саун в казахском обществе не был изобретением или установлением господствующего класса. Он своими корнями уходит в глубокую древность и выражал в то время совместную помощь членов общины обедневшему, малоскотному хозяйству.

Выросшая из недр общинного строя родовая знать там, где это

¹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 2014, лл. 2-159.

было необходимо, использовала саун в целях укрепления своей власти над кочевниками. Такого рода саун обычно приводил к экономической и личной зависимости саунщика. Однако в силу того, что родовая знать не обладала монопольной собственностью на скот и далеко не все кочевники-казахи могли быть связаны отношениями такого типа и поскольку существовали более действенные формы феодальной эксплуатации крестьян-кочевников, саун применялся господствующим классом лишь как одна из форм усиления зависимых отношений кочевников-казахов.

Благополучие и сила степного феодала зависели от благополучия и преданности членов кочевой группы. Он был заинтересован в том, чтобы зависимые от него кочевники обладали экономической возможностью хозяйствования в размерах, которые были бы достаточны для постоянного возмещения затраченной рабочей силы и ее восстановления, для возобновления производственного процесса в размерах, позволяющих «одаривать» добровольными, постоянными приношениями представителей знати.

Казахский султан или бий в интересах упрочения своего владения «заботился» о рядовых кочевниках, иногда «помогала» нуждающимся молочным скотом, передвижными средствами, верховой лошадей. Тем самым он, с одной стороны, давал возможность отдельным дворянам поправить свое экономическое положение, чтобы они снова были в состоянии выполнять функции зависимых крестьян, с другой стороны, посредством сауна усиливалась зависимость рядовых скотоводов от феодалов. Все это в конечном счете служило интересам упрочения феодального экономического базиса. Георги в конце XVIII в. писал о казахах: «Поелику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников, то богатые наделяют скудных скотом, а сии в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей. Ежели табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатию и разделяет по бедным людям знатное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывают ему за то ничем обязаны; если же он по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастьям лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают толикое же число или еще и с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало за тем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благотворений табуны свои как будто вечными».¹

Саунные отношения имели и другую область применения. Они, кроме феодальных отношений, выражали хозяйственную взаимопо-

¹ Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. Спб, стр. 132.

мощь и сотрудничество семей, находящихся между собой в родственной связи. Более или менее состоятельное в хозяйственном отношении семейство, следуя принципам патриархальной идеологии, общепринятой традиции, не могло отказать в помощи обедневшему родственнику, в особенности когда последний пользовался определенным влиянием при решении вопросов внутренней жизни и внешних связей аула, общины и т. д. В этом случае саун не вел к потере самостоятельности, к личной зависимости саунщика. Он позже мог возратить полученный скот, мог и не возвращать, в особенности если он получил скот от родственника в качестве пожертвования («саун аягымен»).

Существование сауна в казахском обществе было обусловлено природой хозяйствования, особенностями производственного цикла у кочевников-скотоводов. Кочевую аульную общину, совершающую свое производство на обширном пространстве, часто постигают стихийные бедствия. В этих условиях взаимная выручка общинников, т. е. саун как форма хозяйственной взаимопомощи, выступает как средство, в известной мере предохраняющее кочевой коллектив от распада и гибели. Взаимная помощь скотом есть необходимость, вытекающая из самой природы производства в кочевом скотоводческом обществе.

Таким образом, следует различать две стороны саунных отношений: с одной стороны, богачи использовали саун в своих классовых интересах, с другой стороны, саун был формой хозяйственной взаимопомощи независимых друг от друга семей.

Если принять во внимание последнее обстоятельство, то число саунщиков, наделенных скотом феодалами, оказывается еще меньше.

Саун не был первоклеткой и основным источником формирования феодальных отношений в кочевом казахском обществе. Подобный взгляд несостоятелен не только фактически, но и теоретически.

Известно, что при феодализме непосредственные производители, обладая условиями труда, хозяйственной самостоятельностью, в то же время остаются лично зависимыми. Принуждение, посредством которого реализуется прибавочная стоимость, носит внеэкономический характер. Если принять, что саун является основой феодальных отношений, то совершенно не остается места для хозяйственной самостоятельности отдельных семей, для внеэкономического принуждения, личная зависимость полностью заменяется экономической зависимостью. Если бесскотная или малоскотная семья, представляющая только рабочую силу, является к феодалу каждый раз за скотом (а это приходится делать постоянно), то ясно, что тут действуют законы экономического принуждения, т. е. нечто совершенно отличное от внеэкономического принуждения, которое характерно для феодализма.

Несколько слов о механизме и некоторых конкретных формах оказания помощи и наделения скотом нуждающихся семей. Старики казахи, умудренные опытом, добрую половину жизни прожившие в дореволюционное время, рассказывают, что бай (богач) мог, например, во время кочевания безлошадным одноаульцам предоставить лошадь для верховой езды, иногда вьючных верблюдов под домашнюю утварь. При этом он предупреждал пользователя о необходимости аккуратного и своевременного возвращения взятого скота. Как правило, в таких случаях какого-либо возмещения бай не требовал. Однако, если безлошадный одноаулец отправлялся в город, на ярмарку или к родственникам в другой род, то бай за пользование верховой лошастью требовал особого возмещения – «атмайы», а за пользование другими транспортными средствами – «коликмайы».

Тут мы видим двоякого рода отношение бая к оказанию «помощи» своему одноаульцу. Заинтересованный в том, чтобы одноаульцы кочевали вместе с ним, поскольку это диктуется интересами производственного цикла байского хозяйства, бай готов оказать некоторым из них «безвозмездную» помощь. Во втором случае выезд одноаульца не сулит никаких хозяйственных выгод баю, и в силу этого он уже относится к последнему как к постороннему лицу, требуя известного вознаграждения за использование скота.

В других случаях бай мог предоставить верховую лошадь и другие средства, необходимые при постоянных перекочевках, с уговором, что получатель и его сыновья, могущие управлять лошадьми, осуществляли бы уход за скотом, помогали в хозяйстве, участвовали бы в различных разъездах, связанных с выбором мест кочевой стоянки и т. д. При этом бай какого-либо прямого вознаграждения («атмайы») не требовал. Нередко бай, прежде чем удовлетворить просьбу бедняка, прочитывал ему нотацию, напоминая о хороших и плохих поступках просителя, чтобы последний ощутил, какое благодеяние для него делается. Бай мог и отказать в «помощи».

Пользование рабочим скотом (лошадьми и верблюдами) происходило и на договорных условиях. Кочевники, получавшие скот, брали на себя определенное обязательство выполнить ту или иную работу или расплачивались частью своего имущества. Такие соглашения на договорных условиях в основном заключались между членами различных родов и родовых подразделений, а внутри одного ата-баласы, между ближайшими родственниками они имели очень незначительное распространение.

Пользование рабочим скотом было разовым, кратковременным. Отдельные крестьяне в одних случаях прибегали к «помощи» роди-

чей, а в других случаях обходились своими средствами. Представители феодальной знати нетерпимо относились к постоянным просьбам о «помощи», хотя бы даже они исходили от родственников. Поэтому подобного рода отношения были по своему объему значительно менее обширными и постоянными, чем саунные отношения (наделение молочным скотом).

Отношения между баями и рядовыми кочевниками, нуждающимися в их «помощи», какой бы оболочкой они не прикрывались и в каких бы формах не протекали, оставались отношениями классового господства и подчинения. Особенностью их является то, что по форме эти отношения выступают в смягченном патриархальными пережитками виде, что является отражением незавершенности процесса классового расслоения, а вследствие этого и низкого уровня развития классовой борьбы в Казахстане.

Кочевники, нуждавшиеся в средствах передвижения и перевозки, обращались не только к баям. Они пользовались помощью и своих соседей и других крестьянских хозяйств на условиях взаимности и хозяйственного сотрудничества, а иногда и на началах частных соглашений.

Одной из форм оказания помощи скотом был «жылу», т. е. помощь семье, хозяйство которой стало жертвой стихийного бедствия (пожар, наводнение, жут и т. п.) или непредвиденного происшествия (ограбление аула, нападение, уплата куна). По своему происхождению жылу является институтом взаимной выручки внутри кочевых коллективов, и в начале XIX в. он еще не потерял своего старого значения. В отношениях между рядовыми кочевниками жылу имел позитивное значение. Однако и этот обычай получал постепенно определенный классовый интерес. Поступления от жылу были значительны, если он собирался в пользу влиятельного, знатного лица. Они были мизерными (некоторые даже отказывались участвовать в сборе средств), если он оказывался простому сельскому труженику. В рассматриваемый период былое значение института жылу претерпело серьезные изменения.

Характерно, что кочевник, раз получавший жылу, оказывался более привязанным к родовому подразделению. Он морально чувствовал себя обязанным коллективу, и хотя правовых препятствий к уходу его из данного подразделения не было, но решиться на такой шаг было уже трудно. Поскольку помощь всегда организовывалась главой аула или родовых подразделений, отделений, привязанность к кочевому коллективу фактически оказывалась привязанностью к представителю знати, а следовательно, и зависимостью от него, вершившим делами этого коллектива.

Формой взаимопомощи, практиковавшейся между родственниками, был «агайыншылык». Кочевники, обедневшие по тем или иным причинам (болезнь главы семьи, потеря трудоспособности, уплата несправедливых исков, жут и т. д.), обычно навещали своих более или менее имущих родственников (по отцовской линии), и такой «беспричинный» приезд расценивался как просьба об агайыншылык. Родственники, согласившиеся оказать помощь нуждающемуся, ставили при нем определенную метку на скот, переходящий к нему, или давали словесное обещание о выделении ему скота к определенному сроку. В большинстве случаев жертвовался ягненок, теленок, козленок (реже жеребенок) и крупный скот. К осени, когда скот был наиболее упитанным, а молодежь рослым, нуждающийся кочевник отправлялся за обещанным родственниками по агайыншылык скотом.

Обычай агайыншылык не был лишен элементов гуманности. Но основной смысл его заключался в том, что нуждающийся кочевник, прибегавший к такого рода помощи, оказывался по существу в зависимом положении от своего более богатого родственника. Казахских баев всегда сопровождали ближайшие родственники, положение которых мало чем отличалось от положения байских вассалов.

По мере того, как усиливался процесс смешения членов различных родов и их подразделений, нормами агайыншылык стали охватываться все одноаульцы и их непосредственные соседи независимо от их родственных связей. Так отношения агайыншылык перерастают в журтшылык.

Журтшылык в отличие от жылу и агайыншылык носил более обязательный характер. Заранее создавалось нечто вроде группы уполномоченных по организации журтшылык, в которой первый голос всегда принадлежал представителям знати. В обязанности этой группы входило определение размеров взноса каждого члена кочевого коллектива и сбор средств. Если сборы производились в пользу лица, пользующегося влиянием в данном ауле, то в них участвовали только одноаульцы. А если это был знатный человек, известный в более крупных коллективах кочевников, то сфера распространения журтшылык соответственно расширялась. При журтшылык помощь не обязательно должна была оказываться бедняку, нуждающемуся крестьянину, – сбор пожертвований мог производиться лишившихся части своего богатства. В казахском обществе было немало таких норм, узаконивающих «наделение» скотом представителей знати. Это производилось под разными предлогами, чаще всего рядовыми кочевниками «добровольно» возмещался материальный ущерб, который потерпел знатный человек, «отстаивая» общественные интересы, «заботясь» о благополучии одноаульцев.

На всех этих отношениях, связанных со скотовладением лежит отпечаток классового неравенства, господства и подчинения. Ни одна патриархальная норма, связанная с материальными интересами членов общества, не могла бы сохраниться, если бы она в той или иной степени в конечном счете не была бы выгодна господствующему классу.

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам: а) большинство крестьянских хозяйств в кочевых коллективах обладало хозяйственной самостоятельностью и не нуждалось в наделении скотом со стороны феодальной знати; б) феодальными отношениями наделения скотом в казахском обществе охватывалось незначительное число крестьянских семей. Следовательно, саун не имел всеобщего характера, не был основой отношений зависимости и господства; в) саун был одним из средств усиления зависимости крестьян от феодальной знати, одной из форм феодальной эксплуатации.

Классы и скотовладение

Одним из важных вопросов является вопрос о том, насколько и в какой степени скотовладение связано с отношениями классов. На первый взгляд это кажется совершенно простой проблемой. Некоторые исследователи в Казахстане так и утверждают, что скотовладение – единственный критерий в социальных отношениях: богатые скотом – это феодалы, а бедные – это крестьяне.

Выражая мнение таких исследователей, С. Толыбеков писал о до-революционном казахском обществе: «Классовые контрасты в общественной жизни кочевого аула, противоречия между богатством и нищетой, между правами господствующей кучки и бесправием бедноты определялись количеством скота».¹ При непосредственном и конкретном рассмотрении такое суждение оказывается не всегда верным. Нередко бывает трудно, а порою невозможно, отнести то или иное хозяйство по количеству скота к богатым или бедным. Более того, принятие скота в качестве основного и единственного классового критерия в кочевом казахском обществе независимо от нашего желания объективно ведет к игнорированию реальных классовых отношений в обществе, как это будет видно из последующего изложения.

С фактической стороны феодалом может быть назван человек, который присваивает прибавочный продукт непосредственного про-

¹ Толыбеков С. Вопросы экономики и организации скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX веков. Труды Института экономики Академии наук КазССР, т. II, 1957, стр. 16.

ствах при наличии крестьянского земельного надела существовала феодальная монополия на все земельные угодия, а в кочевых обществах феодалы такого преимущественного права владения на скот не имели. Отсюда скотовладение само по себе не всегда может быть приемлемым и ясным критерием при определении классовой принадлежности всех без исключения хозяйств. Для иллюстрации этого положения приведены развернутые данные о скотовладении в двух отделениях Шындаулет и Сакау рода Киржа Большой орды.¹

Среди этих и других отделений кочевали султаны со своим аулами, имевшие большую власть и пользовавшиеся значительным влиянием во многих кочевых коллективах. Таблица 5 дает представление о количестве скота, которым владели эти султаны.

Таблица 5

Султаны	Число голов скота		
	лошади	крупный рогатый скот	мелкий скот
Абдан Даиров	20	10	100
Даир Агадаев	50	12	170
Карсакпай Даиров	20	8	70
Абдулла Карсакбаев	10	7	50
Наследники Тяукина	80	20	200

Старшиной двух отделений Шындаулет и Сакау, объединенных в один административный аул, был С. Алдияров, избранный на эту должность «обществом» и утвержденный органами царской администрации. В его собственности было 7 лошадей, 4 головы крупного рогатого скота и 60 баранов. Известно, что аульные старшины имели большую личную власть. Они были выразителями интересов представителей знати как вне, так и внутри кочевых коллективов. А если исходить из размеров движимого имущества – скота, которым владел старшина Алдияров, то никак нельзя его отнести к представителям господствующего феодального класса. Многие крестьяне имели гораздо больше скота, чем старшина, стоявший во главе нескольких хозяйственных аулов. Это относится также к волостному управителю султану А. Даирову, в собственности которого было 20 лошадей, 10 голов крупного рогатого скота и 100 баранов. Такое количество скота могло находиться и действительно находилось во владении простого

¹ ЦГИА КазССР, ф. 1, оп. 1, д. 27, лл. 3-14.

крестьянина-середняка. Ничем не выделялись и султаны К. Даиров, А. Карсакбаев. Между тем все они занимали привилегированное положение в обществе.

Представителей мелкой и средней знати, пользовавшихся отношениями крестьян-кочевников и чужим трудом, не всегда можно определить по одной только таблице, в которой приведены данные о численности скота. Это можно было бы сделать, если бы феодальные отношения в казахском обществе были основаны на наделении крестьян скотом со стороны знати, что, как уже было сказано, не имело места.

Таким образом, мы видим, что: 1) между скотовладением и социальными отношениями существует определенная связь, вытекающая из того, что скот являлся одним из важнейших средств производства в казахском кочевом обществе; 2) эта связь не всегда определяет классовую принадлежность того или иного кочевого скотоводческого хозяйства, что объясняется существованием, наряду с феодальной, и неограниченной крестьянской собственности на скот.

ГЛАВА IV

ФОРМЫ И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Роль земли в производстве кочевников

Развитие человеческого общества не знает такой исторической эпохи, когда бы целое общество занималось исключительно скотоводством, ведя кочевой образ жизни, и не состояло бы в общении с обществами с земледельческой культурой. Исторические данные говорят о том, что даже исконно кочевые народы в той или иной степени постоянно или спорадически занимались земледелием, частью вели оседлый, полуоседлый образ жизни, находились в соприкосновении и общении с оседлыми народами. Нельзя полагать, что с переходом к кочевому скотоводству люди полностью оторвались от обжитых ранее мест, совершенно перестали заниматься хотя бы примитивным земледелием, так как в условиях такого перехода известная преемственность в хозяйстве сохранялась. Кроме того, при кочевании одной части населения оседание другой части в той или иной степени должно было иметь место в любую историческую эпоху. Отсюда понятие «кочевники» является в известной мере условным и не может считаться противоположным понятию «земледельцы». Древним скифским кочевникам было известно земледелие. Земледелие имело место и у кочевых племен Средней Азии. Арабский географ X в. Абдаллах Ибн-Хордадбек в «Книге путей и провинций» писал, что кочевые скотоводческие племена карлуков, тогузгузов, тюргешей и других знают и употребляют просо.¹ Найденные в Забайкалье и на Енисее китайские чугунные плуги и другие археологические находки указывают на то, что алтайские кочевники в V – X вв., как и до этого, занимались и земледелием.² Татаро-монгольские кочевники в значительном количестве употребляли зерновые злаки. На это указывал Плано Карпини, лично посетивший их лагерь.³

Средние века дают очень много ценных, неопровержимых доказательств того, что внутри одной и той же даже небольшой этнической группы могут существовать как кочевники, так и земледельцы, и что

¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.-Л., 1939, стр. 15.

² Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 506.

³ Собрание путешествий к татарским и древним восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях. Спб, 1825, стр. 115.

между ними не только нет абсолютно никаких непреходимых границ, а наоборот, они взаимно связаны, в определенных условиях могут и меняться местами в системе общественного хозяйства. Известно, что часть казахов южных районов, долин Чу, Таласа, района Семиречья издревле занималась земледелием. Вместе с тем немало было хозяйств в этих же районах, сочетавших постоянные земледельческие занятия со скотоводством. Казахи центральных, западных и северных районов преимущественно вели кочевой образ жизни, однако и они не порвали с земледелием, хотя последнее играло второстепенную роль в производстве.

Таким образом, мы видим, что «чистых» кочевых народов не существовало. Скотоводство и земледелие имеют общую материальную основу – землю. При первом люди имеют дело с одним продуктом земли (животными), при втором – с другим продуктом земли (растениями). Отсюда противопоставление земледелия скотоводству вовсе не вытекает из природы, характера производства, – оно является ошибочным.

Нельзя согласиться также с утверждением о том, что скотоводство при всех исторических условиях связано с кочевой формой хозяйствования. При благоприятных географических и иных условиях скотоводческое хозяйство может быть и оседлым, как, например, это было у горноалтайских племен.¹ Наконец, кочевое скотоводство и земледелие с успехом могут сочетаться внутри одной и той же хозяйственной группы. К. Маркс в одном из писем к Ф. Энгельсу, характеризуя арабов, писал, что «у всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить общее взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части».²

Экономическая роль земли в казахском обществе не только и не столько связана с тем, что часть общества в той или иной степени занималась земледелием, сколько с тем, что само кочевое скотоводство возникло в ходе освоения пастбищных пространств. Отсюда пастбище не может не лежать в основе кочевого скотоводства. Не скотовладение определяло площадь пастбищ, а пастбища определяли степень развития скотоводства. Чем больше неосвоенные пастбищные угодья, тем значительнее перспективы развития кочевого скотоводства. Наоборот, чем меньше неосвоенные пространства, годные под пастбища, тем меньше возможностей для его развития.

Обилие лугов, обширные пастбищные территории позволяли кочевникам постоянно обеспечивать скот хорошими кормами и осуществлять расширенное воспроизводство на основе ведения кочевого скотоводческого хозяйства.

¹ Руденко С.П. Горноалтайские находки и скифы. М.-Л., 1952, стр. 51.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXI, стр. 488.

Известно, что постоянное перемещение по пастбищам было связано с особенностями и требованиями производства у кочевников. Пастбище после выпаса скота теряет свою первоначальную хозяйственную ценность, и в интересах нормального функционирования производственного цикла оно должно быть заменено новым пастбищем. Частота производимых перекочевок во многом зависела от размеров скотовладения. Содержание большого количества скота, естественно, требовало более частых переходов, т. е. более обширного пастбищного пространства.

Нельзя не учесть и того, что кочевое скотоводство в Казахстане отличалось большой примитивностью его ведения. Оно в значительной степени зависело от природных и климатических условий. Борьба с отрицательными последствиями этих факторов была также сопряжена с расширением пастбищных площадей. Вот почему казахи в прошлом совершали дальние переходы, нередко от южных до северных границ Казахстана и обратно.

Если исследовать протяженность кочевых переходов, то можно заметить, что она постепенно суживалась. Один из современников сообщает, что в середине XIX в. отдельные аулы, зимовья которых были расположены в Приаралье, проходят за кочевой сезон путь длиной 1000 и более верст.¹ Аулы некоторых богатых феодалов из района среднего течения р. Сыр-Дарьи достигали летом окрестностей городов Троицка и даже Оренбурга. Подобные большие переходы были когда-то массовым явлением у казахов.

Стесненность в пастбищах и уменьшение протяженности кочевого кругооборота казахских аулов сопровождалась в целом уменьшением поголовья скота и усилением процесса имущественной дифференциации среди членов общества. Даже простое сопоставление данных свидетельствует о том, что казахское общество в XVII в. было гораздо богаче скотом, чем в XVIII, или в середине XIX в. оно было заметно беднее скотом, чем, скажем, в XVIII и в начале XIX вв.

Известный ученый академик П.С. Паллас, побывавший в Малой орде в 1769 г., сообщает, что у казахов «наипаче много... лошадей и овец».² Другой авторитетный исследователь конца XVIII в., Георги, писал, что «у самого простого, но доброго скотовода (казаха. — С.З.) редко бывает меньше 50 или 30 лошадей, в половину против того рогатого скота, 100 овец, несколько верблюдов и от 20 до 50 коз. В Средней же особенно орде есть, как слышно, и такие люди, у которых

¹ Завадский А.К. Русское царство, Приаральский край. Спб, 1874, стр. 15.

² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 1. Спб, 1773, стр. 581.

табуны содержат в себе до 10000 лошадей, до 300 верблюдов, от трех до четырех тысяч рогатого скота, около 20000 овец и больше 1000 коз. Имеющие тысяч по пяти лошадей и по соответствующему числу рогатого скота люди есть и в Малой орде».¹ Сравнение этих сведений с данными хотя бы середины XIX в. с несомненностью показывает, что объем скотовладения в последующее время все более сокращался.

Значение пастбища, его обильного растительного покрова для скотоводов-казахов хорошо выражено в одном из популярных народных рассказов, в свое время записанном академиком Г. Потаниным, в котором говорится: «Бог, создав людей, велел им выбирать, что кому понравится; китаец схватился за землю, русский – за дерево, казах – за траву битэргэ (*Festuca ovia*). Оттого китаец – земледелец, русский – зверолов, казах – скотовод».²

Интересно и другое предание. Во владении хана Алаша «будто бы стали рождаться пегие или чубарые люди... этими людьми пренебрегали, не любили их, но боялись и считали их дьявольскими порождениями. Они терпели самую горькую долю, им не давали никаких прав, ни участков земли, и они без приюта и без пристанища часто умирали с голоду...».³ В этом рассказе характерно то, что пренебрежение и нелюбовь со стороны хана находят выражение в лишении прав и участков земли в качестве самого строгого наказания.

Определяющая роль земли – пастбищ для кочевых аулов ярко запечатлена в народных казахских поговорках и пословицах. Казахи говорят: «Байлықтың атасы – еңбек, анасы – жер», т. е. «Отцом богатства является труд, а матерью – земля». Здесь под богатством подразумевается в первую очередь скот. Характерно, что в этой пословице скот как форма богатства рассматривается в качестве продукта трудовой деятельности, возникшего в результате воздействия людей на землю. В другой крылатой народной фразе: «Жері байдың елі бай» («На обильной и богатой земле и народ богат»), так же как и в первом случае, экономическое благополучие кочевников связывается с плодородием пастбища.

Таким образом, существование и развитие кочевого казахского скотоводческого общества было обусловлено наличием и состоянием пастбищных пространств. «...Для скотоводства, – писал К. Маркс, – большие необитаемые пространства являются главным условием».⁴

Уже на ранних ступенях развития общества земля становится объектом ожесточенной борьбы между племенами, родами и кочевыми

¹ *Георги*. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. Спб. 1799, стр. 126.

² *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 11. Спб.

³ *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. Спб, 1867, стр. 1.

⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч, т. XII, ч. 1, стр. 188.

группами. Это объяснялось тем, что известные, освоенные районы кочеваний с водными источниками всегда имели наибольшую ценность. Сильные родовые объединения расширяли свои кочевые владения не только за счет пустошей, но и не в меньшей степени за счет территорий своих слабых соседей. По данным Ипатьевской летописи, внутри племен печенегов и половцев (XI-XII вв.) шла острая борьба за раздел пастбищ и преобладание на торговых путях.¹ У якутских кочевников-скотоводов в XVII-XVIII вв. земля составляла «предмет социальной борьбы и сильнейшего социального расслоения».²

Источники содержат многочисленные факты, свидетельствующие об ожесточенной борьбе внутри казахского общества из-за пастбищ. Один из дореволюционных исследователей довольно-таки метко заметил, что «из-за пастбищ у киргиз (казахов. – С.З.) никогда не было мира».³

Другой исследователь Средней Азии, А. Семенов, писал, что «каждое киргизское племя делится на маленькие общины, живущие отдельно друг от друга. В прежнее время эти общины часто враждовали между собою и жили в полной независимости, не признавали никакой власти, кроме своих начальников – «султанов» и старших в своих семьях. Вражда происходила больше всего из-за пастбищных мест».⁴

Междоусобицы из-за пастбищ были особенно распространены в XVIII-XIX вв. Как будет показано несколько ниже, они не в меньшей степени были характерны для отношений между аулами и отдельными семьями. Борьба за преобладание, в особенности в районах зимнего пастбища, была весьма острой внутри кочевых коллективов.

Казахскому кочевому обществу неизвестны такие классовые конфликты, которые велись бы за преобладание в сфере скотовладения. По поводу владения скотом не возникали и ссоры, кроме случаев, когда они касались барымты и отгонов чужого скота за какие-либо обиды или в порядке возмещения ущерба или мести. Такое положение объяснялось тем, что никто не мог посягать на чужое имущество – скот, поскольку оно находилось в полной частной собственности каждого двора. Борьба сосредотачивалась вокруг главного условия кочевого скотоводческого производства – вокруг пастбищного пространства, лежавшего в основе отношений господства и подчинения в обществе.

¹ *Иванов П.* Очерк истории каракалпаков. Труды Института востоковедения, т. VII. М. – Л., 1936, стр. 14.

² *Расцветаев.* Очерки по экономике и общественному быту якутов. М.– Л., 1932, стр. 32.

³ *Павлов И.* История Туркестана. Ташкент, 1910, стр. 5.

⁴ *Семенов А.* Средняя Азия. М., 1911, стр. 21.

Скотовладение неотделимо от земли так же, как кочевое скотоводство неотделимо от пастбищных территорий. Главным условием воспроизводства стада является земля – пастбище, так же как главным условием кочевого скотоводства являются обширные пастбищные пространства.

Из сказанного видно, что одной из главных проблем феодальных производственных отношений у кочевников является проблема землевладения. Причем эта проблема еще очень мало исследована. На это правильно указывал профессор Л.И. Потапов, когда он писал, что «феодальный характер собственности на землю у кочевников подробно не исследован, роль и значение феодальной земельной собственности не только не раскрыты на конкретном материале, не обоснованы теоретически, но даже отрицаются некоторыми учеными».¹

Формы землепользования

Вопрос о том, в каких общественных формах присваивались пастбищные земли в феодальном Казахстане, относится к числу наиболее сложных и наименее ясных. В земельных отношениях казахов не было рельефно кристаллизованных форм с особой структурой и правовой организацией, как, например, вотчинные, поместные и надельные землевладения у русских, мюльковые и санашиковые угодья у туркмен, мульковые и амляковые – у узбеков. На этот счет казахское обычное право по существу не содержит никаких указаний. В области земельных отношений наиболее живучи были патриархальные пережитки. Все это свидетельствует об отсталости форм земельных отношений у казахов. Но отсутствие сложившихся правовых институтов в земельных отношениях казахов еще не говорит об отсутствии различных экономических форм в землепользовании.

Следует учесть, что в обычном праве казахов весьма слабо были представлены не только поземельные отношения, но и многие другие стороны общественных отношений. Известно, что, по сообщениям современников в начале XIX в., казахское общество состояло из различных социальных групп, отличавшихся друг от друга экономическим положением (баи, бии, шаруа, кедей, консы, жалшы, егинши, жатаки, тюленгуты и т.д.). Об этих группах, их правовом положении тоже почти ничего не сказано в обычном праве казахов.

Когда говорится о формах землепользования в кочевом казахском обществе, имеется в виду внутренняя структура земельных отношений. Присвоение пастбища возможно лишь в определенных

¹ «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 73.

следует обращать особое внимание на соотношение формы и содержания исследуемых явлений. Известно, что хотя форма связана с содержанием явления, она неизменно отстает в своем развитии от содержания. Последовательные изменения, происходящие в содержании явления, не всегда вызывают соответствующие изменения формы. Характерным является то, что в антагонистических обществах периоды несоответствия между формой и содержанием общественных явлений более продолжительны, чем периоды их взаимного соответствия. В еще большей степени это присуще феодальному обществу в условиях политической и экономической раздробленности в стране. Исторический опыт свидетельствует о том, что новые отношения в определенных условиях могут с успехом развиваться в рамках старых общественных форм, и что старая форма, даже тогда, когда она приходит в резкое противоречие с содержанием явления, не приостанавливает развитие последнего, хотя тормозит и намного суживает и сокращает масштабы этого развития.

Отсюда напрашивается важный для нас методологический вывод: сама по себе форма землепользования у кочевников-казахов не может дать ясного представления о содержании землепользования. Раскрытие природы земельных отношений предполагает не столько изучение самих форм землепользования, сколько объяснение этих форм с точки зрения их содержания.

Формы поземельных отношений у казахов в основном определялись тремя важнейшими факторами: уровнем развития производительных сил общества, особенностями производственного цикла у кочевников и, наконец, производственной ролью и значением отдельных земельных участков в пределах пастбищного пространства.

Поясним это несколько шире. Чем выше уровень развития производительных сил общества, тем большей властью над природой пользуются его члены, тем благоприятнее условия для самостоятельности индивидуумов; и, наоборот, чем примитивнее производительные силы общества, тем меньше власть людей над природой, тем слабее отдельная личность. Все это не может не влиять на формы присвоения продуктов природы. Значит, на характер землепользования в казахском обществе оказывали определяющее влияние орудия и средства труда, применяющиеся в данный период в процессе производства, а также производственный опыт, навыки людей, используя которые, люди воздействовали этими орудиями на предметы труда.

На форму присвоения земли оказывает влияние не только достигнутый обществом уровень производительных сил, но и характер, основное направление в экономике общества. Там, где преобладает земледельческое производство, земля выступает как непосредствен-

ный объект приложения человеческого труда и капитала. Там, где преобладает скотоводческое производство, земля используется в основном как пастбище для воспроизводства стада. Характер производительной деятельности населения налагает известный отпечаток и на форму землепользования.

Наконец, не все пастбищные участки бывают подчинены одному и тому же режиму. Поскольку пастбищные угодья по своей хозяйственной ценности не могут быть одинаковыми, постольку не могут быть идентичны способы присвоения этих угодий. Так было не только в кочевых скотоводческих обществах. В земледельческих феодальных обществах режимы пользования пахотными, сенокосными, охотничьими, лесными угодьями также были различны. И в казахском феодальном обществе зимние, летние, осенние пастбища, сенокосные луга, оазисные участки с водными источниками имели отличающиеся между собою статуты пользования, владения и распоряжения.

Какие же конкретные формы землепользования существовали у казахов в первой половине XIX в.? Мы встречаем три основных вида распоряжения и пользования землей: феодальная собственность (феодальное верховенство), индивидуальное и общинное землевладение. Все эти три формы землепользования не были отделены друг от друга китайской стеной. Они выступали в сложных взаимопереплетениях.

Несомненно, что в древности отношениями общинно-групповой собственности охватывалось первоначально все пастбищное пространство. Однако со временем, на относительно ранней стадии развития общества, из пределов пастбищного пространства выделились в хозяйственном отношении особенно ценные земельные участки, которые затем переходят в частное распоряжение групп родственных семей и отдельных дворов. Это были в первую очередь земельные участки, находившиеся в районе зимних стоянок и занятые под жилые, хозяйственные постройки, а также под посевы и сенокосные луга. Появление частного владения участками пастбищного массива не нарушало хозяйственного строя, аульной системы организации, следовательно, и общинной формы владения огромной кочевой территорией.

Первыми узурпаторами части общинных земель были представители родовой знати, сосредоточившие постепенно в своих руках большие стада скота. Они продолжали оставаться членами общины, а этими участками владели как собственники. Частное земельное владение степных феодалов на зимниках постоянно расширялось как за счет отторжения части общинных угодий, так и за счет распространения их сферы влияния на места зимнего хозяйствования соседних общинников. Этот процесс не был полностью завершен и к XIX в. Однако по крайней мере в XVIII и

XIX вв. создалось уже такое положение, когда феодальная знать фактически хозяйничала в основных районах зимних кочевьев.

Процесс возрастания размеров земельной собственности у знати сопровождался оформлением права феодального верховенства в отношении кочевых территорий. Особенностью его было то, что земельная собственность не была концентрирована в общенациональном масштабе. Поскольку казахское общество состояло из трех самостоятельных орд, а каждая орда в свою очередь дробилась на крупные султанские, бийские владения, обладавшие автономными правами, поскольку государственная власть в Казахстане выступала как власть ханов, крупных султанов и биев, то и земельный суверенитет развивался в масштабе больших кочевых объединений, во главе которых стояли эти крупные феодалы. Непосредственная связь между политической властью и феодальным верховенством в отношении кочевого пространства породила особую форму выражения этой связи в виде распоряжения кочевьями. В нашу задачу не входит определять хронологические рамки начала и конца этого исторического процесса. Для нас важно отметить то, что к началу XIX в. феодальное верховенство в отношении пастбищных территорий аульных общин было уже совершившимся фактом.

Индивидуальное землевладение осуществлялось в различных формах. Одна группа частных владельцев пастбищ фактически обладала такими правами, которые позволяли ей присваивать неоплаченный продукт труда непосредственных производителей. К этой группе относятся в первую очередь представители феодальной знати, которые, владея обширными и лучшими пастбищными угодьями, производили гораздо больше жизненных средств, чем это требовалось для удовлетворения потребностей их семей, причем не столько за счет собственного труда, сколько в результате присвоения чужого труда.

Другой формой индивидуального землевладения была крестьянская собственность на пастбищные участки. Эволюция этой формы землевладения неминуемо вела к зависимости крестьян не только от верховного собственника земли, но и от фактических ее владельцев – феодалов. К этой группе собственников относилось большинство непосредственных производителей.

Таким образом, индивидуальное землевладение в казахском обществе различалось как феодальное и крестьянское владение пастбищами.

Обширные пастбищные угодья считались общинными. Общинное землепользование не только не вело к имущественному равенству членов общины, но и во многом было формальным. Во-первых, жизненно важные участки пастбищного комплекса находились во владении

отдельных хозяйств или небольшой группы родственных семей. Вторых, в условиях резко выраженной имущественной дифференциации среди членов коллектива, существования классов бедных и богатых, привилегированных людей и нищих, короче говоря, в условиях господства отношений зависимости и подчинения свобода пользования отдельными, порою даже обширными пастбищными угодьями на деле была свободой для обеспеченных слоев населения. В-третьих, на лучшие участки общинной земли могли претендовать только богачи.

Значит, общинное землепользование для зависимого крестьянина-кочевника фактически означало, что он имеет равное с другими членами коллектива право на участие в освоении пастбища, но неравноправен в присвоении продуктов земли.

Развитие каждой в отдельности форм поземельных отношений и изменения в их соотношении тесно связаны с общим ходом исторического развития казахского феодального общества. Этот процесс не был равномерен на всей территории Казахстана. Так, в районах, где более или менее удобные пастбищные угодья уже были освоены, и, следовательно, возможность выбора нового удовлетворительного пастбища ограничена, где пастбищная теснота все больше усугублялась как в результате процессов, происходящих внутри общества, так и под действием внешнего фактора – под давлением колониальных вторжений и захвата наиболее плодородных пастбищных участков, – земельный вопрос выступал наиболее остро. Феодальная знать захватывала скудные общинные земли, ставя тем самым массу рядовых скотоводов в крайне тяжелое положение. Здесь феодальная собственность и монопольное право феодалов на пастбища выступали наиболее рельефно; «общинные» земли и «общинные» отношения сильнее зависели от феодальных отношений.

Интересен такой факт. В середине XVIII в. в связи с отступлением джунгар прииртышские степи занимались казахами под пастбища. Владетельные султаны, бии, батыры, находившиеся во главе крупных родовых объединений, завладели лучшими пастбищными угодьями. При этом имели место ожесточенные споры из-за пастбищ, нередко переходившие в вооруженные конфликты. Феодальное верховенство в отношении пастбищных территорий определенных кочевых коллективов, осуществлявшееся ранее через общинную форму землепользования, начинает оформляться в неприкрытую ничем феодальную собственность. Это наиболее отчетливо прослеживается во Внутренней орде, где в начале XIX в. лучшие пастбищные районы на основании ханских грамот были объявлены собственностью крупных феодалов.

В районах, где еще существовало известное количество неосвоенных пастбищных площадей, что создавало в той или иной степени

благоприятные условия для закрепления достигнутого уровня развития скотоводческого хозяйства и некоторого дальнейшего его роста, земельные отношения складывались в иных формах. Освоение степных и полупустынных районов представляло большие трудности для кочевников. Маловодные и безводные степи, находившиеся на значительном расстоянии от караванных путей, земледельческих районов и торговых центров, были крайне неудобны для населения, в жизни которого вывоз скотоводческой продукции и обмен ее на другие товары потребления занимали видное место. Поэтому в такие районы уходили те кочевые группы, которые по тем или иным причинам бывали вынуждены оставить более выгодные в экономическом отношении районы. Постоянно кочующие в степных или в полустепных районах казахи, как правило, слабо были связаны с рынком, с земледельческими странами. Общественные их отношения были более отсталыми и неразвитыми, чем общественные отношения у населения первой группы районов. Здесь коллективизм был более развит, а общинная форма землепользования значительно жизнеспособнее, и поэтому земельная политика феодальной знати в основном проводилась через общинные институты.

Объем и степень распространения трех форм земельных отношений – частного крестьянского владения, феодальной собственности и общинного пользования – менялись в зависимости от конкретных районов, наличия пастбищных угодий, пригодных для производства, и от того, насколько феодальные отношения были глубоки.

Из этих трех основных форм землепользования, существовавших в казахском обществе, только феодальной собственности и институтам частного землевладения было присуще прогрессирующее развитие, которое осуществлялось и не могло осуществляться иначе, как за счет ослабления общинного и частного крестьянского землепользования.

Монопольное право феодалов на землю

Существует мнение, что в дореволюционном Казахстане феодалы якобы не обладали сословным правом на землю, пастбищное пространство было ничейным и каждый кочевник мог пользоваться им по своему усмотрению. Мы уже в общем аспекте затрагивали этот вопрос, а теперь остановимся на нем более подробно.

В классовом кочевом обществе, находящемся на таком уровне развития, при котором производство в нем неразрывно связано с освоением огромных земельных площадей, в течение определенного исторического периода могло и не сложиться частной собственности отдельных семей на пастбищные участки. Однако это вовсе не зна-

чит, что не было в кочевых феодальных обществах монопольной феодальной собственности на пастбищные территории. Система частной собственности и территориальное верховенство феодалов не только понятия нетождественные, но и не всегда дополняют друг друга.

У древних и поздних кочевников, когда они уже пережили первобытно-общинный строй, ясно прослеживается монопольное право владения, использования и распоряжения всей пастбищной территорией (племен, народностей) со стороны крупных феодалов. У орхонских тюрок V-VIII вв. внутри общин и родов не существовало частного присвоения земельных участков. Вместе с тем, как указывает такой видный исследователь древней истории Сибири, как С.В. Киселев, у них «уже зародился принцип верховного суверенитета на землю со стороны беков, ханов и других представителей аристократии».¹ В царстве сельджукидов огузам-кочевникам отводились земельные участки, так называемые «икта», в границах которых огузы должны были кочевать. Сельджукидские цари, их наместники считались носителями прав собственности на эти территории.² У кочевых монголов территория, по которой кочевал определенный сложившийся коллектив, считалась собственностью феодалов, находящихся во главе этого коллектива. Академик Б.Я. Владимирцев по этому поводу писал: «*nutug (yurt)*», т. е. пространство земли, достаточное для содержания той или иной кочевой единицы, считалось принадлежащим господину – *поуан* или царевичу – *кобегун*. Ведь все монголы, знатные и незнатные, все «принадлежали» какому-нибудь сеньору (*поуан*), будь то царевич (*кобегун*) или тысячник, сотник. Раз сеньор владел людьми, то, естественно, должен был и владеть землей, на которой они могли бы жить – кочевать».³ Монгольский аил, индивидуально ведущий свое хозяйство, кочевал на пастбищах, которые ему отводил господин (хан, царевич, нойон, бег, баатур, темник, тысячник, сотник и другие), и нес для него разную службу.⁴ Монгольский хан Тохтамыш не раз выдавал кочевникам ярлыки на право владения определенной территорией, освобождая их от различных поборов. Так, например, в 1382 г. кочевник Байходжа был облечен в тарханское звание и получил право кочевания в крымских степях.⁵

Как сообщают источники, кинданыские феодалы в Монголии в X-XII вв. были крупными земельными собственниками и скотово-

¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 514.

² Гордлевский В. Государство сельджукидов Малой Азии. М. – Л., 1941, стр. 64.

³ Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 111.

⁴ Греков Б.Д. и Якубовский А. Золотая орда и ее падение. М. – Л., 1950, стр. 96-97.

⁵ Там же, стр. 113.

дами, владевшими огромными табунами скота.¹ Монопольная собственность класса феодалов на землю возникла на основе узурпации общинных земель складывающейся феодальной аристократией. Так было у монголов² и у других народов.

Следует отметить, что в силу специфичности производственного процесса у кочевников и сохранения у них значительных пережитков общинно-родовых отношений, феодальная собственность на землю и пастбища здесь выступала в традиционных формах распоряжения кочевьями. Академик Б.Я. Владимирцев правильно заметил, что тот, «кто имеет возможность распоряжаться по своему усмотрению пастбищными территориями, тот и является у кочевников владельцем (ејен) земельных угодий (nutug)».³

Современники так отзываются о власти Чингис-хана в Золотой орде: «Император татарский имеет удивительную власть над всеми. Никто не смеет жить нигде, кроме места, которое он ему назначит. Он назначает, где кочевать воеводам, тысячники сотникам, сотники десятникам; сверх того, что бы он ни приказал, в какое бы время и где бы то ни было – на войну ли, на смерть ли, на жизнь ли – все это исполняют они беспрекословно».⁴

Формула «никто не смеет жить нигде, кроме места, которое он ему назначит. Он назначает, где кочевать воеводам...» означает по существу монопольное верховное право императора на всю государственную территорию. Воеводы распоряжаются землей в пределах воеводства, тысячники выступают владельцами меньших участков земли, еще меньшими пастбищными участками распоряжаются сотники и десятники. Все это – не что иное, как иерархическое землевладение, присущее феодальному обществу.

У кочевых бурят-монголов в XVII-XIX вв. владельцами «улусов, в пределах которых кочевала та или другая кочевая группа улусных людей, считались князцы и сайты, бывшие крупными скотовладельцами... хотя по бурятскому обычному праву пастбищная земля считалась принадлежащей общине».⁵ Такая же картина наблюдалась у кочевых алтайцев. Как указывает крупный советский исследователь С.А. Токарев, «обычное право алтайцев... тоже не признавало частной земельной собственности. Вся земля считалась общей, и на земле, фак-

¹ История Монгольской Народной Республики. М., 1954, стр. 71.

² Там же, стр. 86.

³ Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 160. 142

⁴ Попов А. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева. Труды Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества.

⁵ Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII до 60-х годов XIX века. М. – Л., 1940, стр. 24.

тически незанятой, имели право свободно кочевать, пасти скот, косить траву, пахать, охотиться все алтайцы... Но... зайсан (феодал. – С.3.) распоряжался всей землей, где жило население, ему подчиненное. Право зайсана решать все спорные вопросы о пользовании угодьями никем не отрицалось». Далее автор приводит ряд фактов, свидетельствующих не только о праве феодалов на кочевые территории, но и о захвате зайсанами лучших пастбищных угодий на общинной территории. Так, например, в начале XIX в. зайсан Василий Тадышев владел покосными угодьями по реке Турале. Другой зайсан – Семен – распоряжался на правах собственности плодородной долиной Балыктюла.¹ Каждый алтайский кочевник был прикреплен к определенному зайсану и кочевал в местах, указанных последним. Зайсаны до 1896 г. распоряжались промысловыми угодьями. Они, будучи фактическими распорядителями земель, имели в личном владении огромные пастбища, покосы.²

Аналогичное положение наблюдалось в истории туркмен, киргизов, казахов. Джунгарский хан распоряжался кочевьями казахов по своему усмотрению. Так, например, хан Галдан-Церен в 1741 г. не только потребовал в Средней орде от казахов-владельцев аманатов, но и повелел выбирать кочевья по его указанию.³ Известно, что казахские ханы Тауке, Аблай, Абулхаир, Нурали, Джангер и другие распоряжались всей кочевой территорией подвластных им родов. Они периодически созывали собрания представителей местной знати, определяли им кочевые районы, решали споры о кочевьях. Удельные султаны управляли кочевьями того или иного рода или группы родов, пользовались трудом непосредственных производителей и различными «добровольными» приношениями, которые представляли по существу натуральную ренту. Бии, «почетные киргизы», стоявшие во главе отделений и подразделений родов, распоряжались основными кочевьями аульных общин и фактически являлись носителями прав собственности на эти участки. Рядовые кочевники, входившие в аульную общину, кочевали в местах, которые им указывались. Из бесед с казахами Кокчетавского уезда экспедиция Ф.А. Щербины (конец XIX в.) установила, что «большая часть зимовок первоначально была образована по указаниям ханов и главным образом Вали-хана. Там, где хан указывал, киргизы занимали место под зимовки пастбищ... Передачи зимовок и дележи в ауле производились под руководством старших в роде – аксакалов».⁴

¹ Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936, стр 59-60.

² Потанов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953, стр.267-268.

³ Вяткин М.П. Сказки XVIII века как источник для истории Казахстана. «Проблемы востоковедения». III Изд. АН СССР, 1940, стр. 5.

⁴ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. I. Воронеж, 1893, стр. 7 (примечание).

Г.В. Кравцов сообщает, что он лично убедился в том, что некоторые султаны, крупные бии фактически владели большими пастбищными угодьями как собственники. «Значительная часть земель, лучших по качеству, – пишет он, – отошла в частную собственность потомков последнего киргизского хана и некоторым султанским фамилиям, которые, потеряв политическое свое значение, продолжали пользоваться нравственным влиянием на народ».¹

Заслуживает внимания и такой факт: содержатели переправочных средств – каракалпаки, организовавшие перевозку через реки Сыр (переправа «Тас-кешу»), Кувань (переправа «Айтимбай»), делали определенные приношения знатым лицам рода Шумекей, на территории которого находились эти переправы.²

Весьма характерным является правило, освященное обычным правом казахов, устанавливающее очередность при пользовании «общими» земельными участками.

Если на одно и то же пастбище претендуют два предводителя кочевников, пришедшие туда в одно время с двух противоположных сторон степи, то предпочтение отдается более знатному и богатому. «Если из спорящих один султан, а другой – простой киргиз, то спорное место уступается первому, т. е. султану, – гласит обычное право; если один из спорящих лиц – бий, а другой – известный в целом роде аксакал – старшина, то уступка делается в пользу последнего. Если спор между бием и простым киргизом, то спорное место остается за первым».³ В этом правиле, несмотря на его некоторую патриархальную окраску, совершенно отчетливо выступает система феодального верховенства на землю. Простой кочевник уступает бию, бий уступает аксакалу, «известному в целом роде», последний – султану и т. д. Тут ясно отразилась система феодального вассалитета, существовавшая в казахском обществе. Рядовой кочевник при равных условиях не мог рассчитывать на пастбищный участок, на который было столько претендентов. М. Красовский, хорошо знавший быт казахов, указывал, что в Семипалатинской области для того, чтобы занять оставленное или свободное зимнее стойбище, надо было иметь разрешение бия, кочующего в этом районе.⁴

Отмечая существование общинной формы пользования отдельными пастбищными участками и отсутствие юридически оформлен-

¹ *Кравцов Г.В.* Отчет о поездке в киргизские степи в 1872, 1873 и 1874 гг. СПб, 1877, стр. 19-20.

² Замечания о киргизской степи. Газета «Астраханские губернские ведомости», 1856, № 11.

³ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 212.

⁴ *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1868, стр. 68.

ной частной феодальной собственности на землю у казахов в XIX в., А. Мякутин писал, что «имущественные правоотношения киргизов покоятся частью на владении и захватах, т. е. на признании правомерности фактических состояний.

В силу этого же богачи, влиятельные и властные лица, являются в степи полными господами, а бедные находятся в зависимости от них».¹

Н.И. Гродеков указывает, что некоторые представители знати, управлявшие родами во второй половине XIX в. в Сыр-Дарьинской области, сохранили у себя ханские ярлыки, в свое время данные им на право владения известными угодьями.²

Если бы казахские ханы не имели верховного права на территорию ханства, вряд ли они могли бы раздавать своим вассалам ярлыки на владение определенными земельными участками.

Оренбургский военный губернатор Перовский в своей записке «О колонизации киргизов» в 1833 г. отмечал, что богатые казахи сдают пастбищные угодья, в особенности луговые места, более бедным скотоводам под кочевание.³ Временный Совет по управлению Внутренней ордой в годовом отчете за 1872 г. писал, что даже владельцы крупных стад скота, если они безземельные или малоземельные, нередко служат крупным землевладельцам, хотя последние иногда имели меньше скота, чем первые. Положение скотоводов, имеющих от двух до десяти голов скота, стало более тяжелым. «Они вынуждены поступать в услужение и работу к крупным землевладельцам, не получая за это никакой платы, а ввиду единственной возможности поддержать свое малое скотоводство, пася его на хозяйских угодьях».⁴ О праве феодалов на пастбищные территории и о распространении их власти на кочевья свидетельствует еще и такой факт. Один из влиятельных султанов рода Найман Саванкул Ханходжин в качестве главного условия для образования округа в степи в 1829 г. выдвигал перед властями требование: «Прислать землемера для размежевания земель и предоставить оные в вечное потомственное владение» кочевым коллективам, которыми он управляет. Председатель Оренбургской пограничной комиссии во время поездки по Восточной части Младшего жуза в 1857 г. обнаружил, что один влиятельный бай, захватив огромные площади лучших

¹ Мякутин А. Юридический быт киргизов. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 25. Оренбург, 1910, стр. 10.

² Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1889, стр. 106-107.

³ См. Рожкова М.Я. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.-Л., 1949, стр. 208-209.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 136, лл. 3 - 5.

земель «в исключительное пользование своего семейства, не пускал на территорию других бедных казахов».¹

Нельзя не указать еще на одно немаловажное обстоятельство. Как сообщают источники, нередко отдельные урочища, служившие районами кочевания, назывались по имени феодала, которому они принадлежали. Так, например, один из русских путешественников, направлявшийся с товарами в Бухару через казахские степи в начале XIX в., описывает обширные районы, названные по имени знатных феодалов Каракубека и Бугенбая.

По словам путешественника, из рассказов местных жителей видно, что такой порядок, когда той или иной местности присваивалось имя ее владельца, уходит своими корнями в древность.²

Колодцы сплошь и рядом назывались по имени предводителей кочевых групп, располагавшихся со своими стадами постоянно в этих местах. Так, например, как сообщает А. Хорошихин – участник Кзыл-Кумской экспедиции 1872 г., в районе Кзыл-Кумов со стороны горы Букана находились следующие колодцы, названные именами их владельцев: Жарылгап, Оразалы, Бисекты, Бузаубай, Мусреп, Турабай, Мыктыбай, Тулекбай, Кувандык, Тенбай и др. Причем автор лично видел бия Кувандыка и богача Тенбая, именами которых назывались несколько колодцев.³

Все это – явления не случайные. Они свидетельствовали о возросшей власти руководителей кочевых групп, становящихся собственниками общинных земель.

Многие казахские феодалы, стоявшие во главе родов или крупных отделений, распоряжавшиеся всей территорией подвластных аульных общин, взимали пошлины с торговых караванов и отдельных купцов за проход через их территории. В «Обзрении киргиз-кайсацкой степи», составленном участником торговой экспедиции в 1803 – 1804 гг., говорится: «Знатные султаны, бии и старшины всегда брали с караванов подарки, называя их пошлиной за пропуск товаров через свои земли».⁴ В «Топографическом описании степной стороны, заселяемой киргиз-кайсаками, и владельцев Ташкении и Бухарии», составленном в 1816 г., говорится, что «для караванов бывают тягостны поборы, налагаемые киргизскими султанами, которые останавливают, требуя или, так сказать, вынуждая пошлину по числу скота, которые несут

¹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 5172, л. 6.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19209, л. 78.

³ Хорошихин А. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. Спб, 1876, стр. 425- 427, 433- 434.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19209, л. 14.

тюки».¹ На обратном пути из Гульджи, говорится в другом месте, «по утру султан Сама прислал своего тюленгута требовать с каравана пошлины... сей султан был от нас в одной только версте».²

В 1826 г. султан Темир взыскал пошлину за проход через его владение от торгового каравана, шедшего в Троицк.³ В том же году на реке Уиле табынцы во главе с султаном Бараковым остановили хивинский торговый караван и вынудили купцов к даче «разного товара на сумму 1075 рублей». В 1834 г. султан Саржан Касымов взыскал такую же плату с татарского купца Ажалямова.⁴

О взимании казахскими феодалами пошлин с проходящих караванов писал также известный исследователь А. Левшин. Он отмечал, что торговые караваны, идущие через казахскую степь в Среднюю Азию, «останавливает... какой-нибудь сильный султан и за проход через свои кочевья требует произвольно им назначаемой пошлины или грозит задержать все товары».⁵

Разумеется, казахские феодалы могли требовать пошлины от проходящих торговых караванов потому, что им принадлежали земли, через которые проходили торговые пути, они являлись постоянными владельцами этих земель или временно распоряжались ими. Думать, что при этом султаны, бии, старшины защищали общинные интересы, было бы абсурдом. Общинная собственность на землю несовместима с взиманием платы за использование земли.

Народное сознание ярко и правдиво запечатлело монопольное право знати на землю и неравенство в землепользовании. Казахские поговорки гласят: «Кімнің жерін жерлесен, соның жырын жырлайсың» («На чьей земле живешь, того и песню поешь»), «Жердің жарлысына елдің сорлысы қонар» («Самые неплодородные земельные участки достаются аулам бедняков»). Феодалы фактически распоряжались кочевой территорией аулов, концентрировали в своих руках лучшие пастбищные угодья и пользовались всеми экономическими преимуществами, вытекающими из этого реального положения классов. Характерно, что при всем этом формально, по обычному праву казахов, а также туркмен, алтайцев и других кочевых народов, пастбище считалось общинным.

Таким образом, здесь налицо явное отставание юридических норм от общественных отношений, противоречие между теми и другими, что и отразилось в отсутствии оформления феодальной собственности на пастбища.

¹ Там же, д. 18541, л. 123.

² Там же, л. 28.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2321, л. 5.

⁴ Там же, л. 6, 13.

⁵ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. Спб, 1832, стр. 239.

Монопольное право феодалов на пастбище было правом фактическим, а не юридическим. Такое положение способствовало тому, что в земельных отношениях наиболее резко проявлялось господство грубой силы. Богатые, влиятельные представители знати обладали большими возможностями полностью реализовывать свое право на пастбище подвластных кочевых коллективов. Напротив, мелкие феодалы пользовались меньшей властью в земельных отношениях и нередко игнорировались общинниками. Однако от того, что отдельные представители феодального класса не всегда были в состоянии в достаточной степени экономически реализовать свое право на пастбищные территории подвластных кочевых групп, положение последних не становилось легче. Дело в том, что феодальное землевладение имело в Казахстане, так же как и в других феодальных обществах, иерархический характер. Над мелкими землевладельцами стояли крупные землевладельцы, в свою очередь над последними более крупные и т. д. Монопольное право феодалов на землю осуществлялось не отдельными представителями этого класса, а всем классом в целом. Поэтому частные отклонения не устраняют явления в его общем виде. Об этом приходится говорить потому, что некоторые исследователи рассуждают примерно так: раз слаба власть того или иного старшины или бая, раз общинники могут прогнать его при удобном случае, о каких же его феодальных правах на пастбищные земли может идти речь? Такое рассуждение, безусловно, способно привести к ошибочной трактовке общественного строя кочевников-казахов. Общинное пользование отдельными пастбищными участками, имевшее место в казахском обществе, было явлением, имевшим место в рамках феодальной собственности на землю.

Более или менее сильные казахские ханы в прошлом нередко закрепляли обширные пастбищные участки за крупными султанами и биями, стоявшими во главе родов, в наследственное их владение. Известный исследователь Н. Гродеков указывает, что в южных областях Казахстана практиковалась раздача ханских ярлыков, дающих право на владение арыками, зимовками и летними пастбищами.¹ Во Внутренней казахской орде, где ханская власть осуществлялась ханом Джангером, который пользовался большой поддержкой царского правительства, огромные пастбищные массивы также были закреплены «навечно» за крупными феодалами. Так, например, владения султанов Мучегалия и Чинга, Ормановых простирались на площади в 700 тыс. десятин, султанам Мендигерею, Караулходже Бабаджанову принадлежало почти по 400 тыс. десятин. Сам хан Джангер в личной

¹ Гродеков Н. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1, Ташкент, 1889, стр. 105-106.

собственности имел около 400 тыс. десятин земли. Временный Совет по управлению ордой в 1847 г. указывал, что султаны «пользуются наибольшими участками и наилучшими угодьями».¹ Как сообщают источники, только треть всей площади орды, и то наихудшие земли, в той или иной степени находилась в «общем» пользовании кочевников-скотоводов».²

Известны и такого рода факты: в 1844 г. в Букеевской орде управляющий родом султан Мендигерей закрепил урочище Койтогуткан за казаком Чуричевым из рода Шеркеш, за что в свое время он получил два верблюда. Через девять лет Мендиге распорядился, чтобы половина этого участка была предоставлена другому двору. Наконец, султан вообще лишил земли Чуричева, передав его долю влиятельным лицам.³

На землях, отведенных во владение крупных феодалов, кочевали подвластные им кочевые коллективы. Причем общинная форма землепользования при этом не нарушалась. Что касается той части территории, которая не была разделена между крупными феодалами, то она находилась в общем пользовании и в ведении ханской власти – верховного владельца всей территории ханства. Таким образом, как те аулы, которые кочевали на землях крупных феодалов, так и те, которые кочевали по пастбищам общего пользования, в одинаковой степени охватывались отношениями феодальной собственности на землю.

Джангер-хан не только считался верховным владельцем всей земли орды, но, кроме того, имел еще свой ханский домен, где сидели его крестьяне. В письме правителю нескольких родов Тауке Букейханову в 1841 г. Джангер, указывая точные грани своего владения в районе Камыш-Самарских озер, строго предписал всем подведомственным ему султанам, старшинам и населению, кочующему в этом районе, «осуществлять просмотр и охрану этих участков, но не пользоваться без разрешения».⁴ Один из крупных султанов – Чуке Нуралиханов – на основании ханских актов № 30 от 31 января 1832 г. и № 700 от 6 июля 1836 владел урочищами Тущи-кулак, Раим-кулак, Ащисай, на которых кочевали 112 семей – в основном безземельные тюленгуты, связанные с хозяйством султана. Как сообщала Оренбургская пограничная комиссия в одном из писем в 1849 г., султаном Нуралихановым, некоторые из казахов «иногда допускались из снисхождения для летних кочевок на тех же местах, а некоторые и для зимовок». Когда старшина Насымбай с аулом в 20 кибиток остановился на этой территории без

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 8, л. 35.

² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 5042, л. 19.

³ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 1070, л. 2.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 32, л. 1.

разрешения султана, то последний, пользуясь поддержкой ханской власти в орде, распорядился согнать их с места и отобрать скошенное ими на этой территории сено.¹

В отличие от других районов Казахстана, во Внутренней орде казахские феодалы владели пастбищной территорией не только фактически, но и юридически, на основании ханских жалованных грамот. В данном случае ничего особенного и нового не произошло. Фактическое положение вещей получило соответствующее ему юридическое оформление, и только. Ханские ярлыки не устанавливали каких-либо новых отношений, а узаконили то, что уже сложилось без них, т. е. частное феодальное землевладение. Поэтому совершенно неправы авторы, которые рассматривают это явление как якобы несвойственное казахскому обществу, навязанное ему извне. Нередко они склонны объяснять его тем, что хан Джангер, получив европеизированное воспитание, искусственно насаждал среди казахов русский порядок землепользования. Это неверно. Более или менее глубокое изучение документов, характеризующих внутреннее развитие орды, показывает, что тут не было ничего чуждого общественным отношениям у казахов. Развитие Внутренней орды отразило закономерный процесс развития казахского общества. Если бы этот новый порядок противоречил существующим отношениям собственности, он бы, несомненно, потерпел крах. Между тем раздача земель по ярлыкам была встречена с одобрением со стороны представителей знати и не вызвала серьезного сопротивления со стороны рядовых кочевников. Это произошло потому, что такая реформа была подготовлена всем предшествующим развитием казахского общества. Отношения, фактически господствовавшие в обществе, получили свое юридическое закрепление. В этом и заключалась вся новизна в развитии земельных отношений в этой части Казахстана.

То, что происходило во Внутренней орде, несомненно было определенным этапом в развитии феодальной земельной собственности в Казахстане. Аналогичные явления в той или иной степени имели место и в других частях Казахстана. Вместе с тем нужно учитывать, что в развитии земельных отношений во Внутренней орде имела значение ограниченность пастбищных территорий, некоторая изолированность от других частей Казахстана, а также сближение казахов с русским населением.

К. Маркс в «Капитале», исследуя генезис капиталистического производства, подробно останавливается на форме феодальной земельной ренты, предшествовавшей капиталистической земельной ренте и по-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 977, л. 1.

служившей исходным началом ее формирования. Он указывает на три основные формы средневековой ренты: отработочную, натуральную и денежную. Причем каждая из этих форм ренты соответствует определенному уровню экономического развития производительных сил общества. По Марксу, рента является экономической формой реализации феодальной собственности на землю. Маркс не делает при этом каких-либо оговорок относительно того, что она может быть и экономической формой реализации феодальной собственности на скот или на другие средства и условия общественного производства.

Словное право феодалов на пастбище было той материальной силой, на основе и при помощи которой феодалами присваивался прибавочный продукт непосредственных производителей. В конечном счете юридические основания и формы правового оформления феодальной собственности не имеют ровно никакого отношения к поземельной ренте. Сам факт превращения земли в источник стоимостей в руках господствующего класса является достаточным свидетельством того, что феодалы распоряжаются землей как своей собственностью.

Рассмотрим теперь важнейшие формы феодальной ренты в Казахстане. Как было указано, ханы, независимые султаны и крупные бии, стоявшие во главе кочевых объединений и родов, являлись носителями прав собственности на пастбищные территории этих групп. Следовательно, феодальной земельной рентой пользовались в первую очередь они. А. Левшин писал, что «повелители киргизов и получают с них плату скотом и разного рода вещами, но приношения сии делаются без всякого порядка, и по большей части, в случаях особенной нужды в покровительстве; определенной же подати народ киргиз-казачий вообще не платит... Аблай-хан и Худайменды-султан в Средней орде, и Арунгазы в Меньшей пытались приучать своих подвластных к правильному платежу определенной подати; но успех не соответствовал желаниям их, впрочем разными способами получали они от повиновавшихся им киргиз-кайсаков значительный доход».¹ В свое время (начало XVIII в.) хан Тауке также установил, «чтобы всякий, могущий носить оружие (кроме султанов), платил хану и правителям народным в подать 20 часть своего имущества ежегодно».²

Здесь следует отметить одну важную тенденцию: как только ханская (султанская) власть усиливалась, принцип «добровольности» в податной системе заменялся обязывающими нормами. Так было в период

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб, 1832, стр. 161.

² Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 22.

правления ханов Тауке, Аблая и Арунгазы. В рассматриваемый период такие попытки, и не безуспешно, предпринимались ханом Внутренней орды Джангером, Кенесары Касымовым и некоторыми другими крупными султанами и биями. Так, во Внутренней орде существовала целая система феодальных повинностей: согум, зекет, хан-кииз, пишенсалык и т. д. Согум вносился в основном натурой: с 15 кибиток одна упитанная корова (бык) или 6 баранов.¹ Хан ежегодно получал в виде согума от 800 до 1000 голов крупного скота.² Значительным источником ханского дохода являлся зекет, поступления от которого в 1849 г. в денежном выражении составили 45726 руб. серебром.³ По мнению советского ученого проф. М. Вяткина, при жизни хана Джангера в 1844 г. доход от зекета составил 95361 руб. серебром.⁴ Часть заготовленного крестьянами сена и продуктов животноводства по установленной раскладке вносилась в ханскую казну.

Мы не располагаем конкретными материалами об объеме распространения форм феодальной ренты в других частях Казахстана. Одно ясно, что население и там несло аналогичные повинности.

Царский чиновник Д'Андре, специально по заданию правительства изучавший в середине XIX в. обычаи казахов Малой орды, сообщал, что «киргизы, имеющие кочевья поблизости султанских ставок, обязаны каждый семьянин привести султану-правителю сугум или какую-нибудь скотину на зарез. Количество и достоинство такого приношения производится смотря по состоянию или зажиточности приносящего. А по сему бедные могут привести одну часть барана или лошади и т. п. Только не иначе, как сыръем».⁵

О наличии налога зекета в этой части Казахстана свидетельствует письмо султана-правителя Юсуфа Нуралиева, поданное им в Пограничную комиссию 21 мая 1836 г. В нем сказано, что подвластные ему казахи «не исполняют правила религиею их положенного, не доставляют ему зекета со скота».⁶

Указанные повинности носили преимущественно натуральный характер. Правда, во Внутренней орде к середине XIX в. продуктовая рента частично стала заменяться денежной. В целом же натуральная форма ренты преобладала в системе важнейших форм феодальных повинностей, которые несли крестьяне-казахи.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 8421, л. 34.

² Евреинов А. Внутренняя или Букеевская киргиз-казахья орда. «Современник», 1851, № 10, стр. 80.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5042, л. 23.

⁴ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 250.

⁵ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 138-139.

⁶ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2046, л. 1.

Местная родовая знать не только получала часть сборов и приношений, взимаемых с населения в пользу крупных феодалов, но и имела другие доходы. Один из чиновников, побывавший во Внутренней орде в 1845 г., писал: «Сугум! Сугум! И быть сборщиком его есть цель каждого киргиза, пользующегося каким-либо званием».¹

Одной из форм продуктовой ренты, реализуемой мелкими средними феодалами, была сыбага. Как правило, каждый скотовод-кочевник отдавал некоторую часть вновь зарезанного скота, также других пищевых продуктов ближайшим представителям знати по кочевьям. Иногда сыбага вносилась живым скотом султанам и биям «в знак уважения и почитания», «Шибага (правильно сыбага. – С.3.) производится весной на тех же условиях, как согум, – писал д'Андре. – Но подобное приношение делается не только одним ханам и султанам-правителям, но и биям и другим почетным киргизам, как знак уважения, равно и лицам, происходящим от белой кости».² Представители аульной знати во время разъездов нередко пользовались верховыми лошадьми своих одноаульцев, и это не считалось зазорным явлением даже тогда, когда они имели немало своих лошадей.

Земледельцы-бедняки, пользующиеся покровительством феодала, отдавали ему часть урожая, а рыболовы и охотники – долю добычи.

Наряду с различными видами продуктовой ренты существовали разнообразные формы обработки, прикрываемые патриархальной оболочкой: «помощь» феодалу в хозяйстве, уход за скотом богатого «родственника» и т. д. Одной из распространенных в Казахстане форм обработки был уход за байским скотом. В кочевом ауле, пользовавшемся единой пастбищной территорией, имел место и такой порядок, при котором рядовой кочевник (кедей-шаруа), соединив свое небольшое стадо со стадами своего покровителя одновременно пас свой и чужой скот. Какого-либо вознаграждения за это он от бая, как правило, не получал. Но зато он пользовался правом содержания своего скота на тех же пастбищных участках, на которых паслись стада богача. Подобная своеобразная система обработки несколько отличается от барщинного труда в земледельческих обществах.

При отработочной ренте необходимый и прибавочный труд непосредственного производителя отделены друг от друга как во времени, так и в пространстве. А в данном случае труд на себя не отделен от труда на феодала. Следует заметить, что эта форма охватывает лишь часть производственного процесса в кочевом хозяйстве. Ведение кочевого скотоводства включает, кроме пастьбы скота – основного вида

¹ Там же, д. 2350, л. 81.

² Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 1.

правления ханов Тауке, Аблая и Арунгазы. В рассматриваемый период такие попытки, и не безуспешно, предпринимались ханом Внутренней орды Джангером, Кенесары Касымовым и некоторыми другими крупными султанами и биями. Так, во Внутренней орде существовала целая система феодальных повинностей: согум, зекет, хан-кииз, пишенсалык и т. д. Согум вносился в основном натурой: с 15 кибиток одна упитанная корова (бык) или 6 баранов.¹ Хан ежегодно получал в виде согума от 800 до 1000 голов крупного скота.² Значительным источником ханского дохода являлся зекет, поступления от которого в 1849 г. в денежном выражении составили 45726 руб. серебром.³ По мнению советского ученого проф. М. Вяткина, при жизни хана Джангера в 1844 г. доход от зекета составил 95361 руб. серебром.⁴ Часть заготовленного крестьянами сена и продуктов животноводства по установленной раскладке вносилась в ханскую казну.

Мы не располагаем конкретными материалами об объеме распространения форм феодальной ренты в других частях Казахстана. Одно ясно, что население и там несло аналогичные повинности.

Царский чиновник Д'Андре, специально по заданию правительства изучавший в середине XIX в. обычаи казахов Малой орды, сообщал, что «киргизы, имеющие кочевья поблизости султанских ставок, обязаны каждый семьянин привести султану-правителю сугум или какую-нибудь скотину на зарез. Количество и достоинство такого приношения производится смотря по состоянию или зажиточности приносящего. А по сему бедные могут привести одну часть барана или лошади и т. п. Только не иначе, как сыръем».⁵

О наличии налога зекета в этой части Казахстана свидетельствует письмо султана-правителя Юсуфа Нуралиева, поданное им в Пограничную комиссию 21 мая 1836 г. В нем сказано, что подвластные ему казахи «не исполняют правила религиею их положенного, не доставляют ему зекета со скота».⁶

Указанные повинности носили преимущественно натуральный характер. Правда, во Внутренней орде к середине XIX в. продуктовая рента частично стала заменяться денежной. В целом же натуральная форма ренты преобладала в системе важнейших форм феодальных повинностей, которые несли крестьяне-казахи.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 8421, л. 34.

² *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казахья орда. «Современник», 1851, № 10, стр. 80.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5042, л. 23.

⁴ *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 250.

⁵ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 138-139.

⁶ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2046, л. 1.

Местная родовая знать не только получала часть сборов и приношений, взимаемых с населения в пользу крупных феодалов, но и имела другие доходы. Один из чиновников, побывавший во Внутренней орде в 1845 г., писал: «Сугум! Сугум! И быть сборщиком его есть цель каждого киргиза, пользующегося каким-либо званием».¹

Одной из форм продуктовой ренты, реализуемой мелкими средними феодалами, была сыбага. Как правило, каждый скотовод-кочевник отдавал некоторую часть вновь зарезанного скота, также других пищевых продуктов ближайшим представителям знати по кочевьям. Иногда сыбага вносилась живым скотом султанам и биям «в знак уважения и почитания», «Шигага (правильно сыбага. – С.3.) производится весною на тех же условиях, как согум, – писал д'Андре. – Но подобное приношение делается не только одним ханам и султанам-правителям, но и биям и другим почетным киргизам, как знак уважения, равно и лицам, происходящим от белой кости».² Представители аульной знати во время разъездов нередко пользовались верховыми лошадьми своих одноаульцев, и это не считалось зазорным явлением даже тогда, когда они имели немало своих лошадей.

Земледельцы-бедняки, пользующиеся покровительством феодала, отдавали ему часть урожая, а рыболовы и охотники – долю добычи.

Наряду с различными видами продуктовой ренты существовали разнообразные формы отработки, прикрываемые патриархальной оболочкой: «помощь» феодалу в хозяйстве, уход за скотом богатого «родственника» и т. д. Одной из распространенных в Казахстане форм отработки был уход за байским скотом. В кочевом ауле, пользовавшемся единой пастбищной территорией, имел место и такой порядок, при котором рядовой кочевник (кедей-шаруа), соединив свое небольшое стадо со стадами своего покровителя одновременно пас свой и чужой скот. Какого-либо вознаграждения за это он от бая, как правило, не получал. Но зато он пользовался правом содержания своего скота на тех же пастбищных участках, на которых паслись стада богача. Подобная своеобразная система отработки несколько отличается от барщинного труда в земледельческих обществах.

При отработочной ренте необходимый и прибавочный труд непосредственного производителя отделены друг от друга как во времени, так и в пространстве. А в данном случае труд на себя не отделен от труда на феодала. Следует заметить, что эта форма охватывает лишь часть производственного процесса в кочевом хозяйстве. Ведение кочевого скотоводства включает, кроме пастьбы скота – основного вида

¹ Там же, д. 2350, л. 81.

² Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 1.

производительной работы, и другие виды трудовых затрат: доение, стрижка, уход за молодняком, охрана, использование скота и другие работы. Все они производились подворно, отдельно.

В каждом байском ауле почти всегда находилось некоторое число консы-байгушей на положении бедных родственников богача. По своему экономическому и правовому положению они мало чем отличались от такой категории работников, как рабы. Однако не ими как объектом эксплуатации определялся характер феодальных производственных отношений в казахском обществе.

Казахское общество знало и много других форм «одаривания» знати, «пожертвования» в ее пользу. Так, в расходах по организации торжеств, устраиваемых влиятельными лицами, богачами, участвовали многие однородичи и т. д. Все это было освящено обычным правом и традицией. К. Маркс относительно народов, у которых размеры натуральных повинностей определялись обычаем, писал: «...При том примитивном и неразвитом состоянии, на котором покоятся это общественное производственное отношение и соответствующий ему способ производства, традиция должна играть преобладающую роль».¹

Казахское общество знает различные экономические формы, в которых осуществлялись отработки в байском хозяйстве. Одной из распространенных форм отдачи части своего труда в пользу владельцев богатых пастбищных угодий был так называемый асар, освященный казахским обычным правом. Согласно традиции, одноаульцы должны были оказывать друг другу помощь в возведении жилищ, хозяйственных построек, а также при необходимости переработки сельскохозяйственной продукции в значительных размерах. В далеком прошлом этот обычай, безусловно, был формой хозяйственной взаимопомощи. С возникновением имущественного неравенства между членами общества он уже потерял свое прежнее назначение и использовался в основном в интересах знати. На деле различные сооружения возводили обычно феодалы, которые владели большим количеством скота и обладали соответствующими материальными возможностями. Точно так же и другие значительные по масштабам работы могли производиться лишь в богатых хозяйствах. Такие отработки имели разовый характер и не были регламентированы во времени, но были конкретны в смысле повторяемости по сезонам.

Положение мало изменилось и после того, как ханская власть была ликвидирована и вся территория Казахстана была объявлена частью русской империи. Вместо одного собственника появился другой. Во Внутренней орде продолжала исправно действовать система повинно-

¹ Маркс К. Капитал. Т. III. Госполитиздат, 1955, стр. 806.

стей, установленная в свое время Джангер-ханом. В Малой орде была введена кибиточная подать, а в Средней орде – ясак взамен ханско-султанских налогов.

Ясак взимался с 1832 по 1843 г. по норме: по одной голове с 200 лошадей, со 150 голов крупного рогатого скота и с такого же числа баранов. К середине XIX в. поступления от ясака составили более чем 100 тыс. руб.¹, а доход от кибиточного сбора в Малой орде достиг в 1843 г. 88653 руб.²

Фактически население несло гораздо большее бремя. Местные чиновники присваивали львиную долю налогов, иногда по нескольку раз облагали казахов в течение одного года. Председатель Оренбургской пограничной комиссии В. Григорьев в письме к Вельяминову-Зернову от 7 августа 1857 г. писал, что царские чиновники в Сыр-Дарьинской области кибиточную подать собирали с населения «не то по три, не то по четыре раза в год». От них не отставал и правитель Средней части Малой орды Мухамеджан, который обирал казахов рода Шекты.³

Феодальная эксплуатация крестьян на местах осуществлялась старыми методами и в прежних формах. Таким образом, различные формы феодальной ренты в Казахстане не только сохранились, но и укрепились, так как были в известной мере узаконены силой официальной власти.

Казахи, подпавшие под власть среднеазиатских ханов, несли еще более тягостные феодальные повинности. Купец Кайдалов, побывавший в районе Ак-Мечети, сообщает, что хивинские ханы казахам «были ненавистны, ибо угнетали их сбором подати за пастбище скота».⁴ Известный исследователь Аральского моря А. Бутаков приводит в своем дневнике слова одного аксакала о том, что хивинец берет с населения зекета «когда ему вздумается».⁵ Бухарский эмир обложил казахов, кочевавших в Кзылкумах, подушной податью (от 40 коп. до 2 руб. с каждой юрты) и зекетом (с каждой сотни баранов – одного и т. д.).⁶ Казахи, располагавшиеся кочевьями около г. Шым-Коргана, кроме зекета, ушура, платили еще по одной тенге (20 коп. сер.) на содержание хакима Шым-Коргана.⁷ Такая же налоговая политика проводилась и в Кокандском ханстве.

¹ *Серебренников А.* Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. 1851 – 1852 гг. Ташкент, 1915, стр. 169.

² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 366, л. 47.

³ *Веселовский Н. В. В.* Григорьев, по его письмам и трудам. СПб, 1887.

⁴ *Кайдалов Е.* Караван-записки во время похода в Бухарию Российского каравана под воинским прикрытием в 1824 и 1825 гг. Ч. II. М., 1862 стр. 123-124.

⁵ Дневные записки плавания А.И. Бутакова по Аральскому морю 1848-1849 гг. Ташкент, 1853, стр. 22.

⁶ *Хорошихин А.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб, 1876, стр. 466-467.

⁷ *Бекчурин.* Туркестанская область. Казань, 1872, стр. 33-34.

Изложенное свидетельствует о том, что формы присвоения феодалами прибавочного продукта, производимого непосредственными производителями-крестьянами, были разнообразны в казахском обществе. Господствующие феодальные классы, экономически реализуя свое право собственности на пастбища, в одном случае используют патриархальные нормы и институты, в другом случае прибегают к силе обычая и догмам религии. При необходимости они применяют авторитет власти и грубое насилие. Причем все эти формы не оторваны друг от друга, выступают в сложном переплетении, в своеобразных соотношениях. Если местные казахские феодалы, связанные системой аульных общин, считали более удобным и выгодным реализовать земельную собственность, используя патриархальные нормы и обычаи, то хивинские и кокандские феодалы, распространившие свою власть над частью кочевников на юго-востоке Казахстана, пытались использовать религию и опирались на грубое насилие.

В системе феодальных повинностей в рассматриваемый период преобладала продуктовая рента, которую получали феодалы от основной массы крестьянства. К отработкам на байских хозяйствах привлекались преимущественно бедняки, лишенные скота, и в разовом порядке другие одноаульцы. В литературе была высказана и другая точка зрения, согласно которой в казахском обществе доминировала отработочная рента. Сторонники этого взгляда исходят из того, что основным объектом феодальной эксплуатации в Казахстане были консы – лишенные скота бедные родственники богачей. При этом предполагается, что большая часть крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, якобы имела второстепенное значение в феодальных отношениях. Мы исходим из того, что основным объектом феодальной эксплуатации были крестьяне с индивидуальным кочевым скотоводческим хозяйством, составлявшие большинство казахского населения.

В свете исторических фактов является совершенно неправильным утверждение некоторых авторов о том, что «казахское кочевое крестьянство не было связано с монополией класса феодалов на землю, как на средства производства»¹ или о господстве в дореволюционном Казахстане общинной собственности на землю и отсутствии у казахов земельной ренты.

Было бы непростительной ошибкой смешивать общинное пользование отдельными кочевыми путями с общинной собственностью на землю. Более или менее детальный анализ способа производства казахского феодального общества показывает, что общинное поль-

¹ Шахматов В.Ф. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 1, стр. 26.

зование отдельными кочевыми участками имеет место в условиях монопольной собственности на землю класса феодалов в рамках этого главного экономического фактора.

Земельный суверенитет формально, юридически сохранился за политическими объединениями, а право распоряжения кочевьями перешло от органов рода к его начальникам. Отсюда родовое право на землю было ничем иным, как правом феодальным.

Характер частного землевладения

Если весенние, летние, отчасти и осенние кочевые районы в той или иной степени находились формально в общинном пользовании, то этого никак нельзя сказать о местах зимних стоянок кочевников.

Феодалы в первую очередь захватывали зимние кочевья и распространяли на них свою власть. Не только общинной собственности на места зимовок, но и общинного пользования ими не существовало. Захват феодалами районов зимования кочевников, по видимому, объясняется особым хозяйственным значением этих участков для кочевников-скотоводов.

Места зимних стоянок должны были удовлетворять целому ряду условий. Они должны были служить надежным естественным укрытием для скота в период суровых зимних буранов; быть пригодными для сенокосения, посева, зимней тебеневки скота, возведения жилищ и т. д. Не всякий земельный участок мог служить местом зимовки; нельзя не учесть и того, что с зимним кочевьем связана и известная оседлость кочевников. В условиях экстенсивного скотоводства организация зимовки скота была трудным делом. От зимних жутов и бескормиц хозяйство кочевников несло большой урон. Поэтому казахи старались как можно удобнее устроиться на зиму и обеспечить сохранность скота. Выполнение этой задачи во многом зависело от естественных условий места стоянки.

Ранний захват земельных участков, удобных для ведения хозяйства в зимнее время, по-видимому, представляет общую закономерность истории кочевых племен вообще. Профессор А. Бернштам, исследовавший социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII вв., писал: «...По данным наших текстов (рунические надписи. – С.3.) можно только предполагать, с большей или меньшей степенью вероятности, наличие землевладения у тюрок, во всяком случае определено о частном владении зимовками».¹ Как об этом свидетельствуют надписи Бегре, древние киргизские беги в V-IX вв.

¹ *Бернштам А.* Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII веков. М. - Л., 1946, стр.126.

имели личное хозяйство с частными земельными владениями. Характерно, что «бегрское хозяйство находилось в системе некоего общественного целого, которое в некоторых случаях выступает под общим термином «вау», в других случаях передается более дробной терминологией».¹ Алтайские кочевники в V-X вв. довольно интенсивно занимались земледелием на зимовках², что не могло не отразиться на формах владения этими участками. Как указывает профессор Л.П. Потапов, у южных алтайских кочевников «лучшие, наиболее удобные и обширные пастбища, прежде всего зимние, в прямом или замаскированном виде находились в частном, наследственном пользовании феодалов, зайсанов и баев, благодаря чему последние могли держать огромные стада скота».³

Такое же положение было и в Казахстане. Система индивидуального землевладения была характерна для районов зимних стойбищ кочевников. Тот режим землепользования, который применялся в отношении весенних и летних кочевых путей, был неприменим для этих мест, где интересы отдельных семей явно преобладали над интересами аульной общины. М. Красовский отмечал, что общинное владение зимовыми местами у сибирских казахов не существует и таковое «почти никем из киргизов не признается».⁴ Аналогичное положение было и в Младшем жузе. В материалах Оренбургской пограничной комиссии указывалось, что у казахов в отношении зимовых мест «понятие собственности развилось в сознании народа в довольно ясных и определенных формах».⁵

Частное землевладение в казахском обществе выступало в двух формах: в виде владения феодалов и в виде владения крестьян. Хотя по формальным признакам эти земельные владения мало чем различались между собою и не обозначались особыми терминами, однако по своей природе и по объему прав субъектов землепользования они существенно отличались друг от друга.

Степной феодал имел в пределах зимнего района кочевого коллектива свое собственное владение, на котором находилось принадлежавшее ему хозяйство. Такой участок представлял из себя своеобразный феодальный домен бая, нередко включавший не только зимовое, но и весенне-осеннее стойбище. По данным 1835 г., урочища Кулмурза-Соры и Кандыкты, расположенные в Кокчетавском

¹ Там же, стр. 154.

² *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 487

³ *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953, стр. 270.

⁴ *Красовский М.* Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1868, стр. 68.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3277, л. 23.

округе, принадлежали старшине Ходжаю.¹ В этом же округе бий Сасыкбай Кулдимов со своими братьями владел урочищами Каратюбе, Кара-Шилик, Аксу, Еки-Камыс, общей протяженностью в 8 верст и шириной в 2 версты. Другой бай – Джабай Сейтепов – со своим окружением имел зимнюю стоянку на урочищах Магаут-Жалы, Тулек-Малы, Турамталы-Агач, общей площадью в 360 кв. верст, которой он владел по наследству. Бай Кабанбак владел урочищами Балтай, Каракой, Кок-Терек, Тышкан-Мола, общей протяженностью в 15 и шириной в 7 верст, на которых он постоянно зимовал со своими родными братьями.² Волостной управитель Т. Карасаев владел урочищами Балыкты-Куль, Еки-Узек-Куль, Когалы-Шилик, перешедшими ему от предков.³ Султан Худаймендин в Среднем жузе имел свое «родовое имение».⁴

Батыр Исет Котибаров владел урочищем Еки-Чингиль на Больших Барсуках, где он имел «постоянную зимовку» и кочевал вместе со своими родственниками. Это урочище, захваченное позже царскими карательными отрядами, преследовавшими Котибарова, было затем закреплено пограничными властями за бием Тлеуова отделения – Джаулбаевым. По истечении нескольких лет, в связи с улучшением отношений Котибарова с пограничной администрацией, урочище Еки-Чингиль было возвращено ему как «его территория».⁵

Байский домен передавался по наследству. Об этом свидетельствуют архивные документы. Как сообщают источники, в начале второй половины XIX в. в отделении Тлеу рода Шекты между братьями Тлесовыми возник спор по поводу раздела имущества, оставшегося после смерти их отца, при жизни имевшего 600 лошадей, около 1000 баранов и другого скота. Под зимнее кочевье он занимал урочище Сары-Узен на Больших Барсуках площадью 7 кв. верст, которое завещал своему сыну Алдабергену. Суд биев, разбиравший спор между братьями, разделил указанное урочище между ними сообразно размерам их хозяйств.⁶

Как видно из этого факта, бай не только распоряжался зимовым стойбищем, но и обладал правом передавать его по наследству. Бай Божей в Сергиопольском округе владел двумя урочищами – Токмамбет, Кара-Шока под зимнее кочевье и одним урочищем Ортан-Шока как осенним стойбищем с колодцами. Все эти урочища после смерти бая Божей в 1853 г. перешли по наследству к его сыновьям.⁷

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 805, л. 459.

² Там же. ф. 329, оп. 1, д. 34, л. 3.

³ Там же. ф. 374, оп. 1, д. 1578, лл. 1-2.

⁴ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 146, л. 1.

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2848, лл. 125-126.

⁶ Там же, д. 4566, л. 10.

⁷ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 1.

Феодальные частные владения охватывали большую часть зимних кочевьев коллектива. Рядовые кочевники, как располагавшиеся в зимнее время на этих участках, так и находившиеся по соседству, в той или иной степени ощущали свою зависимость от землевладельца — хозяина зимнего стойбища.

Если феодал по тем или иным причинам оказывался смещенным с должности главы определенного кочевого коллектива (что случалось редко), он вместе с тем терял и право распоряжения его кочевьями, но при всех случаях он оставался собственником урочищ, которыми владел лично. От того, что один представитель господствующего класса уступал место руководителю кочевого коллектива другому, конечно, никаких изменений в праве феодального верховенства на пастбище не происходило. С другой стороны, феодальная знать, удерживая в своей власти наиболее важные в хозяйственном отношении земельные участки, сохраняет за собой господствующие позиции в экономике.

Таким образом, феодальное верховенство над пастбищными угодьями, осуществлявшееся в основном в форме права распоряжения кочевьями подвластных коллективов, дополнялось частной собственностью в виде личных владений феодалов, которыми охватывались наиболее плодородные земельные участки, преимущественно в районах зимних пастбищ.

То, что феодалы имели частные земельные владения, не приводило к их обособлению и отделению от остальных членов кочевых коллективов. Феодалы и не могли обособляться по той причине, что, во-первых, феодальная знать присваивала прибавочный труд непосредственных производителей; во-вторых, личное владение феодалов охватывало лишь часть зимнего пастбища кочевой группы, в-третьих, она была связана с коллективной формой эксплуатации обширных земельных массивов. В отношении семей знати можно лишь сказать, что они иногда располагались кочевьями в некотором удалении от основной массы кочевого коллектива, однако это не было связано с их обособлением и выходом из его состава.

Аульная система кочевания не нарушалась и в зимнее время. Как правило, большие кочевые коллективы, переходя на зимние стоянки, делились на более мелкие кочевые группы. Такой небольшой коллектив во главе с аульным бием, баем или аксакалом располагался зимним кочевьем в одном или нескольких смежных урочищах, обладавших естественными условиями для содержания и укрытия скота во время снежных буранов и ветров. Иногда одноаульцы располагались в непосредственной близости друг от друга, а в других случаях они находились в более или менее значительном удалении.

Каждое хозяйство имело определенное, отведенное только ему место расположения зимою. На этом участке возводились жилища, хозяйственные сооружения, нередко летом оставлялись ненужное во время кочевания имущество и члены семьи для его охраны, сенокосения и ухода за посевами, а в аулах богачей оставались их работники – консы.

В журнале Гавердовского, составленном им по результатам поездки в 1803 г. в Бухару через казахскую степь, имеется достойная серьезного внимания запись относительно казахов: «Всякое отделение для зимних кочевков имеет определенные места, а частью и для летних, и владеют оными как собственностью каждого, – никто из посторонних, кроме собственного хозяина, уже пользоваться ими не может, в противном случае рождаются баранты».¹ На это же обстоятельство указывал и Семипалатинский областной статистический комитет, который в начале второй половины XIX в. в одном из официальных донесений писал, что у казахов «осенью пастбища, зимовки и близлежащие сенокосы составляют частную собственность отдельных семейств, равно как и находящиеся на них колодцы и леса».²

Кочевники больше всего были привязаны к зимовым местам. Тут сосредоточивались запасы сена, топлива, различные хозяйственные предметы. С местом зимнего кочевья у казахов связаны воспоминания о предках, здесь обычно находились могилы отцов, дедов и родных, это было как бы средоточием родины для кочевника. Все это объясняет особое отношение кочевников-скотоводов к местам зимних стоянок.

Генерал-губернатор Западной Сибири Броневский пишет, что казахи, «кочуя все лето целою волостью, на зиму принуждены разделяться на части по аулам; никто не занимает чужого места, в противном случае драка и баранта непременно воспоследует. Привязанность к зимовкам своим велика потому, что, во-первых, они привыкли там проводить часть года; во-вторых, обзаведения вышеупомянутые, хотя и ничтожные; в-третьих, подножный корм, сбереженный через отсутствие во все лето, и, в-четвертых, гробы предков, вблизи погребенных...».³ Л. Мейер в своей работе «Киргизская степь Оренбургского ведомства» отмечает, что «при кочевке по раз и навсегда принятому обычаю не дозволяется аулам вытравлять корм около чужих зимовок; несоблюдение этого правила ведет к спорам, иногда к дракам, а в былое время приводило к барантам».⁴

¹ ЦГВИЛ, ф. ВУА. д. 19208, л. 57.

² Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 264.

³ Броневский. Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 43, стр. 74-75.

⁴ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб, 1865, стр. 247.

Как сообщают архивные источники, во Внутренней орде крупные феодалы при наделении кочевников земельными участками для зимования и сенокосения требовали нередко за это «подарки», плату. По предписанию хана Джангера его приближенный Идельбаев в 1835 г. отвел земельный участок под зимовку и сенокосение на урочище Итемген Кум скотоводу Кельдыбаеву из тайфы Пшай рода Байбакты, за что получил 300 руб. В том же году хан за представление небольшого участка земли кочевнику Игликову из тайфы Сасай рода Байбакты получил в подарок 200 руб. и одного верблюда.¹ На таких же основаниях наделяли кочевников земельными участками султаны и баи, владевшие огромными массивами.

Наделение скотовода-кочевника определенным участком земли было общепринятым явлением в орде. Это видно из того, что в ханском архиве сохранились многочисленные жалобы крестьян на то, что их не наделили землей. В 1834 г. с подобной жалобой обратился к хану крестьянин Темиров из рода Кзыл-Курт. Вскоре старшина Кенжегалий отвел ему постоянный участок для зимования и сенокосения длиной в 5 верст и шириной в 3 версты.² Старшина Айбулат Юильбеев отвел в 1841 г. семье Джаймурзиных участок земли в районе урочища Кус-Арал.³

Обращает на себя внимание и то, что отвод кочевникам земельных участков производился с особой тщательностью. Границы участков отмечались вехами, колышками, а размеры определялись с помощью веревок.⁴

В процессе развития частного землевладения лучшие участки с водоемами сосредоточивались в руках феодалов. Для многих рядовых кочевников даже пользование речной водой было связано с затруднениями, потому что на это нередко требовалось особое разрешение хана или владельца прилегающих к реке участков. Ханская власть 4 июня 1843 г. дала письменное разрешение казаху Пралиеву из рода Байбакты, гласящее, что «по уважению к его просьбе и за неимением им места водопоя дозволяется поить скот на Кара-Су, находящегося при оконечности Куш-Арала и Малого Узеня...».⁵

Разумеется, не было бы необходимости в таком письменном распоряжении, если бы пастбища с водопоями находились в общинном пользовании. Очевидно, частная собственность на землю уже превалировала в обществе. Знаток жизни казахов П. Медведский писал, что

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 68, лл. 4, 7, 10, 15.

² Там же, оп. 2-а, д. 42, лл. 39-40.

³ Там же, оп. 2, д. 107, л. 2.

⁴ Сам хан предписывал родоправителям определять размер отводимых земель веревкой (см. ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 29, л. 23).

⁵ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 107, л. 1.

в отношении сенокосных угодий «у киргизов нет общинного владения в том виде, как оно существует у русских, нет, например, передела сенокосов, равномерного распределения паев; каждое семейство пользуется клочками земли, раз навсегда отведенными ему под сенокосение. Поэтому, семейство, которому раз достался плохой или богатый надел, остается при нем постоянно».¹

Характерной особенностью эксплуатации зимнего пастбища было то, что непосредственные производители, обладавшие хозяйственной самостоятельностью, имели индивидуальное земельное владение, составлявшее часть этого пастбища, которым распоряжались как своей собственностью.

Главы кочевых аулов определяли каждой семье место для зимования, и оно в ходе практического его освоения переходило в наследственное владение данной семьи. Один из сведущих авторов указывал, что у казахов зимние кочевья «составляют как наследство».² В тех случаях, когда такие «наделы» крестьянам отводились на территории частного владения какого-либо феодала, крестьяне должны были нести дополнительную повинность.

Не вся пастбищная территория, используемая в зимнее время, была разделена между кочевниками. Разделялась только та ее часть, которая составляла наибольшую хозяйственную ценность, т. е. могла быть использована для укрытия скота во время зимних буранов, строительства жилья, сенокосения, хлебопашества, а также примыкавшие к этим местам небольшие пастбищные участки. Обширные степные области, годные для зимней тебеневки скота, за некоторыми исключениями, в первой половине XIX в. использовались сообща.

Система частного землевладения составляла основной источник внутренних раздоров в кочевых коллективах. Если за весенние и летние пастбищные территории боролись между собой роды и их отделения, то за преобладание в местах зимнего содержания скота борьба развертывалась между отдельными семьями.

С усилением притязаний родовой знати на участки рядовых кочевников внутренние столкновения становились все более острыми. Феодалы, распоряжавшиеся общинной территорией, стремились часть ее использовать в своих интересах. Но рядовые кочевники, пользовавшиеся пастбищем как принадлежностью всего коллектива, оказывали им серьезное сопротивление. На этой основе возникала внутривидовая борьба между отдельными семьями или семейными группами. Обыч-

¹ *Медведский П.* Внутренняя Киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. «Журнал министерства государственного имущества», 1862, № 8.

² Замечания о киргизской степи. Газета «Астраханские губернские ведомости», 1856, № 11.

по в этой борьбе победу всегда одерживала более сильная сторона – родовая знать.

Оренбургская пограничная комиссия в отчете за 1848 г. отметила, что «между киргизами происходит за право пользования одною и тою же зимовкою бесчисленное множество распрей и раздоров».¹ В течение длительного периода в роде Табын происходили непрерывные раздоры, возникавшие между разными отделениями из-за распределения зимовых мест с сенокосными угодьями. Потребовалось специальное вмешательство со стороны влиятельного султана Давлеткалия Баймухамедова, чтобы установить мир между однородцами. Как сообщают источники, султан, однако, решил дело несправедливо, получив от одной из сторон взятку.²

Влиятельные феодалы нередко сгоняли с зимовых мест рядовых кочевников, захватывали их землю. В отношении мест зимних стоянок в полной мере господствовало право сильного. В этой части характерно заявление казаха из рода Уак Баймурзы Мурзагельдина, поданное им в 1826 г. на имя омского областного начальника. «Наперед сего, – писал он, – имел я зимовье в бору Чаки более 27 лет, но по ненависти султанши Чанчарихи сжила с того места, с зимовья. Потом я с товарищами перекочевал на другое место по названию Босаге, но как и на оном, мне стоять не дали, а именно старшина Керебай Байтурина сын, как ему показалось место угодное, и оттоле меня сгоняет...».³

Это заявление, по-видимому, было подано жалобщиком областному начальнику после того, как он убедился, что внутри рода ему защиты не найти у «своих» султанов и биев. В 1839 г. бий Н. Чувашев в Среднем жузе со своими людьми занял зимовые места кочевника К. Кучукова и совершил потраву. Кучуков послал своего сына к бию, чтобы предложить последнему откочевать из этих мест. Разгневанный этим бий Чувашев убил Кучукова-младшего.⁴ В 1835 г. в Каркаралинском округе султан Кудай Маманов с сыновьями Абитеем и Абдильдой при содействии своих тюленгутов предпринял попытку завладеть зимовым местом казаха Т. Калибаева. Калибаев, оказавший сопротивление насильникам, был убит.⁵ В 1844 г. письмоводитель Акмолинского окружного приказа Р. Чернышев сообщал в Пограничное управление областью сибирских казахов о том, что он с согласия окружного приказа владел сенокосным участком около урочища Бабатай. «Ныне, начавши было производить сенокосение, – писал он, – но

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5027, л. 30.

² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2841, л. 6.

³ Там же, ф. 338, оп. 1, д. 293, л. 3.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 416, л. 1.

⁵ Там же, д. 805, л. 161.

бывший старшим султаном, султан полковник Худаймендин места те присвоил за собой, не дает на ней косить, тогда как родовые его места, бывшие во владении на должностного старшего султана, отстоят от приказа от 70 до 300 верст».¹

Уменьшение пастбищного пространства чрезвычайно обострило внутриродовые и межродовые столкновения. В этот период со всей очевидностью проявилось право сильного, которое раньше выступало не в такой открытой форме. Начальник Алатауского округа Колпаковский в 1861 г. из г. Верного доносил генерал-губернатору Западной Сибири, что среди крупных родов Дулат и Жалаир борьба за зимние кочевья все больше усиливается и что он послал туда своего помощника, чтобы тот мог на месте разобраться в причинах «самовольного занятия зимовий одним у других по праву сильного».² Офицеры Вольховский и Балкашин, производившие в 1824 г. военно-топографическое обследование территорий Малой орды, описывают случай жестокой ссоры между казаками Иссыкоза и Алаевского родов за урочище Каракуль, являвшееся удобным местом для зимования и расположенное на берегу одноименного озера.³ Из-за урочищ Йсет и Кен-Арал, расположенных в устье р. Эмбы, имели место серьезные столкновения между членами родов Адай и Шеркеш.⁴

О масштабах, которые приняли эти споры, свидетельствует такой факт, что у правителя Средней части Младшего жуза в 1858 г. находилось в производстве 83 дела о конфликтах из-за кочевых и сенокосных угодий. Из них 55 дел было оформлено в течение этого года.⁵ При этом надо иметь в виду, что многие споры разрешались внутри самого рода на бийских и аксакальских судах и советах. Только дела о самых крупных конфликтах, которые не могли быть улажены на местах, передавались на рассмотрение султанов-правителей. Один из местных начальников в Младшем жузе, И. Сурбаев, в начале XIX в. сообщил в Пограничную комиссию следующее: «Между подведомственными мне киргизами есть богатые, посредственного состояния и бедные, но все они по числу своих кибиток платят деньги за кочевание ...поэтому все они наравне сообразно с числом кибиток по справедливости должны бы пользоваться луговыми местами и лесом, но из числа киргизов, принадлежащих к двум первым разрядам, многие по невежеству своему всякий раз самовольно выкашивают почти всю траву и вырубают лес, так что бедным киргизам не только не остается никаких законных

¹ Там же, д. 1585, л. 1.

² ЦГИА КазССР, ф. 3, оп. 1, д. 146, л. 1.

³ ЦГВИА, ф. ВУЛ, д. 19235, л. 15.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4461, л. 1.

⁵ Там же, д. 2848, л. 10.

средств к улучшению их состояния, но даже по необходимости доводится через это претерпевать с семейством голод и холод». Далее этот местный чиновник просил правительственные органы распорядиться, чтобы богатые не трогали земли бедных и установить равное пользование пастбищем, в особенности зимним.¹

Феодальная знать рассматривала кочевую территорию аулов как свою собственность. Это видно, в частности, из сообщения подполковника Лукина, специально откомандированного в казахскую степь, чтобы склонить часть населения к переходу в российское подданство и к окружному административному устройству. Своим рапортом от 27 сентября 1832 г. Лукин сообщал омскому областному начальнику, что «почетные» казахи Казганского и Коксальского родов согласны войти в подданство России с условием, «чтобы издревле им принадлежащие их зимовые места, лежащие в окрестностях кокчетавского приказа, от занятия других киргизцев освободить и предоставить по-прежнему в их пользу».²

Непосредственные производители местами зимних стоянок пользовались на правах своеобразного надела. Они не имели права отчуждать, закладывать землю и уступать ее другим без разрешения феодала, стоявшего во главе кочевой группы или наиболее влиятельного в данной аульной общине. А сами феодалы на совершение сделок с земельными участками не нуждались в разрешении общины.

Обычное право казахов, которое именовалось в народе дедовским, содержит ряд норм, довольно красочно передающих специфику частного землепользования у кочевников. «Кто в чужой даче или в чужом ауле вырубит лес, – сказано в одной из записей обычного права казахов, – с того за спущение в лесу сучьев, как и за малую порубку леса, ничего не взыскивается, кроме как виновного прогоняют толчками».³ В Среднем жузе в середине XIX в. была зафиксирована следующая норма: «Киргиз, совершивший по неведению порубку в частном лесу, выкосивший сено на частном сенокосе, потравивший необерегаемый чужой хлеб или чужое сено, обязан вознаграждать собственника, смотря по количеству причиненного вреда...».⁴

В условиях кочевого скотоводства в закреплении зимового места за кочевником большое значение имело возведение на этом участке хотя бы временных хозяйственных построек, а также длительность пользования им. В записках д'Андре сказано: «Неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4438, л. 49.

² ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 755, л. 5.

³ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 61.

⁴ Там же, стр. 273.

устроил повторные приюты для скота своего, как то: ямы для молодых верблюдов и т. п.»¹

Обычное право казахов ревностно охраняло права владельцев зимними пастбищами. В начале XIX в. Омский временный комитет при непосредственном участии одного из знатоков казахского адата, известного бия Коттугадамова, составил «Собрание киргизских законов», где был такой пункт: «Кто чужую землю завладеет, от того отбирается она, хотя бы и через 15 лет». Пограничные и правительственные органы, стремившиеся приспособить казахское обычное право к колониальным интересам, рассматривая эту норму, решили срок давности сократить до 10 лет. Губернатор Тургайской области генерал-лейтенант Баллюзек отмечал, что «в поземельных спорах из-за зимовок киргизы всего больше принимают в соображение право давности каждого на известный участок».²

Следует отметить, что земля в Казахстане сделалась объектом гражданского оборота лишь в последние века. При живучести пережитков общинно-родовых отношений и сохранении более или менее устойчивой аульной общины в условиях наличия неосвоенных пространств земля и не могла стать объектом купли-продажи. К тому же в казахском обществе товарно-денежные отношения оставались весьма слабо развитыми. Однако из того, что общество не знало такой формы, при которой приобретение и отчуждение земельного участка совершались бы через посредство купли-продажи, вовсе не следует, что отсутствовало частное землевладение, феодальная земельная собственность. Такой вывод был бы сугубо поверхностным, основывающимся на рассмотрении земельного вопроса в отрыве от всего общественного строя казахов-кочевников. Тем более было бы неверно связывать феодализм с куплей-продажей, поскольку это вело бы к возрождению пресловутой «теории» юридического феодализма.

В XVIII-XIX вв. сдача в аренду, дарение, завещание зимовых земельных участков было уже довольно распространенным явлением. В материалах Семипалатинского статистического комитета говорится, что «самые употребительные имущественные договоры киргизов сводятся по отношению к недвижимости, к отдаче в аренду зимовых мест и пашень... Когда же зима стоит суровая и пастбища занесены снегом, или, что еще хуже, после временной оттепели покроются тонким слоем льда, тогда цены растут быстро и доходят до громадных размеров. Бывали случаи, что за зимовые стойбища хозяин получал 1/20 или даже 1/10 часть пасшегося на них скота».³ М. Красовский писал, что собственники все чаще открыто сдают в аренду земельные участки,

¹ Там же, стр. 140.

² Там же, стр. 64, 213.

³ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 271.

получая за это лошадь, корову, несколько баранов.¹ Феодалы только взимали постоянные налоги, «приношения» от рядовых кочевников за «совместное кочевание», но часто, сдавая в аренду на зимний период свои земельные участки, получали от это огромные барыши, в то время как обедневшие крестьяне бывали вынуждены уступать свои наделы феодалам за бесценок.²

Крупные земельные участки, сосредоточенные в руках феодальной знати на правах собственности, служили экономической основой эксплуатации непосредственных производителей, превращения их в людей зависимых. Один казахский автор писал, что возвращающиеся с заработков в степь джатаки, «не имея ни зимовки, ни летовки, которые во время отсутствия их поступили во владение других... поселяются на землях богатых киргизов и остаются у них в услужении».³

Итак, наделение земель крестьян-скотоводов в специфической форме имело место и в феодальном Казахстане. Его своеобразие заключалось в том, что надел представлял собой участок, годный только для содержания скота в зимнее время. Отсюда непосредственный производитель в казахском скотоводческом обществе по отношению к этому участку выступал как частный владелец надела (кстау), и в то же время он входил в кочевой коллектив, члены которого эксплуатировали другие виды пастбищных угодий сообща (жайлау, коктеу, кузеу). Другой характерной чертой землепользования у казахов было то, что правом на индивидуальный земельный участок для зимовки и на другие виды пастбища пользовался только член кочевой общины. Родовая знать не могла отказать членам кочевого коллектива в пользовании таким участком. Особенностью земельных отношений у казахов следует считать также то, что монопольное право феодалов на пастбищные территории фактически дополнялось частной собственностью знати на наиболее плодородные участки преимущественно в районах зимних стоянок.

Феодальные и общинные отношения в землевладении

В дореволюционных источниках по вопросу о землепользовании в казахском обществе можно найти сведения двоякого рода. В некоторых источниках земельные отношения характеризуются как отношения неравенства, в которых господствуют сильные и богатые. В других проводится мысль о «ничейности» земельных угодий, так или иначе

¹ Красовский М. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1868, стр. 71.

² Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, стр. 279.

³ Киргизы-джатаки. Журн. «Русская речь», 1879, № 8, стр. 318.

утверждается, что господствовала общинно-родовая собственность на пастбища. Один из царских чиновников, Половоротов, в 1846 г. писал, что казахи «при кочевках летних и зимних сохраняют поселение, по возможности, родами или поколениями. В летних кочевках нередко смешиваются по удобству кочевой жизни – одни с другими, на недаленое расстояние и, так сказать, почти никто не владеет землею или кормом летом, кроме сохраняемых зимних кочевков, тем более прилинейных, заготавливающих сено».¹ Известный собиратель норм казахского обычного права Д'Андре указывал, что «ни под каким видом ордынец не имеет права изъявлять претензии, если на место, обыкновенно занимаемое им, прикочуют аулы, совершенно ему чужие, но должен искать для себя другое любое место в степи, удобное для помещения кибиток и с достаточным кормом для скотины. Кто первый занял место в степи, тому на время принадлежит и самое то место».²

В записках Л.Ф. Баллюэка, относящихся к началу второй половины XIX в., высказывается аналогичное мнение: у казахов «не могло быть и нет поземельной собственности. Степь, занимаемая ими, за исключением зимовок, не составляет ничьей исключительной собственности, а состоит в общем их пользовании».³ А. Левшин, автор весьма ценного трехтомного труда о казахах, считал, что казахи по уровню общественного развития еще не вышли из рамок доклассового периода. Он писал, что «образ жизни киргизов есть живая картина времен патриархальных».⁴ Один из путешественников, побывав во Внутренней казахской орде, свои впечатления выразил следующими словами: «Народ киргизской чужд всякого гражданского благоустройства».⁵

Такой взгляд характерен и для многих других дореволюционных авторов, в абсолютном большинстве своем являвшихся чиновниками пограничной администрации.

Мы считаем, что подобная точка зрения – плод беглого и поверхностного знакомства с общественной жизнью казахов. М. Красовский, который свыше 20 лет возглавлял управление казахской степью, не без основания писал, что русские чиновники не представляли себе систему земельной собственности у казахов, не разбирались в ней и правах, на которых основано казахское землепользование.⁶

Точка зрения, согласно которой у казахов господствовала общинно-

¹ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 99.

² Там же, стр. 139.

³ Там же, стр. 212.

⁴ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб, 1832, стр. 18.

⁵ *Сабанщиков.* Рып-пески. Журн. «Заволжский муравей». Казань, 1832, № 12, стр. 675.

⁶ *Красовский М.* Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1863, стр. 74.

родовая собственность, как это видно из приведенных выше характерных высказываний, имеет основанием следующие моменты: а) пастбищные территории, кроме зимних стоянок, не были закреплены в исключительную собственность отдельных дворов; б) кочевники эксплуатировали пастбище сообща, родом или подразделением рода; в) узаконенным правилом было право первого владения угодыями; коллектив, первым занявший пастбище, считался его владельцем только в течение того отрезка времени, в течение которого он оставался там. Некоторые из авторов считали даже, что вообще нет никакого определенного порядка в казахском землепользовании. Между тем многие из них сами же сообщают о передвижениях кочевых групп по определенной полосе пастбищной территории. На это указывали в своих путевых записках Поспелов и Бурнашев, пересекшие казахскую степь в 1800 г. «Киргизкайсаки, – писали они, – весною со всем скотом и имуществом переходят так, как бы принадлежащими уже для каждой волости местами».¹ Известные путешественники-исследователи Н. Северцев и А. Федченко отмечали, что у казахов «кочевой путь каждый год совершается тот же, установленный веками, и пойти по пути, по которому ходит другой аул, считается преступлением».² Говоря о больших, иногда более чем на 1000 верст кочевых переходах, и о видимости отсутствия порядка в землепользовании, один из авторов писал: «Впрочем, места кочевки и пастбищ строго определены обычаем для каждого (кочевого коллектива. – С.З.), и никто из кочевников не рискнет переступить отведенной для его рода межи».³ Такие указания можно встретить у самых различных авторов. Важно здесь отметить то, что мнение об отсутствии у казахских кочевников сложившегося традиционного режима пользования пастбищами не имеет оснований.

Если обратиться к другим мотивам, лежащим в основе утверждения о господстве общинно-родовой собственности у казахов, то они в научном отношении также оказываются несостоятельными. Дело в том, что эти мотивы отражали лишь отдельные, внешние стороны общественных явлений вообще и земельных отношений в частности. Так, например, из того, что казахи кочевали поаульно, а не в одиночку, и сохраняли такой же строй при остановках на пастбищах, делался вывод о родовой собственности на землю. При этом совершенно не учитывались такие важные и определяющие факторы, как социаль-

¹ Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. «Вестник ИРГО», 1851, кн. 1, ч. I. стр. 5-6.

² *Лялина М.А.* Путешествия по Туркестану Н.А. Северцева и А.П. Федченко. Спб, 1894, стр. 30.

³ *Завадский-Краснопольский А.К.* Русское царство, Приаральский край. Спб, 1874, стр. 15.

ные отношения внутри этих кочевых коллективов, неравенство в пользовании пастбищами. Точно так же из того, что одно и то же пастбище могло заниматься разными кочевыми коллективами, что кочевая община, намеревавшаяся занять определенное угодье, отклоняется от своего пути, если оно занято другой общиной, – делается вывод о неопределенности, ничейности пастбищных земель, о полной свободе пользования ими. При этом опять-таки игнорируются такие важные моменты, как характер земельных участков, расположение кочевых путей коллективов, хозяйственная, родовая взаимосвязь между ними. Более авторитетные источники свидетельствуют о другом. Каждое отделение рода имело определенную полосу кочевания. Важнейшие урочища, оазисные угодья были закреплены за определенными кочевыми коллективами, в которых господствовали феодалы. Наряду с этим были и участки, находившиеся в общем пользовании (в особенности летовки). Ошибочная трактовка общественных отношений казахов объяснялась не только поверхностным их изучением, но и не в меньшей степени порочностью научной методологии буржуазных авторов. Не обладая научным методом познания общественных явлений, они в лучшем случае добросовестно фиксировали то, что им удавалось наблюдать. Законы, управлявшие явлениями общественной жизни, были им неизвестны. Следует также сказать, что многие из них не были специалистами-исследователями и к оценке общественных явлений подходили на основании тех критериев, которые были приняты в русской исторической науке; встретившись с особенностями казахского общества, они оказались не в состоянии объяснить эти особенности.

Более наблюдательные и проницательные чиновники, ученые придерживались несколько иного взгляда, чем указанная выше группа авторов. Они не ограничивались только констатацией наличия общинного землепользования в казахском обществе. Тщательное изучение и более или менее систематическое или продолжительное общение с казахами позволили им увидеть за общинными институтами неравенство людей и их зависимость друг от друга. Некоторые из них даже пытались вскрыть основу эксплуатации одной части общества другою. Один из дореволюционных авторов справедливо заметил, что в начале XIX в. каждую кочевую группу «связывало воедино, кроме родовых отношений, еще землевладение и землепользование».¹ «Родовая община, – писал И. Пахомов, – не спасла киргиз от неравенства. Расслоение различных классов киргиз вполне реально, хотя не достигает таких

¹ Краткий исторический очерк Семипалатинского края. Журн. «Наше хозяйство», 1928, № 1, стр. 15.

размеров, как в Европе. Родовая община ведет даже к еще большему гнету одних другими, чем было при других условиях».¹ Таких высказываний немало.

Действительно, обширная пастбищная территория в Казахстане находилась в коллективном пользовании кочевых групп. Мы не располагаем статистическими данными относительно величины подобной территории. Однако известно, что в кочевых районах ни одна аульская община не обходилась без общественных угодий, в особенности во время летнего кочевания. Это бесспорный факт, который подтверждается всеми литературными и архивными источниками. Задача исследователей, как нам кажется, заключается в глубоком анализе отношений, складывающихся на базе общинного пользования пастбищами, в изучении неразрывной связи их с феодальными отношениями, которые господствовали в казахском обществе.

Между тем в литературе имело место отождествление общинной формы землепользования в Казахстане с общинной собственностью на землю.

Мы уже имели возможность заметить, что формы земельных отношений сами по себе не объясняют содержания этих отношений, особенно когда они сильно отстали от содержания.

Характер общинного землепользования в Казахстане тесно связан с природой аульской общины.

В казахских аульских общинах не было коллективной общинной собственности на такое важнейшее средство и продукт производства, как скот. Не было общинной собственности на продукцию скотоводства, предметы ремесла, охотничью и военную добычу. Собственность индивидуальной моногамной семьи и ее интересы лежали теперь в основе процесса общественного производства. Общинная форма собственности сохранилась лишь в землепользовании, ибо здесь не исчезла еще потребность в объединении усилий членов целого коллектива.

Если посмотреть на эволюцию общинных форм производства в историческом аспекте, то нельзя не заметить непрерывного процесса прогрессирующего обособления личности от коллектива. Продолжительность этого процесса была различна в различных обществах. Он был весьма длительным в истории Казахстана, Туркмении, Киргизии, многих народов Алтая и не закончился даже к XIX в. В других обществах общинные формы рано были взорваны изнутри и заменены формами частного присвоения. Характерно, что общинные формы

¹ Пахомов И. Киргизское хозяйство на Ак-Кете и на верховьях Курчума. Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. V. Семипалатинск, 1911, стр. 21.

присвоения средств и продуктов производства не сразу исчезли и там, где они рано были вытеснены рабовладельческой или феодальной собственностью. Так, например, существование целого ряда форм общинной собственности было зафиксировано в новое время в Индии, Польше, на Карпатах, даже в Германии и России. «В действительности общинная собственность на землю, – писал Ф. Энгельс, – представляет собой такой институт, который мы находим на низкой ступени развития у всех индоевропейских народов от Индии до Ирландии и даже у развивающихся под индийским влиянием малайцев, например, на Яве... В Индии до сих пор существует целый ряд форм общинной собственности. В Германии она была, общим явлением; встречающиеся кое-где еще и теперь общинные земли являются ее остатками... В Западной Европе, включая сюда Польшу и Малороссию, эта общинная собственность превратилась на известной ступени общественного развития в оковы, в тормоз сельскохозяйственного производства и была мало-помалу устранена. Напротив, в Великороссии (т. е. собственно России) она сохранилась до сих пор, доказывая тем самым, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся здесь еще в очень неразвитом состоянии, как это и есть на самом деле».¹

Таким образом, казахская аульная община не является каким-то исключением. Даже в развитых странах остатки общинных форм сохранялись более или менее долго. Особенностью исторического развития казахского общества было то, что здесь общинные формы производственных отношений не только сохранились как пережиток, но и продолжали влиять на общественный строй в целом. Почти все население было охвачено системой аульных общин. Такое положение наблюдалось не только в Казахстане. Общинное землепользование господствовало и в Туркмении, у каракалпаков, киргизов и многих других народов – как земледельческих, так и скотоводческих.

При первобытно-общинном строе осуществляется общинное верховенство (суверенитет). Каждая община в целом является верховным собственником. Как вопросы внутренней жизни, так и вопросы отношений с другими общинами решаются всей общиной без давления извне, путем полного и свободного волеизъявления всех равноправных ее членов. Казахская аульная община не была похожа на эти первобытные общины. Здесь общинный суверенитет был серьезно ограничен: при решении всех дел общины доминировал голос избранных представителей знати, хотя патриархально-демократические учреждения, не были ликвидированы полностью. Самым важным изменением,

¹ Замечания о киргизской степи. «Астраханские губернские ведомости», 1856, № 20.

мейством вступают обыкновенно в аул под покровительство богатого старшины, и для снискания себе безопасности должны угождать своим покровителям, перенося иногда насилие».¹

При господстве подобного рода отношений, основанных на антагонизме классов и эксплуатации человека человеком, общинные учреждения и формы, в том числе коллективное землепользование, не могли не быть простой юридической фикцией, прикрывающей господствующие в обществе феодальные производственные отношения.

Общинное землепользование, являвшееся необходимой предпосылкой существования скотоводческой кочевой общины, в то же время служило базой для возникновения феодальных отношений. В условиях экономической отсталости казахского общества общинное землепользование в той или иной степени устраивало господствующий класс феодалов. Этим можно объяснить то, что сплошь и рядом крупная знать держалась за старые общинные порядки и учреждения. «Значительно выдающиеся по своему богатству киргизы, – писал М. Красовский, – только и принадлежат в настоящее время к числу сторонников общинного владения землею».²

Каждый член аульной общины имел свой земельный участок в районе зимней стоянки. На весенних пастбищах обычно сходились 2-3 соседних кочевых коллектива из одного отделения рода, но они не объединялись в большой аул без необходимости, а, кочуя рядом в некотором удалении друг от друга, осваивали один общий зеленый массив, принадлежавший группе аулов. Точно так же жайлау считалось принадлежностью целого рода или более крупной кочевой единицы. В силу этого на жайлау сходилась еще большее число аулов. В отношениях между такими аулами господствовало право первого фактического занятия пастбища. Но выходцы из других родов не обладали подобным правом, разве как в местах, приравненных к пустошам. Таким образом, аульная община имела свое обособленное зимнее кочевье, а весенние и летние пастбища, как правило, принадлежали более крупной кочевой единице, чем аул. Осенние пастбища делились на участки более мелких кочевых коллективов, вплоть до аульной общины.

Глава аула распоряжался в той или иной степени только-зимним кочевьем, поскольку оно обособлялось из системы родового кочевого пространства. Весенними пастбищами в целом распоряжались более крупные феодалы, стоявшие во главе ата-баласы, тайф. Родовым жайлау ведал родовой начальник – султан или крупный бий. Поскольку зимние места расселения аулов были более определенны, султаны,

¹ Замечания о степи. «Астраханские ведомости», 1856, № 22.

² Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. II. Спб, 1868, стр. 70.

бии, старшины, возглавлявшие крупные родовые объединения, мало вмешивались в дела аульных аксакалов. Управляющий родом, обычно крупный феодал, прямо или косвенно распоряжался всей пастбищной территорией рода, в том числе летним родовым пастбищем непосредственно. Средние феодалы, стоявшие во главе отделения или подразделения рода, родовым пастбищем не распоряжались. Сфера личной их власти ограничивалась угодьями, принадлежащими собственно этой подродовой группе. При указанной выше схеме кочевания глава аульной общины – первичной кочевой организации – был в той или иной степени непосредственным хозяином только в пределах зимних и осенних пастбищных мест. В пользовании пастбищными угодьями глава аула был зависим от старшины, баев, а последние – от крупных баев и султанов, управляющих родами. Степной монарх-хан или султан олицетворял верховную власть и верховного собственника всей земли. После отмены ханской власти, как уже говорилось, ханское верховенство над территорией Казахстана было заменено верховенством царского самодержавия. Такова была примерная схема иерархического владения пастбищными угодьями.

Из этой схемы видно, что коллективно эксплуатировались обширнейшие пастбищные массивы, служащие для летнего и нередко весенне-осеннего кочевания. Может показаться, что они находились во власти коллективов-общин. Фактически же в сфере общинных отношений господствовала власть феодалов. Они не только подчинили себе кочевые коллективы, но и вместе с тем узурпировали общинные права на пастбище. Управление пастбищем от имени родов и их подразделений носило формальный характер. За то, что кочевники-казахи пользовались общинной территорией независимо от того, сознательно это они делали или нет, они должны были отдавать и отдавали часть произведенного продукта феодалам. На самом деле в казахских аулах пастбище хотя и эксплуатировалось сообща, но полученные продукты вовсе не делились поровну. Наоборот, кочевники-казахи передвигались сообща по пастбищам для того, чтобы произведенные продукты присваивать в соответствии с размерами своего частного скотоводческого хозяйства. Это не только служило основной предпосылкой неограниченного неравенства между членами общины, но и фактически узаконяло такое неравенство.

Общинное землепользование неплохо уживалось с феодальными производственными отношениями. При крайней бедности основной массы населения и сосредоточении богатств в руках небольшой кучки феодалов, стоявших во главе общин, было выгодно сохранение общинной формы землепользования. Оно давало возможность присваивать прибавочный продукт крестьян без непосредственного при-

менения насильственных методов. Более того, совместное кочевание и общинная эксплуатация обширных пастбищных территорий задерживали развитие классового самосознания трудящихся масс казахов, что тоже было на руку феодальной верхушке. Низкий уровень производительных сил, отсталость производственных отношений способствовали сохранению патриархальных пережитков в обществе. При этих условиях реализация феодальной земельной собственности наилучшим образом могла быть проведена через посредство общинной формы землепользования, ибо это давало господствующему классу при данных конкретно-исторических условиях наибольшую экономическую выгоду. Следовательно, общинное пользование отдельными пастбищными районами по своей природе представляло не что иное, как землепользование на феодальной основе.

Обычное земельное право, фиксирующее принципы общинного землепользования, давало достаточный простор для утверждения и развития феодальных земельных отношений.

В одном из официальных печатных органов русского правительства землепользование у казахов весьма метко и удачно названо «общинно-земельным бесправием».¹ Казахская «родовая община ведет даже к еще большему гнету одних над другими, чем было бы при других условиях», — отмечал один из дореволюционных исследователей.²

Итак, в скотоводческих районах почти все без исключения кочевые коллективы казахов большую часть пастбищных территорий, закрепленных за ними, эксплуатировали сообща. Однако это явление, во-первых, не соответствовало содержанию реальных общественных отношений, господствовавших внутри кочевых общин; во-вторых, оно протекало в рамках монопольного права феодала на землю — пастбища; в-третьих, оно не только не отрицало феодального угнетения, но и служило основой, на которой строились отношения господства и подчинения.

Выводы

Исследование и раскрытие того, что представляет собой экономический строй данного общества, непременно включает исследование и раскрытие природы отношений собственности, господствующих в обществе.

¹ Румянцев Г.П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. Журн. «Вопросы колонизации», 1909, № 5, стр. 83.

² Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Вып. V. Семипалатинск, 1911, стр. 21.

При этом надо иметь в виду, что отношения собственности в своей основе имеют экономические формы собственности на средства производства, тогда как право собственности базируется на юридических формах последней. Между теми и другими формами отношений и собственности существует органическая, тесная связь. Поскольку правовая регламентация общественных отношений всегда отстает от экономического развития общества, постольку и существует несоответствие между ними. Этот разрыв между волевыми и экономическими категориями различен в различных обществах, в различные периоды; при феодализме он особенно бывает заметен.

В заключение хочется сделать еще одно замечание. Производственная деятельность людей всегда является целесообразной деятельностью: она осуществляется ради каких-то целей и задач. В процессе производственной деятельности ее участники выступают как личности, определенным образом относящиеся к предметам природы, орудиям труда. Отсюда отношения между людьми, вовлеченными в сферу производства, суть отношения, определяющиеся степенью их власти над предметами природы или орудиями и средствами человеческого труда, которые и составляют объекты собственности. Объекты собственности различны и многообразны. Ими могут быть охотничьи угодья, леса, водные источники, пастбищные пространства, пахотные угодья, скот, различные орудия труда, машины, жилые строения, даже человек – раб, крепостной крестьянин (объект неполной собственности), военная добыча, находка. Понятием собственности охватывается не только то, что составляет материальную основу производства, но и результат производства в виде материального блага, капитала, прибавочной стоимости и т. д.

Среди множества объектов собственности есть объект наибольшей важности, составляющий главный источник материальных благ. Поэтому основной формой производства является производство, которое зиждется на определяющем объекте собственности. Производственные отношения людей определяются формой собственности на основные средства и орудия труда. Это значит, что данная форма собственности (объект и общественная форма его присвоения) должна объяснить, чем в основном характеризуются эти отношения и общество в целом. Следовательно, основным объектом присвоения и производства в обществе должен быть признан тот предмет, который в конечном счете определяет характер отношений между членами общества.

Было бы ошибочным думать, что таким основным объектом собственности всегда является непосредственный источник материальных благ или непосредственно потребляемый предмет. В таком случае

этом оно имело характер феодального надела. Каждое кочевое хозяйство в зимний период занимало участок, отведенный ему феодалом. За отдельными исключениями, остальные пастбищные земли эксплуатировались сообща.

6. Индивидуальное и общинное владение отдельными участками пастбищной территории имело место в рамках феодальной собственности на землю.

7. Отношения собственности в дореволюционном Казахстане характеризуются в первую очередь как отношения феодальной собственности на землю. Феодальная собственность на землю была экономической основой патриархально-феодальных отношений в Казахстане.

8. В Казахстане существовали феодальные отношения, выступающие при значительных остатках патриархальных форм, наличие которых обусловлено экономической отсталостью общества.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КЛАССОВОЕ СТРОЕНИЕ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА

ГЛАВА V

КЛАСС ФЕОДАЛОВ

Казахское общество первой половины XIX в. было феодальным. Оно состояло из двух основных классов: феодалов и зависимых от них крестьян. Капиталистические отношения развивались на базе незначительного привозного иностранного капитала, преимущественно в тех немногих местах, где осуществлялось приложение этого капитала (разработка рудных месторождений, рыбные промыслы, соледобыча и т. д.), а внутри казахского общества эти новые производственные отношения только зарождались. Поэтому нами не рассматриваются в настоящей работе такие классы буржуазного общества, как капиталисты и пролетариат. Мы не рассматриваем также социальные группы купцов и ростовщиков, поскольку как внутренняя, так и внешняя торговля не только была еще слабо развита, но и находилась в основном в руках некоренного населения. Местные торговцы, которые стали играть известную роль в экономических отношениях, не сложились в обособленную социальную группу. Институт батыров в первой половине XIX в. не имел уже того значения, которое он имел в предыдущие периоды, и вскоре исчез вообще.

Класс казахских феодалов распадался на три группы: «ак-суйек» («белая кость»), «асыл-суйек» («святая кость») и родовая знать. Наиболее многочисленной группой была родовая знать, составлявшая в основном мелкую и среднюю прослойку феодального класса. Она занимала господствующее положение в органах местной власти, в особенности в ее низовых звеньях. Родовая знать по своему составу была далеко не однородная. Ее аристократическая верхушка (бии, тарханы) примыкала к группе крупных феодалов и частью сливалась с ними. К представителям ак-суйек принадлежали ханы и султаны. В их руках была сосредоточена высшая власть в казахском обществе. К ним приближалась верхушка мусульманского духовенства – ходжи (асыл-суйек).

Султаны

Русский ученый академик Г. Потанин считал, что султаны ведут свое происхождение от трех сыновей младшей жены Чингис-хана

– Будэнтая, Боргультая и Саргалтая. Некоторые казахские султаны считали, что их предком является внук Чингисхана – Шейбани.

В исторической литературе нет принципиальных разногласий по этому вопросу. Все авторы (В. Бартольд, С.В. Юшков и др.) сходятся на том, что султаны были в какой-то мере связаны с татаро-монгольскими завоевателями.

Султанское потомство в Казахстане было довольно многочисленно. Этому способствовало многоженство, сильно развитое среди влиятельных, богатых султанов. По данным 1846 г., в Восточной части Малой орды при общей численности населения около 19 тыс. кибиток насчитывалось 64 султанских хозяйств, в Средней части на 22 тыс. кибиток населения приходилось 100 султанских хозяйств.¹ В Букеевской орде при населении в 15 тыс. кибиток, было около 20 султанских семейств, состоявших из шести потомств². Приблизительно такая же картина наблюдалась и в других областях Казахстана.

В истории Казахстана, как и среднеазиатских ханств, султаны играли исключительную роль в общественной, политической жизни страны и принадлежали к наиболее богатой и влиятельной феодальной верхушке. Ханские должности замещались только султанами. Сила этой установившейся традиции была настолько велика, что даже при захвате власти в среднеазиатских государствах иными феодальными группами их представители не могли объявить себя открыто ханами. Так, например, в конце XVIII в. в трех ханствах – в Бухаре, Хиве и Коканде – власть в центре была узурпирована феодалами, не происходившими по мужской линии от Чингис-хана. Как отмечает академик В. Бартольд, в течение определенного периода все эти правители, фактически захватившие власть, вынуждены были в силу установившегося, казавшегося естественным порядка действовать от имени подставных султанов³.

История Казахстана не знает ни одного случая, когда бы ханами выбирались или назначались несултаны. Высшая власть всегда принадлежала султанам. П.С. Паллас, побывавший в Малой орде во второй половине XVIII в., писал, что «имеющие у себя в ведомстве большое число подчиненных называются ханами и султанами»⁴.

На значительную роль султанов указывал и Георги. Он писал относительно казахов: «Дворянство их многолюдно: нижний род оно-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2122, лл. 29–40, 55–59.

² *Иванов М.* Внутренняя или Букеевская киргизская орда. Журн. «Эпоха», 1862, № 12, стр. 11.

³ *Бартольд В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 106.

⁴ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. 1. СПб, 1773, стр. 579.

го называют они ходжами, а средний – бию, вышний же состоит из султанов»¹.

До первой четверти XIX в. (период ханской власти) можно без преувеличения сказать, что, несмотря на известное ослабление позиций султанов, в основном только они осуществляли высшую власть в казахском обществе. Так, например, в Средней орде в 1817 г. во главе семи отделений рода Аргын стоял султан Жума Кудаймендиев, десять отделениями рода Найман управлял султан Баба Каипов, двенадцатью отделениями рода Кыпшак – султан Джантюре Джигангеров, четырьмя отделениями рода Бахтигирей – султан Чутай Бахтыгареев. Только одним родом Жаппас управлял не султан. Такое же положение имело место и в Малой орде. Во главе девятнадцати отделений Алимгулиевского рода стоял хан Ширгазы Айчуваков, тридцать восемь отделений рода Байулы были подведомственны султану Каратаю Нуралиеву, восемнадцать отделений рода Жетыру управлялись четырьмя сыновьями хана Айчувакова, наконец, султаны Медеткалий Турдалиев и Джантюре Иралиев осуществляли власть над одиннадцатью отделениями рода Жагалбайлы².

Находясь во главе крупных объединений кочевых коллективов и опираясь не только на силу своего сословия, но и на биев и старшин внутри родов, султаны осуществляли высшую власть в пределах своего ведомства. Основным экономическим содержанием этой власти были распоряжение кочевой территорией, обеспечение нормального производственного цикла кочевых общин и планомерное освоение исторически сложившихся пастбищных полос.

Верховенство в земельных отношениях, выступавшее в правэ султанов распоряжаться кочевьями, служило достаточной основой для присвоения ими прибавочного труда кочевников-скотоводов.

В XIX в. крупные феодалы, в том числе влиятельные султаны, кое-где предпринимают меры к превращению своего права распоряжения кочевьями в право феодальной частной собственности.

Во Внутренней орде близко стоявшие к ханской власти представители знати добились юридического оформления своих экономических притязаний и стали крупными землевладельцами.

Султаны не только распоряжались землей подвластных им кочевых коллективов и пользовались вытекающими отсюда экономическими выгодами, но зачастую являлись крупными собственниками скота.

¹ *Георги И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. II. Спб, 1799, стр. 124.

² *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб, 1865, стр. 35.

В таблице 6 приводится характеристика экономического положения 6 влиятельных султанов (по данным 1835 г.)¹.

Таблица 6

Султаны	Число голов скота		
	лошади	крупный рогатый скот	мелкий скот
Турсун Чингизов	1300	100	1500
Батыр Букеев	140	30	300
Тауке Букеев	1100	30	1000
Абулмамед Букеев	800	40	150
Абулгазы Букеев	550	70	400
Тастимбет Кучуков	150	40	500
Исатемир Булатханов	60	15	175
Джангир Чингизов	200	10	300
Орман Абишев	60	12	60
Кудагай Маманов	700	25	700
Джангир Чимин	90	4	400
Агидай Маманов	1200	20	1200
Шамхай Ишимов	360	20	700
Шама Аблайханов	600	25	500
Худайменды Разинов	600	3	1050
Газы Букеев	700	60	1200
Биралы Токов	400	24	600

Данная таблица не нуждается в особых комментариях. Если даже не учитывать того, что в ней, по признанию самих составителей, много преуменьшено количество скота, указанные здесь султанские хозяйства выступают как крупные скотоводческие хозяйства.

Было бы ошибочно утверждать, что все султаны были столь же богаты и влиятельны, как перечисленные в таблице. Среди султанов, как и в любой феодальной прослойке, были и средние и мелкие собственники. Однако положение и этих султанов в известной мере отличалось от положения мелкой и средней родовой знати.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 823, лл. 55-63.

Дело в том, что, как правило, небогатые султаны находили защиту и покровительство у богатых своих родственников – султанов и пользовались их постоянной поддержкой. В свою очередь своеобразное сложение сил как крупных, так и мелких султанов укрепляло их словесную мощь, на которую опирался каждый член этого сословия. В результате султан, если даже он имел мало скота, до тех пор, пока в той или иной степени исправно действовала сословная организация, не терял полностью той силы, посредством которой поддерживалась его частная власть над рядовыми кочевниками. Это наглядно видно из того, что казахские кочевники по укоренившемуся обычаю должны были относиться ко всем султанам с особым почтением, оказывать им самый радушный прием, одаривать подарками, уступать им свое почетное место в своем доме, делиться с ними охотничьей добычей и спортивными или иными призами. Согласно представлениям простого народа, султаны, независимо от того, сколько у них скота, являются наследниками могущественного Чингис-хана и самим богом поставлены распоряжаться и властвовать на земле. Конечно, в первой половине XIX в. престиж султанов не был таким прочным, как это было раньше, тем не менее он еще сохранялся.

Процесс постепенного слияния низовых слоев султанства с общей массой населения проходил значительно слабее, чем процесс перехода части родовой знати в разряд непосредственных производителей.

Охрана жизни, имущественных, семейных и личных прав султанов является наиболее разработанным вопросом в адате. В этом особенно ярко отразилось их господствующее положение в казахском обществе. За оскорбление султана словом виновный подвергался штрафу в размере 9 голов скота, за нанесение побоев налагался штраф в 27 голов скота (в том числе один верблюд), тогда как оскорбление рядовых кочевников или нанесение им побоев не считалось наказуемым действием. За убийство султана полагался такой же кун, как за 7 простых людей.¹ В 1846 г. в судебной практике биев Малой орды размер куна за умышленное убийство султана колебался от 1500 до 2000 баранов (в зависимости от «популярности» убитого), тогда как обыкновенно кун состоял из 500-1000 баранов.

Привилегированное положение султанов сказывается еще в том, что за обиды и побои, нанесенные ими рядовым кочевникам, они не несли никакой ответственности. За убийство султан формально должен был платить полный кун наравне со всеми остальными. Но по адату, если султан или ходжа платит «не будут или не в состоянии, то кун сей обязана платить вся волость».²

¹ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 20, 43.

² *Самоквасов Д.* Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876, стр. 256.

Присвоение султанского звания другими лицами, не происходившими от «древних казахских ханов», являлось преступлением, влекущим за собой наказание от 15 до 30 ударов нагайкой. Если оно было совершено по злему умыслу, то по адату предусматривалось более строгое наказание.¹

Сословная обособленность султанов отразилась и в сфере семейных отношений. Женщины из султанского рода не имели права выходить замуж за представителя иного сословия. «Если кто-либо под предлогом султанской крови женится на султанской дочери или родственнице, — гласит обычное право казахов, — то с виновного за такой поступок следует взыскать полный кун».² Хотя в условиях XIX в. нельзя говорить о полном обособлении султанского сословия и наблюдалось немало случаев нарушения этого правила, однако старые традиции еще сохраняли свою силу, в особенности среди наиболее влиятельных султанов. Характерен такой случай: в середине XIX в. сын известного султана Ширгази Айчувакова, султан Ишгаза, изувечил одного джигита за то, что он, не будучи султанского происхождения, был любим сестрой Ишгазы Тиллой. Не ограничившись этим, султан, как повествует об этом документ, угрожал отомстить всем родственникам пострадавшего джигита.³ Ишгаза за свои действия не понес никакого наказания. Нужно иметь в виду, что этот случай произошел в Малой орде, где была уже ликвидирована ханская власть и серьезно поколеблен престиж султанов.

К привилегиям султанов следует отнести и то, что они были неподсудны судам биев. Дела султанов подлежали разбору ага-султанами (старшими султанами) и султанами-правителями или на совете известных биев. Кроме того, только султаны и ханы имели право иметь при себе тюленгутов — лично зависимую от них челядь, которая постоянно находилась непосредственно при султанском дворе. Во Внутренней орде султаны освобождались от телесного наказания, от уплаты податей.

Вся султанская группа имела единую тамгу, такую же, какой пользовались казахские ханы, и военный клич «архар». Каждый султан имел право на именную печать, на особое одеяние. Интересно отметить, что в Букеевской орде султаны, не находившиеся у власти, объединились в особый султанский род. Этот род во многом напоминал сословную самоуправляющуюся организацию.

¹ *Загряжский Г.* Юридический обычай киргиз. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб, 1876, стр. 173. (см. §§ 36 и 37).

² Там же, стр. 173, 238.

³ *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. СПб, 1867, стр. 80.

Следует остановиться на отношении русского государства к правам султанов – знати «белой кости». Царское правительство в начале проведения колониальной политики в Казахстане застало султанское сословие весьма еще влиятельным и сильным. Союз аристократической верхушки казахского общества с русскими колонизаторами был той основой, на которую опирался царизм в своей колониальной политике в Казахстане. Отсюда понятно, почему царское правительство оказывало известную поддержку султанам.

Вопрос о личных правах султанов рассматривался в Сенате, который в Указе от 14 марта 1776 г. постановил, что дети и родственники турецкого султана, крымского хана, а также хивинского, бухарского и казахского ханов «называются на языке этих народов «султанати», кои могут быть почитаемы за «князей».¹

Приравнением казахских султанов к князьям подчеркивалось особое, привилегированное их положение. Даже тогда, когда была отменена ханская власть и тем самым был нанесен серьезный удар политическому престижу султанства, царское правительство продолжало официально признавать власть султанов над казахским народом. Оно учредило вместо ханской власти в Младшем жузе систему султанов-правителей, в Среднем жузе – ага-султанов. Султанам предоставлялась полная свобода выражения своей воли на выборах органов власти. Так, например, на выборах старшего султана правом решающего голоса пользовались: а) все совершеннолетние султаны, б) представители знати, имеющие пожалованные царским правительством офицерские чины и почетные медали, в) волостные управители. А волостные начальники избирались: а) всеми султанами, б) аульными старшинами и в) почетными биями.

Заметное изменение в положении султанов наглядно обнаруживается со второй четверти XIX в. Отмена ханской власти – политической опоры султанства, рост народных выступлений против султанства, а также политика царского правительства, направленная на постепенное отстранение султанов от власти, – все это не могло не сказаться на положении представителей «белой кости».

О некотором падении политической роли султанства свидетельствуют такие факты. Председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Ладыженский в 1849 г. обязал местные органы власти предоставить списки «почетнейших и влиятельнейших ордынцев» на местах. Султан-правитель Восточной части Малой орды в 1850 г. представил список на 25 человек. Среди них только 6 человек были султанами. В числе 4 глав родов, указанных в списке,

¹ Крафт И. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 81.

султанское звание имел только один. В дополнительном списке на 14 человек по этой части орды, представленном титулярным советником Осмоловским, не значился ни один султан.¹ В 1839 г. среди 16 волостных управителей Акмолинского округа было только 4 султана. В Кокчетавском округе в девяти волостях управителями состояли три султана, а в остальных эти должности замещались лицами несултанского происхождения.² Однако такое положение наблюдалось не везде. Так, например, в числе 49 человек, «почетнейших, влиятельных» по Западной части Малого жуза, 25 человек имели султанский титул.³ Это свидетельствует о той значительной роли, которую еще играли султаны в политической и экономической жизни казахского общества. Во Внутренней орде во главе всех 17 родов находились почти одни султаны.

В XIX в. наблюдается распад рядов султанства. Происходит процесс слияния наиболее привилегированной части родовой знати со знатью «белой кости». Один только султанский титул не всегда приносил его носителю почести и привилегии.

Между отдельными группами султанов нередко шла династическая борьба за сферы влияния. В период колониального подчинения Казахстана царской России среди султанов образовались две партии. Наиболее дальновидные султаны пошли на службу к царскому правительству, другая часть султанов встала на путь борьбы за утраченные привилегии. Используя недовольство народа колониальными притеснениями, эти султаны вовлекли некоторую часть его в свою борьбу за узкосословные интересы, старались оторвать казахское общество от России. Такая борьба не могла не кончиться полным провалом. Она принесла народу лишь новые тяготы и лишения и привела к обострению отношений трудящихся масс с султанами.

Султаны всячески разжигали межродовую рознь, умело используя ее в своих классовых интересах, захватывали владения других кочевых коллективов, расширяли сферу своей власти.

Переводчик отдельного Сибирского корпуса Ф. Назаров, неоднократно бывавший в казахской степи, справедливо указывал, что «право сильного господствует там во всей силе».⁴ Это в первую очередь относится к султанам, поскольку они обладали наибольшей властью среди представителей феодального класса. В другом сообщении говорится,

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2512, лл. 54-74.

² Там же, ф. 374, оп. 1, д. 196, лл. 3-4, 10.

³ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2512, лл. 83-106.

⁴ Назаров Ф. Заметки о некоторых народах и землях Средней части Азии. Спб, 1821, стр. 6.

что «введенный в обыкновение грабеж под названием барапты для них самый разорительнейший: одна волость пользуется слабостью другой и вооруженной рукою отнимает скот или другое имущество. Таковыми поступками, будучи один другим опасны, взаимно себя истощают. Султаны и другие их власти не только не имеют попечения, чтобы благоразумным внушением зло сие отворотить, но и сами принимают главнейшее участие».¹ На это же указывает и известный исследователь А. Добросмыслов. Он писал, что «стоявшие во главе орд ханы, окруженные ближайшими родственниками-султанами, постоянно увлекали, в борьбе из-за власти, народные массы в новые распри как между собой, так и с соседями, в народные дела которых они часто вмешивались. Все это мешало киргизам вести миролюбивый образ жизни».²

Для феодального способа производства характерна непосредственная связь между собственниками средств производства и массой крестьянства. В условиях Казахстана первой половины XIX в. эта связь ослабевает, и здесь в первую очередь следует иметь в виду отношения между султанами и рядовыми кочевниками. По мере ослабления своих экономических и политических позиций в обществе султаны, борясь за восстановление своих прав, прибегали к еще большим насилиям и произволу против народных масс. Тем самым они увеличивали разрыв, образовавшийся между ними и народными массами, восстанавливали против себя новые и новые слои населения. Можно было бы сослаться на такие исторические факты, как восстания под руководством Срыма, а затем Исатая, поводом к которым послужили злоупотребления ханов и султанов. На знамени этих народных движений были начертаны слова протеста против султанской диктатуры.

По мере того, как многие султаны постепенно превращались в оплачиваемых царским правительством чиновников, все больше и больше теряли они свою связь с населением, возвышались над обществом и угнетали трудящихся. Оренбургская пограничная комиссия была вынуждена предупредить своим письмом от 20 августа 1817 г. своего ставленника султана Ширгазы Айчувакова «за его различные затеи и несправедливости».³ Хан Джангер, столкнувшись с массовым возмущением народа поборами и насилиями султанов, в 1828 г., объезжая аулы, как сообщает надворный советник Ларионов, вынужден был объявить, что «если кто будет чувствовать какую-либо несправедливость или обиду от султанов, то, несмотря ни на кого, доводит

¹ Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году. «Вестник ИРГО», 1851, кн. 1, ч. 1, стр. 6.

² Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Тверь, 1902, стр. 4.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 245, л. 4.

о том до него жалобы, по которым его высокостепенство доставит вполне удовлетворение всякому обиженному».¹

Султан Баймухамедов – правитель Средней части Малой орды – в 1845 г. незаконно присвоил три лошади, халаты и 140 руб., принадлежавшие казаку Бурангулу из рода Табын. Несколько раньше он же силой отобрал скот и имущество у казаха Иралия из того же рода. Этот султан вводил новые повинности, завышал размеры сборов, установленных властями, и допускал такие беззакония, что правительство вынуждено было возбудить против него следственное дело.² В 1855 г. казахи рода Берш и Адай (Внутренняя орда) обратились в органы местной власти с групповым письмом о злоупотреблениях султана Кучакгаия Шигаева – управляющего первой приморской частью. В нем они писали, что «ежели ордынцы, имеющие тяжбы, явятся к Шигаеву с деньгами, то жалобы их он разбирает в скором времени. Если же иногда казахи приходят без подарков, то он не только разобрать их жалобы, но даже не показывает им, которые бывают вынуждены возвращаться в свои аулы». Проверка показала, что Шигаев не только творил подобные злоупотребления, но и продавал старшинские должности, за которые он брал по 100 и по 200 руб. серебром.³

Таких фактов можно привести немало. Они в достаточной степени характеризуют эксплуататорскую сущность султанов.

Изучаемый нами период изобилует выступлениями народа против крайностей султанского гнета. Эти выступления в большинстве своем не имеют еще организованного характера, формы их примитивны, но постепенно они становятся все более сознательными и целеустремленными.

В одном из источников говорится, что хан Малой орды Джан-тюре Айчуваков в сентябре 1807 г. «в рассуждении крайней его опасности от степных киргизов со своими аулами в числе 25 кибиток выше Мергенского форпоста перешел реку Урал по мелкому броду, расположился кочевьем на сей стороне».⁴ Один из осведомленных современников так объясняет, почему этот султан опасался народа: Айчуваков, «грабя подвластных ему киргизов, раздражал их до того, что при назначении в 1835 г. на его место султана Гутая Бахтыгареева, даже не мог бежать в степь, по обыкновению обиженных, опасаясь народа».⁵ Специальные

¹ Там же, д. 1685, л. 17.

² Там же, д. 2841, л. 6.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5431, лл. 5, 64.

⁴ Там же, д. 208, л. 89.

⁵ *Мейер Л.* Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 51.

лазутчики, посланные правительственными органами в казахские аулы, сообщили, что в сентябре 1844 г. в роде Жаппас было зарезано несколько человек – приверженцев известного реакционного султана Кенесары, требовавших незаконные сборы с мирного населения. В марте 1845 г. племянник Кенесары султан Ержан Саржанов во время попытки силой собрать с населения скот в счёт зекета на песках Малые Барсуки был избит кочевниками рода Шекты.¹ Известно, что в этот период у султана Кенесары были крупные вооруженные отряды, и каждый раз непокорные аулы подавлялись им самым жестоким образом. Сопrotивление, которое оказывали казахские роды притеснениям сторонников Кенесары, свидетельствует о возросшей силе народных масс. Так поступали не только с уполномоченными султана Кенесары. В 1847 г. в роде Тазы был убит султанский сборщик податей Ханходжин. Последующее расследование показало, что его убийство произошло «вследствие жестокостей самого ходжи при сборе».²

Кочевые коллективы в знак недовольства своими правителями нередко оставляли их владения и уходили на земли других родов. Там, где несправедливость со стороны султанов затрагивала широкие слои населения, немало было случаев, когда последние обращались к властям с требованием замены жестокого султана другим или просто отказывались признавать его власть.

Немало было и других форм борьбы, к которым прибегали народные массы, выступая против султанского гнета и несправедливости, за свои жизненные интересы. Один из современников писал, что казахи презирают своих «султанов и биев, если это не согласуется с их выгодами и внутренними побуждениями».³

В этот период не только наблюдается возрастание числа выступлений против султанов и других представителей феодального класса, но и сами эти выступления принимают более осознанный и организованный характер.

Итак, султаны в первой половине XIX в., несмотря на серьезное ослабление их экономических и политических позиций в обществе, продолжают еще венчать иерархическую феодальную лестницу. Вместе с тем происходит процесс распада этого сословия и слияния одной части султанства с привилегированной верхушкой родовой знати, а другой части – с массой кочевников.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2328, л. 69.

² Там же, д. 5027, лл. 18, 20.

³ Броневский. Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 170.

Бии

Биями назывались крупные представители родовой знати, занимавшие в обществе место ступенькой ниже правящего сословия султанов. Если могущество султанов было обусловлено их богатством и происхождением от ак-суйек, то сила и влияние бийской группы, выросшей из недр караши, кроме ее экономически господствующего положения в обществе, объяснялись и личными качествами ее членов, как-то: знанием адата, традиций, остроумием в словопрениях, умением защищать и отстаивать интересы общин и т. д.

Нельзя при этом не учитывать специфику общественных отношений, уровень сознания и классовой зрелости казахских трудящихся того времени. В условиях, когда патриархальные пережитки в хозяйстве и патриархальная идеология оказывали весьма значительное воздействие на экономическую и политическую жизнь общества, когда общественные отношения в основном регулировались нормами дедовских обычаев (адатом), нигде не зафиксированными, знатоки и хранители этих норм и обычаев, их истолкователи в глазах народа были окружены ореолом всеведения и мудрости. К этим людям обращались за советом, просили их разрешать возникающие между членами общины споры. Все это привело к политическому возвышению этих представителей знати.

Бии, как правило, были людьми богатыми, состоятельными. С одной стороны, богатство было той материальной силой, которая давала возможность некоторым представителям знати возвыситься до положения биев и стать биями. С другой стороны, в условиях, когда действенность бийских решений зависела от авторитета и личного влияния самих биев, ими не могли не быть только имущие. Вот почему основной социальной средой, откуда выходили бии, была крупная феодальная знать, складывавшаяся внутри кочевых коллективов.

Бывали отдельные случаи, когда выходцы из простого народа, в упорной борьбе преодолевая громадные трудности, благодаря своей природной одаренности добивались звания биев. История знает такие факты, часть из них бережно сохранилась в памяти народа, в его устном творчестве.

Сведения о месте биев в экономической и политической жизни казахского общества имеются в материалах, собранных чиновниками по заданию председателя Оренбургской пограничной комиссии генерал-майора Ладыженского в 1849 – 1850 гг. В них сообщается о «почетнейших и влиятельнейших» казахах по некоторым районам Малой орды. Попечитель прилинейных казахов Лазаревский 26 октября 1849 г. представил список на 25 человек, которые, по его мнению, были са-

мыми знатными среди населения, за которым он осуществлял надзор (среди них не было султанов)¹. Около половины (12 из 25) влиятельных лиц являлись биями.

Причем, как это видно из таблицы 7, они были самыми крупными собственниками скота. Если на каждого влиятельного скотовладельца не бия приходилось в среднем по 170 лошадей, то на каждого бия приходилось по 880 голов. Отдельные бии владели табунами лошадей в 1000, 3000 и 4000 голов. Это в достаточной степени характеризует их как наиболее крупных представителей феодального класса, что видно из указанной таблицы (знаком * отмечены потомственные бии, отцы которых раньше пользовались этим званием).

Таблица 7

1	40		10	1000	бий	19	15	
2	700	бий*	11	40		20	200	
3	40	бий	12	300	бий*	21	100	
4	700		13	150		22	20	бий
5	15		14	1000	бий*	23	60	бий
6	150		15	3000	бий*	24	300	бий
7	20		16	100	бий	25	4000	бий*
8	40		17	50				
9	50	бий	18	700				

Другой чиновник 26 января 1850 г. представил список на 49 влиятельных лиц родов Табын и Алшын. При этом составитель для характеристики их имущественного положения пользуется определенными критериями (исходя из количества лошадей в хозяйстве², которые приводятся в таблице 8.

Таблица 8

Султаны	25	2	8	6	7	1	1
Бии	9	—	3	3	—	1	2
Прочие	15	—	2	7	3	2	1
Всего	49	2	13	16	10	4	4

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2512, лл. 12-17.

² Там же, лл. 83-106.

Первое, что бросается в глаза, это то, что более половины влиятельных богачей составляют султаны. По сравнению с ними бийская группа значительно меньше. Сам по себе этот факт говорит о том, что внутри указанных родов султаны остаются еще весьма сильными. Би́и, как и султаны, располагали огромными стадами. Более одной трети султанов как собственники скота причислялись к «богатым», «весьма богатым», «известным богачам». Такое же соотношение было характерно и для биев. Титулярный советник Осмоловский 12 марта 1850 г. представил аналогичные сведения на 14 человек по Восточной части Малой орды (табл. 9).¹

Таблица 9

№ хозяйства	Число голов скота				Примечание
	лошади	крупный рогатый скот	верблюды	мелкий скот	
1	100	-	20	200	бий
2	120	-	25	-	-//-
3	600	70	20	500	-//-
4	500	150	30	1000	-//-
5	600	-	80	400	без названия
6	150	-	-	200	бий
7	500	-	40	300	-//-
8	150	-	-	200	без названия
9	200	-	10	200	бий
10	100	-	40	400	-//-
11	50	-	-	50	-//-
12	200	-	20	300	-//-
13	150	-	10	150	-//-
14	300	-	30	250	-//-

Тот факт, что из 14 «знатнейших» людей Восточной части Малой орды 12 являлись биями, свидетельствует о полном господстве бийской группы в кочевых коллективах этого района. Все они были крупными скотовладельцами, располагавшими обширными личными хозяйствами. Среди них нет такого бия, который владел бы менее чем 100 лошадьми (одним хозяйством можно пренебречь).

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2512, лл. 112-121.

Судебная власть, которая принадлежала биям, имела исключительное значение в казахском обществе. Она была ведущей формой власти в системе управления. Функция управления в кочевых коллективах в основном сводилась к разбирательству различных споров и притязаний как внутри коллективов, так и между родами и их отделениями. Бии, осуществлявшие судебную власть в кочевых коллективах, за редкими исключениями, стояли во главе их.

Судьи располагали большими правами в толковании норм, обосновании и вынесении решений, а также в определении методов и форм приведения этих решений в исполнение. Таким образом, многое в судебной деятельности биев зависело от их личного усмотрения, взглядов и умения, что, конечно, порождало известный произвол. Судебные постановления биев имели правотворческий характер.

Бии владели или распоряжались крупными земельными массивами, на которых кочевали подведомственные им аулы. Вместе с тем они имели обширные участки зимних стоянок и сенокосные луга на правах личной собственности. Большинство биев являлось крупными скотовладельцами. Они эксплуатировали труд непосредственных производителей в своих, нередко огромных, личных хозяйствах. Кроме того, крестьяне-скотоводы, кочевавшие под предводительством биев на «общинных» землях, несли определенные повинности в пользу последних, реализовавшиеся в различных формах (согум, сыбага, жылу, тарту, возмещение затрат управления и т. д.).

Бии имели крупные доходы от судебной деятельности. Кроме десятой части размера иска, которая поступала в распоряжение судьи по закону, бии посредством разного рода ухищрений и вымогательств присваивали львиную долю штрафа, куна. Сверх того, они брали «подарки», взятки от тяжущихся.

Султаны, в том числе сам хан, должны были считаться с мнением биев, имевших большое влияние и прочную опору в кочевых общинах.

В конце XVIII и в начале XIX вв. в состав ханских советов Малой, Средней и Внутренней орд входило значительное число биев, которые оказывали серьезное влияние на политику ханов.

После отмены ханской власти бии стремились упрочить свои позиции за счет ослабления роли султанов, в особенности в политической жизни общества. Надо сказать, что бии добиваются в этот период некоторых успехов. Так, в Сергиопольском округе в 1866 г. согласно положению о выборах биев избирательным правом пользовались известные представители местной знати, влиятельные феодалы и лица, имевшие пожалованные правительственные чины. Правом участия на выборах биев пользовались: в Каракирей-Семизнаймановской волости

– 21 султан, 3 старшины, 26 биев, 37 «почетных» казахов; в Джангуль-Семизнаймановской волости – всего 66 человек; среди них: 9 старшин, 20 биев, 37 влиятельных казахов; в Булатчинской волости – 6 султанов, 8 старшин, 14 биев, 36 других лиц; в Туминской волости – 9 старшин, 17 биев, 40 других лиц.¹

Таким образом, среди родовой знати, участвующей в выборах, ведущее место по количеству выборщиков и по их весу занимает бийская группа.

Звание бия считалось личным. Не все богачи могли быть биями. Для того, чтобы заслужить это почетное звание, надо было, как уже говорилось, обладать определенными личными качествами и способностями. Представители знати, после нескольких успешных выступлений на суде, советах, сборах, показав, что они этими способностями обладают, приобретали известность как бии. Крупные бии, пользовавшиеся большим влиянием в обществе, старались личную привилегию превратить в привилегию наследственную. Это находилось в прямой связи с попытками их отгородиться от остальной части общества, замкнуться в касту, которые предпринимались и в начале XIX в. Однако как процесс обособления биев, так и процесс превращения бийского звания в наследственный институт далеко не были завершены.

Старые бии весьма недоброжелательно относились к новым, чинили им препятствия, так как появление новых судей приводило к уменьшению доходов старых. В этом была главная причина бийского местничества. Однако, материальные преимущества, которые получали бии, и то влияние, которым они пользовались в обществе, заставляли многих феодалов претендовать на это звание и добиваться, чтобы всегда был свободен доступ в ряды бийства.

Рост влияния биев в обществе происходил в сложных условиях. С одной стороны, ликвидация ханской власти создала благоприятные условия для захвата биями власти в крупных родовых объединениях. С другой стороны, царское правительство, хотя и опиралось на биев в период борьбы с влиятельной группой султанства, вовсе не собиралось укреплять позиции старых биев, в особенности поскольку они не в меньшей степени, чем султаны, были заинтересованы в сохранении старых порядков. Расхождения между султанами и старыми хранителями патриархальных обычаев – биями касались, главным образом, вопроса сферы политического влияния, а не порядка внутреннего устройства общества. Органы центральной власти в Казахстане проводили политику, которая ослабляла влияние как консервативных султанов, так и старых биев.

¹ ЦГИЛ КазССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, лл. 119-123.

Положение биев стало еще более сложным после того, как правительство приняло в 1822 г. «Устав о сибирских киргизах», по которому должности биев были объявлены выборными, с последующим утверждением государственной властью. Это открыло большому числу лиц путь к бийским должностям, создало своеобразную систему двоевластия в родовых отделениях: наряду со старыми биями появились «избранные» новые бии.

Огосударствление судебной власти серьезно подорвало престиж и роль старой бийской группы. Заметно снизились требования к личным качествам лиц, претендующих на звание биев. Теперь нередко можно было встретить среди биев невежд и весьма недалеких людей, единственным достоинством которых было богатство. В начале XIX в. Д. Самоквасов писал, что в настоящее время именуется биями те, которые пользуются «почетом».¹ А казахи-кочевники именовали «большим», «хорошим», «почетным» человеком своего знатного родича, ибо они от него были зависимы.² О новых людях, оказавшихся на бийских должностях, и о том, насколько соответствовали они этим должностям, можно судить по рапорту чиновника Малой орды Александровского в Оренбургскую пограничную комиссию в 1846 г. Он, между прочим, перечисляет «уважаемых» в Джагалбайлинском роде биев. Об одном из таких биев, Ботбасе Карадуеве из Билитевского отделения, Александровский пишет, что «он богат, весьма гостеприимен и решителен, чем заслуживает любовь и послушание киргизов». Говоря о других биях, автор делает вывод, что они пользуются известностью не потому, что они обладают выдающимися личными качествами, а потому, что они владеют многочисленным скотом. Значение их «зависит не от достоинства собственных их голов, – пишет он, – а от количества голов ихнего скота».³ Теперь в большей степени, чем раньше, звание бия становится атрибутом экономически преуспевающего казахского феодала.

Неутомимый собиратель норм казахского обычного права Д'Андре, исходя из своих непосредственных наблюдений, в 1846 г. писал: «Многие в Орде (Малой. – С.З.) именуется биями. Но в настоящем случае биев-судей не следует смешивать с биями-военачальниками и биями-богачами». И далее он указывал, что зажиточные казахи, известные в орде огромными своими табунами, присваивали себе звание биев, хотя не имели «никаких других достоинств, кроме одного – богатства».⁴

¹ Самоквасов Д. Сборник обычного права сибирских инородцев. Вариана. 1876, стр. 47.

² Гейнс А. Собрание литературных трудов. Т. I. СПб, 1897, стр. 58; т. 2.

³ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, стр. 95.

⁴ Там же, стр. 125.

Значительный прилив представителей знати в ряды бий-ской группы вызывал протест со стороны старых биев. Новые бии, у которых были большие стада, но малые знания, как судьи и как руководители кочевых коллективов были весьма неискусны. Это порою приводило к тому, что рядовые кочевники под воздействием и при поддержке родовитых биев игнорировали «новых», тем более, что согласно нормам обычного права каждый кочевник мог обращаться за судебным разбирательством к любому из биев не только, внутри рода, но и вне его. Бии, не знавшие обычаев, традиций, не обладавшие природным остроумием и знанием различных судейских ухищрений, быстро оказывались не у дел. Колониальные органы впоследствии долго изучали причину довольно странного на первый взгляд положения, что новые бии в течение длительного периода не пользовались достаточным авторитетом среди местного населения.

Осуждение массового проникновения на бийские должности неподготовленных или неспособных к этому людей отразилось даже в некоторых поговорках и пословицах, имевших широкое распространение в дореволюционное время¹ и впервые возникших, очевидно, в «старобийской» среде.

1. «Жеті атасы би болған – жеті жұрттың қамын жер, кенеттен би болған – құлақ-миын, жағын жер». – «Потомственный бий печется о благе общества, а бий случайный нанесет ему только вред».

2. «Мал бақпаған мал бақса, жайламаған тай қоймас. Би болмаған би болса, билемеген ел қоймас». – «Новый пастух жаждет испробовать верхом всех жеребят. А новый бий жаждет власти».

3. «Соқырдан қарауыл қойсаң, еліңді жауға алдырар. Білмес на-данды би қойсаң жұртыңды дауға алдырар». – «Если слепой будет стоять на карауле, то враг захватит аулы. Если невежда будет бием, то проиграет народ в спорах».

4. «Жаңа биден билік сұрама, жаңа байығаннан қарыз сұрама». – «Не ходи к новому бию за решением дела, не проси в долг от человека, только что разбогатевшего».

В этих поговорках и пословицах ясно выступает основная тенденция – недовольство новыми биями, в большинстве своем вводимыми в это звание органами царского правительства в Казахстане. Вместе с тем они отдают известной идеализацией старых биев.

Усиление власти колониальных органов и постепенное введение начал наместничьего управления в казахском обществе привели к некоторому усложнению функций власти в кочевых и полукочевых коллективах. Административная функция начала обособляться и от-

¹ Взяты из работы: *Искаков М. Казахские пословицы. Казань, 1914 (на каз. яз.)*.

деляться от судебной функции. Одни бии, особенно те, которые это звание получили благодаря своему богатству, стали заниматься чисто административной деятельностью, а другие, которые были биями, так сказать, по «призванию» – судебной деятельностью.

Подобное размежевание в рядах биев затрагивало только область их деятельности, но отнюдь не касалось их социального положения.

Как бы ни были велики неудобства народа от нарушения привычного образа жизни, как бы ни были тяжелы поборы новых биев и ущерб, нанесенный их неумелыми действиями, при всем этом кардинальные меры, предпринятые царским правительством по отношению к султанам и старым биям, потревожившие средневековый застой и обособленность власти, а также патриархальные порядки в кочевых общинах, объективно имели положительное значение.

Обычное право казахов, несмотря на свою архаичность и консервативность, хорошо защищало права биев, как и других представителей феодального класса. Словесное оскорбление бия, пререкания с биями во время судебного разбирательства, нанесение им физических увечий и т. п. строго карались по адату.

Обычное право ревностно охраняло также имущественные, личные и семейные интересы биев.

Следует напомнить еще об одной особенности общественного положения биев. Они не находились вне казахских родов, как султаны. Они выросли из недр общин, являлись их членами и более близко стояли к населению, чем султаны. Каждое родовое отделение имело одного или нескольких биев, которые ведали как внутренними, так и внешними делами коллектива. Господствующая идеология проповедывала единство интересов всех членов рода, смазывала различия между биями и рядовыми кочевниками. Не исчезло еще полностью представление о биях, как своего рода народных заступниках-судьях. Все это способствовало тому, что бии занимали относительно прочную позицию в обществе.

Стычки, столкновения из-за пастбищных угодий, барымта (угон скота), не прекращавшиеся и в мирное время, в основном имели межродовой характер. Обычно род в таких случаях выступал против другого рода как целое, хотя внутри рода существовали противоречия между богатыми и бедными. В этих распрях во главе враждующих родов стояли бии и батыры, которые разжигали неприязнь к соседям, чтобы тем самым побудить сородичей забыть внутренние разногласия и укреплять «единство» всех членов рода.

Усиливающаяся классовая дифференциация внутри кочевых коллективов должна была привести к повышению уровня классового са-

мосознания и к новым формам выражения протеста трудящихся масс казахов. Игнорирование некоторых биев за пристрастность в решении судебных дел, неподчинение бийским приговорам не были уже единичными явлениями в первой половине XIX в. В литературных и архивных источниках приводится много фактов, когда кочевые коллективы требовали смещения того или иного бия, старшины с должности и назначения на их место других лиц. Все это свидетельствовало о известном росте классового самосознания трудящихся и активизации их борьбы против эксплуататоров.

Социальная роль и деятельность биев характеризуются, таким образом, тремя моментами: во-первых, это представители крупной феодальной знати; во-вторых, бии стоят во главе кочевых коллективов и ведают их делами; в-третьих, они являются судьями.

Здесь следует сказать, что акцентирование только на одном из этих моментов при освещении общественной роли и социальной природы бийства может лишь запутать проблему. В недавнем прошлом некоторые исследователи обращали главное внимание на красноречие, различные афоризмы биев, их искусные выступления на суде, состязаниях и т. д. Это привело к известной идеализации биев, к рассмотрению их в отрыве от социальной базы, которой они были обязаны своим существованием, к выхолащиванию их классовой сущности как определенной социальной группы. При этом исследователи ссылались на устное народное творчество, характеризующее биев, в первую очередь, как носителей замечательных личных качеств: красноречия, остроумия, больших знаний. Такую оценку бии в казахском фольклоре действительно получили. На это правильно указывал Д. Самоквасов, когда писал еще в 1820 г., что «звание бия в сознании народном принадлежит тем немногим, которые с природным даром красноречия соединяют в себе глубокие познания в коренных обычаях народа и в исторических о них преданиях».¹ Но разве все это дает какое-то основание считать биев надклассовой категорией или выразителями интересов народа? Не говоря уже о том, что и к фольклорным источникам нужно подходить критически, следует учитывать одно весьма важное и удивительное качество народного сознания – способность иногда запечатлеть и возвысить лучшие, положительные стороны явлений и предать забвению отрицательные. Не надо забывать и того, что в этих устных преданиях иногда желаемое выдавалось за действительность, и это служило своеобразной формой народного протеста против крайностей и несправедливости бийских решений.

¹ Самоквасов Д. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876, стр. 46.

Некоторые исследователи порою бросаются в другую крайность. Для них бии – просто крупный феодал. Тем самым зачеркиваются особенности бийства как определенной феодальной группы и игнорируются его общественные функции, выполнение которых в свою очередь являлось источником обогащения представителей этой группы.

Тарханы

Тарханы принадлежали к титулованной части феодального класса. В отличие от званий султанов и биев, тарханство приобреталось по государственной линии, посредством жалования.

Слово «тархан» было известно уже древнетюркской народности. Так, например, в памятнике из Судже (Монголия) говорится: «Я – оябюрюк (приказчик; приказной) счастливого бога – тархана».¹ В свое время Чингис-хан широко практиковал присвоение тарханского звания наиболее преданным и отличившимся в службе лицам. Как указывает известный исследователь Востока В. Григорьев, Чингис-ханом «достоинство тархана давалось за спасение жизни Государя на поле сражения, или за другие важные услуги, оказанные Государству. Привилегии тарханов были таковы:

1) Они объявлены изъятыми от всех податей и не обязаны делить добычи своей с кем бы то ни было.

2) Им давалась первая часть добычи, взятой на войне.

3) Им позволено входить в шатер царский всегда, когда нужно, не спрашивая на то позволения от начальника стражи.

4) Утверждена безнаказанность всех их ошибок и даже преступлений, если они только не сделают более девяти раз одних и тех же».²

В числе первых тарханское звание было присвоено двум мальчикам – Бата и Кышлык, которые предупредили Чингис-хана о готовящемся покушении на его жизнь со стороны государя кераитов Унг-Хана. После победы над своим опекуном Унг-Ханом, как сообщает Хон-Дамир в «Хуласей-уль-Ахбар», Чингис-хан присвоил своим спасителям тарханские звания.³

Звание тархана не было наследственным при Чингис-хане. Исключение было сделано только для Бата и Кышлык, удостоенных особого благоволения императора. По его предписанию тарханское достоинство могло переходить к их потомкам до девятого поколения.

¹ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М. – Л., 1951, стр. 77.

² История монголов от древнейшего периода до Тамерлана. Перевод с персидского В. Григорьева. СПб, 1834, стр. 134 (примечание).

³ Там же, стр. 16.

Тарханское звание известно и в русской истории. В период монгольского владычества некоторые бояре отмечались тарханскими грамотами. Русские великие князья позже сами жаловали боярам тарханские или, как они иначе назывались, бессудные грамоты. Владельцы таких грамот могли быть судимы только государем и лишь в строго установленном для этого пункте. Тарханские грамоты были отменены в период царствования Ивана Васильевича. Однако после него его преемники не раз восстанавливали тарханское достоинство.

Царское правительство тарханские звания присваивало наиболее преданным и влиятельным людям из местного населения, несущим службу на окраинах империи. Тарханы в Башкирии обязаны были нести воинскую службу и в разрядных книгах помещались в числе служилых инородцев. Они не получали за службу определенного содержания, но пользовались рядом привилегий: освобождались от уплаты ясака, податей и «где бы хотели землею владеть, сено косить, рыбу ловить, в том ясачники спорить не могли, только бортных угодий и бобровых гон не касались».¹

Тарханы в Казахстане не несли воинской службы в пользу царской империи, не были служилыми людьми. Проводя политику колониального проникновения и подчинения Казахстана, царское правительство давало тарханские грамоты наиболее крупным и влиятельным казахским феодалам, ставшим на сторону России или могущим быть полезными для нее в дальнейшем.

К.Н. Рычков указывал, что в казахском обществе «тарханство есть... степень княжества. В народе ежели не превосходят, то верно не уступают они силе ханской».²

Пожалование тарханского звания царское правительство начало практиковать в Казахстане с середины XVIII в. В числе первых казахов, удостоенных тарханских грамот, были такие известные в свое время деятели, как Жанибек-батыр и Суфрабий. Оренбургский военный губернатор Эссен в 1821 г. возвел в тарханское достоинство биев Аманши Сангрыкова и Жанбырши Саламасова «за усердие их при походе с миссиею нашею в Бухару».³

Казахские тарханы освобождались от податей и несения службы, они не могли быть подвергнуты телесным наказаниям. Тарханское звание присваивалось отдельным лицам без права передачи его потомкам (если это право специально не оговаривалось). В Указе Оренбургского

¹ Новиков В. Очерк колонизации башкирского края. Журн. «Историческая библиотека». 1878, № 12, стр. 8.

² Рычков К.Н. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкую степь в 1772 г., стр. 18-19.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 2251, л. 15

военного губернатора Сухтелена от 20 февраля 1831 г. о присвоении звания тархана старшине Балтакировского рода Бикбулату Бекболову сказано, что «он избавляется от всяких личных податей, службы и телесного наказания».

В 1842 г. тархан Бекболов возбудил ходатайство перед колониальными властями о присвоении звания тархана его мужскому потомству или хотя бы младшему сыну. Азиатский департамент Министерства иностранных дел, рассматривавший эту просьбу, дал следующее разъяснение: тарханское достоинство присваивается «за какие-либо особые услуги, оказанные правительству», а дети Бекболова не имели таковых успехов, «поэтому в просьбе отказать».¹

В истории Казахстана были отдельные случаи, когда тарханское звание, присвоенное царским правительством, переходило затем к потомкам. Так, например, известный бий, управлявший Аргынским родом, Шешен Мусин в 1844 г. сообщил в Пограничную комиссию, что его прадед Джанибек, дед Даутбай, отец Муса были тарханами.² Наверяд ли, однако, тарханское достоинство механически передавалось от Джанибека к его потомкам, хотя в грамоте, данной ему, звание было объявлено наследственным. Даутбай был одним из крупных феодалов в казахской степи.

По-видимому, К.Н. Рычков имел в виду его, когда писал о феодале под именем Даудыбай, который был «знатнейший из тарханов».³ Бий Муса в свое время играл значительную роль не только в роде Аргын. Таким образом, в данном случае речь идет не о наследовании тарханского звания, а о сохранении его лицами, имевшими особые заслуги перед царским правительством.

До XIX в. казахские ханы своей властью не могли присваивать звание тархана. Первым, кто начал использовать институт тарханства в интересах укрепления ханской власти, был хан Внутренней орды Джангер. Он этим званием отмечал преданных ему родовых начальников.

Личные права тарханов определялись ханской грамотой Джангера. Тарханское звание объявлялось наследственным и переходило к потомству по мужской линии. Тарханы освобождались от телесного наказания, от уплаты податей, пользовались, особым благорасположением и поддержкой хана.⁴ По своему правовому положению тарханы приравнивались к султанам.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 2251, лл. 12, 27.

² Там же, д. 2312, л. 1.

³ *Рычков К.Н.* Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкую степь в 1771 г. СПб, 1772, стр. 18.

⁴ *Рязанов А.* Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа. Труды общества изучения Казахстана, т. VII, вып. 1. Кызыл-Орда, 1926, стр. 195.

Вот одна из тарханских грамот, выданная Джангер-ханом в 1842 г. старшине из Таминского рода Исенбаю Ходжабекову: «Именем всемогущего бога и соизволением Императора Всероссийского, я, генерал-майор и кавалер, хан меньшей Киргиз-Кайсацкой орды, кочующий в Зауральских степях, при нижней линии Урала, и среди степей Астраханских, даю сию мою ханскую грамоту моему подвластному Таминского рода, Кенжебаев отделения Киргизскому старшине Исенбаю, сыну Ходжабекову, в том, что за всегдашнюю ко мне верность, к пользам народа усердие, точное и бескорыстное исполнение повелений моих по управлению Ордою издаваемых, соизволением моим и по праву предков мною наследованному, пожалован, с нисходящим от него потомством мужского пола в звании тархана между моими подвластными. Почему приказываю всем моим подвластным, равно прошу военные и гражданские власти, Императором моим поставленные, а равно начальство зауральских киргизов, как подданных империи, так и независимых, его, Исенбая, таковым признавать, во всяких грамотах именовать и издревле принадлежащие тарханам права ему предоставлять.

Поощренный сей наградою тархан Исенбай и его потомки, чувствуя к себе мою ханскую милость, да продолжают за всю свою жизнь благонамеренные свои действия с тем усердием и непоколебимой твердостью, кои к его Императорскому величеству подлежат по долгу верноподданической присяги, а ко мне и потомкам моим по законам высокославных предков моих. В удостоверении сего ему, Исенбаю Ходжабекову, хан Джангер грамоту сию милостиво пожаловал и ханскою моею печатью утвердил».¹

Образование тарханской группы в Букеевской орде является интересным явлением. Раньше, как было сказано, казахские ханы не пользовались правом жаловать подвластным тарханское звание. Возникновение института тарханства по сути дела знаменует слияние знати «белой кости» с привилегированной частью родовой знати.

Тарханы во Внутренней орде были довольно многочисленны. Только в одной Таловской части орды в начале второй половины XIX в. насчитывалось 125 тарханов. Среди них были крупные скотовладельцы, как например, тарханы Хайрулла, Губайдула, Гатаулла, Габдрахман, Мухамедкалий из рода Ногай, которые имели более 500 лошадей и 1000 баранов каждый, не считая других видов скота. Были и малоскотные тарханы, но владевшие лучшими пастбищными землями. В одном из архивных источников сохранился список тарханов Таловской части Зауральной орды, относящийся к началу 60-х годов XIX в. (всего 48 хозяйств). Скотовладение в этих хозяйствах характеризуется данными, приведенными ниже.²

¹ См. Харузин А. Киргизы Букеевской орды. Вып. I. М., 1889, стр. 53-54.

² ЦИИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 74, л. 115.

Из приведенной таблицы видно, что в большинстве тарханских хозяйств (в 25 из 48) имелось в каждом более 100 голов скота всех видов. Около 25 проц. тарханов являлись крупными скотовладельцами (имели по 500 голов и более). Безлошадных хозяйств среди них не было. 35 хозяйств из 48 имели каждое более 10 лошадей. Основная масса тарханских семейств (29 из 48) имела от 10 до 200 лошадей; 5 семей имело каждое по 500 лошадей. По наличию крупного скота две трети всех тарханских хозяйств были вполне обеспеченными (в каждом из них было не менее 20 голов), в том числе у 15 хозяйств были довольно большие стада – более чем по 100 голов крупного скота в каждом.

Таблица 10

Группы хозяйств (по числу голов скота)	Колич. хозяйств, владеющих скотом (по видам скота)		
	все виды скота	лошади	крупный скот, включая лошадей
Не имеют данного вида скота		1	
Имеют 1 - 5 гол.	3	9	3
6 - 10	1	3	4
11 - 20	2	9	9
21 - 50	4	7	11
51 - 100	13	6	6
101 - 200	9	7	9
201 - 500	6	1	1
501 - 1000	4	5	5
1001 и более	6	-	-

При этом следует учесть, что Внутренняя орда не принадлежала к богатым скотом районам Казахстана. Недостаток пастбищных угодий, в особенности удобных зимних кочевьев, наложил определенный отпечаток на кочевое скотоводческое хозяйство. Несомненно, что основная масса тарханства состояла из сравнительно обеспеченных и богатых скотовладельцев.

Своих тарханов хан Джангер наделял лучшими земельными угодьями, причем нередко довольно обширными. Это давало возмож-

ность тарханам эксплуатировать малоземельных и безземельных кочевников-скотоводов. Многие тарханы состояли на официальной ханской службе в органах местной власти, в особенности в аульных общинах. В некоторых тарханских хозяйствах использовался труд байгушей, которые зачастую являлись бедными родичами тарханов. Тарханы не только пользовались личными, привилегиями, но и широкими правами в владении средствами, производства и в присвоении результатов труда крестьян.

К концу третьей четверти XIX в. институт тарханства исчезает с общественной арены в Казахстане. Царское правительство, закрепив свои позиции в этой стране, не нуждалось более в привлечении представителей крупной местной знати на началах жалования им особых прав и привилегий и отказалось от этой практики. Последние остатки тарханской династии также исчезли к тому времени. Не стало тех условий, которые вызвали к жизни институт тарханов, и со смертью последних носителей этого звания перестало существовать тарханство в целом. В 1869 г. Правительствующий сенат, давая разъяснение о правах тарханов, отметил, что они являются «ныне почти совершенно исчезнувшим званием».¹

Старшины

Слово «старшина» было введено впервые русскими чиновниками. Местные начальники, стоявшие во главе подразделений и отделений родов, в русских источниках, официальных документах именуются старшинами. Вначале старшиной называли вообще старшего в среде определенного кочевого коллектива, человека, пользующегося властью в этом коллективе. Позже этот термин применялся к должностным лицам, назначенным ханом или царской администрацией и находившихся в кочевых коллективах. Многие старшины в XIX в. получали определенное содержание от государства, назначались и смешались центральной властью.

Гладышев, побывавший в первой половине XVIII в. в Младшем жузе, пишет, что на Арале, в ставке Абулхаир-хана, «сидели аральские князьки и его ханские старшины...» Абулхаир-хан, выслушав вслух содержание императорского письма, доставленного Гладышевым, обратился к ним со словами: «...Вы мой совет...».²

К «князькам» автор относит более близких к хану влиятельных феодалов, очевидно, ведавших делами крупных родовых объединений

¹ Крафт И. Из киргизской старицы. Оренбург, 1900, стр. 82.

² Гладышев. Поездка из Орска в Хиву и обратно в 1740-1741 годах.

или родов. «Старшинами» он именуется менее «почетных» начальников. Такое толкование этого понятия не утратило своего значения и в XIX в. Высшие должности в казахском обществе в большинстве своем занимались султанами, которые оказывали сильное влияние на политику ханов. Старшины, в категорию которых причислялась и часть биев, составляли среднюю социальную группу класса казахских феодалов. Власть султанов в значительной степени была обусловлена той поддержкой, которую им оказывали наряду с крупными биями и старшины – наиболее многочисленная группа представителей феодального класса. Нередко старшины добивались смещения того или иного не понравившегося им султана или бия. Отсюда понятно, почему Абулхаир-хан обращался к «князькам» и старшинам со словами «вы мой совет». Действительно, крупные феодалы вместе со старшинами составляли опору ханской власти.

До конца XVIII в. в казахском обществе термин «старшина» употреблялся редко, хотя в русских источниках, документах он получил широкое хождение. В произведениях устного творчества, относящихся к этому периоду, мы, например, не встречаем слова «старшина». В них начальники подразделений родов называются «биями», «баями», «ру басы», «тоб басы», «ел басы», «аксакалами» и т. д. В фольклоре термин «старшина», хотя еще в единичных случаях, но уже начинает появляться с конца XVIII в. В официальной переписке он стал употребляться гораздо раньше.

Султаны не назывались «старшинами» даже тогда, когда они занимали должности менее значительные, чем старшинские или же бывали в той или иной степени подотчетны старшине. В этом отразилось, с одной стороны, то, что султаны продолжали составлять наиболее привилегированное в экономическом и политическом отношениях и наиболее сильное феодальное сословие, представители которого гнушались звания старшины. С другой стороны, царское правительство, наводнившее казахскую степь, «старшинами», имело в виду под этим названием в основном мелких местных начальников и поэтому оно султанов никогда не причисляло к старшинам.

Прежде чем перейти к характеристике института старшинства в интересующий нас период, следует сказать, что его значение не было одинаково в различных областях Казахстана. Во Внутренней орде каждый род делился на старшинства, которые совпадали с отделениями, подотделениями рода. Во главе старшинств стояли старшины, которые так именовались независимо от того, какие они имели звания (кроме султанов). Поскольку в местных органах управления были введены официальные государственные должности, то родовые бии оказались

не у дел и частью заняли, старшинские должности. Во Внутренней орде звание бия сохранилось лишь за отдельными управлявшими родами богатыми феодалами – судьями, утвержденными ханом.

Несколько иную картину мы наблюдаем в жизни Младшего жуза. Здесь, наоборот, старшинское звание не было в почете. Сплошь и рядом местные начальники носили бийские звания. Правда, встречаются среди них и старшины, но их в первой половине XIX в. было мало. Колониальные органы проводили в Младшем жузе несколько иную политику в смысле управления областью. Об этом свидетельствует деление прилинейной части жуза на дистанции, основанные на территориальном признаке, тогда как в других частях Казахстана отправным в административном устройстве был принцип родового расселения.

В Среднем жузе все должностные лица, не имевшие титула султанов и биев, назывались старшинами. Так, например, волостной управитель или глава рода мог быть султаном, бием и старшиной. Во главе большого аула – объединения нескольких хозяйственных небольших аулов стояли так называемые аульные старшины, в отличие от старшин вообще.

Унификация местного управления, распространение старшинского звания на всех местных начальников в Казахстане относится к началу второй половины XIX в.

В первой половине XIX в. по способу приобретения местной власти старшин можно разделить на две группы. Одна узурпировала власть на местах, в кочевых коллективах. Эти старшины не могли быть смещаемы ханами, центральной властью, хотя были им подотчетны. Другая группа назначалась сверху. Интересы управления диктовали необходимость усиления руководящей роли центральной власти на местах. Этого можно было достичь путем превращения самоявленных местных начальников в государственных чиновников. Такую политику настойчиво проводили колониальные органы. Там, где было возможно, местные старшины превращались в государственных старшин, однако в первой половине XIX в. этот процесс далеко еще не был завершен.

Часть старшин, причем наиболее многочисленная, была занята в аульном звене управления. Другая небольшая часть занимала посты вплоть до ханского советника, управляющего несколькими родами, или волостного начальника. К примеру, Западную часть Младшего жуза в основном населяли казахи из племени Байулы, которое состояло из 12 родов, 55 отделений, 94 подотделений и нескольких сот хозяйственных аулов.¹ Во главе большей части отделений, подотделе-

¹ *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. СПб, 1865, стр. 62.

ний и аулов, т. е. в системе административных аулов (употребляя выражение, принятое в Среднем жузе) стояли старшины, во главе родов и крупных отделений родов находились султаны и бии.

Бии и старшины всегда играли важную роль в истории Казахстана. Это и понятно, ибо в их руках находились бразды непосредственного управления в кочевых коллективах. Сила султанов, хотя они и составляли верхушку феодального класса, определялась тем, насколько крепок был их союз со знатью из карашы. В этой связи можно сослаться на такой поучительный пример. Ко времени смерти Абулхаира – хана Младшего жуза (1748 г.), пользовавшегося большим влиянием и в остальных районах Казахстана, его сын Иралы правил родом Кирей в Среднем жузе. Старшины этого рода не только отказали Иралы выдать ему убийцу его отца Барака, но и заявили, что они не гарантируют личной безопасности в дальнейшем ему самому. Султан Иралы вынужден был оставить управление родом.¹

Поскольку старшины являлись представителями местной власти и находились во главе кочевых коллективов, они, используя эту власть, захватили лучшие сенокосные угодья, урочища для зимования. Те пастбищные районы, которые эксплуатировались аульными общинами под руководством старшин, находились в неограниченном пользовании и распоряжении последних, правители родов определяли кочевой район для каждого старшинства. В свою очередь старшины определяли каждому хозяйству или группе хозяйств зимние и сенокосные места; остальная территория, как правило, поступала как бы в общее пользование. Старшины руководили использованием не только зимнего кочевья, но и общинной территории.

Во Внутренней орде хан Джангер в своих ярлыках прямо указывал, что такой-то участок земли отводится такому-то старшине для кочевания с подведомственными ему аулами. За использование и состояние пастбищного участка отвечало не отделение или подотделение рода, а отвечал старшина, стоявший во главе кочевого коллектива.

Таким образом, старшины владели основными условиями производства – пастбищами. Это право владения проявлялось в разных районах Казахстана в различных формах. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

Баян-Аульский округ Среднего жуза был весьма беден скотом. Многие казахи здесь занимались в дополнение к скотоводству земледелием, охотой и рыболовством. В 1857 г. местными органами власти были составлены списки населения округа с указанием количества и видов

¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и отношениях России со Средней Азией со времени кончины Абулхаира-хана. Т. I. Уфа, 1853, стр. 3.

скота для определения размеров обложения ясаком каждого хозяйства. Знакомство с этими списками показывает, что во многих хозяйствах, взятых на учет, не было лошадей. Молочным рогатым скотом владели также не все. На долю большинства хозяйств приходилось от одной до пяти коров в каждом. Экономическое положение старшинских хозяйств было здесь куда лучше. В таблице 19 приводится характеристика 57 хозяйств, принадлежавших аульным старшинам.¹

В среднем, в каждом старшинском хозяйстве имелось по 74 головы скота. Это, конечно, скромная цифра. А рядовые кочевники владели еще меньшим количеством скота. Так, например, в отделениях Джанан, Едилбай, Ерубай рода Кенжелы, находившихся в ведении старшины Сокурши, на каждое хозяйство в среднем приходилось 65 голов скота. Еще меньше было скота у казахов отделений Тулет-Джараспай, Баймурза-Жараспай, Дурбеул-Джаныбек рода Шуюншалы.

В группе хозяйств аульных старшин безлошадных хозяйств не было. В 30 из 57 хозяйств имелось от 3 до 10 лошадей в каждом. Одна пятая часть хозяйств располагала лошадьми в пределах от 11 до 30 голов. Из общей массы старшин выделяются 7 хозяйств, имевших каждое от 50 до 300 лошадей. Количество крупного рогатого скота у старшин было также невелико; 31 хозяйство, что составляет 55 проц. к общему числу хозяйств, имело от 3 до 10 коров. Около половины хозяйств вовсе не имели мелкого скота, что, конечно, довольно странно. Только 17 старшин из 57 имели более 50 баранов каждый.

Следует сказать, что сведения, на основании которых произведена нами группировка хозяйств, были составлены на местах русскими чиновниками и скреплены печатью биев и старшин, поэтому нет основания не верить этим сведениям, хотя они могли содержать отдельные неточности.

Из анализа хозяйств группы аульных старшин Баян-Аульского округа можно прийти к некоторым выводам.

1. Аульные старшины в этом округе в основной своей массе владели скотом в размерах, позволяющих покрывать лишь собственное потребление.

2. Несмотря на незначительное количество скота, находившегося в распоряжении аульных старшин указанного округа, все же они владели большим количеством скота, чем рядовые кочевники, которые находились под их властью.

Обратимся теперь к другому примеру, иллюстрирующему положение старшин в другом районе Казахстана. В 1860 г. старшины Ногаевской части Внутренней орды владели следующим количеством скота (табл. 11).²

¹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 2014, лл. 2-159.

² ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 74, лл. 22-131.

Здесь старшины, за отдельными исключениями, выступают в качестве крупных скотовладельцев. Старшина Б. Кучкинов, правивший отделением Жабар рода Ногай, являлся собственником 2650 голов скота, в том числе 900 лошадей. Старшина Бекбулатов, стоявший во главе 173 дворов отделения Суюнши рода Шеркеш, имел в своем хозяйстве 866 голов скота, в том числе 522 лошади. Наряду с этим были и малоскотные хозяйства, хотя таких хозяйств, как это видно из таблицы, насчитывалось немного.

Таблица 11

№ хозяйства	Старшины	Число голов скота				
		верблюды	лошади	крупн. рог. скот	мелкий скот	всего
1	Бекбаулин И.	20	400	40	60	520
2	Джумалнев Т.	7	100	8	150	265
3	Кучкинов Б.	20	900	30	1700	2650
4	Чукиев Н.	14	250	20	400	684
5	Дуспантаев Т.	8	50	20	80	158
6	Даулетбаев Б.	3	60	5	150	218
7	Куминов С.	6	80	7	200	293
8	Кунукбаев И.	3	40	10	130	183
9	Кульбаев Б.	—	10	5	50	65
10	Тюлегенов С.	2	25	4	33	64
11	Тлеуов Т.	8	60	20	60	148
12	Иртаев С.	10	100	40	350	500
13	Кенжебаев К.	2	7	—	20	29
14	Бекбулатов Ф.	20	522	14	310	866
15	Байтлеуов Х.	6	100	15	107	228
16	Баймуратов С.	3	10	5	50	68
17	Джанкаров А.	2	1	4	—	7
18	Табаков К.	4	31	5	70	110
19	Артыков М.	5	55	13	120	193
20	Алдабергенов Б.	8	105	15	300	428
21	Джанкарин А.	4	40	8	60	112

22	Джарасов Ю.	1	2	5	10	18
23	Джанибеков Ж.	1	90	10	100	201
24	Дуйсенов А.	2	100	12	140	254
25	Ермаков Я.	1	10	6	40	57
26	Кучукбаев И.	3	40	10	130	183
27	Кулов И.	—	14	5	40	59
28	Кулбеков И.	4	120	25	550	699
29	Тутеев А.	2	10	8	100	120

Старшин, у которых было бы меньше трех лошадей и верблюдов, не было. Основная масса хозяйств имела в своей собственности не менее 50, а треть всех хозяйств – не менее 100 лошадей каждое. Около половины старшинских хозяйств располагали каждое не менее 100 головами мелкого скота. Были и такие хозяйства, в которых бараны исчислялись тысячами. Если рассматривать старшинские хозяйства с точки зрения наличия у них всех видов скота, то видно, что в 21 хозяйстве из 29 было не менее 100 голов скота в каждом из них, а в 5 было более чем до 500 голов.

Как видим, это совершенно непохоже на положение старшин Баян-Аульского округа. Причина, разумеется, заключается в том, что здесь старшины возглавляли более крупные кочевые коллективы, чем в Среднем жузе, среди них немало было и бывших биев, лишившихся теперь этого звания. Кроме того, во Внутренней орде кочевое скотоводство еще держалось, хотя его развитие во многом было стеснено, а земледелие вовсе не было развито. Надо отметить также и то, что род Ногай был в свое время весьма богатым родом, пользовавшимся особым расположением хана.

Из анализа положения старшин Ногаевской части Внутренней орды можно сделать вывод о том, что старшины здесь являлись в своей массе средними и крупными скотовладельцами, одной из наиболее зажиточных групп в казахских аульных общинах.

Менее состоятельные старшины находились в вассальной зависимости от более крупных, влиятельных старшин и биев.

Отдельные слои старшин по-разному были связаны с населением. Аульные старшины, ведая делами 5-20 кибиток или 50-70 хозяйств (административные аулы), экономически и политически непосредственно были связаны с кочевыми коллективами. Здесь нужно учитывать реальные отношения, господствовавшие в то время в казахском обществе, в частности в аульных общинах. Аульным старшиной обычно выдвигался и назначался представитель наиболее влиятельного и

многочисленного семейства, составляющего нередко ядро данного кочевого коллектива. Другие члены аульной общины, с которыми старшина не состоял в семейном родстве, были связаны с влиятельным семейством родовой общностью, представления о которой занимали видное место в сознании народа. В составе аулов были выходцы и из других родов, которые, как и другие члены общины, были зависимы от господствующего внутри аула семейства и его главы. Исторически сложившийся аул был первичной хозяйственной ячейкой, имеющей единую пастбищную полосу, место стоянки в зимнее время и своего руководителя. Все это не могло не создать некоторой обособленности интересов у кочевых общин, а у членов общин – иллюзию общности задач и целей.

Этими моментами объясняются относительная стабильность власти аульных старшин и своеобразие форм выражения протеста рядовых крестьян против их произвола.

Поскольку аулы входили в состав более крупных родовых подразделений, аульные старшины считались непосредственными вассалами знати, осуществлявшей руководство этими коллективами. Они не только исполняли ее указания, но и в свою очередь оказывали серьезное влияние на своих сюзеренов. При проявлении крайней несправедливости и произвола со стороны крупных феодалов по требованию трудящейся массы кочевых коллективов старшины иногда во главе общин откочевывали из владений этих феодалов. Вот почему ханы, а затем царское правительство потратили немало усилий для того, чтобы превратить аульных старшин в послушных исполнителей их указаний.

Внутрифеодалная борьба, то утихающая, то разгорающаяся с новой силой, вовлекала в ряды борющихся и старшин. Старшины не раз выражали протест против притеснений султанов и тесно примыкавших к ним биев. Нельзя не отметить и того, что в связи с изменившейся ролью султанско-бийской системы управления, пользуясь определенной поддержкой колониальных органов, ряды старшин укреплялись – они наряду с биями стали претендовать на значительную роль не только в экономической, но и политической жизни общества.

Сложность отношений, в которых находились старшины, была причиной того, что они в истории казахского общества выступали не только как представители знати, эксплуатировавшие трудящихся, но и в определенные периоды, когда затрагивались их личные интересы и интересы общин, которыми они руководили, выступали участниками освободительной борьбы трудящихся и иногда возглавляли ее (Срымбатыр, Исатай и др.).

лись наследственными званиями. Бии, батыры, старшины и аксакалы в основной массе являлись выходцами из среды баев. Они являлись как бы представителями байства в органах власти и управления. Если, скажем, во главе исторически сложившегося аула (5-20 кибиток) или административного аула (50-70 кибиток) находился один аксакал или аульский старшина, то внутри аула могло быть несколько байских дворов, которые, независимо от того, состояли ли они в семейном родстве со старшиной или нет, оказывали серьезное влияние на направление деятельности последнего. Аульские старшины, которые сами выходили из среды баев и хорошо знали интересы этой социальной группы, не могли не быть проводниками этих интересов.

Как известно, крестьянство как класс неоднородно. Оно подвержено влиянию различных факторов, в результате которых в его рядах постоянно идет процесс расслоения. Одна часть крестьян, разорившись, превращается в сельских пролетариев, а другая, обогащаясь, вливается в ряды зажиточных слоев общества или, в данном случае, в ряды байства.

Какова экономическая и социальная природа байства? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к фактам, к их анализу, т. е. выяснить, в каких отношениях находилась эта социальная группа к основным средствам производства – к земле (пастбищу), к скоту, а также какое место она занимала в системе общественного производства.

При решении этого вопроса возникают серьезные трудности источниковедческого порядка. В первой половине XIX в. казахи не имели своей письменности. Делопроизводство, за исключением органов колониального управления, почти полностью отсутствовало. Поэтому сведения, которыми нам приходится пользоваться, в основной массе получены от вторых и третьих рук.

В нашем распоряжении имеются только некоторые статистические данные о численности скота, находящегося в собственности тех или иных хозяйств, сведения, служившие в свое время основанием для органов власти при исчислении сборов с населения. Какими-либо данными о землевладении, о взаимных отношениях членов кочевых коллективов между собою мы не располагаем. При критическом и осторожном обращении эти и другие документы могут в известной мере восполнить пробел, связанный с недостатком источников.

Данные этих документов характеризуют размеры скотовладения в хозяйствах, составляющих тайфу Томаш-Ерназар рода Берш из Внутренней казахской орды (1840 г.).¹

Сгруппировав эти хозяйства, получаем данные. Из этого видно, что

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 112, лл. 52-53.

во владении каждого из 20 хозяйств находится не менее 50 голов крупного скота, что составляет при переводе на мелкий скот по меньшей мере 500-600 баранов. При этом в собственности хозяйств №№ 1, И, 23, 27 имеются соответственно 264, 558, 331 и 381 голов всех видов скота или в переводе на баранов не менее 1540, 1080, 1150 и 1470 голов. Такие хозяйства могли обслуживаться только с помощью дополнительных рабочих рук и ведение их немислимо без фактического распоряжения (независимо от общественной формы присвоения) значительными пастбищными угодьями. Мы можем без колебаний считать эти семьи байскими. Обыкновенно главы таких семей руководили аулами или фактически ведали делами аулов, даже не находясь во главе их.

Таблица 12

Группы хозяйств (по числу голов скота)	Колич. хозяйств, владеющих скотом (по видам скота)				
	лошади и вер- блюды	крупн. рог. скот	круп- ный скот вообще	мелкий скот	в переводе на крупн. скот
Имеют до 10 голов	23	59	8	4	6
11 – 20	20	15	27	5	17
21 – 30	12	–	11	12	14
31 – 50	10	–	15	12	17
51 – 70	5	–	8	15	9
71 – 100	2	–	3	4	7
101 – 200	2	–	2	17	4
201 – 300	–	–	–	3	–
301 – 400	–	–	–	–	–
401 – 500	–	–	–	2	–
501 и более	–	–	–	–	–

Что касается средних скотовладельцев, которые имели от 11 до 30 верблюдов и лошадей, 5-10 голов крупного рогатого скота и до 100 баранов (таких 42), то их нельзя, только исходя из этих показателей, относить к баям. В районах преобладающего скотоводства, каким являлась Внутренняя орда, среднесостоятельные, более или менее

обеспеченные крестьянские хозяйства, основанные на личном труде, вполне могли располагать таким количеством скота.

В числе приведенных выше кочевых хозяйств нет таких, которые бы возглавлялись представителями титулованной знати. Тем не менее, как мы убедились, среди них встречается немало богатых семей, экономически господствующих внутри кочевых коллективов. Такие семьи и являлись наиболее массовой социальной опорой крупных феодалов – ханов, султанов, биев и старшин. В каждом кочевом коллективе в большинстве случаев можно встретить байские семьи, выросшие из недр этих коллективов, но еще не оторвавшиеся от них. Вокруг байского хозяйства сосредоточивались разорившиеся одноаульцы, доставлявшие даровую рабочую силу. Они работали на баев нередко только за то, чтобы получить разрешение кочевать с ними вместе, пользоваться их помощью во время кочевки и остатками пищи с хозяйского стола. У баев были и жалшы – наемные работники, в основном пришельцы из других родов.

Баи в годы, когда не угрожали набеги врагов, стремились кочевать отдельно от массы кочевников-скотоводов, составлявших кочевой коллектив. Вместе со своими ближайшими родственниками и работниками, занятыми в байском хозяйстве, в составе нескольких кибиток баи совершали параллельную кочевку, несколько в стороне от основного ядра кочевого аула. При этом лучшие оазисные участки с обильными пастбищами и водопоем оказывались в ведении байских аулов, порою выделяющихся из общей массы рядовых крестьян. В период военной опасности, а также тогда, когда освоение пастбищного пространства было сопряжено с применением трудовых затрат большого коллектива, они кочевали в составе кочевого аула, частью которого являлись.

Рядовые кочевники, экономически зависимые от баев, наряду с барщинным трудом (жылу, комек и др.) отбывали и натуральную повинность, прикрытую патриархальным нарядом. Вообще патриархальные формы угнетения трудящихся были особенно характерны в байских хозяйствах. Этим объясняется, почему до поры до времени острие классовых выступлений казахских кочевников не было направлено непосредственно против баев.

Развитие товарно-денежных отношений в казахской степи приводит к проникновению их в байские хозяйства. Некоторые баи становятся активными участниками торговых операций. Закупая скот, скотоводческую продукцию по низким ценам, баи перепродавали их на линии, наживая барыши. Располагая оборотными средствами, они оптом закупали в городах промышленные товары и реализовали их по высоким ценам в розницу. Внутри казахских аулов заключение

торговых сделок не было характерно. В товарно-денежные отношения в этот период была вовлечена лишь незначительная часть байства, в основном расположенная своими кочевьями недалеко от городов и торговых центров на линии.

О социальной природе и облике баев достаточно ясно говорят народные пословицы: «Ескі бай аяншақ келер, жаңа бай мақтаншақ келер» («Старый бай жаден, новый бай хвастлив»), «Бай бауырын танымас» («Бай не признает своих родных»), «Бай – балпаң, жарлы – калтаң» («Бай – богат, а бедняк еле сводит концы с концами»).

В большинстве народных сказаний, в пословицах баи рисуются тупыми, алчными, невежественными, распушенными, трусливыми. Им противопоставляются кедей – бедные, но находчивые, остроумные, смекалистые работники. В спорах и состязаниях победа всегда оказывалась на стороне кедеев. В этом отразились в известной степени ненависть и презрение народа к баям и сочувствие к крестьянам-беднякам.

Духовенство

Исламская религия имела весьма незначительное распространение в Казахстане, гораздо меньше, чем в среднеазиатских ханствах. Это объяснялось многими причинами. Отдаленность от центров ислама, кочевой образ жизни народа, отсутствие на территории Казахстана крупных городов – вот некоторые из этих причин. Как известно, мусульманство было идеологией феодалов, если казахские феодалы слабо использовали в своих интересах ислам, то это объясняется тем, что патриархальная идеология, имевшая значительную силу в казахском обществе, пока еще в достаточной степени обеспечивала эти интересы. При существующих условиях и не было особой надобности насаждать вторую, чуждую обществу идеологию – без особой необходимости ничто в истории не совершается.

К началу XIX в. господствующей формой религии в обществе оставался шаманизм. Усилия среднеазиатских ханств, предпринятые ими в целях насаждения ислама среди казахов южных областей, а также некоторый интерес, проявленный в свое время царским правительством к распространению ислама среди казахов, не привели к перевороту в идеологии. В системе двоеверия ислам не занял доминирующего положения.

Известный казахский ученый и просветитель Чокан Валиханов указывал, что «мусульманство среди народа неграмотного, без мулл, не могло укорениться, оно оставалось звуком, фразой, под которыми

скрывались прежние шаманские понятия»¹. Н. Рычков, долгое время изучавший жизнь и быт казахов Малой орды, писал (1772 г.), что им неизвестны духовные обряды и что они не имеют своих священников². П. Паллас, побывавший в Малой орде в конце 60-х годов XVIII в., отметил, что казахи об исламе и его законах «весьма темное имеют понятие, потому что у них очень мало магометанских духовных. Ныне в их орде находится Ахун или главный поп, который обыкновенно с ханом кочует»³. Положение мало изменилось и в последующие годы. В 60-х годах XIX в. в Малой орде еще не было мечети, а число мулл оставалось совершенно незначительным⁴. Казахи поклонялись духам усопших («эулие»), верили предсказаниям разного рода знахарей и колдунов – «жауырыншы», «ырымшы», «баксы» и т. д.⁵ В качестве верховного существа почитали «кок танри» и «Аллаха». Преклонение перед силами природы было больше распространено, чем перед единым «всемогущим аллахом». Один из очевидцев отмечал, что кочевники казахи «благотворят видимые предметы из мира вещественного. Огромное, стоящее уединенно в степи дерево, гигантский камень... вызывают в кочевнике чувство поклонения. Ни один киргиз не проедет мимо их, не слезши с коня и не совершивши намаза (молитву), причем в жертву обитающему здесь духу он оставит лоскут одежды или клочок конских волос».⁶

В общественной жизни шаманизм также имел большее значение, чем ислам. Так, например, для тяжущихся сторон на судебном процессе, при принятии присяги, символические приемы, связанные с представлениями старой религии (обход могилы предков, целование дула ружья и т. п.) имели гораздо большую силу и значимость, нежели присяга на коране.

О том, что казахи были весьма неважными магометанами, а коран казался некоторым из них книгой непонятной и даже подозрительной, свидетельствует такой характерный случай. В 1830 г. троицкий татарин Баязит, ездивший по торговым делам; к казахам Аргынского рода Тургайской области, остался у них зимовать. Он оказался религиозным человеком. Однажды, когда он читал коран, хозяева дома и другие казахи попросили его прекратить непонятное им чтение. Увидев, что

¹ *Валиханов Ч.* Сочинения. СПб, 1904, стр. 9.

² *Рычков Н.* Дневные записки. СПб, 1772, стр. 26.

³ *Паллас С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. I. СПб, 1773, стр. 575.

⁴ *Мейер Л.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 229.

⁵ *Харузин Л.* Киргизы Внутренней орды. Вып. I. М., 1889, стр. 96.

⁶ *Завадский А.К.* Русское царство, Приаральский край. СПб, 1874, стр. 16.

татарин продолжает читать, казахи, собравшись со всего аула, врываются в юрту, где сидел поклонник корана, «забирают все книги и коран и прямо кидают их в огонь, потом добираются уже до самого татарина. Но он видел, что дело серьезное, начал плакать и просить извинить его от смерти, говоря, что он потом не будет читать даже и молитву»¹.

В Казахстане (кроме южных районов) господствовало пренебрежительное отношение к духовным лицам. Лишь немногие казахи прибегали к их услугам.² Это отразилось в народных пословицах: «Бесовестный мулла может обобрать глупый народ», «Мулла читает, что видит, ворон клюет, что видит», «Звать на молитвы – дело муллы».

Особая правительственная комиссия, снаряженная в Казахстан для изучения и составления проекта нового административного устройства края, в начале 60-х годов XIX в. побывав в Семипалатинской области, отметила, что со стороны мулл были жалобы на коренное население (казахов), которое не исполняет обрядов религии «в особенности при совершении браков и погребении умерших»³. Р. Карутц, побывавший среди казахов в начале XX в., передает, что в народе живут прибаутки, свидетельствующие о пренебрежительном отношении к наставлениям корана.⁴

В XIX в. влияние ислама в казахском обществе заметно усиливается. Особенно это относится к населению южных районов Казахстана, оказавшихся под властью Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств. Среднеазиатское духовенство, наводняя казахские аулы проповедниками ислама, загоняя народ, иногда силой оружия, на религиозные сборища, преследовало двоякую цель: во-первых, удержать казахов в безропотном повиновении и, во-вторых, под флагом единства веры восстановить их против русского проникновения в Среднюю Азию, а в случае необходимости – призвать к открытой борьбе с ним. Казахское население не раз изгоняло из своей среды мусульманских миссионеров, а откочевками в другие места выражало свое возмущение подобными мероприятиями ханств. Однако политика исламизации не могла не привести к определенным результатам. Немаловажное значение в этом также имела политика русского государства.

Царское правительство стремилось использовать ислам для ду-

¹ Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда, Тургайской области. Записки Оренбургского отделения ИРГО. Оренбург, 1881, вып. IV. До 1840 г. «примерно из ста совершеннолетних людей обоего пола исполнением пятикратных намазов (молитвы) занимался только один» (там же, стр. 115).

² Ибрагимов И. Описание киргиз-кайсаков. Журн. «Древняя и новая Россия», 1876, т. III, стр. 53-54.

³ ЦГИА КазССР, ф. 1, оп. 1, л. 10, л. ПО.

⁴ Карутц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке.

ховного порабощения казахского народа. Поэтому оно ввело так называемых «указных» мулл. А. Левшин в начале второй четверти XIX в. писал: «Число усердных мусульман так редко в сем народе, что исланизм совсем бы мог в нем угаснуть, если бы не поддерживали оно духовные, часто приезжающие из Бухары, Хивы, Туркестана, и муллы, определяемые Российским правительством к ханам и родоначальникам для исправления при них должности письмоводителей».¹

Духовенство в Казахстане состояло из ходжей и мулл. Ходжи представляли аристократическую верхушку духовенства. Они находились вне родов, не входили в казахскую общину. В начале второй четверти XIX в. ходжи создали во Внутренней орде особый род ходжей. Но это не был обычный род. Его члены не были связаны совместным кочеванием или территориальным единством. Скорее всего он напоминал сословное самоуправление наподобие султанского рода.

Ходжи относили себя в разряд знати «святой кости» и претендовали на такое же общественное признание, как султан. По утверждениям некоторых авторов, ходжи ведут свое происхождение от магометанского правоведа по имени Ходжа.² По сообщению священника Сотникова³, сами казахи разделяли в то время ходжей на две группы. Одна группа ведет свое начало от Азрет-Али, который был женат на дочери Магомета – Фатиме. Происходящие от этой ветви ходжи назывались сеит-ходжами, представителями «святой кости». Другая группа происходила от разных родоначальников религиозных общин: Азрет-Аббакир-Сатдина, Азрет-Умира, Азрет-Усмана и Азрет-Узбека.

Они назывались просто ходжами. По мнению Г. Загряжского⁴, ходжи происходят от исхабов, первых последователей Магомета, Броневский⁵ считает, что они последователи и потомки Магомета. Напротив, академик Бартольд называет ходжей мнимым потомками пророка⁶.

Как видно, о происхождении ходжей имеются в исторической литературе разные утверждения. Ясно лишь то, что ходжи возникли не на местной почве, – в Казахстан они пришли с юга.

Не вызывает сомнения и то, что они были представителями аристократической верхушки духовенства в Средней Азии. Вместе с тем сле-

¹ *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, Ч. III. СПб, 1832, стр. 55.

² *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. «Современник», 1851, № 10, стр. 65.

³ Журн. «Православное обозрение», 1872, кн. 5

⁴ *Загряжский Г.* Юридический обычай киргиз. Материалы для статистики Туркестанского края. СПб, 1876, стр. 153.

⁵ *Бройевский.* О киргиз-кайсаках Средней орды. Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 93.

⁶ *Бартольд В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 103.

дует отметить, что под влиянием среднеазиатского духовенства некоторые представители казахского духовенства присваивали себе звания ходжей под видом того, что они происходят от «лиц, почитающихся в народе «аулие», т. е. священными по смерти. Среди казахов, живших по соседству с таджиками, были свои ходжи, которые утверждали, что они происходят от казахов и являются потомками святого Аулие-Ата, могила которого находилась в гор. Аулие-Ата¹.

Политическое, общественное значение ходжей было особенно значительным в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах. Они в этих государствах не только пользовались большим влиянием, но и занимали политически господствующее положение. О значении ходжей в узбекском обществе можно судить по тому, что ханы были обязаны брать в жены дочерей ходжей, чтобы их потомки – будущие государи – могли именоваться «сеидами». В XIX в. в названных трех ханствах многие государи носили титул ходжей-сеидов.

В Казахстане ходжи не сложились в влиятельную в политическом отношении феодальную прослойку. Ходжи выступали на общественной арене в союзе с другими влиятельными феодальными группами, чаще всего с султанами, в покровительстве которых они нуждались. «Ходжы наживают в короткое время целое состояние писал М. Красовский, – чем помогает им не молва о святой и жизни, не ум или умение решать спорные вопросы на основании корана, но единственно поддержка со стороны старших или особенно влиятельных султанов, под протекцией которых они и берут громадную дань с народа».²

Значительным влиянием ходжи пользовались в Букеевской орде. Они здесь так же, как и султаны, являлись собственниками значительного количества скота и пастбищных угодий, освобождались от податей и телесного наказания, подлежали только суду султанов и хана. Они делились, как и кочевники, на родовые Группы и старшинства (Мурза-ходжа, Кедей-ходжа, Керей-ходжа). Во главе ходжей в орде стоял старший ходжа, меньшими группами ходжей руководили старшины из ходжей.

Такое положение является свидетельством того, что ходжи пытались упрочить свои ряды, создать в некоторой степени замкнутую организацию, хотя все это не могло увенчаться в тот период успехом.

В других жузах Казахстана ходжи не сложились в особые роды и старшинства, не создавали своих сословных органов управления, были малочисленны и рассеяны по степи.

¹ Гребенкина А.Д. Таджики. Сб. «Русский Туркестан». Вып. 2. М., 1872, стр. 118.

² Красовский М. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. Ч. II. СПб, 1868, стр. 451.

Об экономическом положении ходжей можно судить по следующим сравнительным данным. В начале второй половины XIX в., кочевавшие в Восточной части Внутренней орды группы султанов, ходжей и тюленгутов владели следующим количеством скота (табл. 12).¹

Таблица 13

	На каждую семью в сред. приходилось скота					
	число семей	вер- блю- дов	лоша- дей	крупн. рогат. скот	мел- кий скот	всех видов скота
Султаны	82	10	129	13	211	366
Ходжи из рода «Мурза-Ходжа»	86	4,5	13,5	7,5	49	74,5
Ходжи из рода «Кедей-ходжа»	99	3	5,4	5	53,5	67
Среди них тюленгуты	17	2,9	3,8	4,6	50	61,3

Как видно из данной таблицы, султаны были гораздо богаче ходжей. В свою очередь ходжи по количеству скота несколько превосходили тюленгутов. Следует учесть, что тюленгуты, составлявшие в прошлом личное окружение султанов и теперь отделившиеся от них, но продолжавшие кочевать вместе со своими бывшими хозяевами, были значительно зажиточнее рядовых кочевников-крестьян.

Ходжи и муллы в Казахстане, как бы они ни были богаты, не старались иметь многочисленные стада, поскольку они полностью кормились за счет народа. Другую группу духовенства составляли муллы. В Казахстане муллой именовался каждый, сколько-нибудь знающий татарскую грамоту и выдержки из корана и могущий руководить отправление религиозных обрядов.

До XIX в. мулл в Казахстане было немного. Благодаря стараниям царского правительства, насаждавшего среди казахов казанских татар-мулл, а также благодаря соперничеству Хивинского и Кокандского ханств с Россией и их стремлению проводить антироссийскую агитацию, используя религиозное чувство народа, число мулл в Казахстане, начиная с XIX в. быстро возрастает. Казахские ханы и султаны, почувствовавшие неустойчивость своего политического положения,

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 74, лл. 137-151.

нередко обращались к услугам духовенства, чтобы совместными усилиями держать в узде народ.

Однако муллы в Казахстане никогда не играли такой роли, как в среднеазиатских ханствах. Больше того, они находились в подчиненном положении у светских феодалов, жили при их дворе, кормились у них и получали жалованье. Политику духовного порабощения народа они проводили, опираясь на поддержку светских феодалов. «Каждый почти зажиточный киргиз, – сообщает Б. Юзефович, – имеет в числе своих домочадцев муллу для молитв и обучения детей татарской грамоте и корану. Муллою у них считается всякий грамотный и знающий коран. Муллы эти иногда получают жалованье от хозяина аула, в котором они проживают, большею частью они просто живут на положении нахлебников – едят, пьют за счет хозяина аула и пользуются помещением в которой-нибудь из его кибиток. Некоторые из них занимаются ремеслами или мелочной торговлей».¹

Муллы – проповедники реакционной мусульманской религиозной идеологии – в большинстве своем являлись шарлатанами и большими невеждами. Пользуясь культурной и политической отсталостью казахского общества, в целях наживы весьма далекие от религии лица выдавали себя за святых избранников аллаха, хотя многие из них в лучшем случае знали знаки арабской письменности и отдельные догмы корана. Они пристранивались к аулам богатых, «учили» детей грамоте, совершали некоторые молитвенные обряды. Муллы постепенно стали участвовать в рассмотрении споров и жалоб в области семейно-брачных и имущественных отношений. Со временем они начали обзаводиться личным хозяйством, скотом и землей. Однако и после этого в политической жизни общества представители духовенства, в том числе и муллы, не имели серьезного веса.

В южных областях Казахстана духовенство сумело частично захватить судебские функции.

Наряду с бийскими судами, основанными на обычном праве казахов, существовали суды казиев, организованные по догмам корана. В духовных судах процветали взяточничество, мошенничество, пытки, лжесвидетельства и другие самые бессовестные и бесчеловечные формы глумления над личностью и правами тяжущихся. Один из дореволюционных авторов справедливо указывал, что на таком суде в громадном большинстве случаев «правым оказывался тот, кто имел или сильных покровителей, или мог дать достаточную взятку..»

Были, конечно, исключения; среди казиев были люди правды, законности и нелюбостяжения; но, во-первых, их было сравнительно

¹ Юзефович Б. О быте киргизов Тургайской области. «Русский вестник». 1880. № 4, стр. 831.

мало, а, во-вторых, значительный процент этих праведников в свое время погиб от ножа или яда убийц, подсылавшихся ханами, хакимами и беками, которым мешали, становились на пути эти хранители ортодоксальной чистоты мусульманского права».¹ Нормы шариата сами по себе были глубоко реакционными. Если добавить к этому разгул беззакония и произвол судей, то станет вполне ясной антинародная эксплуататорская природа судов казиев.

Эти суды не распространились дальше южных областей Казахстана. С продвижением России на юг и присоединением к ней среднеазиатских ханств значение духовных судов серьезно пало.

По степени распространенности ислама Букеевская орда уже в первой половине XIX в. выделилась среди других районов Казахстана. Проникновение ислама особенно усилилось со времени хана Джангера. Последний рассчитывал укрепить свою власть, опираясь на помощь ислама. Энергичный и властный правитель, хан Джангер в течение короткого времени превратил ислам в орудие духовного воздействия на массы. Ислам как феодальная религия воспитывал трудящиеся массы в покорности ханам, султанам, ходжам, приучал верующих регулярно платить зекет, нести исправно повинности, слушаться своих хозяев. Джангер пригласил в Орду несколько известных татарских мулл, командировал несколько человек для обучения в медресе в Астрахань, Казань и среднеазиатские ханства. В Букеевской орде мусульманская феодальная знать – ходжи – консолидировалась и составила один влиятельный род. Со временем ходжи начали претендовать на уравнение в правах с султанами, а муллы стали приобретать некоторую власть над населением. В насаждении ислама среди казахов Джангер не останавливался даже перед применением грубого насилия по отношению к населению.

Достаточно сказать, что во время ярмарки, когда массы казахов собирались в Ханской ставке, несколько конных джигитов нагайками загоняли людей в мечеть, чтобы научить их молиться Аллаху. К 1850 г. создалось такое положение, что каждый род, каждое более или менее значительное отделение уже имели своего духовного наставника – муллу. Если в первой четверти XIX в. в орде было всего около 15 мулл из татар², то к середине века число только официальных мулл в орде достигло: по Бларамбергу (1848 г.)³ – 120, по Евреинову (1851 г.)⁴ – 126, по Терещенко(1853

¹ *Наливкин В.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр. 20.

² *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. «Современник», 1851, № 10, стр. 71.

³ *Бларамберг.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIV, ч. III. СПб, 1848, стр. 16.

⁴ *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргиз-казачья орда. «Современник» 1851, № 10, стр. 73.

г.)¹ – 139. Эти представители исламского духовенства не были уже, как прежде, «самозванцами» или людьми «свободной профессии». Они предварительно проходили проверку у хана, получали соответствующие указания относительно своей дальнейшей деятельности и назначались ханом в качестве указных мулл в определенный род или отделение. Каждый из них получал особое ханское предписание, называемое, «указом» или «открытым приказом», где определялись обязанности муллы по отношению к населению и по отношению к ханской власти.

При хане находились подчиненные ему ахун орды, казы и муллы. Они содержались за счет приношений населения, за счет ханских пособий, т.е. официально состояли должностными лицами. Указные муллы, рассеянные по орде, находились в ведении ахуна. В свою очередь ахун Букеевской орды утверждался по представлению хана оренбургским ахуном. Постепенно складывалась более или менее стройная духовная организация. Хан непосредственно направлял деятельность духовенства.

Иногда муллы выполняли поручения, совершенно не связанные с их профессией. Так, например, хан Джангер назначил указного муллу Нургазаева представителем в гор. Астрахани на Калмыцком базаре, со стороны киргизской в продаже разных сортов скота и киргизского изделия.²

Подобное явление объясняется не только приматом ханской власти перед духовной, но и подчиненным положением духовных лиц, находившихся на правах ханских чиновников.

Нередко муллы владели лучшими пастбищными и сенокосными земельными угодьями, а также скотом в гораздо больших размерах, чем среднесостоятельный кочевник-скотовод. Это видно из данных нижеследующей таблицы.³

Таблица 14

Муллы	Число голов скота			
	верблюды	лошади	крупн. рог. скот	мелкий скот
Джанибеков С.	5	35	15	
Исаков Т.	9	90	11	250

¹ Терещенко А. Следы Дешт-кыпчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда. Журн. «Москвитянин», 1853, № 22, т. VI, стр. 66.

² Аспандиаров Б. Кандидатская диссертация «Возникновение Букеевской орды и ее ликвидация», стр. 122. Москва. Фонд диссертаций Гос. публ. библиотеки имени Ленина.

³ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 74, лл. 24, 28, 29, 76, 80, 94.

Габдулмендинов Д.	6	10	4	70
Пайзин А.	4	2	6	70
Балтабаев	12	230	55	350
Казбеков А.	2	4	7	20
Мурзаков Н.	4	2	15	60

Все муллы, указанные в таблице, – из различных родов. У всех у них было довольно много скота, а такие муллы, как Балтабаев и Исаков, по численности скота не уступали иному бию или баю.

После отмены ханской власти в орде, т. е. по смерти хана Джангера, значение духовенства здесь резко падает. Исламизация общества в известной степени укрепляла позиции среднеазиатских ханств, соперничавших с Россией. Это вскоре поняло царское правительство и оно стало пересматривать свою прежнюю политику поощрения мусульманства в Казахстане. Начиная со второй четверти прошлого столетия, правительство проводит меры по ограничению деятельности мулл, запрещает выходцам из среднеазиатских ханств, а также прежде обучавшимся там духовным лицам переселяться в казахские степи. В 1843 г. некий Тлеуов из рода Ногай во Внутренней орде, после четырнадцатилетнего пребывания в Бухаре, куда он был командирован Джангер-ханом для прохождения курса религиозного обучения, попытался вернуться в Казахстан, но ему было предложено пограничными органами покинуть пределы Казахстана, так как даже подданным России, получившим духовные звания в среднеазиатских ханствах, въезд в Казахстан запрещался.¹ Начиная со второй половины XIX в., перестали назначаться указные муллы. Один из чиновников писал во второй половине XIX в.: «В настоящее время наше правительство не заботится ни о назначении мулл, ни о постройке мечетей для киргизов; всякий мало-мальский грамотный человек может быть муллою... похороны бедных совершаются поневоле без мулл, потому что от бедных поживиться нечем».²

Муллы представляли из себя наиболее многочисленную ненасытную группу духовенства, открыто грабившую народ, не порвавший еще с патриархально-феодальными отношениями. Духовные лица пользовались правом собирания с населения «подарков» – пожертвованных аллаху. Настоятель мечети при Ханской ставке и глава священнослужителей во Внутренней орде – ахун от таких сборов еже-

¹ ЦИИЛ КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 5472, л. 14.

² Костенко Л. Туркестанский край. Т. 1. СПб, 1880, стр. 348.

годно имел дохода до 4000 руб. ассигнациями.¹ Во время исполнения религиозных обрядов среди верующих ходжи и муллы собирали «добровольные приношения». Эти «добровольные приношения» освящались адатом и фактически носили обязательный характер. Так, согласно обычному праву казахов, за совершение обрезания мальчика духовное лицо получало «подарок», состоящий из халата, лошади или одного барана; за исполнение погребального обряда – кошму или ковер и т. д. В действительности они вымогали в несколько раз больше «подарков».

Характерен в этом отношении случай, описанный И. Ибрагимовым. В 1858 г. в Западно-Сибирской степи состоялось погребение зажиточного казаха Бугембая. Согласно корану, в рай может попасть только тот, кто регулярно выполнял духовные предписания. Родственники умершего после предварительных процедур принялись «освободить» покойного от грехов. Для этого подвели к нему с правой стороны верблюда и через труп перекинули повод узды мулле, сидевшему с левой стороны трупа. Затем муллу спросили: «Берешь ли грехи усопшего за неисполнение им 5-кратного моления?». Мулла три раза ответил «беру» и получил за это верблюда. Такой же обряд был повторен несколько раз с лошадью, быком и бараном – по числу грехов покойника (не соблюдал «ураза», не ездил в Мекку и т. д.).

Как и первый раз, животные переходили в собственность муллы. Но дело этим не ограничилось. Перед погребением мулла обратил внимание родственников покойного на еще одно важное «препятствие» к посмертному благополучию умершего. Оказалось, что усопший при жизни не выучил нужную молитву, незнание которой, по корану, могло привести его прямо в ад. Родственники, посоветовавшись, решили спустить муллу вместе с покойником в могилу, чтобы он там произнес за умершего последнюю молитву. Так и было сделано. Оставив муллу в незакрытой могиле, участники похорон удалились на 40 шагов от нее. Но не вполне доверяя при этом мулле, они оставили около могилы мальчика (поскольку свободный от греха ребенок может быть свидетелем этой процедуры). Хитрый мулла, сидя в могиле, принялся кричать на разные голоса, была слышна какая-то возня. Услышав крики, мальчик бросился к оставившим его у могилы людям и сообщил им, что в могиле идет какая-то борьба. Через некоторое время из могилы вышел сам мулла и передал, что он своими молитвами, в упорной борьбе с нечистой силой отстоял перед ангелами Бугембая и помог ему отправиться в рай. «Последний так был благодарен мне, – сказал мулла, – что, со слезами прощаясь со мною, просил меня

¹ *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 251.

именем бога непременно жениться на его «токал (младшая жена) и принять все его достояние. Вам, – прибавил мулла, обращаясь к слушавшей его толпе, – Бугембай посылает задушевный привет».

Автор говорит, что «загробная воля» Бугембая впоследствии была выполнена.¹ Этот случай со всей отчетливостью показывает, как, используя заботность и невежество народа, муллы обирали и грабили верующих.

Тот же автор в другом месте сообщает, что в 1869 г. во время аса (поминок) у богатого казаха Чальдика прибывшие сюда муллы за короткое время собрали много скота, раздавая собравшимся казахам свои талисманы.² В Букеевской орде за каждый клочок «святого писания» мулла обычно получал двух баранов.³

Путем различных поборов с народа представители духовенства сколачивали крупные богатства.

Злоупотребления мусульманского духовенства вызывали среди казахского народа недовольство и возмущение, которые нередко выражались в жалобах на тех или иных служителей духовенства.

Так, например, казахи отделения Даушар рода Байбакты в жалобе, поданной Временному совету по управлению Внутренней ордой, перечисляли злоупотребления указного муллы Ж. Кунабаева: обещал произвести молитву во время венчания дочери Шокана, получил 4 руб. и обманул; от Кожамурата, когда он находился в ссоре с Токаном, получил несколько голов крупного рогатого скота и до сих пор не возвращает; вмешавшись в тяжбу Кармыса Босманова, получил 6 руб. и одного барана и до конца дела не довел и т. д.⁴ В 1859 г. была подана жалоба на злоупотребления другого указного муллы этого же рода К. Исамова.⁵

Трудящиеся нередко отказывались выполнять указания духовных лиц. В 1852 г. ахун соборной мечети в Ханской ставке жаловался в правительственные органы, что его распоряжения не выполняются казахами рода Байбакты.⁶

Ислам в Казахстане отравлял мистическими представлениями сознание трудящихся масс, уводил их от действительности, ослаблял их волю в борьбе за лучшую жизнь. В этом состояла его реакционная сущность и реакционная роль его проповедников-ходжей и мулл в казахской степи.

¹ *Ибрагимов И.* Описание киргиз-кайсаков. Журн. «Древняя и новая Россия», 1876, т. III, стр. 61-63.

² Там же, стр. 53-54.

³ *Бабаджанов С.* Заметки киргиза о киргизах. Журн. «Северная пчела», 1881, №4.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 719, л. 3.

⁵ Там же, д. 2, л. 59.

⁶ Там же, д. 1053, лл. 5-6.

КЛАСС НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ
ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Жай-шаруа

Феодалные производственные отношения основаны на труде относительно самостоятельных в своей экономике непосредственных производителей. В земледельческих обществах крестьяне имеют свой земельный участок: хозяйственный инвентарь, жилую постройку, т. е. то, что делало их экономически независимыми. В кочевых обществах, в частности в условиях Казахстана, основная масса непосредственных производителей владела скотом в размерах, достаточных для покрытия минимума жизненных потребностей семьи, для осуществления хозяйством простого воспроизводства. Основная масса населения, состоявшая из кочевников-скотоводов, обходящихся в своих хозяйствах личным трудом, называлась «шаруа». Шаруа делились на жай-шаруа, то есть рядовых, более или менее экономически обеспеченных и самостоятельных крестьян, и кедеев-шаруа (кеден, жарлы) – менее обеспеченных крестьян, нередко вынужденных прибегать к чужой экономической помощи.

Основным признаком жай-шаруа, наиболее массовой категории зависимого крестьянства, отличающим их от других слоев крестьянской массы, является то, что они владеют средствами производства – скотом как частные собственники, землей как члены определенного кочевого коллектива. С внешней стороны они обеспечены основными условиями производства и могут считаться экономически независимыми. Однако политически они несвободны, над ними господствует частная власть феодалов.

Некоторое представление об экономическом положении жай-шаруа можно получить из анализа скотовладения членов аульных общин. Ниже нами приводятся данные о двух отделениях рода Шюншалы Средней орды, относящиеся к середине XIX в. Первое отделение состояло из 83 дворов (табл. 14).¹

¹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 2014, лл. 8-10.

Условн. группы хозяйств	Группы хозяйств (по числу голов скота)	Количество хозяйств, владеющих скотом (по видам скота)				
		лошадь	крупн. рог. скот	крупн. скот вообще	мелкий скот	все виды скота
I	Не имеют данного вида скота	24	8	-	49	-
II	Имеют 1 гол.	11	21	12	-	-
	2 - 3	11	30	18	-	28
	4 - 10	20	22	33	4	22
III	11 - 20	4	2	6	12	8
	21 - 50	4	-	4	7	9
IV	51 - 100	4	-	5	3	5
	101 - 200	4	-	4	5	2
	201 и более	1	-	1	3	9
		83	83	83	83	83

Разложение четырех условных групп хозяйств по количеству имеющегося в их распоряжении крупного рогатого и мелкого скота производится в таблице 15.

В первой кочевой группе 24 двора из 83 являлись безлошадными. Они в основной массе не имели и мелкого скота (табл. 16). На каждое такое хозяйство приходилось одна-две головы крупного рогатого скота. По своему экономическому положению это были беднейшие крестьянские хозяйства. Они не только лично, но и экономически зависели от феодалов. Они обслуживали байские хозяйства, кочевали вместе с ними или искали случайных заработков в городах, селениях, у купцов. Нередко многие из них оставались на зимовках и занимались земледелием, охотой, рыболовством, сбывая часть своей продукции на сторону. Поскольку эта беднейшая часть кочевников в процессе добыwania средств для существования была занята в различных отраслях хозяйства, соответственно этому они назывались байгушами, жатаками, жалшы, егинши. К ней же примыкали хозяйства, имеющие по одной лошади.

Группы хозяйств (по числу голов скота)	I группа		II группа		III группа		IV группа	
	крупн. рогат. скот	мелк. скот	крупн. рогат. скот	мелк. скот	крупн. рогат. скот	мелк. скот	крупн. рогат. скот	мелк. скот
Не имеет данного вида скота	-	30	-	8	5	12	3	-
Имеют 1 - 2 гол.	32	-	5	-	7		-	-
3 - 5	2	1	6	-	10		3	-
6 - 10	1	2	-	1	5		2	-
11 - 20	-	2	-	2	1	6	1	-
21 - 30	-	-	-	-	-	4	-	-
31 - 50	-	-	-	-	-	2	-	1
51 - 100	-	-	-	-	-	3	-	-
101 и более	-	-	-	-	-	1	-	8
	35	35	11	11	28	28	9	9

Каждое из 11 хозяйств, относимых нами ко II группе, имеет в своем владении 2-3 лошади, 1-5 голов крупного рогатого скота и почти не имеет мелкого скота, что также недостаточно и не покрывает потребностей среднего крестьянского хозяйства. Эти хозяйства могут быть отнесены к бедняцким хозяйствам (кедей-шаруа, кедей-жарлы).

Хозяйства, отнесенные к III условной группе, а таких всего 28, имеют каждое от 4 до 50 лошадей, причем большая часть (20 из 28) имеет от 4 до 10 лошадей. Рассмотрение III группы хозяйств в таблице показывает, что среди них были такие, которые не имели крупного рогатого скота (5 дворов) и мелкого скота (12 дворов). Абсолютное большинство хозяйств, располагавших крупным рогатым и мелким скотом, имели его соответственно в пределах 1-5 и 11-30 голов.

Такие хозяйства, а также те, в которых было до 50 лошадей, т. е. хозяйства, отнесенные к III группе, по нашему мнению, обладают одним общим существенным качеством. Несмотря на малочисленность скота у отдельных семей, все они имеют реальную, фактическую возможность вести экономически независимое от других членов общины хозяйство. Имея 4 и больше лошадей, кочевник может своими средствами

совершать перекочевки, отправляться в город, на ярмарки, заниматься перевозкой грузов, охотой, поддерживать постоянную связь с другими аулами, обеспечивать летом кумысом семью и т. д.¹ Кроме того, почти во всех хозяйствах имелся крупный молочный скот (за исключением 5 дворов) – важный источник продуктов питания для кочевника.

Эти самостоятельные кочевые семейства составляли костяк всего кочевого коллектива, являлись основным объектом феодальной эксплуатации. Однородичи могли принести пользу феодалу, будучи лишь сами экономически самостоятельными. В этом случае они могли, следуя патриархальным обычаям, одаривать богатых, носителей власти. Казахские баи недолго любили даже своих близких родственников, когда они, не имея своего скота, кибитки, примыкали к своему богатому родичу.

Феодалам гораздо выгоднее было иметь дело с экономически самостоятельными непосредственными производителями, и на их труде покоилось все здание феодального общества.

Нами будет особо рассмотрен вопрос о малоскотных кочевниках, лишенных экономической самостоятельности и превратившихся в придаток богатых хозяйств, о их роли в феодальном способе производства. Здесь уместно лишь заметить, что не их труд, не они определяли сложный комплекс феодальных отношений.

Кочевники-скотоводы, которые вели самостоятельные крестьянские хозяйства, составляющие основу существования феодального строя, носили название жай-шаруа.

В IV группу хозяйств мы выделили такие хозяйства, которые имели каждое более 50 лошадей. При этом мы исходили из того, что такое количество скота полностью покрывает нужды средней семьи и является достаточной основой для дальнейшего увеличения производства – расширенного воспроизводства. Таких хозяйств, однако, весьма немного, всего 11 проц. ко всему числу дворов. Это еще лучше видно из таблицы, где показано, что 8 из 9 хозяйств имеют, помимо лошадей, еще более чем по 100 баранов. Такая группа кочевников несомненно принадлежит к зажиточной части крестьянства и в зависимости от обстоятельств может быть отнесена к одной из категорий: «даулетты-шаруа», «шала-бай», «бай» и т. д.

Следует отметить, что к жай-шаруа можно отнести и некоторую часть хозяйств, включенных во II и IV условные группы. В действительности процент жай-шаруа среди непосредственных производителей был, бесспорно, выше, чем в нашем примере.

¹ Казахи говорят: “Үш бие – бұлақ басы, екі бие – елдің асы, бір бие – жоктың қасы”. “Три кобылицы – родник, две кобылицы – норма, одна кобылица – почти ничто”.

Скотовладение во втором отделении рода Шюншалы характеризовалось данными, приведенными в нижеследующей таблице.¹

Таблица 16

Условн. группы хозяйств	Группы хозяйств (по числу голов скота)	Количество хозяйств, владеющих скотом (по видам скота)				
		лошадь	крупн. рог. скот	крупн. скот вообще	мелкий скот	все виды скота
I	Не имеют данного вида скота	10	4	1	49	-
II	Имеют 1 гол.	18	10	4	-	4
	2 - 3	23	30	18	-	16
	4 - 10	29	64	47	8	26
III	11 - 20	15	3	15	12	9
	21 - 50	11	-	21	22	25
IV	51 - 100	5	-	5	6	15
	101 - 200	-	-	-	14	11
	201 и более	-	-	-	-	-

Разложение условных групп хозяйств по количеству имеющегося в их ведении крупного рогатого и мелкого скота дает следующую картину (табл. 17).

В этом отделении жай-шару составляют 55 кибиток из 111, то есть почти половину. У большинства из них имелось от 4 до 10 лошадей (29 юрт) и от 6 до 50 голов мелкого скота (также 29 юрт). Имелись и более состоятельные крестьяне, у которых – свыше сотни баранов (10 юрт). Надо полагать, что эта группа стояла ближе к шала-баям (полубаям).

К хозяйствам жай-шару, отнесенных к III группе, следует добавить несколько дворов из II группы. Так, например, в этой группе некоторые хозяйства являлись собственниками 50, 100 и более голов мелкого скота. В районах, небогатых скотом, этого было достаточно для того, чтобы в основном вести самостоятельное хозяйство. Таким образом, число жай-шару окажется в действительности несколько больше, чем это показано в III группе.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 2014.

Группы хозяйств (по числу голов скота)	I группа		II группа		III группа		IV группа	
	крупн. рогат. скот	мелк. скот	крупн. рогат. скот	мелк. скот	крупн. рогат. скот	мелк. скот	крупн. рогат. скот	мелк. скот
Не имеет данного вида скота	2	22	-	14	2	12	-	-
Имеют 1 - 2 гол.	17	-	10	-	5	-	-	-
3 - 5	6	1	11	1	26	-	-	-
6 - 10	3	2	2	3	20	2	4	-
11 - 20	-	3	-	1	2	7	1	-
21 - 30	-	-	-	1	-	8	-	-
31 - 50	-	-	-	1	-	12	-	-
51 - 100	-	-	-	1	-	4	-	1
101 и более	-	-	-	1	-	10	-	4
	28	28	23	23	55	55	5	5

Одни кочевые коллективы бывают более богаты, другие менее богаты скотом. У одних преобладают одни виды скота, а у других – иные виды скота. Все это зависит от тех условий, в которых совершается производство кочевых и полукочевых обществ. Для нас в данном случае это несущественно. Общая схема распределения скота внутри кочевых коллективов в определенный исторический период в однородных районах сохраняет известную устойчивость.

Хозяйственная самостоятельность жай-шаруа еще не означает, что они не были зависимы от общины, от богатеев внутри общины, фактически вершивших всеми делами в коллективе. Говоря о барщинном хозяйстве в России, В.И. Ленин указывал, что «условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение...».¹ Феодализм в России и феодализм в Казахстане по форме существенно различаются между собою. Однако как там, так и здесь имеются два основных класса – феодалы и фео-

¹ Ленин В.И. Соч., т. 3, стр. 158-159.

дально зависимые крестьяне, и отношения между ними определяли экономический строй общества. Независимо от того, в каких конкретных исторических условиях прокладывали себе путь феодальные отношения, в силу однородности самой природы этих отношений, их целей и задач, они не могли не иметь ряда общих черт в закономерностях развития. В частности, то, что сказано у В.И. Ленина о личной зависимости крестьян от феодалов, о внеэкономическом принуждении при феодализме, составляет общую закономерность, присущую всем феодальным обществам. Однако следует учесть, что проявление этих и других закономерностей в различных странах происходит по-разному, в соответствии с конкретно-историческими условиями развития общества.

Казахские крестьяне в большинстве своем ходили на отработки, приносили «добровольные дары», помогали в хозяйстве знати не в силу того, что они не могли вести без этого свои хозяйства; как мы видели, кочевники-скотоводы вполне могли самостоятельно вести свои хозяйства. А если, несмотря на это, они все же исполняли повинности как должное, то такое положение объясняется личной зависимостью крестьян-кочевников от феодалов.

В земледельческих обществах класс феодалов, концентрировавший в своих руках право собственности на землю, наделял землей крестьян, и на этой базе строились отношения зависимости. Земельный надел выступал как бы натуральной заработной платой за работу крестьянина в пользу феодала, служил средством обеспечения помещика рабочими руками. Иной по форме процесс наблюдается в кочевых, полукочевых обществах, в том числе и в Казахстане. Земельные отношения там такой ясной и определенной роли в общественной жизни играть не могли, поскольку земля использовалась как пастбище и еще сохранились общинные формы ее эксплуатации. Надельного пользования землей, как в земледельческих обществах, здесь не было. Правда, своеобразные наделы существовали, но только в иных формах, и распространялись они на ограниченную территорию в системе пастбищного комплекса. Таким образом, не наделы служили материальной основой личной зависимости рядовых скотоводов-кочевников от феодалов, хотя и они играли в этом значительную роль.

Некоторые исследователи высказывали мнение о том, что кочевой коллектив (род, отделение), членами которого являлись крестьяне, составлял основу отношений зависимости крестьян от феодалов, и что якобы одна уже принадлежность к общине вела к феодальной зависимости. Такое соображение нельзя считать правильным. Верно то, что каждый кочевник принадлежал к какому-нибудь роду, коче-

вой аульной общине, и это налагало определенную ответственность на крестьянина, наделяло его обязанностями и правами. За вхождение в какой-либо кочевой коллектив, однако, не надо было отбывать какую-либо повинность. Сами по себе род и община по природе своей не являются базой классовых, феодальных отношений, они суть организации бесклассового общества, производственные ячейки периода первобытно-общинного строя. Один этот факт уже говорит против того, что принадлежность к роду, общине ведет к отношениям господства и подчинения. Напротив, такая принадлежность должна была бы предполагать обратное. Что касается того, что внутри казахских общин существовали отношения господства и подчинения, то эти отношения являются чуждыми общинной организации, возникшими на обломках общинно-родового строя.

Могут возразить, что феодальная знать, возникающая из недр первобытных общин, постепенно узурпировала в них власть и по сути дела превратила отношения в них в отношения господства и подчинения. Это, конечно, верно. Однако из этого не вытекает, что община является основой феодальных отношений. Качественное изменение общественных порядков, существовавших в общинах, превращение этих общин из организаций бесклассового общества, в условиях которого они возникли, в опору классового господства есть процесс их разрушения. Становление и укрепление феодального строя есть, следовательно, разложение рода и общины, хотя новые отношения долго еще развиваются в оболочке старых патриархальных форм. Из этого ясно, что сам по себе род, кочевая община и членство в них не могут служить обоснованием отношений феодальной зависимости в казахском обществе.

Мы совершенно не собираемся отрицать роль и значение принадлежности к кочевым группам, имеющие громадное значение в общественных отношениях казахов. Все самые большие исторические события в жизни казахского общества в большой степени связаны с процессами, происходящими внутри родов и общин, но из этого нельзя сделать вывода об определяющей роли в производственных отношениях этих организаций, по форме своей совершенно не соответствующих тем новым процессам, которые происходили внутри казахского общества.

Членство в роде имеет серьезное значение в феодальных отношениях, но оно как таковое не может объяснить сложного переплетения отношений классовой зависимости в обществе, тем более не может определять их.

Некоторые исследователи при объяснении отношений феодальной зависимости у казахов делают упор на власть аксакалов, старшин,

биев, стоявших во главе кочевых групп. Нередко эта власть толкуется односторонне. Говорят, что она дает право ее носителям пользоваться прибавочным трудом непосредственных производителей. Это отчасти верно, но этим не исчерпывается вся совокупность отношений зависимости. При таком объяснении большая группа знати, не находившаяся непосредственно у руководства кочевыми коллективами и фактически эксплуатирующая народные массы, может остаться в стороне.

Многочисленные представители байства не избирались ни аскалами, ни старшинами в родах. Это не мешало байству быть одной из основных господствующих социальных сил в обществе. Экономическое господство одной социальной группы над другой в условиях феодализма непременно ведет к установлению личного господства членов этой группы над членами другой. Отсюда личная зависимость крестьян своей материальной основой имеет сосредоточение определяющих средств и условий производства в руках представителей господствующего класса. Таким средством и условием производства в казахском обществе первой половины XIX в. была земля, которой фактически распоряжалась феодальная знать.

Кедей-шаруа

«Кедей-шаруа», «кедей» и «жарлы» суть понятия адекватные. ими обозначается промежуточная социальная группа между аульными пауперами (байгуши или консы), доведенными до полного обнищания, отделенными от средств производства, и жай-шаруа, которые в той или иной степени экономически самостоятельны. Имея в своем хозяйстве от 1 до 5 коров, 1-3 лошади, десяток голов мелкого скота, а нередко и того меньше, кедей, с одной стороны, не может полностью удовлетворить потребности семьи, занимаясь только скотоводством, с другой стороны, он не порывает с этой отраслью хозяйства, не отделяется от кочевого или полукочевого коллектива, не оставляет надежду на возможное увеличение своих средств существования и переход в разряд самостоятельных крестьянских хозяйств.

В приведенных выше примерах во II условную группу мы включали такие хозяйства, которые, по нашему мнению, не обладают такой степенью экономической самостоятельности, как жай-шаруа. В первом отделении рода Шюншалы к этой категории отнесены 11 дворов из 83. В таблицах приводятся развернутые характеристики каждого из этих хозяйств.

Каждое крестьянское хозяйство располагает 2-3 лошадьми, 2-4 коровами. Большинство не имеет мелкого скота. Что из себя представ-

ляют эти хозяйства в преимущественно скотоводческих обществах? Они в какой-то степени обеспечены средствами передвижения, перекочевки и молочным скотом. Однако это далеко не достаточно для существования. Кроме молока, нужны мясо, зерновые продукты, промышленные товары, которые можно было приобрести лишь в порядке обмена на скот. Но эти хозяйства не только не имели излишка скота для обращения его в меновую стоимость, но его даже не хватало для посредственного потребления семьи. При таком положении крестьянам приходилось выбирать одно из двух: или жить почти на одних молочных продуктах, при острой нехватке в мясе, или изыскивать дополнительный источник добывания средств существования. Поскольку жить, питаясь одними молочными продуктами, невозможно, оставался только второй путь.

Таблица 18

Число голов скота				Число голов скота			
№ хозяйства	лошади	крупн. рогат. скот	мелкий скот	№ хозяйства	лошади	крупн. рогат. скот	мелкий скот
1	3	4	-	7	2	3	-
2	2	2	10	8	2	4	-
3	2	2	-	9	2	3	-
4	2	2	-	10	2	2	15
5	3	3	-	11	2	4	-
6	3	4	15				

Обратимся теперь к другому кочевому коллективу (см. табл. 19), в составе которого таких крестьянских дворов насчитывалось 23 из 111.

Таблица 19

Число голов скота				Число голов скота			
№ хозяйства	лошади	крупн. рогат. скот	мелкий скот	№ хозяйства	лошади	крупн. рогат. скот	мелкий скот
1	2	4	-	13	2	4	-
2	3	2	-	14	2	3	-
3	2	5	-	15	2	3	-
4	3	6	-	16	2	2	15

5	3	6	45	17	2	1	-
6	3	4	-	18	2	2	-
7	2	3	5	19	2	1	-
8	2	1	-	20	2	1	-
9	2	3	30	21	2	2	-
10	3	4	15	22	2	2	-
11	2	4	35	23	3	2	-
12	2	4	-				

Здесь, в основном, мы наблюдаем такую же картину, как в первом случае: кочевники располагают очень незначительным количеством лошадей и крупного молочного скота, многие из них живут без мелкого скота. Только у отдельных крестьян имеется от 5 до 45 баранов, что дела существенно не меняет, и эта группа кочевников вынуждена изыскивать дополнительные источники средств существования.

Несмотря на бедность, которая характерна для кедеев, они в процессе добывания дополнительных средств существования обыкновенно не превращаются в придаток другого хозяйства, не теряют хозяйственной обособленности, права собственности на свое личное имущество. Небольшое скотоводческое хозяйство, как бы слабо оно ни было, продолжает составлять основу семейной обособленности, личной деятельности кедея. Такая крестьянская семья имеет свою кибитку, хозяйственные и бытовые принадлежности, как член общины располагает личной и имущественной свободой в такой степени, в какой ею пользуются другие.

В приведенных двух группах кедейских семей члены их, как мы видели, должны изыскивать дополнительные источники покрытия своих жизненных потребностей, а следовательно, временно или постоянно быть занятыми вне сферы собственного хозяйства. Они имеют для этого реальную возможность, так как уход за незначительным количеством скота и содержание его не требовали больших производственных затрат и не поглощали всю производительную возможность членов семьи.

Чтобы дать полное представление о кедейских группах крестьян в казахских общинах, мы считаем нужным привести еще несколько типичных примеров.

Тайфы Майлы и Есталы рода Кете во Внутренней орде в 1841 г. состояли из 284 юрт. По обеспеченности скотом их можно считать в целом более или менее типичными для этой части Казахстана. Территория Внутренней орды преимущественно была маловодная,

засушливо-песчаная, с обширными солончаковыми пространствами. Основным перевозочным средством в этих районах были верблюды, которые распределялись между хозяйствами следующим образом: 29 семей совсем не имело верблюдов, по одному верблюду имело 48 хозяйств, по 2 – 3 – 129, от 4 до 10 – 79, от 11 до 20 – 2, и в этих таблицах приводятся данные о наличии других видов скота в этих хозяйствах.¹

Из числа 26 безверблюдных дворов (I группа) 17 не имели и лошадей. На долю большинства семей приходилось по 1 – 2 коровы. Это самая бедная часть кочевников – «байгуши».

Во II группе хозяйств (имеющих по одному верблюду) крупного рогатого скота несколько больше, чем в первой (33 двора имеют от 2 до 5 голов крупного рогатого скота). Положение этих хозяйств немногим отличается от хозяйств байгушей. Однако полностью отождествлять их нельзя. Очевидно, среди них встречаются и байгуши, и кедеи согласно нашей классификации. В другом положении находятся хозяйства III группы, имеющие каждое по 2 – 3 верблюда, а также до 5 лошадей, от 2 до 5 голов крупного рогатого скота и иногда до 30 баранов. Среди них было немало дворов, в хозяйственном отношении более или менее самостоятельных (жай-шаруа), встречались и бедняцкие хозяйства. Классификация хозяйств по количеству скота, предлагаемая нами здесь, является относительной. Поэтому она дана в «условных группах». В действительности, во II группе семей встречаются не только байгуши, но и такие семьи, которые можно было бы отнести к кедеям. Так, например, во владении 9 дворов имеются по 4-5 голов крупного рогатого скота. Они лишь с натяжкой могут быть отнесены к аульным полупролетариям. Точно так же среди кедеев III группы есть и сравнительно обеспеченные крестьяне, имевшие, кроме верблюдов, от 6 до 10 лошадей (5 хозяйств), от 6 до 10 голов крупного рогатого скота (19 хозяйств) и более 50 баранов (4 хозяйства). Подобные крестьянские семьи ближе слоят к жай-шаруа, чем к кедеям.

Провести строгую границу между отдельными социальными группами крестьян порою бывает очень трудно, тем более когда располагаешь только данными о количестве скота, важнейшем, но не единственном определителе экономического положения индивидуальных хозяйств в кочевых скотоводческих обществах. Поэтому в конкретных вопросах можно допустить неточности, можно ошибиться при классификации отдельных хозяйств шаруа. Надо иметь в виду, что теоретическое обобщение имеет дело со средним числом, уровнем, вытекающим из массы фактов и отражающим их внутреннюю общую закономерность. Что касается отдельных отклонений, которые всегда имеют место в дей-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 121, лл. 3-10.

ствительности, то они не опровергают существо вывода, а лишь свидетельствуют о том, что практика всегда шире, богаче теории.

Социально-экономическое положение кедеев (жарлы) тонко и метко передано в народных поговорках и крылатых выражениях. Ниже приводятся наиболее распространенные и известные из них. «Жарлының жалғыз козысын қасқыр жейді». – «Волк, чтобы полакомиться, находит единственного барашка бедняка»; «Жарлының аузы аққа тисе, мұрны қанайды». – «Если жарлы прикоснется к молоку, то у него кровь потеет из носа»; «Жарлы атқа мінсе қайдан алдың дер, бай атқа мінсе құтты болсын дер». – «Если жарлы покажется на коне, то с удивлением спрашивают: «Где он брал!». А если бай выходит на коне, его благословляют!»; «Байдың мыңын көрмейді, жарлының жалғзын көреді». – «Не видит табунов у бая, а видит единственную (скотину) у бедняка»; «Байдың күні пәрмен-мен, жарлының күні арманмен». – «Богач живет в довольстве, а бедняк живет мечтой».

В известной народной поэме «Айман – Шолпан» встречается такое выражение: «Аузына ақ тимеген ку кедей». («Кедей, не отведавший кислого молока»).

Характерно, что в этих обобщениях коллективной мудрости народа кедеи противопоставляются баям, они рисуются как диаметрально противоположные по своему экономическому положению социальные силы.

В качестве дополнительных источников средств существования для кедеев характерно: а) занятие земледелием, охотой, рыболовством, а в целях непосредственного потребления – и частичная реализация продуктов труда, б) наем на сезонные и разовые работы вне казахских поселений – в русских селах, на горных разработках, в различных промысловых пунктах, купеческих караванах, извозничество и т. д. и, наконец, в) работа в хозяйстве одноаульца.

Таким образом, для кедеев-шаруа личная зависимость дополнялась экономической зависимостью их от феодалов, над ними довлело как внеэкономическое, так и экономическое принуждение.

Совокупность экономических условий, в которых происходило развитие кедеев-шаруа как социальной группы, определила уровень классового самосознания и формы их борьбы.

Кедеи были той частью крестьянства, которая решительно выступала против произвола и несправедливостей баев, феодалов и колониальной администрации, чаще всего прибегая к неуплате налогов, неподчинению приказам и т. д. Управляющий Бабыбагешевской волостью Кокчетавского округа М. Токтамышев рапортом от 12 мая 1840 г. просил высшее начальство «сделать распоряжение о высылке кочующих без всякого дозво-

ления во Внутренних округах Омском и Тюкалинском и присоединении их волости, ибо киргизы эти, находясь в дальнем от приказа и волости расстоянии, делают всегда посланным за сбором с них ясака аульным старшинам сопротивление...».¹ Начальник дистанции №54 в 1851 г. сообщал: «Киргизы Дюрткаринского рода скрывают кибитки разложением и зарытием в землю или оставлением в степи, чтобы избежать платы за кочевание». Когда он, вызвав к себе старшего, предложил собрать плату с кочевников, тот открыто выразил свое возмущение и негодование. «Лишь только я успел эти последние слова сказать, – далее сообщал начальник дистанции, – то он с азартом обругал скверно матерно Его Императорское величество...».² Один из надсмотрщиков на Гурьевском меновом дворе жаловался на бедных казахов, расселившихся в этом районе, которые «придумывают даже злое намерение».³

Байгуши

Байгуши как социальная прослойка в казахском обществе возникла в период усиленного имущественного расслоения внутри казахской аульной общины, когда сосредоточение богатств в руках одной части общества усиливало процесс обнищания другой части общества. Байгуши, или как иначе их называют – консы, представляли собой массу, лишенную или почти лишенную средств производства и в силу этого экономически и политически бесправную.

Разбирая выше кочевые коллективы, входившие в состав рода Шюншалы в Среднем жузе, мы уже отмечали, что хозяйства, отнесенные нами к условной группе, представляют в большинстве своем хозяйства беднейших крестьян – байгушей. По первому кочевому коллективу таких семей было 35 из 83 (табл. 20).

Таблица 20

Число голов скота				Число голов скота			
№ хозяйства	лошади	крупн. рогат. скот	мелкий скот	№ хозяй-ства	лошади	крупн. рогат. скот	мелкий скот
1	-	2	-	19	-	1	-
2	-	6	-	20	-	2	-
3	-	2	16	21	-	2	-
4	-	1	15	22	-	1	6
5	-	1	-	23	-	4	5

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4853, л. 2.

² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 4459, л. 2.

³ Там же, д. 3704, л. 2.

6	-	2	-	24	-	1	6
7	-	1	-	25	-	1	-
8	-	1	-	26	1	1	-
9	-	1	-	27	1	1	-
10	-	2	-	28	1	1	-
11	-	2	-	29	1	1	-
12	-	1	-	30	1	1	-
13	-	2	-	31	1	2	-
14	-	1	-	32	1	2	-
15	-	2	-	33	1	2	-
16	-	1	-	34	1	1	-
17	-	1	-	35	1	1	-
18	-	4	-				

Во многих хозяйствах совсем не было лошадей, по одной лошади – менее чем у трети дворов. Одна или две коровы составляют весь крупный молочный скот этой категории хозяйств. Ясно, что такое количество скота не только не покрывает потребностей крестьянской семьи, но даже не может быть преобладающим источником средств существования. Отсюда личное хозяйство у байгушей, когда оно у них имеется, является не основным, а подсобным средством.

Главные источники добывания материальных благ для байгушей лежат за пределами личного хозяйства. Этим-то они и отличаются от кедей-шаруа, которые в личное скотоводческое хозяйство вкладывают свой основной производительный труд.

Во втором кочевом коллективе того же рода Шюншалы скот распределен между хозяйствами, как это видно из таблицы 21, несколько в ином виде.

Эта кочевая группа в целом более зажиточная, чем первая. Количество беднейших и бедных семейств здесь меньше, чем в первом коллективе, и они несколько состоятельнее, здесь преобладает однолошадное хозяйство, а там, где лошадей нет, содержится по одной-две коровы. Среди семей этой группы встречаются и более «зажиточные» байгуши, являющиеся собственниками 5–7 голов крупного скота (в том числе одной лошади) и до двух десятков баранов. Эти семьи уже могут в качестве основного источника средств существования, при значительном сужении потребления, использовать личное хозяйство, т. е. по своему положению они, как мы уже говорили, могут быть отнесены к категории кедеев.

Таблица 21

Число голов скота				Число голов скота			
№ хозяйства	лошади	крупн. рогат. скот	мелкий скот	№ хозяй-ства	лошади	крупн. рогат. скот	мелкий скот
1	-	4	-	15	1	7	-
2	-	1	-	16	1	-	-
3	-	1	-	17	1	1	-
4	-	4	-	18	1	2	-
5	-	1	-	19	1	2	-
6	-	-	10	20	1	2	-
7	-	2	-	21	1	1	-
8	-	2	-	22	1	2	-
9	-	2	-	23	1	2	-
10	-	4	-	24	1	2	4
11	1	1	-	25	1	2	-
12	1	4	17	26	1	4	15
13	1	6	-	27	1	4	16
14	1	6	-	28	1	2	10

В середине XIX в. в окрестностях Гурьева, на берегу Каспийского моря, находились многочисленные семейства байгушей. Согласно официальным данным, часть из них в составе 107 хозяйств имела следующее количество скота.¹

Таблица 22

Группы хозяйств (по числу голов скота)	Количество хозяйств, владеющих скотом (по видам скота)						
	верблюды	лошади	крупн. рог. скот	бараны	козы	крупн. скот вообще	все виды скота
Не имеют данного вида скота	106	103	45	101	62	43	-
Имеют 1 гол.	-	4	46	1	6	45	47
2 - 3	1	-	16	4	23	19	45
4 - 5	-	-	-	-	9	-	8
6 - 10	-	-	-	1	6	-	4
11 - 15	-	-	-	-	1	-	3

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3704, лл. 16-31.

16 - 20	-	-	-	-	-	-	-
21 - 25	-	-	-	-	-	-	-

Эти сведения свидетельствуют о невероятной бедности, настоящей нищете указанных семей.

Из 107 семей не имело верблюдов 106, лошадей – 103 хозяйства. Таким образом, группа семей была совсем лишена основных средств перевозки тяжестей и передвижения, жизненно необходимых в кочевом скотоводческом хозяйстве. Немного более 40% семей имели в своем распоряжении только по одной голове крупного рогатого скота и столько же семей вовсе его не имело.

Мы привели данные о трех группах байгушей. Эти данные свидетельствуют о том, что абсолютное большинство байгушских хозяйств было безлошадным и в лучшем случае имело по одной или по две коровы; среди байгушей встречаются семьи, крайне бедные (совершенно бесскотные и несколько более состоятельные, они стоят ближе к кедеям-шаруа).

Весьма ценными являются описания социального положения и быта байгушей, оставленные нам современниками. По их сообщениям, байгуши были настолько бедны, что не располагали своей кибиткой и поэтому в одной юрте жили, как правило, 2 – 3 семейства.¹ Не имея войлока, они свои жилища покрывали рогожами, дерном и камышом.² Гейнс, проехавший в начале второй половины XIX в. по северным и центральным районам Казахстана, так описывает домашнюю обстановку байгуша, ставшего жатаком.

Хозяйка юрты «пояснила, что она неимущая, не имеет не только ничего, чтобы угостить нас, но даже и кожи, чтобы подстлать на землю. Внутренняя обстановка юрты точно самая нищенская. Деревянный остов ее был стар. Войлочные стены испещрены дырками разнообразной формы... Мы попросили продать нам барана, оказалось, что во всем ауле нет ни одного...».³ Переводчик отдельного Сибирского корпуса Ф. Назаров, посланный в 1813 г. в Коканд, о казахских байгушах говорит следующее: «Близ речки Кузукуч, впадающей из Нуры в Ишим, мы встретили близ озера Маликул проходящих киргизов, не имеющих никакого скота. Все они были пешие, в разодранных рубищах и несли на себе детей».⁴ Один из русских чиновников, тесно

¹ О Внутренней или Букеевской киргиз-кайсацкой орде. Журн. «Сын отечества», 1840, ч. V, стр. 234.

² Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. III. СПб, 1832, стр. 20.

³ Журн. «Военное обозрение». 1866, № 7, стр. 109.

⁴ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азий. СПб. 1821, стр. 19-20.

общавшийся с казахским населением, свидетельствует, что байгуш, прибывающий на заработки в русские селения, «бледный, исхудалый, в лохмотьях, это – иногда жалкое подобие человека, на которого нельзя смотреть без сострадания...».¹

«Байгуш», – пишет М. Иванин, – живя в ободранных кибитках постоянно вблизи наших укреплений или станиц и не имея возможности перевозить свои кибитки и имущество с места на место на верблюдах, переносит их на руках по несколько раз в год с одной местности на другую (сажен за 50 и более), чтобы сохранить хоть вид кочевки».² Байгуши «нищают целыми аулами и поколениями и гибнут голодом и стужей без всякой надежды на помощь, – пишет В.И. Даль, – на целое семейство одна дойная коза и более доходов решительно никаких; на козу эту выучит семейство все имущество свое и питается молоком ее через день или два поочередно, это не сказка, а быль».³

На Уральской линии часто бывали случаи продажи байгушами своих детей, что являлось результатом крайней их нужды. Канцелярия войска Уральского в 1804 г. доносила в Оренбургскую пограничную комиссию, что «некоторые из располагающихся при границе здешней киргиз-кайсаков при всем оскудении их и крайней бедности отдают из малолетних детей своих... чиновникам и казакам».⁴

В 1831 г. купец III гильдии Батуев купил у казаха Сапакова из рода Алшын его сына трех лет за одну лошадь и две коровы.⁵ Продажа детей бедными казахами зафиксирована и в других источниках.⁶

Байгуши представляли собой армию степных пролетариев в казахском кочевом обществе, доведенных до невероятного обнищания.

Появление на исторической арене такой социальной прослойки, как байгуши, по нашему мнению, связано с общим процессом развития феодализма, разложением казахской аульной общины и ослаблением патриархально-родовых отношений. Чем больше углублялся этот процесс, тем интенсивнее происходил отрыв непосредственных производителей от средств производства. Кризис аульной общины, ставший заметным со второй половины XVIII в., достигает своего кульминационного пункта в XIX в. Хотя и в этот период процесс разложения и распада аульной общины не был завершен, однако можно смело утверждать, что ее экономические основы и родовая идеология серьезно были расшатаны.

¹ Сборник статей по Семипалатинской области. Семипалатинск, 1899. стр. 37-38.

² *Иванин М.* Внутренняя или Букевская киргизская орда. Журн. «Эпоха», 1864, № 12, стр. 14.

³ *Даль В.И.* Сочинения, т. VIII. Спб, 1884, стр. 269.

⁴ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, л. 205, л. 63.

⁵ Там же, л. 2112, л. 1.

⁶ См., например, работу: *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. Спб, 1887, стр. 44-46.

Прежде бывало так, что обедневшие члены аула в больших или меньших размерах почти всегда получали помощь со стороны одноаульцев или членов родственной общины. Хозяйственная взаимопомощь членов общины в условиях кочевого скотоводства, как уже говорилось, возникла на основе особенностей этой формы производства. Она всеми силами поддерживалась знатью, по-своему заинтересованной в хозяйственной самостоятельности зависимых от них непосредственных производителей-скотоводов. Известно, что крестьянин, лишенный средств производства, а следовательно, и хозяйственной самостоятельности, представляет собой неподходящий объект для феодальной эксплуатации. Поддержание относительной хозяйственной самостоятельности крестьян было необходимой предпосылкой феодальных отношений. Другое положение создалось теперь в XIX в. Аульные старшины и феодалы в кочевых подразделениях все чаще опирались на публичную власть, открыто игнорируя интересы коллективов. Многие представители знати получили официальные посты, превратились в представителей колониальных органов, сборщиков всевозможных податей и т. д. и тем самым все больше и больше отходили от жизни и интересов коллектива. «Единство» кочевого коллектива серьезным образом было нарушено. Были расстроены бытовые, хозяйственные институты, поддерживавшие и отражавшие это внешнее «единство» в казахской аульной общине. При значительной силе родовой идеологии оставление какого-либо члена общины на прежних кочевьях одного на произвол судьбы или отход общинника от коллектива считались серьезным нарушением сложившегося в обществе порядка. Такие факты расценивались как действия, позорящие коллективы и заслуживающие всяческого осуждения.

Другое положение создалось в XIX в. Seriously ослабла родовая идеология. Обострение классовых противоречий изнутри подорвало основы общинно-родовых институтов. Выход отдельных членов из кочевого коллектива, начинавших трудиться в отраслях хозяйства, отличных от производства в кочевых коллективах, постепенно перестал считаться заторным явлением.

Байгуши в XIX в. представляли значительную прослойку в казахском обществе. С каждым годом увеличивалось число общинников, оторвавшихся от кочевого коллектива.

«Потеряв почему-либо скот – единственное средство для обеспечения существования в степи, киргиз приближается к какому-либо соседнему оседлому пункту... Он исполняет все черные работы по дому казака-хозяина, – сообщает секретарь Семипалатинского стати-

стического комитета П.Е. Маковецкий, – получая за свой труд от 5 до 10 рублей в зиму, из которых ему же еще приходится уплачивать по раскладке поселкового общества налог, доходящий в некоторых поселках до 2-х с лишним рублей».¹ Почти у каждого более или менее состоятельного уральского казака в работниках находились нищие – байгуши.² В одном из официальных донесений попечителя прилинейных казахов Протопопова от 1857 г. сообщалось, что около городка Гурьева, на правом берегу реки Урал, проживали «с давних времен бедные киргизы. Кибиток более 200, не имеющие никакого способа откочевывать на лето в степь, и они пропитываются, как мужчины, так и женщины, разными поденными работами, а по другой стороне реки таких же казахских бедняков было более 350 семейств. Они состояли в работниках у городских жителей, работали на пароме, ловили рыбу на р. Урал, продавали траву-полынь, камыш, клали саманные кирпичи, а многие жили подаянием».³

Распространенным среди байгушей явлением был уход из кочевых коллективов, в поисках заработка, в города, населенные пункты. Областное правление сибирских киргизов в рапорте генерал-губернатору Западной Сибири от 6 сентября 1855 г. сообщало, что волостными управителями области на местах ежегодно выдаются выезжающим на заработки лицам до 10 тыс. увольнительных билетов.⁴ В отчете Оренбургской пограничной комиссия за 1855 г. говорится: «Наемкою в рабочие, преимущественно в пастухи, к линейным жителям, а отчасти на рыболовные суда в Каспийском море, промышленяют киргизы малоимущие, не находящие средств к пропитанию у себя в степи». Таких лиц по краю, получивших годовые увольнительные билеты, было более 16 тыс. человек.⁵ В 1862 г. их стало более 20 тыс.⁶

Уход крестьян из кочевых коллективов особенно интенсивно проходил в районах, непосредственно примыкавших к пограничной линии, крупным казачьим поселениям, торгово-промышленным пунктам. Это объясняется, по-видимому, следующими обстоятельствами. Во-первых, возможность более или менее быстро найти хотя бы поденный заработок и близость потребляющих рабочую силу пунктов облегчали уход обедневших, разорившихся и не находивших применения своему труду в степи крестьян. Во-вторых, кризис кочевого скотоводческого хозяйства

¹ Сборник статей по Семипалатинской области. Семипалатинск, 1899, стр. 37-39.

² Записки саратовского купца Я.П. Жаркова о киргизах. Журн. «Библиотека для чтения». Спб, 1852, т. 115, ч. 1, стр. 41.

³ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 3704, лл. 14, 16-31.

⁴ Там же, ф. 345, оп. 1, д. 529, л. 20.

⁵ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 5144, л. 16.

⁶ Там же, д. 2511, л. 205.

и аульной общины в этих местностях был более глубоким. Порождением этого кризиса было и такое явление, как отходничество, т. е. временный, сезонный уход из общины на заработки с последующим возвращением в свой коллектив. Отходничество в свою очередь оказывало обратное влияние на экономическую жизнь казахов, ускоряя развитие тех новых процессов, которые разрушали старые и способствовали утверждению более высоких форм общественных отношений.

О количестве отходников среди прилинейных казахов Оренбургского ведомства говорят официальные данные по некоторым дистанциям¹, относящиеся к 1855 г.²

Основную массу отходников составляли байгуши и кедей-шаруа. В отдельных дистанциях они составляли до 1/4, 1/6 части всего населения. По таким крупным дистанциям, как №№ 26, 27, 42, было мало работников, остающихся на зиму у станичных жителей.

Это, однако, не значит, что в этих казахских общинах не было бедных, живущих за счет продажи своего труда. Скорее всего, в данном случае имеет большое значение то, что кочевья казахов были более удалены от значительных пунктов, потребляющих труд бедняков, в особенности в зимнее время.

Из числа жителей Внутренней орды, расположенной в глубине казахской степи, в качестве работников и пастухов вне орды в 1861 г. находились: в Новоузенском уезде – 70 кибиток, на землях Уральского казачьего войска (в форпостах Глинянск, Вербовск, Абинск, Мухорск, Успа-Джувль, в хуторах Сламыхин, Бородин, на нижней дистанции) – 290 кибиток, в Царевском уезде – 90 кибиток казахских байгушей. Временный совет по управлению ордою писал, что «большая часть бедных ордынцев, так называемых байгушей, находят средства к пропитанию себя и своих семей наймом в работники и пастухи табунов или у ордынцев, или у обывателей соседственных с ордой селений».³ В 70-х годах XIX в. в Камыш-Самарской части Внутренней орды было 416, в Таловской части – 524 бесскотные семьи.

Судя по тому, что хозяйства, лишившиеся скота в результате падежа, приравнены к бедным хозяйствам, не имевшим вовсе раньше скота, т. е. к хозяйствам байгушского типа, и показаны вместе с ними в одной графе, можно смело утверждать, что они надолго выбыли из нормальной колеи скотоводства. Об этом свидетельствует и то, что многие из них не замедлили оставить кочевья и пойти на заработки. Из 709 бедняцких крестьянских хозяйств, что составляло более 10

¹ Дистанция – административно-территориальная единица в Младшем жузе, введенная царским правительством для прилинейных казахских аулов.

² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5117, лл. 27-28.

³ Там же, ф. 78, оп. 2, д. 73, лл. 9.

проц. общего числа всех хозяйств, 387 кибиток находились вне своих кочевьев – в пределах соседних губерний и на землях Уральского казачьего войска. Из таблицы видно, что более половины бедняков, покинув свои кочевые коллективы, работали в других местах.

Среди этих крестьян были, разумеется, не только байгуши. Часть байгушей работала в хозяйствах богатых скотоводов, по своему положению ничем не отличаясь от бесправных рабов. Глава семьи от зари до зари смотрел за скотом, его жена была прислугой у хозяина, а дети их с ранних лет привлекались к выполнению различных работ по хозяйству. За все это их кормили остатками от хозяйского стола, к концу года богач «подобнее» сверх того давал работнику одного-двух баранов. Байгуш не мог по своей воле оставить дом хозяина, а последний в любое время мог его прогнать.

Байгуши являлись объектом беспощадной эксплуатации со стороны феодалов. «Если богатый киргиз занимается посевом хлебов, – сообщает И. Завалишин, – то он для всех работ употребляет таких бедняков, которые буквально умирают с голода, и, не имея ни кола, ни двора, готовы работать из-за дневной пищи».¹ «У киргизов пока труд дешев, – указывал другой очевидец, – сколько-нибудь зажиточный из них может держать у себя несколько работников, содержание которых ему почти ничего не стоит; иной байгуш работает лишь за то, чтобы его кормили и кое-как одевали, зная, что вместе с этим он получит пристанище зимою, без чего ему негде было преклонить голову».² На это в 1861 г. указывал и Временный Совет по управлению Внутренней орду.³ В отдаленных от границ аулах, писал Ф. Назаров, «большая часть из них (бесскотных казахов. – С.З.) для снискания дневного пропитания находится у кочующих поблизости киргизов в услужении, которые заставляют их переходить на кочевья за собою пешими. Несчастных собственных детей своих, чтобы они не умерли с голода, продают проходящим караванам под видом калмыков».⁴

Кризис скотоводческого хозяйства, происходивший в первой половине XIX в., особенно тяжело отразился на положении байгушей. С одной стороны, общество массами выделяло из своей среды необеспеченные семьи, значительное количество работников, а с другой стороны, оно не обеспечивало их возможностью производительно

¹ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. III. М., 1867, стр. 54.

² *Грень А.* Форт № 1 (Казала), Аральская флотилия, русские поселенцы и долина Айгерик. «Инженерный журнал», 1862, № 2, стр. 58, 64.

³ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 73, л. 9.

⁴ *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. Спб. 1821 г., стр. 19-21.

трудиться. Образовался громадный разрыв между свободной рабочей силой и возможностями ее использования. Такой разрыв еще более усугублял бедственное положение байгушей.

Жатаки

Слово «жатак» буквально означает «оставшийся лежать», «лежащий». Первоначально, надо полагать, жатаками называли членов кочевых коллективов, которые, не имея средств кочевания, оставались на зимовках, не переходили на жайлау. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, в первой половине XIX в. жатаками называли уже не вообще более или менее оседлых бедняков, а определенную социальную прослойку крестьян, осевших в основном в районе населенных пунктов и оторвавшихся от кочевых коллективов. П. Небольсин писал, что «название «жатак» придается исключительно тем казахам, которые расходятся на заработки в русские города и селения и оседают там».¹ «В силу разных неблагоприятных обстоятельств, падежа скота, случая смерти старших в семье, внутренних волнений, – писал А.В. Кадомцев, – делались джатаками киргизы и в прежнее время, но их было меньше и они поступали в работники и пастухи к своим же родичам». Далее он говорит, что теперь эти жатаки уходят из степи и располагаются вдоль Уральской, Оренбургской, Сибирской линий.²

Непосредственная связь с оседлым населением составляла основу производительной деятельности жатаков. Жатак, обосновавшись в некотором удалении от населенного пункта, мог заниматься в небольших размерах земледелием, рыболовством, иметь некоторое количество скота, но при всем этом основным источником средств существования оставалось то, что давала связь с оседлыми поселениями: городами, казачьими и военными укреплениями, меновыми дворами вдоль пограничной линии и т. д.

Трудно назвать род деятельности, которым больше всего занимались жатаки. Они обычно занимались всем, что могло доставить им средства существования. Мало кто имел постоянную профессию: летом и осенью жатаки преимущественно были заняты на сезонных сельскохозяйственных работах, а в остальное время выполняли отдельные поручения городских жителей. Широкое распространение получил наем в работники к зажиточным казакам, купцам. Как сообщают источники, в то время почти не было более или менее обеспеченного двора в населенных пунктах, в котором не использовались бы работники-жатаки.

¹ *Небольсин П.* Рассказ проезжего. СПб. 1854. стр.317.

² *Кадомцев Ф.В.* Отчет о поездке в киргизские степи. СПб. 1877, стр 12.

Некоторые казахи втягивались в мелочную торговлю. С недорогим товаром, взятым на комиссию или в долг от купцов, они отправлялись в соседние кочевые аулы и выменивали его на баранов. Жатаки, в той или иной степени освоившись с условиями оседлого неказахского населения, стали играть посредническую роль между казахами, пригоняющими на продажу свой скот, и покупателями. Почти при каждом населенном пункте были организованы меновые площадки, куда в определенное время прибывало много кочевников-казахов и торговых людей. Жатаки предоставляли им свое жилье на время, готовили пищу, пасли и сторожили скот степных богачей, за что получали определенное вознаграждение.

О различных работах, на которых использовались жатаки, имеется ряд высказываний современников. «У казаков или шалаказаков и ташкинцев, живущих оседло в округах, — писал Г. Колмогоров, — а также у купцов, мещан и крестьян в городах и уездах, прилегающих к линии, беднейшие киргизы мужского и женского пола нанимаются в работы за установленную плату... Джатаки и байгуши (бедняки, нищие) обоюго пола во время сенокосения и жатвы значительными партиями приходят на все протяжении таможенной границы и проникают далее во внутрь всех округов Томской, Тобольской и Оренбургской губерний. Здесь они работают поденно и подесятинно. Хороший работник или работница приобретают в течение июля, августа и сентября от 20 до 30 рублей серебром деньгами или вещами».¹ В другом источнике говорится: «При западно-сибирских городах, деревнях и казачьих станицах с давних времен водворились и живут, можно сказать, оседло киргизы-джатаки, выходцы из разных уездов Акмолинской и Семипалатинской областей. Почти нет ни одного города и селения, при которых не было бы джатаков... Джатаки — это большей частью народ бедный. Живут они заработками от русских, нанимаясь в пастухи и работники...».² В Младшем жузе «к казацкой линии подкочевывают обыкновенно одни бедные киргизы», — сообщают другие авторы.³ Джатаки являются «пастухами, возчиками, погонщиками гуртов, — отмечается в одном из официальных отчетов. — Из них образовались толмачи и маклера — посредники при покупке по ярмаркам и базарам каким-нибудь русским торговцем, не знающим по-киргизски. В последнее время из среды тех же джатаков... образовалась в значительных по степи торговых местечках и ярмарках целая масса настоящих прасолов, не уступающих в сметливости и хитрости русским торгашам».⁴

¹ Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. «Вестник ИРГО», 1855, кн. 1, стр. 5-6.

² Киргизы-джатаки. Журн. «Русская речь», 1879, № 8, стр. 318.

³ Солдатенков К., Щенчин Н. Очерки зауральской степи и Внутренней или Буковской орды. М., 1859, стр. 16.

⁴ Кадолицев А.В. Отчет о поездке в киргизские степи. Спб., 1877.

Эти описания жатаков, принадлежащие перу очевидцев, характеризуют их, во-первых, как беднейшую в основной массе часть казахского общества, во-вторых, как выходцев из различных аульных общин, родов, объединенных теперь не на основе освоения пастбищных пространств или кровного родства, а на базе общности территориального расселения, и, наконец, как прослойку, связанную с жизнью городов и селений. Условия, в которые были поставлены жатаки, не могли не сказаться со временем на их облике и быте, а также на их сознании. Уже тот факт, что они оторвались от аульной общины – хранительницы патриархальных обычаев, имел большое значение в этом отношении.

Жатаки в основной массе были выходцами из байгушей. Но в отличие от байгушей они постоянно вели оседлый образ жизни. В силу этого они находились в несколько более благоприятных условиях, чем байгуши, многие из них в той или иной степени смогли со временем выйти из нужды, и среди них встречались даже зажиточные люди.

Жатаки пополнялись не только за счет байгушей. Возможность получить заработок и таким образом поправить свое экономическое положение притягивала к оседлым центрам и неполностью занятую часть крестьянства – кедеев-шаруа. Иногда и зажиточные кочевники по разным причинам бросали свои кочевья и переходили на положение жатаков. Некоторые из них уходили из-за притеснений, гонений со стороны крупной знати; другие, совершив преступления, бежали от ответственности; третьих просто привлекала жизнь вблизи городов или населенных пунктов. Число таких дворов было сравнительно невелико, но оно заметно возрастает во второй половине XIX в. В одной из корреспонденций из степи читаем, что между жатаками есть «и зажиточные, занимающиеся торговлею. Перешли они сюда не из желания жить в среде русских, а в силу разных обстоятельств. Одни, например, по случаю джута (гололедицы), которая разом отняла все их богатство, состоявшее из разного скота; другие – по случаю ссоры с влиятельными киргизами, притеснение которых становилось чрезмерным; третьи – по случаю лишения своей зимовки и т. д.»¹ Такое положение отчасти объясняется тем, что казачьи станицы, укрепленные форпосты, пограничные города уже перестали быть только поселениями, имеющими военное значение, – они превращались в экономические и торговые центры.

В населенные центры в периоды сельскохозяйственных и иных работ приезжали группами крестьяне из аулов и возвращались обратно по окончании сезона. Они не могли быть жатаками, поскольку основное их хозяйство продолжало находиться в составе кочевых коллективов.

¹ Киргизы-джатаки. Журн. «Русская речь», 1879, № 8, стр. 318.

Небезынтересным является вопрос о том, в каких отношениях находились жатаки с теми родами, аульными общинами, из которых они вышли. Жатаки, формально, продолжали числиться членами тех родовых отделений, в которых они состояли до перехода в жатачество. Один-два раза в год приезжали к ним уполномоченные собирать сборы, а бий – для разбора жалоб и споров. Однако дальнейшее смешение выходцев из различных родов привело к тому, что жатаки свои споры начинают разбирать сами, а установленные государственные сборы вносились непосредственно в местные органы, ведавшие налогами. Родовые узы тем самым еще более ослаблялись. В дальнейшем потеря фактической связи с родом серьезно подорвала влияние феодально-патриархальной идеологии и общинно-родовых обычаев, что не могло не иметь далеко идущих последствий в смысле роста классового самосознания этой группы населения. Это видно из того, что феодальные группы не смогли ни разу склонить на свою сторону сколько-нибудь значительную массу жатаков и использовать их в своих антинародных целях.

Жатаки какими-то специально оговоренными правами не пользовались. Казахское обычное право не выделяет их в особую социальную категорию: на них распространялись все те нормы, которыми регулировались отношения рядовых общинников.

Жатаки, можно сказать, были первыми среди казахов, которые стали в непосредственное прикосновение с русским населением и тем самым объективно явились носителями важной исторической миссии – связи между казахским и русским обществами. Это было крупным прогрессивным явлением в истории казахского народа. Россия, стоявшая на более высоком уровне экономического и политического развития, не могла не оказывать благотворного влияния на все стороны жизни отсталого казахского народа. Это особенно наглядно видно на жатаках.

Жатаки, постоянно находясь в тесном соприкосновении с русским населением, учились у него вести земледельческое хозяйство, жить оседло, перенимали культурные навыки. Недаром степные кочевники называли жатаков «орыска шоқынған қазақ» («обрусевшими казахами»). В одной из корреспонденции из степи приводятся весьма интересные сведения об изменениях в одежде и быту жатаков в западносибирских городах и деревнях. В ней говорится: «Пребывание жатаков между русскими приносит им несомненную пользу: во-первых, они почти все говорят по-русски, некоторые даже превосходно владеют этим языком; во-вторых, и по наружному виду заметно, что они не так строго, как степные киргизы, держатся своих старых обычаев. Так, например,

одеваются они, если не совсем еще по-русски, то и не по-киргизски, потому что мужчины не носят на голове остроконечных, длинных с ушами тумачов (шапок), а носят просто мерлушечьи шапки. Вместо обыкновенных длинных киргизских халатов носят коротенькие, вроде татарских бешметов, т. е. кафтаны с пуговицами. Рубахи носят не длинные, с полным разрезом спереди, как киргизы, а коротенькие, с малым разрезом. Вместо калта (сумки с кушаком) носят просто пояс. На голове вместо тюбетеек (ермолок) носят одну шапку, некоторые даже не бреют на голове волос. Женщины, если еще не все, то многие, бросили головной убор – джавлук, обвертываемый на голове, из бязи, миткаля, кисеи и без которого вы не встретите в киргизской степи ни одну замужнюю женщину. Вместо этого джавлука они носят шапочки, которые в киргизской степи имеют право носить только одни незамужние девицы. Точно так же женщины не носят на голове саукале (остроконечный головной убор), и джатаки, даже выдавая замуж дочерей, вовсе не делают этого убора, как степные киргизы, у которых он составляет главное приданое девушек. Дома свои джатаки держат в чистоте, употребляют самовар, имеют столы, стулья, посуду, ложки, вилки и тарелки и т. д.»¹

Автор, как мы видим, ограничивается иллюстрацией внешних изменений в жизни жатаков. Не менее разительные перемены происходили и в сознании, в отношении жатаков к действительности. В этой же статье далее приводится любопытный факт: дочь жатака Токтара из Ишимского уезда вышла замуж за степного казаха, аул которого раньше «никогда не запасался на зиму сеном». Автор говорит, что когда он через несколько лет опять побывал в этом ауле, он был свидетелем того, что аул «благодаря ей научился не только косить сено, но и спасать его от дождей, складывая правильно в стога».²

Многие жатаки поддерживали постоянные связи с кочевыми коллективами, бывали в них по торговым и другим делам, принимали у себя бывших одноаульцев в дни ярмарок и т. д. То новое, что было перенято жатаками у русских, в процессе этого постоянного общения передавалось и широкому кругу казахских кочевников. Со временем пренебрежительное отношение к жатакам, которое сначала наблюдалось со стороны кочевников, постепенно начало ослабевать и исчезать.

В дореволюционной литературе жатаками нередко называют полуседлых крестьян вообще. Сюда входят земледельцы, рыболовы, охотники, наемные работники и т. д. Принятие такого широкого определения сделало бы крайне неопределенным это понятие.

¹ Киргизы-джатаки. Журнал “Русская речь”, 1879, №8, стр. 319.

² Там же, стр. 320.

В заключение следует еще раз отметить, что образование социальной группы жатаков и развитие жатачества находятся в непосредственной связи с общим процессом закономерного развития казахского общества. Жатаки появились в результате распада казахской аульной общины, родовых отделений. Они сыграли важную роль в деле усиления связей и контактов между русским и казахским населением.

Жалшы

Из массы непосредственных производителей выделяется особая группа наемных сельскохозяйственных рабочих, которая обозначалась специальным термином – «жалшы».

В феодальных хозяйствах в большинстве случаев труд наемных рабочих применялся для выполнения трудоемких и сложных работ. В частности, они использовались для организации нагула табунов лошадей зимою, для рытья глубоких колодцев и возведения значительных сооружений (жилья, надмогильных построек и т. д.), а в районах развитого земледелия – для устройства оросительных систем, а также ухода за посевами. В Семиреченском крае, пишет И. Завалишин, «султаны, бии, торговцы имеют нередко до 10000 голов скота. Джатаки (бедняки) нанимаются, это правда, в пастухи («консы») к богатым, в батраки к казакам линейным».¹ Г. Колмогоров указывает, что у казахских богачей в числе других категорий работников есть и наемные из бедняков. «Нанятые работники и работницы, – пишет он, – выполняют все означенные работы для господ и хозяев».²

Следует указать на одну из особенностей применения наемного труда в казахском обществе: батраки нанимались на работу в чужих родах. Наниматься в своем роде дедовскими правилами, регулировавшими внутренний строй общины, запрещалось. Согласно патриархальным представлениям, все члены одного рода, отделения рода приходится друг другу дальними или близкими родственниками. Казахская аульная община так и именовалась «ата-баласы», то есть «дети одного отца». Взаимоотношения между этими родственниками должны были основываться, хотя бы формально, внешне, на началах взаимности, без каких бы то ни было предварительных условий. В силу общепринятости таких представлений член аульной общины не мог ставить какие бы то ни было условия своему однородцу, а последний не вправе был держать такого работника. Ясно, что эти обычаи

¹ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. III. М., 1867, стр. 100.

² Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. «Вестник ИРГО», 1855, кн. 1. стр. 5.

всячески поддерживались богатеями, так как были им выгодны: куда больше расчета пользоваться услугами и помощью родичей, чем иметь оплачиваемых работников.

Правда, исключения из этого правила бывали, однако они не характерны для первой половины XIX в.

Жалшы различались как «годовые» и «сезонные». «Годовыми» считались те работники, которые служили в течение ряда лет одному хозяину. Как правило, такие работники со всем семейством располагались в ауле бая, пользовались столом, часто жильем и сауном у хозяина. Они выполняли определенную работу по двору, по хозяйству, привлекая для этих целей других трудоспособных членов своей семьи. Обычно взаимный расчет производился к глубокой осени, когда рабочий не мог оставить обжитое место. Часто работники влезали в долг к баю и вынуждены бывали отработать этот долг. В результате такие жалшы превращались в постоянных работников у феодалов.

Сезонные работники нанимались для выполнения работ на определенные сроки. В источниках иногда их называют «месячниками». На юге Казахстана, где земледелие получило заметное развитие, имел место наем рабочих на весь хозяйственный сезон, с февраля по ноябрь месяцы, и на период уборки урожая (науканшы, оракши). Сезонных, временных работников держали также богатые скотоводы. Они нанимали работников на семь летних месяцев (с апреля) или на пять зимних месяцев (с ноября).¹ Сезонщик обычно через известное время возвращался с заработком к своему очагу с тем, чтобы трудиться в своем личном хозяйстве. Условия работы сельскохозяйственных батраков были исключительно тяжелыми. По некоторым данным, в районе г. Туркестана жалшы за работу на полях в течение всего хозяйственного сезона получали пятую часть урожая хлеба и две смены белья. За уборку урожая с молотью они получали двадцатый сноп в урожайный и шестой сноп – в неурожайный годы. Работник, нанявшийся в начале сезона, не мог оставить хозяина до конца сельскохозяйственного года.

«Работник, прохворавший более трех дней, обязан на последующее время заместить себя другим, соответствующим, а в случае незамещения подвергается возвращению всего полученного от хозяина, даже и старой смены платья», – говорится в записях одного из очевидцев.² В районах преобладающего скотоводства труд жалшы оплачивался натурой, чаще всего мелким скотом, реже – крупным.³

¹ *Маковецкий П.* Материалы для юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Омск, 1886, стр. 56-57, 189.

² *Арандаренко Г.* Досуги в Туркестане. 1874-1889 гг. СПб, 1889, стр. 149-150.

³ *Маковецкий П.* Материалы для юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Омск, 1886, стр. 56- 57, 189.

Казахское обычное право гласит: «Условия в найме работников или бактачи производятся словесно и без свидетелей. Кроме особой платы, хозяин обязан кормить и одевать работников за свой счет, а в зимнее время дать приют. Обыкновенная цена работнику – от 12 баранов и 1 лошади в год».¹

В работники отдавались и дети, достигшие 8 лет. Воля несовершеннолетних детей не испрашивалась, достаточно было согласия родителей.²

Согласно казахскому адату, жалшы какими-то особыми правами не пользовались. Они, как и все другие работники, занятые в байских хозяйствах, не могли выступать на суде в качестве свидетелей против хозяина. Оставление работы до истечения договорного срока влекло за собой определенную санкцию. Наниматель мог расторгнуть договор по своему усмотрению. Применение наемного труда в феодальных хозяйствах представляло еще во многом случайное, немассовое явление. Но оно обладало в первой половине XIX в. заметной тенденцией к росту и расширению. Сам факт применения наемного труда, хотя еще в незначительных размерах и нередко не свободного от патриархальных норм, уже говорил о том, что в недрах казахского общества стали возникать устойчивые элементы новых, капиталистических производственных отношений.

Егинши

Весьма слабое развитие земледелия в Казахстане, по-видимому, следует объяснить не только тем, что скотоводство давало все необходимое жителю этого края, но и тем, что оно в условиях казахских степей было связано с меньшими затратами, было более выгодно. Казахские крестьяне, остававшиеся в результате жута или других причин без скота, временами переходили к хлебопашеству. Но как только они приобретали некоторое количество скота, они обычно бросали свои участки и переходили к кочевому образу жизни.

«Егинши» – земледелец, пахарь – у них слово презрительное, означающее человека самого последнего, самого низкого, – писал И. Завалишин. – Лишь безвыходная бедность может принудить киргиза заняться хлебопашеством. При первой возможности пропитаться от скотоводства они бросают пашню».³ Подобное отношение к земледелию зависело также от примитивности орудий труда, отсутствия опы-

¹ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, стр. 137.

² Там же.

³ *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. III. М., 1867, стр. 53-54.

та, оседлых центров культуры и ремесла, слабой, непостоянной связи с соседними земледельческими обществами.

Первыми жителями степей, нарушившими вековечный покой целинных земель, были казахские крестьяне-бедняки. Будучи выбитыми из привычной колеи кочевого скотоводства, не имея реальной возможности оставаться в среде своих кочевых коллективов, бесскотные, малоскотные крестьяне переходили к обработке земли, сочетая это с рыболовством и охотой. О том, что именно так обстояло дело с возникновением и развитием земледелия в Казахстане, свидетельствуют современники. Инженер Нешель, сопровождавший в 1847 г. оренбургского военного губернатора во время его похода к Аральскому морю, сообщает, что по берегам рек «часто можно видеть целые площади, покрытые цветущими растениями, и даже небольшие поля, засеянные просом, ячменем, коноплею, арбузами и дынями; эти поля обрабатываются с большим трудом не имеющими своего стада киргизами».¹ На Сыр-Дарье «земледелие развито было в слабой степени, – пишет один из русских чиновников. – Массу землепашцев составляли так называемые игинчи, бедняки-киргизы, лишившиеся издавна своих стад вследствие баранты, потерявшие необходимость перекочевки, да и способы к ней, и потому занявшиеся земледелием».² В обстоятельном исследовании, посвященном Туркестанскому краю, Л.Ф. Костенко приходит к выводу, что «главное занятие киргизов и кара-киргизов – скотоводство. Тем не менее часть этого населения – беднейшая, не имеющая скота, занимается поневоле хлебопашеством, засевая просо и ячмень. Эти бедные кочевники называются игинчами, которые составляют оседлый элемент среди киргизского населения».³

В первой половине XIX в. оседлость и земледелие получают заметное развитие. Этот процесс, а также связанное с ним развитие такой социальной прослойки, как егинши, имели ряд особенностей.

Особенностью развития земледельческого производства в рассматриваемый период является то, что им начинает заниматься не только беднейшая часть общества, но и шаруа – более или менее обеспеченные скотом кочевники, зажиточные крестьяне и даже люди богатые. Процесс распада кочевого скотоводческого хозяйства, пример русских крестьян, появившаяся возможность приобрести сельскохозяйственные орудия привели к тому, что новые слои населения стали обращаться к земледелию. Таким образом, состав егинши стал пополняться за счет

¹ Географические известия РГО. СПб, 1848, стр. 125.

² Терентьев М.А. Статистические очерки Среднеазиатской России. СПб, 1874, стр. 11.

³ Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Т. I. СПб, 1880, стр. 328.

различных категорий казахского крестьянства. «Прежде хлебопашество в Баян-Аульском округе производилось только одним отрядным начальником, — читаем мы в материалах Пограничного управления областью сибирских казахов за 1844 г., — но ныне как жители селения, так и часть киргиз, видя пользу, начали сеять хлеб, но последние, не умея еще хорошо обращаться с сельскохозяйственными орудиями и обрабатывать землю для посева, не вполне достигают желаемого успеха, однако же благодетельная почва земли довольно вознаграждает трудолюбивых».¹

Егинши из крестьян сплошь и рядом зависели от скотоводской знати. Во-первых, многие из них оседали в районах зимовки кочевых коллективов или занимали земельные участки в системе летнего пастбищного пространства; во-вторых, егинши нуждались в экономической помощи богатых скотоводов; в-третьих, для казахских земледельцев одним из неперемennых условий существования была возможность обмена зерна на скот и животноводческие продукты, т. е. не только в области производства, но и в области потребления и обмена они были тесно связаны с кочевыми группами; в-четвертых, егинши в условиях Казахстана первой половины XIX в. представляли из себя группу малочисленную, неорганизованную, разбросанную по одиночке или горстками семей на обширном степном пространстве. В силу этого они нуждались в покровительстве знати, защите от притеснений со стороны других кочевых коллективов. Взаимоотношения егиншей с кочевой частью коллектива в значительной степени определялись патриархальными обычаями. Егинши не теряли свою связь с родом, из которого происходили. Родовые обычаи и обязанности распространялись и на егиншей. Все это вместе взятое наложило свой отпечаток на экономическое и политическое положение егиншей в казахском обществе. Однако казахское земледелие отличалось примитивностью по способу ведения, ограниченностью по объему, чрезвычайной отсталостью технической основы. Мы уже говорили, что труд егиншей был малопродуктивным, а местные органы власти не предпринимали никаких мер, способствующих развитию земледелия. Правда, царское правительство с 30-х годов начало практиковать отпуск семян и сельскохозяйственных орудий, но делалось это в самых ничтожных размерах. Разбросанность и обособленность егиншей приводила к тому, что их интересы не простирались дальше границ принадлежащих им небольших земельных участков. Отсюда в области совершенствования орудий труда, в развитии навыков производства господствовали застой и консерватизм.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 3, л. 420.

Существовали две группы егиншей. Егинши первой группы занимались обработкой своих земельных участков. Общественная форма производственной деятельности этих крестьян была далеко не однотипна. Одни из них, не имея своего рабочего скота, занимали его на определенных условиях у соседей; другие объединялись между собою в хозяйственные товарищества; третьи обходились собственными средствами и возможностями. Гейнс, проезжая через казахскую степь в Исенгуль-Сартжемтинской волости, отмечал, что казах Тюлебай Игликов, у которого он остановился, «не имея рабочего скота для запашки... ежегодно на время работ запрашивает его у своих достаточных родителей».¹ В Илецком уезде Тургайской области, по сведениям, относящимся к третьей четверти XIX в., нередко егинши, имевшие одну лошадь или одного вола, объединялись в компании.²

Егинши другой группы обрабатывали и сторожили поля зажиточных крестьян и рядом с хозяйскими имели и свои небольшие участки. Они пользовались сауном, помощью хозяина, его покровительством и защитой, а иногда хозяйским инвентарем и рабочим скотом. Обычно богатые скотоводы, в том числе более или менее зажиточные крестьяне, в большинстве своем поручая уход за пашнями беднякам-егинши, сами продолжали совершать перекочевки по пастбищам. Только с наступлением осени они возвращались к зимовкам, в районе которых находились возделываемые поля. «Иногда богатые киргизы от себя нанимают игинчей, – сообщает один из современников, – дают им средства для обработки земли, и по большей части продолжают свою кочевую жизнь, являясь к своим полям только ко времени уборки хлеба, для сбора с игинчей следующей с них по условию части хлеба».³ Среди егиншей по р. Илеку можно было встретить таких, которые нанимались к богатым за право обрабатывать для себя отдельный участок с помощью хозяйской скотины.⁴

Аулы земледельцев во многом отличались от аулов скотоводов-кочевников. Они отличались, во-первых, по составу. Признак родства в аулах егиншей не был главным, тогда как в кочевых аулах родовое начало играло серьезную роль. Члены кочевых аулов, как правило, делились на богатых и бедных, следовательно, на эксплуататоров и эксплуатируемых, а аулы егиншей почти сплошь состояли из бедных крестьян. Со временем из среды этой крестьянской массы должны

¹ Гейнс А. Киргизские очерки. Журн. «Военное обозрение», 1866, стр. 112.

² Юзефович Б. Быт киргизов Тургайской области. «Русский вестник». 1880, № 4, стр. 809.

³ Тертевников А.Н. Очерк внутренней торговли Киргизской степи. Спб. 1867, стр. 1-2.

⁴ Юзефович Б. Быт киргизов Тургайской области. «Русский вестник», 1880, № 4, стр. 809.

были выделяться более зажиточные, более состоятельные крестьяне, но для периода становления и развития земледельческого производства в Казахстане это не характерно. Аулы егиншей нельзя смешивать с владениями богачей, использующих труд бедняков-егиншей.

Аулы земледельцев, во-вторых, отличались от аулов кочевников по организации труда своих членов. У егиншей кооперирование труда и средств труда было развито гораздо больше, чем в аулах кочевников. Работы по устройству арыков, водочерпательных приспособлений, охрана посевов носили общественный характер. Рабочий скот аула во время сельскохозяйственных работ использовался сообща. Во вполне организационно оформившихся аулах земледельцев учреждались определенные общественные должности. Однако все это не может скрыть подлинной сути общественных отношений, в рамках которых осуществлялась производительная деятельность казахских земледельцев: производство продуктов, потребление и обмен, которыми определялась природа господствующих общественных отношений в аулах егиншей, прямо или косвенно регулировались кочевой знатью. Иначе говоря, взаимоотношения егиншей между собою, характеризующиеся как взаимоотношения равных между собою тружеников, не только не были определяющими в общественных отношениях, а наоборот, они сами имели место в рамках отношений господства и подчинения.

Экономическое положение егиншей было тяжелым. Многие из них еле сводили концы с концами и постоянно бедствовали. Поборы властей, «своих» феодалов, притеснения еще более усугубляли их лишения и нужду.

Земледелие было более прогрессивной формой производства, чем кочевое скотоводство. Кочевое скотоводство, когда-то явившееся крупным шагом вперед в развитии производительных сил общества, со временем превратилось в свою противоположность – в тормоз общественного прогресса. Оно сковывало дальнейшее развитие материальной и духовной культуры народа. Поэтому развитие егиншей-земледельцев как социальной прослойки в казахском обществе, связанной с передовой формой производства, представляло собой положительное явление.

Жумыскеры

Жумыскеры – первые казахские полупролетарии, занятые в промышленности. Их еще нельзя называть промышленными рабочими в полном смысле этого слова. Предприятия, на которых они были заняты, как правило, осенью останавливались до следующей весны, а иногда и до лета. В этот период казахские рабочие большей частью возвраща-

лись к своим кочевьям и снова становились крестьянами-скотоводами, а другая их часть переходила на положение поденщиков-батраков. Для того, чтобы уйти на предприятие, крестьянину требовалось разрешение феодала, стоявшего во главе кочевого коллектива. Как член общины, он был обязан по-прежнему вносить ежегодный сбор. За самовольное оставление работы и нарушение трудового договора рабочим промышленник мог обратиться к руководителю кочевого коллектива с требованием принять меры к нарушителю. Во всем этом отразилась личная несвобода первых казахских полупролетариев.

Во многих колониальных странах промышленность возникла в основном на основе привозного капитала и при более или менее активном или слабом участии местного капитала. В Казахстане промышленные предприятия капиталистического типа первоначально возникали почти исключительно на базе иностранного капитала. Появление на исторической арене первых представителей рабочего класса – жумыскеров органически связано со становлением и развитием промышленного производства в Казахстане, основанного на иностранном капитале.

С точки зрения внутренних условий предпосылки для возникновения капиталистического производства далеко еще не созрели в то время в казахском обществе. Элементы капитализма в феодальной экономике развивались исключительно медленно и вяло. Как известно, капиталистическое производство складывается в недрах старого феодального способа производства, где вызревают многие важные элементы капитализма. Так, например, наемный труд, капитал, городская промышленность с цеховой организацией, на базе которых вырастают и оформляются капиталистические отношения, существовали до возникновения капиталистического уклада в экономике. Многие из этих элементов, составляющих предпосылку и основу развития капиталистического производства, или вовсе не были известны казахскому обществу, или получили в нем самое незначительное развитие. Обычно установлению капиталистического способа производства предшествуют определенные общественно-экономические процессы: торговля, ремесло отделяются от земледелия, а в дальнейшем торговля отделяется от промышленности. Возникают города как центры торговли и переработки сельскохозяйственной продукции, вместе с тем растет антагонизм между городом и деревней, в городах формируются новые буржуазные отношения, а деревня становится цитаделью средневековья. Общеизвестно, что подобные общественно-экономические процессы почти не наблюдались в казахском кочевом обществе начала XIX в. Следовательно, здесь еще были весьма слабы материальные и социальные предпосылки для возникновения капиталистических отношений.

Промышленные предприятия, преимущественно мелкие, организованные в первой половине XIX в. и несколько ранее, хотя они действовали на местном сырье, принадлежали все же не казахам. Организаторами и руководителями этих предприятий были русские промышленники, купцы, а в отдельных местах – среднеазиатские предприниматели. Появление первых казахских рабочих было связано, таким образом, с процессом промышленного проникновения и подчинения казахской степи русскому капитализму.

Труд казахских пролетариев использовался на соледобывающих, рыбных промыслах, на разработках полезных ископаемых, а также на мелких предприятиях по первичной обработке скотоводческой продукции.

В 1839 г. на трех золотых приисках (Преображенский, Павловский и Кресто-Воздвиженский), принадлежавших ростовскому купцу Н. Мясикину, было занято 222 человека. Из них чернорабочих: русских – 67, казахов – 140. На золотых приисках (Троицкий, Петровский) находилось 326 рабочих. Среди них: русских – 63, казахов – 260 человек. На предприятиях купца С. Попова (Рождественский, Сартбулатский, Дмитриевский и другие прииски) было 792 человека, из них 450 – казахи.

По другим данным, на 8 приисках этого же округа в 1848 г. находилось 899 рабочих. Из них было русских 148, казахов 747 человек. Наряду с чернорабочими среди казахов встречаются мастера и промывальщики.¹ Пограничное управление сибирскими казахами, на территории которых были сосредоточены предприятия горной промышленности в Казахстане, в отчете правительству за 1842 г. указывало, что на золотых прииска области работают из числа казахов 1120 рабочих.²

В Баян-Аульском округе работали на каменноугольных копях 124 рабочих, на свинцовых рудниках – 196 человек.³ На Марийских золотых приисках Кокчетавского округа было: в 1848 г. 57 рабочих, из них казахов – 14, в 1849 г. – 212 рабочих, из них казахов – 82, в 1850 г. – 268 рабочих, из них казахов – 68.⁴ Значительное количество рабочих было занято на заводах и подсобных предприятиях по извлечению и переработке полезных ископаемых. Преобладающая часть казахских рабочих в Среднем жузе была занята, как указывалось выше, в предприятиях горной промышленности.

На Каспийском море получила заметное развитие рыбная промышленность. Лов рыбы не прекращался в течение круглого года. Дешевая рабочая сила, поставляемая казахскими аулами, делала весьма вы-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 3, лл. 115-116.

² Там же, д. 943, лл. 83-84.

³ Там же, д. 2429, л. 59.

⁴ Там же, д. 4767, лл. 31-32.

годным вложение капиталов в эту отрасль хозяйства, что привлекало рыбопромышленников. На рыболовецких судах и рыбных заводах было занято немало казахов. Оренбургская пограничная комиссия в отчете за 1862 г. писала, что всего казахов, находящихся в рабочих у прилинейных жителей и рыбопромышленников на Каспийском море, должно быть более 20 тыс. человек.¹

Предприятия по первичной обработке скотоводческой продукции начали создаваться в Казахстане к середине XIX в., и число их быстро росло. Однако в указанный период они еще особого значения не имели. Вся черная, трудоемкая работа в них выполнялась преимущественно казахскими рабочими.

Промышленники хищнически эксплуатировали труд как русских, так и казахских рабочих. Особенно высокомерно и пренебрежительно относились они к казахам, условия работы которых были невероятно тяжелы. Рабочий день длился от зари до темноты, жили казахские рабочие в общих землянках, низких временных бараках или в камышитовых юртах.

Договора, которые заключались между предпринимателями и казахскими рабочими, имели кабальный характер. Вербовщики включали в них такие пункты, которые ставили казахов в одни условия с крепостными крестьянами, приписанными к заводам. Внесение в договор кабальных условий облегчалось незнанием казахами русского языка и российских законов. Так, например, договор, заключенный в 1838 г. между администрацией Преображенского завода и 48 казахами Младшего жуза, предусматривал: а) продолжительность работы – 6 месяцев; б) никто не имеет права самовольно оставлять работу. А если это произойдет «равно и при заболевании более 10 дней того или иного работника из числа нанимавшихся, остальные обязаны отработать за них или же стоимость неотработанного времени по решению заводского управления может быть вычтена равными долями от всех рабочих-казахов».²

Более половины заработка рабочих уходила на «харчи» – т. е. на продукты питания, которые предоставлялись хозяевами в счет заработной платы. В таблице 23 показано, сколько согласно записи в «шнуровой книге» Богословского рудника, казахским рабочим было выдано жалованья и сколько удержано.³

В среднем на питание высчитывалось с каждого рабочего 49 руб.

¹ ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5255, л. 12.

² Там же.

³ *Шахматов В.Ф.* Из истории образования казахского пролетариата. «Вестник АН КазССР», 1946, № 12, стр. 38-39.

55 коп. серебром в год, а на руки выдавалось жалованье около 45 руб¹. (3 руб. 75 коп. в месяц). На Баян-Аульском, Кзылтавском и Александровском заводах месячный заработок составлял 3 руб. серебром. На Николаевском руднике (близ урочища Кара-Адыр), писал Красовский, «землекопами, подкатчиками, подъемщиками руд служат почти исключительно киргизы, получающие от 3 до 3 р. 50 коп. сер. в месяц и провиант из 3-х пудов ржаной муки и 1 пуда 5 фунтов мяса в месяц». «Киргизы-работники нигде особых помещений не имеют и стоят круглый год в юртах поблизости от приисков или заводов».²

Таблица 23

Годы	Число рабочих-казахов	Выдано жалованья (в руб. серб.)	Удержано за питание (в руб. серб.)	Средний месячный заработок каждого рабочего без питания
1857	11	469	496	3 руб. 50 коп.
1858	70	3640	2100	4 руб.
1859	127	4896	5352	3 руб. 20 коп.
1860	40	2000	3600	4 руб.
1861	11	550	516	4 руб.
1862	45	1920	2456	3 руб. 50 коп.

Рабочий должен был приобретать дополнительные продукты питания, одеваться, платить за общежитие, за керосин и содержать еще семью. Это было почти невозможно сделать.

Характерно, что русские рабочие за тот же труд получали заработную плату вдвое и втрое больше, чем казахские. В этом проявился колонизаторский, основывающийся на расовой дискриминации, характер отношений промышленников к местному населению,

Регулирование отношений найма и содержания казахских рабочих всецело было предоставлено самим промышленникам или их управляющим. Это приводило к произволу, притеснениям и серьезному ущемлению прав и интересов казахских рабочих со стороны администрации. Г. Колмогоров, который сам побывал на ряде предприятий, отмечает, что жалованье казахам выдавалось, как правило, натурой — скотом, выделанными кожами, бязью и другими предметами по ценам вдвое и втрое дороже, чем они действительно стоили. Таким образом, они фактически не получали и половины и без того мизерной месячной зарплаты.³

¹ Терентьев М.А. Статистические очерки Среднеазиатской России. СПб, 1874, стр. 11.

² Там же, стр. 178-179.

³ Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства. «Вестник ИРГО», 1855, кн. 1, стр. 6.

Как сообщает другой автор, в Кокбектинском округе, на золотом прииске Булкулдак, в 1849 г. жалованье казахским рабочим выдавалось «различными товарами, употребляемыми ими как для собственной одежды, так и для своих семейств. Обыкновенно они изнашивают это раньше конца лета, так что всегда почти остаются в долгу».¹

Рабочие – и казахи, и русские – жили в невыносимо антисанитарных условиях. По сообщению В.П. Семеновского, на промыслах Восточно-Сибирского горного округа в 1851 г. переболело 32% и умерло 1,3% рабочих. В 1852 г. число больных составляло 28% , а умерших – 1% к общему составу рабочих. В качестве меры наказания на рудниках и заводах широко применялись розги и шпицрутены.

Несмотря на тяжелые условия, в которых зарождался и развивался национальный рабочий класс в Казахстане, объективно этот факт имел большое прогрессивное значение для казахского общества в целом. Вчерашние казахские крестьяне-скотоводы, находившиеся во власти патриархальной идеологии, пришли в соприкосновение с представителями русского рабочего класса, среди которых были выходцы из крестьян, крепостных, дворовых, мещан, отставных солдат, казаков, разночинцев.

Капиталисты всячески старались не допускать сближения русских и казахских рабочих, разделяли их, ставя русских рабочих в более привилегированные условия, воспитывая у них пренебрежительное отношение к казахам. Однако общность классовых интересов оказывалась сильнее этих потуг эксплуататоров действовать по принципу «разделяй и властвуй». Происходило все большее сближение русских и казахских трудящихся.

Русские рабочие своими выступлениями против эксплуататоров отстаивали интересы и казахских рабочих. Они не раз поднимались против наиболее ненавистных заводчиков, надсмотрщиков, управляющих и т. д. Так, например, в сентябре 1850 г. на Марийских золотых приисках (Марийский, Петровский, Вознесенский) 150 рабочих, вооруженных «кайлами, лопатками и топорами, с неимоверными ругательствами» окружили дом управляющего золотыми приисками Зобачева, ворвались к нему и потребовали, чтобы был произведен правильный расчет с рабочими. Бунтом руководили отставной солдат А. Некрасов и крестьянин Г. Иванов.²

Первые казахские рабочие, работая бок о бок с более опытными русскими рабочими, перенимали у них производственные навыки, приобретали политическую выучку.

¹ *Влангали А.* Геогностические поездки к восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 годах. Ч. 1. СПб, 1853. стр. 123.

² ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 4381, лл. 5-6.

Казахские рабочие в основном выходили из байгушей, жатаков, кедеев, из которых многие уже осели и порвали связь со скотоводством. Они в то время еще не консолидировались в класс, но уже становились в известной степени носителями высоких морально-политических качеств передового общественного класса – пролетариата.

Рабы (кулы)

В первой половине XIX в. мы находим последние остатки рабства в Казахстане. Удельный вес рабского труда в обществе был незначительным и не играл заметной роли в определяющей отрасли производства – в скотоводстве. Размеры рабовладения в казахском обществе были невелики, никто, можно сказать, не владел большими группами рабов.

Рабство в казахском обществе имело патриархальный характер. Труд рабов применялся на второстепенных участках хозяйства. Рабы, войдя в доверие к хозяину, через некоторое время обзаводились семьей, пользовались правом иметь свой скот. В то же время лично они были закабалены, хозяева сохраняли за собой право распоряжаться жизнью рабов, могли продавать их, дарить, отчуждать. Однако на деле такой акт, как лишение жизни раба, почти не осуществлялся. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы говорят о том, что продавались, отчуждались рабы, лишённые семьи, собственности, те же из них, которые успели обзавестись семьей и некоторым имуществом, как правило, были практически изъяты из сферы обращения как вещь, которую можно купить, продать или выменять.

Патриархальный характер рабства в Казахстане хорошо обнаруживается показаниями бывших рабов, допрошенных чиновниками царского правительства. В середине XIX в. было объявлено, что все рабы, находящиеся на территории Казахстана, отныне являются свободными, могут уйти от хозяев, избрать новое место жительства по своему усмотрению. Значительная часть бывших рабов, однако, выразила желание остаться у своих прежних владельцев. Так, например, один из освобожденных рабов, афганец Матлобай Исмаилов, 45 лет от роду, показал следующее: он был взят в плен 20 лет тому назад, живет все время у Кулдасова и его сына (казахов Младшего жуза), «как родной», занимался пастьбой скота, уборкой хлеба и другими работами. Теперь он наделен Кулдасовым всем, живет независимо от него и высватал казашку, желает остаться жить среди казахов. Бывший раб Кадам Сабызов, афганец, 42 лет, сообщил, что 10 – 12 лет тому назад он был схвачен туркменами и продан в рабство сначала бухарцу, а затем казаху Кошкинбаю. Хочет остаться и впредь в этой семье.

Были случаи усыновления как детей рабов, так и подростков рабов. Так, например, Абдураим Муратов, купленный рабом в 16 лет, был усыновлен казахом Арсланом Чинарбаевым из рода Шумекей, который дал ему новое имя и свою фамилию. Властям Муратов впоследствии сообщил, что он хозяина своего «почитает за отца, после смерти его желает остаться в этой семье, так как считается теперь за главного хозяина». Точно так же были усыновлены: афганец Давлет – казахом Джанкуловым (род Шумекей), перс Гусейн – казахом Кундурбаевым. Оба этих бывших раба изъявили желание остаться при тех же семействах, при которых они находились раньше. Иранка Сарыбек, 20 лет, попавши в рабство к казахам малолетней девочкой от туркмен, при освобождении пожелала остаться у своего хозяина, так как «считается женой отца своего хозяина».¹ Эти факты свидетельствуют о том, что отношение к рабам не было таким жестоким, как это имело место в древних рабовладельческих государствах. Все это вместе с тем указывает на патриархальный характер рабовладения в Казахстане.

Материалы, относящиеся к первой половине XIX в., дают известное представление об источниках пополнения рабов. Наряду с превращением пленных в рабов, их приобретали также покупкою в среднеазиатских ханствах. Казахи нередко посещали специальные рынки по торговле рабами, открытые в нескольких пунктах Хивинского ханства. В середине XIX в. один из биев рода Шумекей купил таким образом раба 18 лет за 35 баранов. Другой казах, Каратай Кучебаев, купил иранку Сарыбек за 90 баранов. Оренбургская пограничная комиссия, проводившая в середине XIX в. мероприятия по ликвидации рабства в казахской степи, в одном из официальных сообщений в 1851 г. писала: «До Оренбургской пограничной комиссии с недавнего времени начали доходить сведения, подтверждавшиеся официальными розысками, что у некоторых киргизов Оренбургского ведомства есть пленники из персиян и других соседственных среднеазиатских владений, приобретенные первоначально большею частью из Хивы или от приверженных к ней ордынцев – посредством купли, вымень и т. п.».²

Казахи длительное время имели столкновения с калмыками джунгарскими, северными, волжскими, которые не раз совершали опустошительные набеги на казахскую степь. Пленные калмыки превращались в рабов, и они составляли основную массу рабов в Казахстане. Об этом говорят следующие факты: в 1845 г., согласно сообщению Акмолинского окружного приказа, на территории округа насчитывалось

¹ Морозова А.С. Рабство у туркмен и узбеков Хивинского ханства в XIX в., стр. 103. Диссертация. М., фонд библиотеки им. В.И. Ленина.

² ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 4635, л. 37.

244 раба. Среди них было: калмыков – 133, персов – 90, казахов – 21 человек.¹ К этому же времени в Кокчетавском округе было зарегистрировано 47 рабов: 30 калмыков и 17 казахов. Один из современников отмечал, что «в киргизской степи с отдаленных времен существовали у султанов и старшин рабы или кулы из попадавших в плен калмыков и других среднеазиатцев...».² Д'Андре, посетивший Младший жуз в начале 30-х годов XIX в., писал, что «рабы большею частью у киргизов суть персияне, а не калмыки».³ Для Младшего жуза это, возможно, и верно, – персы сюда поступали через Туркмению и среднеазиатские ханства; но для Среднего жуза это не характерно.

Большинство рабов было иноземного происхождения. Обычным правом запрещалось обращать своих однородцев в рабство. «Киргизец не может быть рабом у своего единоверца», – сказано в адате.⁴ Однако, как мы видим, жизнь внесла свои поправки: в Акмолинском округе был 21 казах, в Кокчетавском округе – 17 казахов-рабов.

Способы и пути превращения представителей местного населения в рабов были разные. Влиятельные феодалы в порядке мести превращали в рабство плененных врагов и членов их семей. В одной из записей говорится, что «обращались в неволю и киргизы из неприязненных родов».⁵ Султан Джанубек Беккалиев в начале 30-х годов превратил в рабыню молодую девушку казашку из тайфы Бескашкан, рода Берш, за то, что ее братья совершили убийство в ауле султана.⁶ Бий Кидель-Кипчакского рода Оренбургского ведомства Давлен поработил казаха Актыбая с двухлетнего возраста за то, что родители мальчика угнали у него скот.⁷ Однако нет оснований считать, что большая часть казахов-рабов была обращена в рабство таким путем. Такие факты, по-видимому, составляли редкие исключения.

Одним из основных путей превращения свободных общинников в рабство было экономическое закабаление бедняков. Байгуши, чтобы их дети не умерли с голода, нередко продавали их в рабство как местным богачам, так и русским чиновникам и купцам. Так, например, султан Сартай Чингизов в 1810 г. купил мальчика по имени Комантай у его родного отца «по бедному состоянию». В 1826 г. двухлетний мальчик Джолды после смерти отца и матери был продан дядей бию Кулгарину, который держал его в неволе. Этот же бий купил казашку

¹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 1, д. 1377, лл. 61-71, 142-147.

² Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882, стр. 243.

³ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 135.

⁴ Там же.

⁵ Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882, стр. 243.

⁶ ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 5546, л. 1.

⁷ Там же, ф. 345, оп. 2, д. 1377, л. 330.

Татты из рода Баганалы за две стельные коровы в 1828 г. Казахский мальчик Тлеспай был продан в 1819 г. отцом за 17 голов скота из-за бедности. Девушка казашка Чургай в 1844 г. была отдана в заклад одним торговцем султану Губайдулле за 100 баранов, одну лошадь и одного верблюда. Казах Джасык из Баян-Аульского округа в 1805 г. продал бию Ченову двадцатилетнюю девушку за одного верблюда, быка, 6 войлоков и 30 баранов. Другая девушка того же возраста была продана в 1801 г. ее отцом Арыстанбеком за 15 лошадей и т. д.¹ Приведенные выше факты взяты из архивных материалов Кокчетавского и Баян-Аульского округов, т. е. тех районов, где рабов-казахов было сравнительно меньше, чем в других местах, например, в округах Сибирского ведомства и в Младшем жузе. В рабство продавались не только дети, но и мальчики-подростки. Цены на них были разные, в зависимости от возраста и физической силы детей. Усыновление и опека не вели к обращению в рабство усыновленных и опекаемых.

Дети рабов также становились рабами. Однако в рассматриваемый период усилия хозяев поработить потомков рабов наталкивались на серьезное сопротивление последних, которые находили защиту в органах пограничной власти. В этой части характерна жалоба одного из крупных биев Туртугульской волости Чормана Кучукова, поданная на имя омского областного начальника в 1832 г., где он писал, что «его слуги, перешедшие по наследству от отца... по внушениям некоторых злонамеренных людей, считая себя с ними равными, совершенно не стали повиноваться и ушли».²

Если один из родителей был свободным, то их дети не могли формально считаться рабами. Однако сплошь и рядом, хотя и не всегда это удавалось, владельцы старались их закабалить. Обычное право казахов, по описанию Д'Андре, устанавливает: «Жена раба не подлежит рабскому состоянию, если она ордынка, равно как и дети того раба свободны, и распоряжаться ими хозяин не имеет никакого права. Но независимо от того, должны находиться в услужении у того семейства, к которому принадлежит отец их». И далее: «Буде купленная рабыня выйдет замуж за ордынца, через это самое переменит вероисповедание, в таком случае соделывается свободною и уже зависит от хозяина, отпустить на житье к мужу или же оставить у себя для услужения».³ В 1857 г. в Оренбургскую пограничную комиссию с жалобой обратился мальчик Кугербай Малгильдаев из тайфы Шумыш рода Табын. Он писал что «отец его, киргиз Малгильда Чалкаров с малолетства нахо-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 1877, лл. 31-35, 336-344.

² ЦГИА КазССР5, ф. 338, он. 1, д. 562, л. 1.

³ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 135-136.

дился в услугах у киргиза Чиклинского рода Маймаша, последний же при выдаче дочери Сулы в замужество за киргиза Трукменбая отдал за него в приданое и отца, который, женившись, прижил его и наконец помер. Трукменбай же, желая иметь вместо умершего Малгильда в рабстве сына, когда он, Кучербай, подрос, заставлял его пасти скот, притом чинил ему обиды и делал разные стеснения. Но Трукменбай, несмотря на настояния Кочербая, никак не соглашался предоставить ему свободу, и он скрылся бегством».¹

Рабы, особенно не имевшие семей, часто служили как бы разменной монетой. Их часто передавали из одних рук в другие. Они назначались в качестве призов на байге (лошадиных скачках), на тоях (торжественных вечерах), на асах (поминках), составляли часть богатых калымов (выкуп невесты) и приданого невест. Вот перед нами список 49 рабов по Баян-Аульскому округу. Из них 30 человек поступили к своим последним хозяевам в составе калымов, 8 – в приданое, 8 – куплены, трое – подарены.² Среди них нет ни одного раба, прослужившего со дня своего закабаления или рождения у одного владельца. Они, как видно из списка, не имели семей, большинство из них – женщины. Султан Дрюстей из Среднего жуза, устраивая поминки по отцу, в качестве первого приза на байге, наряду со скотом, назначил и человека-невольника.³ Броневский писал: «У киргизов немалое число находится в плену калмыков обоего пола: они, обременяясь ими, продавали их российским подданным, или верстали в уплату долгов».⁴

Правовое положение рабов отражает их общественное и политическое бесправие. В собраниях норм казахского обычного права Омского временного комитета, относящихся к 1824 г., говорится, что «работники и слуги не могут быть свидетелями на суде, над состоящими у киргизов в работе калмыками хозяев их имеют неограниченное право наказывать и по вине, и даже без вины: в последнем случае, ежели бы слуга и выдумал на хозяина своего жаловаться, просьба нигде не примете из сего исключаются однако же отпущенные на волю, которые пользуются уже наравне с прочими общественным правом». «Ежели бы слуга, кроме господина своего, сделал в постороннем месте какое преступление, как то: воровство, в какой бы сумме не было, убийство и тому подобное, то отдается истцу головою».⁵

¹ КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 1122, лл. 1-2.

² Там же, ф. 345, оп. 1, д. 1377, лл. 31-35.

³ *Влангали А.* Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 годах. Ч. 1. СПб, 1853, стр. 80.

⁴ *Броневский.* Записка о киргиз-кайсаках Средней орды. "Отечественные записки", 1830, ч. 42, стр. 163-164.

⁵ Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма Ата, 1948, стр. 40, 45.

В записях Д'Андре от 1846 г. по Младшему жузу сказано: «Раб должен находиться в полном повиновении своему хозяину, который может лишить жизни, продать, наказывать, одним словом, распорядиться им как своею собственностью, не спрашивая на то разрешения ни у какой власти или начальства.

Дела, касающиеся собственно до рабов, не обсуждаются бием, равно как и в случае неповиновения или проступке раба. Наказание определяется самим хозяином провинившегося».¹

В указанных описаниях ярко обрисовано бесправное положение рабов: они не могли подавать жалоб на действия хозяина, не могли выступать на суде в качестве свидетелей. Правом вершить суд над рабами обладал только их хозяин, который и мог отдать его тому лицу, интересам которого был причинен ущерб действиями раба. Рабовладелец рассматривал раба как свою собственность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Царское правительство в различное время по-разному относилось к факту существования рабства в Казахстане. В середине XVIII в. в связи с восстанием башкир оно официально предложило казахским ханам, султанам, старшинам обращать в рабство бежавших в казахскую степь башкир, грабить их имущество.² Впоследствии, когда русское самодержавие при проведении своей колониальной политики в Казахстане опиралось на местных крупных феодалов, заинтересованных в сохранении рабов как даровых работников, колониальные власти оказывали им всяческую поддержку в этом.

Императрица Анна в 1737 г. своим указом официально признала существование рабства в Сибири. Указом Государственной коллегии иностранных дел от 26 февраля 1752 г. было установлено, что убегающих из казахской степи пленных – рабов: персов, хивинцев, туркмен и других «для лучшего киргиз-кайсацкого народа приласкания» возвращать хозяевам обратно, оставляя только тех из них, которые желали бы принять святое крещение. Казахские ханы были недовольны тем, что правительство решило некоторую часть беженцев-рабов не возвращать владельцам. В 1759 г. хан Младшего жуза Нурали просил оренбургского губернатора А. Давыдова возвращать всех пленных, перебегающих в Россию из казахской степи. Правительствующий сенат решил этот вопрос на компромиссных началах и определил: «За выбегающих из киргизской степи для принятия святого крещения пленных уплачивать знатным киргизам от 20 до 50 рублей за человека и после этого новокрещенных

¹ Там же, стр. 136.

² Крафт Н. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 99.

отправлять в остзейские полки в солдаты, а малолетних в школу в Москву или отдавать частным людям в услужение для покрытия расходов казны».¹ В то же время правительство поощряло покупку детей казахов русскими чиновниками и превращение их в дальнейшем в бесправных слуг. Так, например, в 1808 г. было разрешено прилинейным жителям, чиновникам из колониальной администрации покупать и выменивать казахских детей под условием освобождения их по достижении двадцатипятилетнего возраста. Это право было ограничено в 1825 г. вначале тем, что дозволялось покупать от «кочующего народа» детей только женского пола. В этом же году покупка «азиатцев» вовсе была запрещена.

В конце XVIII в., в особенности после народного восстания под руководством Срыма Датова в Младшем жузе, а затем с ликвидацией ханской власти (в конце первой четверти XIX в.) русское правительство, пользуясь ослаблением позиций султанов, взяло курс на постепенную ликвидацию рабства. Вначале «Уставом о сибирских киргизах», изданным 22 июля 1822 г., приобретение рабов вновь из числа местного населения запрещалось. В нем было сказано: «Невольники, до 22 июля 1822 года находящиеся у киргизов, остаются при их владениях с правом продажи, передачи и наследственного владения, но с того времени строго воспрещено вновь приобретать в неволю природных киргизов».

По мере укрепления своих позиций в Казахстане правительство принимает более решительные меры по ограничению и полному запрещению рабства.

В 1859 г. Оренбургская пограничная комиссия заручилась подпиской всех рабовладельцев об отпуске ими на свободу своих рабов. Так был положен конец рабству в Казахстане. Надо сказать, что рабство уже само себя изживало к этому времени, его падение было предопределено самим ходом развития казахского общества.

Тюленгуты

В исторической литературе вопрос об институте тюленгутства, о его происхождении и месте в социально-экономических отношениях остается еще во многом невыясненным и спорным.

В одной из ранних работ проф. М.П. Вяткин писал: «Взимание повинностей требовало и соответствующего аппарата принуждения. При хане и султанах состояли особые дружины так называемых тюленгу-

¹ Чернявский Н. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1900, стр. 131.

тов – то же, что нукеры у узбеков или ранее у монголов. Это личная дружина хана и султана, кочующая вместе с ним и обязанная ему вассальной верностью. Впоследствии положение тюленгутов в казахском обществе изменилось, и в социальном отношении они приблизились к положению крепостных. Но это произошло значительно позже, не ранее первой четверти XIX века».¹ Данное положение впоследствии им было развито в интересной статье, специально посвященной институту тюленгутства в казахском обществе.²

Нам представляется спорным положение автора о том, что одним из основных источников формирования тюленгутов является феодализирующаяся знать из «черной кости». Проф. М.П. Вяткин при этом ссылается, например, на упоминание муфтия Мухамеджана Хусаинова, содержащееся в его журнале от 1785 г. о тюленгуге Ярлыганове, который приходился свойственником весьма влиятельному старшине Алачинского рода Суфра-бию.

В этом сообщении мы ничего не можем усмотреть относительно самого тюленгуга Ярлыганова. То, что он приходился свойственником другому богатому лицу, вовсе ничего не говорит о нем самом. В качестве другого доказательства М.П. Вяткин ссылается на то, что среди тюленгутов хана Нурали встречается имя «Карамурза». Но ведь известно, что нередко казахи носили имя с окончанием «мурза» (Карамырза, Сармырза, Малмырза и т. д.), вовсе не будучи мурзами в собственном смысле этого слова. Во всяком случае только одно упоминание имени «Карамурза» еще не говорит, что среди тюленгутов были действительно мурзы. Показание бия Актюбетовской волости Уджета Кутанова, приводимое М.П. Вяткиным о том, что звание тюленгуга «в прежнее время было еще в уважении, ибо служило охранением личности от разных утеснений посторонних киргизов, так и сбережении скота», также не может подкрепить вывод автора. В составе тюленгутов могли быть отдельные представители знати. Однако вряд ли они составляли основную массу султанского окружения.

Если говорить о документальных материалах начала XIX в., то в них совершенно нет никаких указаний на знатное происхождение большинства тюленгутов. Анализ экономических условий, фактического и правового положения тюленгутов также не дает почти никаких доводов в пользу такого предположения.

Проф. М.П. Вяткин утверждает, что форма зависимости тюленгутов от своих покровителей в XVIII в. преимущественно была вас-

¹ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 113.

² Вяткин М.П. Тюленгуты в XVIII веке. «Известия Казахского филиала Академии наук СССР». Серия историческая, вып. 1. Алма-Ата, 1940.

сальной, а на рубеже XVIII и XIX вв. эти отношения начали перерастать в крепостнические, хотя тюленгуты еще не стали крепостными в полном смысле этого понятия. Такое утверждение, безусловно, является логическим продолжением того, что было сказано автором вначале. Встретив в источниках, относящихся к XIX в., более полные сведения о тюленгутах и их общественном положении, говорящие не в пользу отношений вассалитета, разумеется, приходилось констатировать, что прежняя форма зависимости претерпела существенные изменения. Имеющиеся в нашем распоряжении документальные материалы не дают оснований для принятия этого утверждения. В действительности в первой половине XIX в. не происходили такие изменения в экономической и политической жизни казахского общества, которые позволяли бы говорить хотя бы о частичном усилении ханско-султанской группы, могущем повлечь низведение тюленгутов до уровня крепостных.

Мы согласны с М.П. Вяткиным, когда он причисляет к источникам формирования тюленгутов необеспеченную часть населения и рабов, а институт тюленгутства в целом рассматривает в непосредственной связи с процессом разложения казахской аульной общины и патриархального рабства.

Несмотря на некоторые спорные, с нашей точки зрения, положения, указанная работа проф. М.П. Вяткина заслуживает высокой оценки как с точки зрения постановки и метода исследования вопроса, так и с точки зрения высказанных в ней многих оригинальных мыслей.

Следует сказать, что положений, выдвинутых М.П. Вяткиным, придерживаются и некоторые другие исследователи. В частности, Е. Бекмаханов отмечает, что в начале XIX в. «изменяются и социальные функции тюленгутов. Из прежних дружинников и телохранителей крупных феодалов они постепенно превращаются в полукрепостных, в феодально зависимую челядь».¹

А.П. Чулошников считает, что тюленгуты не что иное, как промежуточная категория между вассалами западноевропейского типа и крепостными людьми.² В.Ф. Шахматов в своей статье о тюленгутах приходит к следующему выводу: «Группа тюленгутов включала в себя все формы зависимости одновременно – от коммэндации, вассалитета и клиентеллы до кабалы и рабства – именно рабства, а не крепостничества, ибо, как известно, это не одно и то же».³ Этим самым

¹ Бекмаханов Е. Об основных вопросах периодизации истории Казахстана. «Известия АН КазССР», серия историческая, вып. 4, 1948, стр. 40.

² Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа. Оренбург, 1924.

³ Шахматов В.Ф. Институт тюленгутства в патриархально-феодальном Казахстане. «Известия АН КазССР», серия истории, экономики, философии и права, вып. 2, 1955, стр. 91.

автор зачеркивает тюленгутов как конкретную социальную прослойку, поскольку отрицается за ними социальная определенность. Он считает, что группа тюленгутов состоит из разнородных социальных элементов, объединенных лишь султанской защитой, т. е. представляет смешанную группу, в которой действуют различные социальные тенденции. С таким выводом согласиться никак нельзя. В.Ф. Шахматов, возможно, и не желая этого, по существу сводит на нет все усилия предшествовавших исследователей, стремившихся найти определенную закономерность, тенденцию в развитии института тюленгутства. Нельзя признать такую работу шагом вперед в научной разработке проблем, связанных с социальными отношениями в дореволюционном Казахстане.

Удивительно и то, что автор, в основном оперируя материалами, относящимися к XIX в., не делает хотя бы каких-либо оговорок о социальной определенности тюленгутов в этот период.

Правом на владение тюленгутами пользовались только ханы и султаны – представители высшего феодального сословия в казахском обществе, происходящие от «белой кости». Бии, тарханы, батыры, даже самые влиятельные из них, иногда превосходившие своим богатством и авторитетом ханов и султанов, не имели такого права. История казахского общества не знает такого случая, когда бы последние претендовали бы на то, чтобы иметь тюленгутов. Таким образом, право иметь тюленгутов составляло исключительную привилегию только ханов и султанов.

На чем основана эта привилегия? Хань и султаны свое происхождение, как уже говорилось, связывали с именем Чингис-хана, они являлись носителями высшей политической власти. Они считали остальную часть народа, в том числе и феодалов из «караши», неспособными осуществлять функции высшего управления обществом. На протяжении всей многовековой истории Казахстана ханы всегда избирались из среды султанов, а последние находились во главе крупных родов и родовых союзов. Господство феодальной верхушки в политической жизни общества породило особые права для нее в социальных отношениях.

Политическое господство опиралось на экономическое могущество ханов и султанов. Они распоряжались огромными пастбищными пространствами подвластных кочевых коллективов, крупными стадами скота, пользовались феодальной рентой, трудом феодально зависимого крестьянства. Львиная доля военной добычи переходила в их руки. Монопольное владение основными средствами производства явилось той материальной силой, при помощи которой поддерживалась поли-

тическая власть и особые сословные привилегии ханско-султанской верхушки.

Ханы и султаны по своему политико-экономическому положению нуждались в особых группах людей, которые были бы постоянно при них в качестве материального орудия их власти и силы. Так было и в истории других народов. Русские князья, крупные бояре периода Киевского государства имели при себе дружинников, калмыцкие феодалы не обходились без «кетечинеров» и т. д. Однако положение и источники формирования этого феодального окружения были весьма различны в различных странах. Кроме внешней общности здесь имели место серьезные внутренние различия, обусловленные конкретно-историческими условиями развития каждого общества. Тюленгуты казахских ханов и султанов не могут быть механически отождествлены с дружинниками, нукерами и т. д. Даже в тех случаях, когда социальные прослойки в разных странах имеют много общего в основных чертах, должна быть выяснена и их специфичность.

Нет сомнения, что историческое развитие тюленгутства находится в тесной связи с развитием феодальных отношений в Казахстане. Институт тюленгутства носит на себе яркие следы периодов разложения патриархального рабства, формирования и развития феодальных отношений. Документы показывают, что одним из источников образования тюленгутов прежде были рабы. По истечении определенного времени рабы, как правило, обзаводились своими хозяйствами, семьями. Разумеется, такие рабы, имея в своем распоряжении средства производства, по своему классовому положению становились уже феодально зависимыми кочевниками. Эти отпущенные на свободу рабы не могли полностью оторваться от своего бывшего хозяина, служили ему в разных формах, и, надо полагать, часть их составила впоследствии его окружение. Таким образом, образование султанского окружения непосредственно связано с разложением патриархального рабства.

Трудно сказать, к какому периоду относится превращение отпущенных рабов в тюленгутов. Для нас представляется ясным то, что в начале XIX в. в составе тюленгутов находились бывшие рабы. Об этом свидетельствует ряд источников. Поручик генерального штаба Герн, в 1845 г. посетивший ставку султана Кенесары Касымова, писал, что его «скопище... состоит из собственных его тюленгутов до 1000 кибиток, которые достались ему от Аблай Хана, и большая часть калмыцкого происхождения». Во время переписки скота у населения Бурнаймановской волости (в первой половине XIX в.) у султанов Жусупа и Колапа Клычевых оказалось 8 юрт тюленгутов – калмыков и каракалпаков. Приблизительно аналогичное положение обнаружено при переписи в

Аталык-Матаевской волости. У одного султана здесь было 14 юрт тюленгутов – туркмен. Известно, что казахские рабы в середине прошлого века состояли из лиц иноземного происхождения. Броневский указывает, что тюленгутами являются у султанов «захваченные в давние времена бухарцы, ташкентцы, каракалпаки, башкирцы и калмыки».¹

В «Кратком описании о киргиз-кайсаках», составленном в последней четверти XVIII в., указывается, что тюленгуты – род служителей из других народов магометанского закона и большею частью из Кызылбаш, добровольно рабству подвергающиеся...».² В 1833 г. в Кокчетавском приказе группа султанов и биев под присягой подтвердила, что в состав тюленгутов входили прежде рабы.³ М. Красовский отмечает, что «потомки кулов, находясь при семействах султанов, были в тех же самых условиях, как и попадавшие в султанские работники киргизы. Те и другие носили до последнего времени одно название тюленгутов».⁴ А. Харузин писал, что в Букеевской орде «на правах тюленгутов становились вольноотпущенные рабы и дети рабов».⁵ Хан Джангер в своих записках указывал, что «тюленгуты суть потомки исстари обращенных в рабство и исключительно предназначенных в услужение «белой кости»».⁶ В другом источнике говорится, что «в киргизской степи с отдаленных времен существовали у султанов и старшин рабы или кулы из попадавших в плен калмыков и других среднеазиатцев... Но впоследствии потомки кулов жили при султанских семействах в равных условиях с прочими киргизскими работниками и одинаково с последними носили название «тюленгутов»».⁷

Такие сообщения настолько многочисленны, что игнорировать их совершенно недопустимо. Имеются основания полагать, что отпущенные рабы были основным источником формирования тюленгутов.

Султанское окружение создавалось в далеком прошлом, когда султаны выделились из основной массы народа, стали над народом. В те времена пережитки родового строя и сила патриархальной идеологии, несомненно, были еще очень значительными. Поработить непосред-

¹ Броневский. Записка о киргиз-кайсаках Средней Орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 42, стр. 96.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18537, л. 4.

³ Зобнин Ф. Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г. Вып. IV. Семипалатинск, 1901, стр. 38.

⁴ Красовский М. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. Ч. I. СПб, 1868, стр. 405.

⁵ Харузин А. Киргизы Букеевской орды. Вып. 1. М., 1899, стр. 30.

⁶ ЦГИА КазССР, ф. 4, д. 1538, л. 4 (1831 г.). Приводится по диссертации Аспандярова «Возникновение Букеевской орды и ее ликвидация», стр. 138. М. Фонд Гос. библиотеки имени В.И. Ленина.

⁷ Памятная книжка Западной Сибири. Омск, 1882, стр. 243.

ственного производителя – общинника было делом трудным, если вообще возможным. Для этого не созрели еще тогда экономические и социальные предпосылки внутри казахских аульных общин. Ведь даже в XVIII в. кочевые коллективы оставались более или менее прочными по своему внутреннему строю. Рабы, обильно поставляемые войнами, переходили в первую очередь в собственность военных вождей, крупных владельцев-султанов. Применение рабского труда в хозяйстве в условиях кочевого скотоводческого общества было связано с большими неудобствами. Пастух-раб уже обладал известной свободой, имел возможность скрыться от хозяина. Поэтому рабство сохраняло патриархальный характер и в период господства классовых отношений. Патриархальное рабство в самом себе содержало противоречивые моменты, которые вели к его разложению. Рабы, наделенные средствами производства, будучи лично зависимыми, оседали вокруг султанов.

Политическая и экономическая власть, сосредоточенная в руках этой группы знати, давала ей возможность превратить отпущенных рабов несмотря на их относительную хозяйственную независимость в лично несвободных людей. Так сложилось окружение султанов из бывших рабов. В этом нет ничего исключительного. Разве княжеские тиуны в Киевской Руси не являлись бывшими рабами? В их функции входило отправление важнейших обязанностей по княжескому двору, а затем и в масштабе государства. По мере уменьшения источников рабства на первый план выдвигается возможность пополнения рядов тюленгутов из местного населения.

Вассалы передавали в распоряжение султанов предписанное число общинников, которые, постепенно оседая, вливались в ряды тюленгутов. П. Небольсин, давший ряд оригинальных исследований быта калмыков, интересовавшийся другими кочевыми народами, исходя из своих личных наблюдений, отмечает, что тюленгуты «избираются биями из членов подведомственных им аулов и препровождаются к почетным султанам для состояния при их лиц в качестве прислуги. Из этих тюленгутов султаны приближают к себе отборных людей, которые и составляют при них род дружины или султанской свиты».¹

Так бывало в особенности в периоды войн. Известно, что Аблайхан во время военных походов имел при себе многочисленную группу тюленгутов, приставленных к нему от различных родов. При султанине Кенесары Касымове находился тысячный отряд тюленгутов, составлявший ядро его войска. Он постоянно понуждал своих верных вассалов своевременно пополнять его окружение новыми тюленгутами. В мирные годы часть этих людей оставалась при султанах, превращаясь в их постоянное окружение.

¹ Небольсин П. Рассказы проезжего. Спб, 1854, стр. 317-318.

Обострение экономических и социальных противоречий в обществе, упадок кочевого скотоводческого хозяйства и разложение общины обусловили приток в султанское окружение новых людей из различных слоев общества. Одни из них, не обладая достаточными возможностями противостоять грабегам военной и феодальной знати, искали покровительства и защиты у правителей, другие, разорившись, шли в работники к султанам, а затем причислялись к тюленгутам, третьи, будучи усыновленными с детства, при достижении совершеннолетия входили в окружение султанов и т. д.

30 августа 1833 г. бий Чобинтай Сагалов, служивший в Аягузском окружном приказе, показал: «Тюленгуты приобретаются киргизскими султанами тремя способами. Во-первых, по неимению скотоводства бедные киргизы прибегают к достаточным и остаются у них из-за одного пропитания даже и навсегда со своим потомством. Во-вторых, имеющие скотоводство киргизы, желая обезопасить стада и быть под покровительством, остаются при покровителе также потомственно, а иногда отходят и увольняются по доброй воле владельцами по учинении с ними расчета в содержании и приобретении скота.

Если же тюленгут оказывал покровителю верность в услугах, то отпускался и без всяких расчетов, даже еще и с наградою. В-третьих, во избежание какого-либо взыскания, правильного или неправильного, киргизы укрываются под покровительство султана или другого влиятельного киргиза. Султан или владелец оказывает таким тюленгутам все от него зависящие к защите пособия. В случае, если у ответчика – тюленгута недостает на расплату с кем-либо скота, то султан и прочие его тюленгуты уплачивают из собственного своего имущества. Такие тюленгуты не могут по своей воле отойти от одного владельца к другому».¹

Другие опрошенные – бии Базаев, Бенходжа Юсуїбаев и Сопа Токпаев – дали аналогичные объяснения.

В Акмолинском окружном приказе наиболее сведущие лица под присягой сообщили следующее: «Что же касается тюленгутов, то сии последние приобретались собственно из киргизов, когда киргизец или несколько их, какой бы они волости не были, и по каким бы обстоятельствам ни было, хотя бы по бедному состоянию, или по притеснению от других киргизов, или даже без всякой причины, сами добровольно присоединяются к какому-нибудь султану с тем намерением, чтобы быть его тюленгутами и прилагать на свой скот султанские

¹ Зобнин Ф. К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в киргизской степи. Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 г. Вып. VI. Семипалатинск, 1901. стр. 38-39.

тамги. На таких условиях они остаются на неопределенное число лет при султани и не только они, но и происшедшее от них потомство считается тюленгутами султана. Но они имеют право перейти к другому владельцу или даже отойти на волю и кочевать самостоятельно, потому что киргизы сии, сами присоединяясь к султану, служили ему и наследникам его добровольно».¹

Эти сведения были собраны чиновниками по предложению начальника Омской области в целях определения места и значения тюленгутов в казахском обществе. Сопоставление их с другими литературными и архивными источниками подтверждает достоверность этих сообщений. В 1846 г. поручик д'Андре, который провел длительное время среди казахов Младшего жуза, писал, что «тюленгуты – те из казахов, которые в прежнее время искали защиту у каждого Ордынского властелина от непрерывных в то время междоусобий. Бывало, что целыми семьями являлись к султанам, прося покровительства и средств к существованию, взамен предлагая свои услуги, а в военное время быть вроде телохранителей. Нередко целью сделаться тюленгутом хана было скрыться от законного какого-либо преследования, с тех пор образовав целые аулы, пришельцы этих разных родов и отделений кочуют постоянно вместе с султанами, не отличаясь, впрочем, ничем от простого киргиза, кроме одного – права клеймить свой скот султанским тавром. Тюленгутам не воспрещается откочевать со своим семейством от султанских аулов, но при первом востребовании должен явиться на прежние свои кочевья».²

Л. Мейер писал, что около султанов «во время смут собирались люди или бежавшие от преступлений и преследований, или инородцы. Этот сброд вместе с потомством освобожденных рабов, составляя челядь султана, называется киргизами тюленгутами. Тюленгуты не считаются в родах, но, составляя собственно двор султанов, кочуют с ними по степи».³ Такого же мнения придерживается и М. Красовский.⁴ Таким образом, другим источником пополнения состава султанских тюленгутов, игравшим уже доминирующую роль в рассматриваемый период, была система покровительства, защиты и патроната со стороны султанов.

Численный состав тюленгутов зависел от того, насколько султан был богат, влиятелен. В первой половине XIX в. некоторые султаны продолжали иметь многочисленное окружение, а другие обходились 2-5 тюленгутами. Так, например, старшие султаны Среднего жуза

¹ Там же, стр. 40-41.

² Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 136-137.

³ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб, 1865, стр. 95-96.

⁴ Красовский М. Область сибирских киргизов. Ч. 1. СПб, стр. 405.

Биралы Токов, Газы Букеев, Шама Аблайханов, Тастимбет Кучуков, Тауке Букеев к 1835 г. соответственно имели 106, 54, 41, 35 и 34 кибиток тюленгутов. А у таких султанов, как Жангир Чимин, Кугадай Маманов, Исентемир Булатханов, находились соответственно 1, 2, и 4 кибитки тюленгутов. Некоторые султаны вовсе не имели их.

По имущественному положению тюленгуты не были однородны. Основная масса их являлась выходцами из среды жай-шаруа. Следует учесть, что тюленгуты в большинстве случаев не пользовались официально столом или оплатой со стороны своих покровителей, хотя пользовались их защитой, поддержкой, «помощью» вообще. Наоборот, за то, что султаны обеспечивали им защиту, разрешали ставить на скот свою метку и т. п., тюленгуты должны были отплатить своим покровителям услугами и приношениями. Ясно, что при таких условиях тюленгуты должны были иметь свое хозяйство, обеспечивающее в основном содержание семьи. Это вовсе не означает, что хозяева не оказывали своим тюленгутам материальной поддержки. Нуждающиеся среди них получали от султанов саун, помощь транспортом.

Тюленгуты, находясь вместе с султаном, участвуя с ним в походах, выполняя его отдельные административные, хозяйственные и иные поручения, имели полную возможность обогатиться.

В таблице 24 приводятся данные об имущественном положении, тюленгутов, находившихся в ведении 15 старших султанов, стоявших во главе нескольких родов (волостей) Среднего жуза в 1835 г. ¹

Таблица 24

№	Султаны	У них было тюленгутов			Всего тюленгутского скота			В среднем на хозяйство приходилось		
		кибиток	мужчин	женщин	лошадей	КРС	мелк. скот	лошадей	КРС	мелк. скот
1	Букеев Б.	8	102	136	1650	257	4500	39	6	107
2	Букеев Абул.	16	48	64	584	194	3050	36	12	190
3	Букеев Абулг.	5	15	20	55	34	300	11	7	60
4	Кучуков Т.	35	105	140	891	155	2840	28	4	80
5	Булатханов С.	4	12	16	20	-	100	5	-	25
6	Чингизов Ж.	6	18	24	60	13	500	10	2	83
7	Маманов К.	2	6	8	40	15	200	20	7	100

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 823, лл. 55-63.

8	Чимин Ж.	1	3	4	-	-	-	-	-
9	Маманов А.	4	12	16	48	34	150	12	8
10	Аблайханов Ч.	41	123	164	200	150	1100	5	4
11	Ишимов Ш.	16	48	62	500	130	1700	30	8
12	Газиков Х.	19	57	76	45	33	1050	2	2
13	Букеев Г.	54	162	216	300	240	4100	6	4
14	Токов Б.	106	318	424	1920	284	10980	18	3

Как видно из таблицы, у некоторых султанов довольно много тюленгутов. Тюленгуты в основной массе по размерам скотовладения находятся на положении жай-шаруа и зажиточных крестьян. Бесскотным является единственный тюленгут (султана Чимина Ж.), который, по-видимому, введен в это звание недавно из числа бедняков.

Некоторые тюленгуты имеют по 2 и более юрт на одно хозяйство. Так, например, у тюленгута Абанбая имеются 2 юрты, у Жолданбая с тремя сыновьями – 6 юрт, у Кукурбека – 2 юрты. Это – признак материальной обеспеченности, состоятельности указанных тюленгутов. Далее, мы замечаем, что некоторые тюленгуты живут при султанах не только со своими семьями, но и с другими родственниками, что характеризует их как крестьян, прочно обосновавшихся в султанском владении, полностью оторвавшихся от казахских родов, аульных общин.

Тюленгуты как собственники скота не имели его в таких больших количествах, чтобы нуждаться в посторонней помощи по уходу за ним. В приведенных таблицах не встречается ни одного тюленгутского хозяйства, которое не могло бы быть обслужено членами средней семьи. Тюленгуты в отдельные времена года пасли свой скот вместе со скотом своего хозяина, в особенности если они выполняли обязанности пастухов или охраняли скот. Сами султаны в определенной степени были заинтересованы в том, чтобы их тюленгуты не стали настолько самостоятельными, чтобы переключиться только на свои хозяйства. Это породило бы тенденцию у части тюленгутов к отделению от султанского аула, что, конечно, не было в интересах феодала и феодального хозяйства. Имущественное положение тюленгутов по мере возможности, надо полагать, поддерживалось на таком уровне, чтобы они не были постоянными нахлебниками у султана и вместе с тем чтобы оно не побуждало их стремиться к достижению независимости от султана.

Среди тюленгутов того или иного султана встречаются менее обеспеченные и более обеспеченные скотом семейства. Это зависело не только от того, какую функцию они выполняли, в какой степени поль-

зовались расположением хозяина, но и от того, сколько в семье было рабочих рук. Из приведенных выше таблиц видно, что чем больше юрт против той или другой фамилии, т. е. чем многочисленнее семья, тем больше скота у членов семьи.

Тюленгуты привлекались к выполнению различных работ: они пасли и охраняли скот, сопровождали и охраняли хозяина и его семью, привлекались к исполнению административных поручений, во время походов составляли личную охрану ханов и султанов и т. д. Например, один из крупных султанов Средней орды Кудайменды передавал свои распоряжения через своих тюленгутов, назначал их вместе с сыновьями проводниками русских караванов.¹

В 1829 г. некоторые из тюленгутов султана Каипгалия Ишимова находились со скотом на пастбищах. Один тюленгут вместе с сыном султана участвовал в нападении на другие аулы. Два тюленгута находились при семье султана, когда она переправлялась со стороны Внутренней орды на левый берег Урала.² А. Гейнс в своем «Путешествии в Киргизскую степь» в 1865 г. описывает свой разговор с тюленгутом, пасшим хозяйский скот. «Недалеко от вершин Каратая мы заехали, – пишет он, – чтобы выкурить трубки, в юрту тюленгутов какого-то султана, пасших его скот. «Что вы получаете за пастьбу?» – спросили мы. «Что дадут. Когда попросим, лошадь, когда и баранов»³, – ответил им тюленгут. Если сам тюленгут пас скот на поле, то его жена «являлась рано утром к своей госпоже, грела воду, готовила все, что требовалось открывала «тюндюк», готовила кушанье и оставалась до позднего вечера в доме».⁴ Тюленгуты хана Внутренней орды Джангера охраняли сенокосные угодья, по указанию хана определяли границы участков земель, служили в качестве личной гвардии. В период крестьянского восстания Исатая Тайманова, когда хану грозила серьезная опасность, его тюленгуты оказались самыми ревностными защитниками интересов своего хозяина.

Казахский адат не знает регламентации прав и обязанностей тюленгутов. Они зависели от самих султанов. Личная охрана и обслуживание интересов ханов и султанов составляли обширный круг обязанностей тюленгутов.

Какими личными правами пользовались тюленгуты, каково было их правовое положение в обществе – эти вопросы остаются до сих пор не вполне ясными. Одни исследователи считают, что тюленгуты

¹ Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии. СПб. 1821, стр. 25.

² ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1685, лл. 754-756.

³ Гейнс А. Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб, 1897, стр. 445.

⁴ Валиханов Ч. Сочинения. СПб, 1904, стр. XIII.

составляют некий конгломерат представителей знати и феодально зависимого населения, поэтому они не могли пользоваться какими-то общими личными и общественными правами. Такой взгляд не может считаться правильным.

Если взять любую группу тюленгутов, то нетрудно убедиться, что по имущественному положению они находились на уровне крестьян. Среди них вовсе не было представителей знати, если не считать редких исключений.

Имеется другое мнение, отождествляющее тюленгутов с крепостными крестьянами. Об этом говорят и некоторые дореволюционные авторы. Нам кажется, что тюленгуты не могут быть приравнены к крепостным крестьянам, хотя в их положении некоторые черты крепостной зависимости действительно были.

Судя по различным документам, часть тюленгутов формально имела право уходить по своему желанию от своего покровителя. Но при этом султан учинял «с ними расчет в содержании и приобретении скота» за период нахождения в его свите. Освобожденные тюленгуты по первому требованию должны были явиться «на прежние свои кочевья», т. е. к султану, обратно. Нетрудно видеть, что уход тюленгутов от своего хозяина фактически был затруднен. В этом смысле характерна жалоба группы тюленгутов султана Турсуна Чингизова, поданная в Омское областное управление в 1833 г. В ней говорилось: «В настоящее время от притязаний султана Турсуна Чингизова сделались его невольниками», далее сообщалось, что султан избивал за попытку ухода от него. Он хочет, говорилось в жалобе, «чтобы мы имели кочевку вообще с султаном Турсуном, мы же не противлялись таковой воле, прикочевали к нему, но он, Турсун, насильным образом начал грабить нас по 20 и 30 лошадей и из юрт имущество...».¹ Так производили «расчет» за попытку оставления султанского владения и в первой половине XIX в., когда тюленгутство разлагалось. Тюленгутов, находившихся на таком положении, было большинство. Другая часть тюленгутов (долги которых были уплачены султаном или они не могли рассчитаться с хозяином и т. д.) не имела и формальных прав ухода от султанов.

Таким образом, обнаруживаются две прослойки внутри тюленгутской группы. Одна часть тюленгутов была более свободной, другая – менее свободной. Нельзя ставить в один ряд тюленгута, не имеющего скота или в лучшем случае владеющего 1-3 головами скота, и тюленгута, располагающего 20-50 головами крупного рогатого скота, не считая лошадей. Нельзя считать равными в правах тюленгута, ис-

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 796, л. 3.

полняющего обязанности пастуха, и тюленгута – сборщика дани или из личной свиты султана.

Поскольку способы приобретения тюленгутов были весьма разнообразны и в связи с этим люди различного положения вливались в их ряды, то и привлекались они к выполнению работ, различных как по объему, так и по важности. Было бы неправильным поэтому считать всех тюленгутов в личных правах равными, хотя со временем должна была произойти унификация их правового положения. Над теми тюленгутами, которые находились почти на положении рабов, султаны сохраняли большие, почти неограниченные права. Их можно было передавать в другие руки, а иногда даже убивать за совершенные проступки. Источники дают определенный повод для такого утверждения. Так, например, сын султана Ширгазы Айчувакова, Ишказы, приказал тут же при нем повесить своего тюленгута, заступившегося за Тиллу – сестру султана, не выполнившую его приказа¹, Тюленгута, находившегося при доме матери Чокана Валиханова, отправили вначале вместе с семьей в аул брата его отца, а затем передали султану Мусе Чорманову.² Надо, однако, заметить, что таких по существу бесправных тюленгутов было весьма немного.

Тюленгутская служба была наследственной, а не личной. Тюленгуты переходили по наследству от одного султана к другому. В качестве свидетелей против своего хозяина они не могли выступать, за свои действия перед султаном несли персональную ответственность своим имуществом. В остальном они приравнивались к рядовым кочевникам. Когда царским правительством устанавливались размеры сборов с казахского населения, тюленгуты были исключены из числа налогоплательщиков, т. к. считались приписанными к султанским владениям крестьянами.

Тюленгуты – федално зависимые крестьяне, превращенные в служилых людей султанского двора и пользующиеся их непосредственным покровительством и защитой.

В положении султанов и их тюленгутов в первой половине XIX в. произошли серьезные изменения. Этот период был периодом окончательной ликвидации института тюленгутства в казахском обществе.

Былое могущество султанской группировки сильно было подорвано. Упадок кочевого скотоводства отразился и на положении султанов. Подъем классово-борьбы трудящихся масс в первую очередь своим острием также направляется против власти султанов. Отмена

¹ Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб, 1867, стр. 80.

² См. Валиханов Ч. Сочинения. СПб, 1904, стр. XIV.

ханской власти (1822, 1824 к 1845 гг. в различных частях страны), усиление политических позиций царизма в Казахстане привели к серьезному ослаблению, а затем и постепенному вытеснению султанской власти. Наряду с султанами во главе родов начинают назначаться бии, старшины из «караши». Нельзя не учесть и еще одного серьезного обстоятельства: общественно-политическая жизнь у казахов, несмотря на отдельные народные восстания и выступления реакционных феодалов, в значительной степени стабилизировалась. Барымта пресекалась, меньше стало междоусобиц, войны с соседями прекратились, и значение султанов как военачальников падает.

Все эти факторы, говорящие о серьезном ослаблении экономического и политического могущества, военного престижа султанства, об исчезновении тех условий, наличием которых определялось существование тюленгутства, привели к массовому уходу тюленгутов от своих бывших покровителей. Да и у султанов не было прежней необходимости держать многочисленных тюленгутов. Те султаны, которые получили должности чиновников «сверху», опирались теперь в своей деятельности на авторитет государственной власти, поддержанный русским штыком.

В свою очередь, среди обеспеченной части тюленгутов появились явные признаки неповиновения султанам. Один из крупных султанов Кокчетавского округа Аблай Габбасов в 1832 г. жаловался в Областное управление сибирских казахов «на неповиновение тюленгутов, доставшихся ему от предков по наследству».¹ В начале 40-х годов 16 из 47 тюленгутов султана-правителя Есима Чамлина оставили его и ушли к своим родовым кочевьям.²

Колониальные органы не могли не реагировать на жалобы и заявления тюленгутов, тем более что эти требования поддерживались многочисленными средними и мелкими феодалами, которые вели борьбу с султанством за преобладание в политической и экономической жизни общества. Царское правительство начинает вмешиваться во внутренние дела султанов, предлагая им отпустить тюленгутов и рабов. Под нажимом колониальных органов, не надеясь удержать более тюленгутов, султаны в 1859 г. приняли присягу о предоставлении им свободы. Бедным тюленгутам султаны сами предоставляли свободу, когда в них больше не нуждались. Часть тюленгутов, еще не потерявшая связи с кочевыми аулами, уходила в свои родовые отделения, а большая часть образовала особый род тюленгутов. В первое время отошедшие от султанов тюленгуты продолжали зависеть от них, даже в некоторой степени сохраняли

¹ ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 760, л. 1.

² Там же, ф. 374, оп. 1, д. 1011, лл. 184-185.

признаки известного обособления. Уход тюленгутов от султанов был массовым. Так, например, если во Внутренней орде в 1828 г. в орде тюленгутов было 300 кибиток¹, то в 1849 – 1850 гг. стало 665 кибиток.

Специфические зависимые отношения тюленгутов перешли в обычные феодально зависимые, редко – в вассальные отношения. Освобожденные тюленгуты в Среднем жузе ясачным сбором в течение пяти лет не облагались. Интересно, что во Внутренней орде ушедшие от султанов и составившие особый род тюленгуты продолжали пользоваться теми льготами и правами, которые они имели до выделения из султанского хозяйства. Родовая тамга была идентична султанской, и ею тюленгуты клеймили свой скот. Тюленгуты освобождались от несения податных повинностей: не платили ни зекета, ни согума. В этом выразился несколько условный характер, который имело в первое время обособление тюленгутов.

В заключение следует отметить, что формирование, развитие и гибель института тюленгутства находятся в непосредственной связи с зарождением, развитием и разложением феодальных отношений, в частности института султанства, в казахском обществе.

Выводы

Султаны, бии, тарханы, старшины и баи, кроме общих черт, присущих им как членам правящего феодального класса, эксплуатирующего труд крестьянства, имели существенные различия в частности, обусловленные их конкретным местом и ролью в системе общественного производства, потребления и обмена. Поскольку такие различия имели место, должны были также существовать и различия во взаимоотношениях социальных групп правящего класса как между собой, так и с эксплуатируемым классом. Трудящиеся, выступая против угнетения и произвола, обычно выражали свой гнев вполне конкретно, борясь против притеснений той или иной группы эксплуататоров и ее представителей. Так, например, казахские кочевники, восставшие во главе со Срымом Датовым (конец XVIII в.) в Младшем жузе, требовали расправы не со всей знатью вообще, а в основном только с ханом и султанской группой. Точно так же крестьянское движение во Внутренней орде (в конце 30-х годов XIX в.) своим острием было направлено против ханского окружения – самого жестокого притеснителя трудящихся масс. Так было и в других случаях. Таким образом, особенности в положении отдельных слоев господствующего класса

¹ *Шахматов В.Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова, Алма-Ата, 1946, стр. 19.

не являются мелочью, которой можно пренебречь, анализируя социальные отношения.

Различия в положении отдельных групп феодального класса являлись одним из источников внутренних противоречий между ними. Постоянная борьба за преобладание в экономической и политической жизни общества, свойственная феодальным группам, основывается на этих, казалось бы частных, особенностях положения каждой из них. Поэтому неудивительно, что в казахском обществе то и дело возникали феодальные междоусобицы. Во главе народного движения против определенных слоев господствующего класса нередко становились представители других слоев этого класса. Таким образом, подобные выступления, несмотря на то, что движущей силой их был народ, в конечном счете по своим результатам служили эгоистическим интересам той или иной эксплуататорской группы в рамках господствующего способа производства.

Трудящиеся также неоднородны по своему составу. Среди них имеются зажиточная часть, средние слои, материально слабо обеспеченные и необеспеченные группы. Все они являются непосредственными производителями, и это составляет главную общую черту, характеризующую все слои трудящихся. Вместе с тем особенности в положении отдельных групп трудящихся, которые проявляются в рамках присущей им общности, обуславливают различное их отношение к другим слоям общества, в том числе к феодальной знати. Так, например, жай-шаруа – материально более или менее обеспеченные крестьяне – в большей степени были привязаны к патриархально-феодальному режиму, чем, скажем, жатаки или егинши, оторвавшиеся от кочевых коллективов.

Поскольку многообразие в единстве характерно и для феодального класса и для класса непосредственных производителей, то теоретически и практически отношения различных слоев одного класса к различным слоям другого класса имели свои специфические особенности.

Отношения социальных групп в антагонистическом обществе представляют весьма сложный комплекс столкновений различных интересов. Среди разнообразнейших форм отношений имеются главные, определяющие. Это – производственные отношения. Точно так же среди массы противоречивых интересов, желаний и стремлений людей есть главное противоречие – противоречие между основными классами: господствующим и угнетенным. Все остальные формы противоречий, возникающие внутри каждого класса, суть явления второстепенного, неглавного порядка. Отсюда, какими бы сложными,

запутанными и на первый взгляд малообъяснимыми не казались нам отношения между социальными группами, они вытекали в первую очередь из экономических условий существования классов и каждой в отдельности социальной группы. Наше исследование было посвящено раскрытию этой закономерности развития общества на конкретном примере казахского феодального общества первой половины XIX в.

После того, как мы рассмотрели социальное строение казахского общества и выяснили природу различных социальных групп с точки зрения их экономического и политического положения и отношения между ними, можно прийти к следующим выводам:

1. В казахском обществе первой половины XIX в. существовали два основных класса, коренным образом различающиеся экономическими условиями существования, с противоположными интересами. Это феодалы и зависимые от них крестьяне.

2. Кроме этих двух основных классов, в обществе были социальные группы, органически не входившие ни в одну из них, но связанные с ними. Это были жатаки – оторвавшиеся от кочевых аулов и осевшие в основном вокруг русских населенных пунктов бывшие кочевники; жумыскеры – казахские полупролетарии, занятые в промышленности; кулы – остатки рабов; тюленгуты – составляющие окружение султанов служилые люди.

3. В отличие от многих других феодальных обществ, казахское общество не знало городской аристократии, цеховых ремесленников, купцов и ростовщиков как оформившиеся социальные прослойки. Правда, товарно-денежные отношения в рассматриваемый период получают значительное развитие в казахском обществе. Однако это происходит в основном не в связи с ростом капитала местных ростовщиков и купцов, которых было еще мало, а в связи с проникновением и утверждением русских купцов и капиталистов.

4. Процесс образования промышленных рабочих развивался гораздо быстрее, чем становление буржуазного уклада в недрах казахского общества. Такое несоответствие объясняется тем, что первые элементы рабочего класса зародились не на базе местного производства, а на предприятиях, организованных русскими промышленниками.

5. Султаны, ведущие свое происхождение от Чингис-хана, по-прежнему занимали командное положение в экономической и политической жизни общества. Однако султанская группа была уже не такой сильной, в ней явно наметились тенденции к разложению и упадку.

6. Бии и тарханы составляли аристократическую верхушку родовых феодалов. Они в феодальной лестнице стояли ступенькой ниже султанов. Ослабление влияния султанской группы в общественной жизни привело к известному усилению роли и удельного веса биев.

Снижение политического престижа султанов, которому содействовали бии, в то же время затрагивало позиции так называемых «старых» биев, узурпировавших судебную власть в казахских родах. Общее усиление бийской группы сопровождалось, таким образом, ослаблением позиции одной ее части – «старых» биев.

7. Аульные старшины и баи замыкали собою феодальный ряд. Они ходом разложения кочевого скотоводства и аульной общины были задеты в большей степени, чем другие слои господствующего класса. Одна их часть постоянно переходила в разряд рядовых кочевников, а другая поднималась на следующую ступень феодальной иерархии. Этот процесс намного усилился в первой половине XIX в.

8. Основная масса населения находилась на положении жай-шаруа, экономически более или менее самостоятельных, но лично зависимых крестьян.

9. Кедей-шаруа представляли из себя такую категорию крестьянского населения, которая имела личное скотоводческое хозяйство, служившее основным источником средств существования, но в то же время недостаточное для того, чтобы покрыть потребности семьи. Поэтому кедей-шаруа вынуждены были изыскивать дополнительные источники материального обеспечения своих семей. Для них внеэкономическое принуждение в какой-то степени переплетается с экономическим принуждением.

10. Байгуши доставляли почти даровую рабочую силу в феодальных хозяйствах.

11. Жатаки – оседлые крестьяне, поселившиеся вокруг и вблизи городов, населенных центров, меновых дворов, стоянок торговых караванов и т. д., в большей части выходцы из среды байгушей. Придя в непосредственное соприкосновение с русским населением, они со временем переняли у него положительный опыт хозяйствования, некоторые стороны быта, привычки и взгляды, что имело далеко идущие прогрессивные последствия для казахского общества в целом.

12. Носителями передовых форм производства были егинши-земледельцы, пахари. Выйдя из-за бедности из состава кочевых скотоводческих аулов, многие из байгушей вынуждены были на первых порах приняться за земледелие. Постепенно такое явление теряет свой спорадический, случайный характер и становится массовым и устойчивым явлением среди бывших казахских кочевников. Правда, культура возделывания и обработки почвы оставалась примитивной, а труд егиншей малопродуктивным. При всем этом сам по себе рост земледельческого производства и связанная с ним оседлость населения были существенно важным явлением в истории общества.

13. Для развития экономики Казахстана большое значение имело возникновение первых, хотя и мелких очагов промышленного производства по добыче и обработке полезных ископаемых, которые были основаны на иностранном капитале. Оно влекло за собой сложение рабочей прослойки (жумыскеры) из местного населения. Казахские промышленные рабочие, еще малочисленные и неполностью освобожденные от средневековых связей и пут, работая бок о бок с русскими рабочими, получали известную классовую закалку. Со временем среди них стали появляться кадровые и квалифицированные рабочие.

14. Тюленгуты должны рассматриваться как особая группа непосредственных производителей. Это в основной массе бывшие феодально зависимые скотоводы, превращенные в служилых людей и работников султанского двора. Они отличались от остальной крестьянской массы не только тем, что находились под покровительством султанов, пользовались его защитой, но и тем, что они в какой-то мере выступали представителями власти своих хозяев, поскольку служили им и выполняли различные функции по управлению их хозяйством. Сами они не присваивали чужой труд, хотя помогали другим присваивать его.

15. Отношения двух основных классов – феодалов и крестьян – являются отношениями господства и подчинения. Для этих отношений характерно наличие значительных пережитков патриархальщины, в известной степени искажающих форму этих отношений, но не могущих изменить их подлинной сути.

16. Присвоение феодальной знатью прибавочного продукта непосредственных производителей – крестьян происходило различными способами. В одном случае устанавливались сборы с населения за кочевание для покрытия расходов знати по управлению и т. д. В другом случае оно проводилось на основе исполнения дедовских обычаев «одаривать» представителей знати, приносить «добровольные» приношения влиятельным лицам. В третьем случае, по сути дела, крестьянские отработки выдавались как «помощь» однородичей и т. п. При этом внеэкономическое принуждение нередко сочеталось с экономическим принуждением.

Заключение

В обширных полупустынных и степных районах Казахстана в первой половине XIX в. почти безраздельно господствовало экстенсивное кочевое скотоводство. Здесь занятия земледелием играли второстепенную роль. Торговые отношения часто сохраняли еще обменную форму. Уровень развития ремесленно-кустарного производства позволял удовлетворять лишь небольшие внутренние потребности отсталого, во многом натурального хозяйства. Население слабо было связано с городами, оседлыми обществами. Здесь имели наибольшее распространение атрибуты развитого кочевого скотоводства.

Несколько иной характер имела экономика в южных, юго-восточных областях и на севере Казахстана. Благоприятные климатические условия и связь с более развитыми и оседлыми пограничными странами обусловили более интенсивное развитие в этих местах земледелия, оседлости, товарно-денежных отношений и возникновение первых предприятий капиталистического типа. Однако кочевое скотоводство и здесь оставалось преобладающей формой производства.

Итак, уровень развития производительных сил общества характеризовался тем, что основной формой общественного производства было экстенсивное скотоводство, основанное на пастбищно-кочевой системе. Казахи занимались земледелием лишь в такой мере и постольку, поскольку это не мешало им оставаться преимущественно скотоводами. При господстве кочевого скотоводства не было достаточного стимула и возможностей для серьезного развития ремесла.

Господствующие производственные отношения казахского общества в первую очередь складывались из отношений, связанных с владением и присвоением пастбищного пространства, поскольку оно составляло основное условие ведения скотоводческого хозяйства, и из отношений, связанных с владением и присвоением скота – одного из важнейших средств общественного производства. Из рассмотрения совокупности этих отношений видно, что а) казахское общество по своей социально-экономической природе было феодальным; б) феодализм в Казахстане возник и развивался под воздействием тех же общих законов, которые присущи феодальному способу производства вообще. Особенности феодализма в Казахстане были:

1. В области земельных отношений. Феодальное верховенство выступало преимущественно в форме распоряжения знати кочевьями, частное владение землей имело место только по отношению к особо важным участкам (зимние места, сенокосы, луга, оазисы и т.д.),

обширные степные пастбищные районы находились в пользовании определенных коллективов, в которых господствовали феодалы.

2. В области скотовладения. Наряду с крупной феодальной частной собственностью существовала мелкая крестьянская собственность на скот.

3. В области идеологических отношений. Патриархальные идеи и представления имели значительную силу, классовое самосознание трудящихся было развито слабо.

4. В области социальных отношений. Несмотря на глубину имущественной дифференциации между социальными группами, классовое расслоение общества еще полностью не завершено, борьба трудящихся против эксплуататоров носила стихийный характер и велась большей частью еще примитивным образом.

Все это свидетельствует о том, что феодальные производственные отношения, так же как и производительные силы общества, находились на низкой ступени развития.

Присоединение Казахстана к России по своим объективным результатам имело глубоко прогрессивное значение для исторических судеб казахского народа. Это уже ощущается в первой половине XIX в. в тех сдвигах, которые произошли в этот период в экономике казахского общества.

СТАТЬИ

- **Исследование на большую историческую тему**
- **Об одном историко-экономическом исследовании**
- **О патриархально-феодалных отношениях у кочевников-скотоводов**
- **К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане**
- **К вопросу о прогрессивной роли присоединения Казахстана к России**
- **Задачи повышения теоретического уровня исследовательских работ по национально-государственному строительству**
- **Факты и их основания**
- **Роль принципа противоречия в изучении национально-государственного строительства**
- **О системном анализе национально-государственного строительства**
- **Необходимость коллективных обсуждений теоретических вопросов**
- **Некоторые вопросы теории советской национальной государственности**

ИССЛЕДОВАНИЕ НА БОЛЬШУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ТЕМУ¹

Выход казахского народа на широкую и светлую дорогу социализма имеет свои истоки. Крупнейшим событием, предопределившим характер дальнейшего развития казахского общества, явилось добровольное присоединение Казахстана к России. Оно положило начало установлению тесных взаимоотношений, экономических, культурных и идейных связей между казахским и русским народами. Борьба казахского народа рука об руку с великим русским и другими народами нашей страны за свободу и независимость, за социалистическое преобразование общества, великие завоевания этой борьбы были подготовлены всем ходом исторического развития в предшествующий период и явились высшей оценкой того, какое огромное жизненное значение имело для казахского народа присоединение к России.

Создание серьезных трудов, всесторонне, с марксистских позиций освещающих присоединение Казахстана к России, является одной из важных задач ученых нашей республики. В партийной печати неоднократно подчеркивалось почти полное отсутствие таких работ. Данная проблема, несмотря на всю ее важность, изучена слабо. До сих пор была известна только изданная в 1948 году работа Н. Апполовой, в которой рассматривалось принятие подданства России казахами Младшего жуза. Статьи и брошюры, появившиеся в последние годы, в основном носят популярный характер. В связи с этим большой интерес вызвала вышедшая в свет монография Е.Б. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России».²

Монография Е. Бекмаханова состоит из двух частей. В первой части рассматриваются предпосылки и процесс присоединения Казахстана к России, во второй – экономические, социальные, идеологические и политические последствия этого исторического факта.

Исследование основано на использовании многочисленных литературных, архивных источников, фольклора и материалов мемуарного характера. К сожалению, недостаточно привлечен богатый статистический материал, характеризующий внутреннее положение Казахстана конца XIX века, в частности материалы экспедиции Ф. Щербины. Подчеркивая, что при характеристике земельных отношений ранних периодов следует исходить не из формально-правовых сторон, а из

¹ «Партийная жизнь Казахстана», №3, 1958 г.

² Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. Издательство Академии Наук СССР. Москва, 1957 г.

фактически сложившихся поземельных отношений, Е. Бекмаханов обоснованно замечает, что в рассматриваемый период не только зимние пастбища и сенокосные угодия находились в частной собственности, но и феодально-родовая знать выступала также в качестве монопольного собственника летних пастбищных угодий. Земля, являясь главным средством производства, составляла основу феодальной эксплуатации. Наиболее распространенной формой феодальной ренты в казахском обществе была отработочная рента. В руках степной знати была сосредоточена основная масса скота.

В монографии разбираются формы феодальной эксплуатации – «саун», «маин» и т. д. Они рассматриваются конкретно, применительно к каждой категории феодально-зависимого населения (консы, джатаки, байгуш и т. д.). Это дало возможность автору оттенить некоторые особенности феодальных отношений в Казахстане.

Социально-экономические отношения казахского общества рассматриваются в развитии, и в этом одна из положительных сторон исследования. Показано, что с присоединением Казахстана к России развиваются земледелие, горнорудная промышленность. Заметно меняются природа отдельных социальных групп, формы земельной собственности и эксплуатации трудящихся. На исторической арене появляются промышленные рабочие из местного населения, крепнут связи между казахским и русским народами. Прогрессивные изменения в экономике казахского общества рассматриваются в органической связи с благотворным влиянием экономики России.

Отмечая достоинства глав монографии, освещающих социально-экономическое положение Казахстана XIX века, нельзя не указать на отдельные их недостатки. На наш взгляд, не обосновано утверждение автора о том, что «присоединение Младшего жуза к России и укрепление торгово-экономической связи между казахами северных областей Среднего жуза привело к окончательному разложению натурального хозяйства казахов» (стр. 45). В действительности натуральное хозяйство в Казахстане господствовало вплоть до Октября 1917 года. Другое дело, что оно постепенно разлагалось, однако этот процесс не был завершен и к началу XX века. Об этом, кстати сказать, говорит сам автор в другом месте, указывая, что «в экономике Казахстана господствовало натуральное хозяйство» (стр. 38). Поспешным является также вывод автора о разложении кочевой общины к середине XIX века. «Стремление сохранить господствующее положение феодальной знати путем закрепления за нею земельной собственности, – пишет он, – привело к разложению кочевой общины казахов» (стр. 125). Между тем аульная (общинная, групповая) форма хозяйствования, расселения, управления и кочевания сохранялась у казахов вплоть до начала XX века.

Представляется противоречивым выдвинутое в книге положение о том, что основным объектом эксплуатации в форме отработок были так называемые консы-шаруа. Консы – это бедняки, находившиеся в полной зависимости от своих феодалов. Если учесть, что отработки являются «наиболее распространенной формой феодальной ренты в казахском обществе», становится ясным, что автор своим утверждением суживает рамки феодальной эксплуатации. Как свидетельствуют статистические данные тех лет, консы составляли незначительную часть феодально-зависимого населения. Кроме того, при феодальных производственных отношениях основным объектом эксплуатации являются более или менее обеспеченные, но лично зависимые крестьяне. Если же принять положение Е. Бекмаханова о том, что консы, не имеющие никакого скота, были основным объектом феодальной эксплуатации, то не остается места для внеэкономического принуждения.

Известную непоследовательность проявляет автор в объяснении основ внеэкономического принуждения в казахском обществе. Е. Бекмаханов неоднократно подчеркивает, что «патриархальные обычаи служили средством внеэкономического принуждения», ни слова не говоря об иных основах. Между тем патриархальные обычаи служили лишь одним, но отнюдь не ведущим средством осуществления внеэкономического принуждения.

Ошибочно утверждение о том, что «в рассматриваемое время (т. е. к середине XIX века. – С. 3.) феодалы владели пастбищами уже практически и юридически» (стр. 49). Во-первых, царское правительство объявило себя верховным собственником казахской земли, во-вторых, феодалы, будучи фактическими владельцами земельных угодий, за редким исключением юридически прерогативами собственника не обладали. Ведь и сам автор несколько ранее совершенно справедливо утверждает, что «в обычном праве казахов сознательно сохранялся общинный характер землепользования казахов, так как это было выгодно представителям феодально-родовой знати» (стр. 46).

Спорным остается вопрос о природе байства в XIX веке. Е. Бекмаханов связывает баев с товарно-денежными отношениями, причисляя их к торговым людям. Он пишет: «Среди казахов появилось много баев, ведущих крупные торговые и ростовщические операции» (стр. 44), «уже к середине XIX века баи, принимавшие участие в торгово-ростовщических операциях, заняли прочное положение в экономической жизни казахов» (стр. 45). Мы склонны считать, что здесь преувеличены как роль баев, так и степень развития торгово-ростовщических операций внутри казахского общества. Архивные и литературные материалы не дают достаточных оснований для такого

утверждения. По отдельным примерам нельзя судить обо всем обществе в целом. Речь может идти о проникновении товарно-денежных отношений в хозяйства баев – более интенсивном, чем прежде, о том, что отдельные представители феодальной знати стали переходить на путь торгово-ростовщических операций. О превращении баев, как категории феодального класса, в баев-купцов, по нашему мнению, рано говорить, имея в виду не только первую половину XIX века, но и последующий период.

Можно привести еще ряд неясных, неточных положений. Так, автор неправильно относит ко второй половине XIX века появление на исторической арене джатаков и батраков. В книге приводятся данные о хозяйствах, применявших наемный труд, и делается вывод о том, что «около половины Чимкентского уезда перешли к наемному труду батраков» (стр. 184). Может создаться впечатление, что капитализм в казахской деревне стал уже господствующим. Автор не разъясняет того факта, что, хотя число хозяйств, прибегавших в той или иной степени к наемному труду, было немалое, однако наемный труд имел незначительный вес в трудовом процессе хозяйства.

Большое место занимают в работе вопросы классовой борьбы. Выступления различных классов казахского общества в разные периоды освещаются не как отдельные, изолированные друг от друга движения, а как связанные в той или иной степени с основным, решающим вопросом присоединения Казахстана к России. Это придает работе внутреннюю целостность.

Характеризуя внутривосточные отношения Казахстана накануне присоединения, автор останавливается на крестьянском движении во Внутренней орде, которое было самым значительным восстанием в истории Казахстана XIX века. Кстати, этот важный этап развития классовой борьбы в крае исследован недостаточно. Опубликованная более 10 лет назад работа В. Шахматова «Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова» явилась первой попыткой разобраться в этой сложной проблеме. Работа другого историка – А. Рязанова «Восстание Исатая Тайманова», изданная 30 лет тому назад, содержит существенные методологические и фактические ошибки, устарела. Используя накопленный ранее материал, Е. Бекмаханов правильно освещает проблему крестьянского восстания в первой половине XIX века. Раскрывая экономические мотивы его, автор говорит о земельном вопросе как об основном вопросе движения. Две третьих всей земли Букеевской орды представляли собой частную собственность феодальной верхушки. На долю казахских шару приходилась третья часть. Расхищение общинных земель казахских шару сопровождалось невыносимым

налоговым гнетом. По неполным данным, ежегодное поступление от зякета в орде составляло 82 тысячи рублей, а от согума, взимаемого в пользу хана, – 4 тысячи коней. Феодалный гнет трудящихся переплетался с колониальным. Восстание казахских шаруа во Внутренней орде возникло в результате жестокой феодалной эксплуатации и колониального гнета.

В книге освещается роль различных социальных групп, принимавших участие в движении под руководством Исатая Тайманова. Казахские шаруа составляли основную движущую силу в восстании 1836 – 1837 гг. К нему примкнули некоторые старшины, недовольные политикой Джангера. Интересы последних не совпадали с интересами крестьянства, но на первых порах их объединяла общая цель: борьба за общинные земли. При этом крестьяне считали эти земли коллективной собственностью, а казахские старшины, напротив, – своим владением. Автор показывает роль и популярность руководителя движения Исатая Тайманова, отмечая вместе с тем ограниченность его классовых взглядов. Исатай, пишет автор, не мог стать выше своей социальной среды и во многом шел на поводу старшин, являвшихся временными попутчиками движения.

Характеризуя восстание во Внутренней орде, следовало более глубоко раскрыть экономические предпосылки крестьянского движения, показать происходившее ослабление силы патриархальной идеологии среди населения Букеевской орды. Экономическое притеснение и социальное угнетение в обществе, прежде чем отразиться в противодействиях трудящихся, должны пройти через их сознание. Деспотические действия и антинародная политика ханов, султанов и крупных баев и их открытый союз с колонизаторским аппаратом в сочетании с ломкой устоявшихся хозяйственных порядков и моральных норм открыли народным массам глаза. Патриархальная проповедь об единстве интересов рода, страны в целом, имевшая ранее значительную силу, стала разрушаться. Эти вопросы нужны для объяснения того, каким образом борьба народных масс в Букеевской орде приняла ярко выраженную классовую форму. Очень интересная и правильная мысль автора о том, что «непосредственное соседство с русскими крестьянами и хозяйственное общение с ними также оказало значительное влияние на формирование революционных настроений казахских шаруа Букеевской орды» (стр. 75), к сожалению, не подкреплена иллюстративным материалом.

Дискуссионным является положение автора о том, что «движение Исатая и Махамбета в Малом жузе было реакционным движением, чуждым интересам казахских шаруа» (стр. 85). Автор ссылается на встречу Исатая и Махамбета с Каип-Галием Ишимовым в 1838 году

и на принятое решение «объявить от имени Хивинского хана священную войну (газават) против «неверных» (стр. 86). При этом говорится, что данное решение было принято в присутствии Исатая и Махамбета, но не сказано, поддержали ли они эту реакционную идею. В работе приводятся выдержки из письма Исатая казахским родам с призывом объединиться под руководством хивинского ханства. Е. Бекмаханов не разобрал и не показал несостоятельность фактов, говорящих не в пользу его положения, которые отчасти приводились в литературе и имеются в архивах. Хотя восстание в Букеевской орде и не рассматривается в работе специально, тем не менее выдвинутые автором положения должны быть в достаточной степени аргументированы. В литературе уже поднимался вопрос о причинах перехода казахов на правобережье Урала и образования Букеевской орды. Правильно критикуя взгляды некоторых исследователей, считавших первопричиной образования орды колониальную политику царизма, автор в то же время не выразил своего отношения к другому мнению, по которому переход казахов за Урал рассматривался как своеобразное продолжение народной борьбы, начатой в Младшем жузе и потерпевшей поражение в открытом бою в конце XVIII века.

В четвертой главе книги показана реакционная сущность имевших место в Казахстане в середине прошлого столетия феодально-монархических движений. Автор пересматривает свою прежнюю, в корне ошибочную позицию в оценке движения Кенесары Касымова. В своей предыдущей работе «Казахстан в 20 – 40 годы XIX века» Е. Бекмаханов движение султана Кенесары оценивал как прогрессивное, национально-освободительное. Партийная печать на основе неопровержимых фактов охарактеризовала движение Кенесары Касымова как реакционное, феодально-монархическое, подвергла справедливой критике ошибочную работу Е. Бекмаханова. Принципиальная критика помогла ему освободиться от ошибок в оценке феодально-монархического движения султана Кенесары.

По классовой природе и задачам движение Кенесары ничем не отличалось от феодально-монархических движений Каип-Галия Ишимова, Саржана и других. Оно превосходило и других по своей ненависти ко всему передовому в казахском обществе, по своей жестокости. Реакционная сущность феодально-монархического движения Кенесары Касымова раскрыта на убедительных фактах. Но наряду с правильной характеристикой непосредственных, практических целей восстания автор допускает неточность в определении его социально-экономических истоков. «Часть феодально-родовой знати и султанов, – пишет он, – стремясь сохранить устои патриархально-феодальных

отношений и восстановить власть феодалов, подняла восстание» (стр. 107). Это же повторяется и в другом месте: «Стремясь сохранить феодальные, средневековые порядки, Кенесары насаждал жестокие методы эксплуатации» (стр. 111). В этих положениях трудно усмотреть объяснение причин возникновения феодально-монархических движений в Казахстане. Патриархально-феодальные отношения, феодальные и средневековые порядки сохранялись в крае вплоть до Октябрьской революции. Сохранялись в той или иной степени их устои в виде феодальной собственности на основные средства производства – на землю и скот. Феодалы выступали не за сохранение феодальных порядков вообще, а за возвращение к пройденным этапам развития феодальных отношений, для того чтобы повернуть колесо истории вспять.

Заслуживает дальнейшего уточнения вопрос о характере восстания 1856 – 1857 годов на Сыр-Дарье под руководством Джанходжи. По мнению Е. Бекмаханова, это движение «по своему характеру и классовым целям было антинародным, реакционным» (стр. 251). В работе приведен ряд фактов в пользу этого положения. Однако они еще не дают достаточного основания для того категорического вывода, который сделан в книге. Тем более что факты, приведенные в литературе сторонниками другого взгляда, в монографии не рассматриваются.

Десятая, заключительная, глава посвящена революционной борьбе казахских и русских трудящихся в конце XIX и начале XX веков. Это одна из наиболее содержательных глав работы. В ней показано, что выступления рабочих Казахстана составляли неразрывную часть общероссийского революционного движения. Борьба российского пролетариата в центре России, отдаваясь эхом в далеком крае, находила здесь живой отклик в совместных выступлениях русских и казахских трудящихся. Автор шаг за шагом рассматривает влияние русского революционного рабочего класса, с представителями которого казахи общались на заводах Алтая, рудниках, приисках, влияние периода общего подъема стачечной борьбы в России в 1901 – 1903 годах, революции 1905 года.

От более простых форм классовой борьбы (бегство и уход с заводов и приисков, порча оборудования и т. д.) рабочие-казахи переходили к стачкам и забастовкам, экономические формы их борьбы перерастали в выступления с политическими требованиями. Значительное внимание уделено показу роли первых социал-демократических организаций в политическом воспитании трудящихся края и руководстве их борьбой.

К несомненным достоинствам рецензируемой работы следует отнести, что в ней на конкретном историческом материале последова-

тельно проведена ленинская идея о наличии двух культур в каждой стране – культуры народа, трудящихся и культуры эксплуататорских классов. Раскрывая реакционную сущность колонизаторской политики царизма и феодально-монархических движений в Казахстане, автор в то же время подчеркивает тесную связь и братские взаимоотношения, сложившиеся между трудящимися казахского народа и русскими крестьянами-переселенцами, казачьей беднотой. Вопросам влияния передовой демократической культуры России на формирование общественно-политических взглядов казахских просветителей-демократов посвящена специальная, седьмая глава.

Отмеченные недостатки большого исследования, охватывающего столетнюю историю народа, не умаляют ценность в целом серьезной монографии. На основе использования и анализа большого количества материалов и источников, в том числе и новых, автору удалось создать в основном правильную историческую картину периода развития тесных связей и отношений между казахским и русским народами.

ОБ ОДНОМ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ¹

Во втором томе трудов Института экономики Академии наук Казахской ССР помещена работа С. Толыбекова «Вопросы экономики и организации скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX веков». Темой исследования автор избрал вопросы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XIX и XX веков. Это был период, непосредственно предшествовавший великим социалистическим преобразованиям в крае. Ряд важных проблем этого периода до сих пор слабо изучен.

Работа состоит из введения и трех глав. В первой рассматриваются организация и режим перекочевков, типы хозяйственных аулов, лингвистические и исторические корни социальных терминов «хараши», «бай», экономическая природа казахского рода («ру»). Автор правильно критикует отдельных представителей дореволюционной историографии, считавших, что «аул – это бай», и не видевших за баями трудящихся, «которые своим трудом создавали богатство баю-скотовладельцу» (стр. 7).

Во второй главе подробно освещаются вопросы перемещения кочевников по сезонным пастбищам, ухода и борьбы за сохранность поголовья скота, народные познания по ведению кочевого хозяйства. Здесь же рассматриваются некоторые формы закабаления бедняков

¹ «Партийная жизнь Казахстана», №5, 1959 г.

феодалами: посредством наделения скотом, усыновления, приобщения бедных родственников к своему владению. При этом, как правильно отмечается в работе, «казахские баи умело маскировали свои эксплуататорские действия и сделки с беднотой, ловко используя пережитки патриархально-родовых воззрений в сознании людей» (стр. 38). Описывая многовековой опыт ведения казахами скотоводческого хозяйства, С. Толыбеков в то же время указывает на примитивность и неустойчивость кочевого скотоводства.

Третья глава исследования посвящена характеру воспроизводства скота в байских хозяйствах и некоторым особенностям феодальной эксплуатации в кочевом ауле. В заключение рассматриваются формы классового сопротивления казахских трудящихся угнетателям.

Работа во многом построена на материалах личных наблюдений, представляет собой преимущественно описание организаций и ведения скотоводческого хозяйства у казахов рода «Шомекей» Казалинского уезда. В ней даны интересные сведения об особенностях хозяйственного быта казахов в дореволюционный период. Материалы этой части имеют известное познавательное значение. В работе сделана также попытка показать существование внутри родовых групп и аулов социального неравенства, отношений угнетения и эксплуатации.

Наряду с правильными положениями в работе, к сожалению, имеются существенные недостатки как в научной трактовке основных вопросов темы, так и в методологии исследования. Прежде всего следует отметить, что содержание труда не соответствует его названию. Рассмотрение экономической природы кочевых скотоводческих обществ дореволюционного Казахстана по сути дела заменено описанием их быта. Вопросам режима перекочевки и хозяйственного освоения пастбищных угодий посвящены центральная вторая глава и много страниц других глав – более двух третьей всей работы. В ней мало анализа производственных отношений кочевников. Проблема форм собственности на основные средства производства по существу обойдена. Капиталистические отношения (в виде уклада) вовсе не рассматриваются. Правда, автор вскользь указывает на применение наемного труда в байских хозяйствах, приводит это как свидетельство проникновения капиталистических отношений в общество кочевников, однако дальше констатации фактов он не идет. Упущен и такой важный вопрос, как развитие товарно-денежных отношений и их особенности в кочевых обществах края. Не выяснена сфера распространения долговых отношений и их влияние на местное, во многом натуральное хозяйство. Между тем эти вопросы важны для характеристики экономики дореволюционного казахского аула.

С. Толыбеков рассматривает казахов-скотоводов как «вечных», «чистых», «постоянных» кочевников (стр. 3, 6, 46, 70). Сам по себе такой подход не может считаться научным. Как бы ни было отсталым казахское кочевое общество, оно изменялось, развивалось в течение веков. Оно никак не могло быть «вечной» или «чистой» категорией. В качестве довода автор ссылается на то, что скотоводы кочевали круглый год и якобы «совершенно не имели постоянных построек», переходили с места на место, «не делали запасов сена и не занимались земледелием» (стр. 25). Такое представление о кочевых аулах не соответствует действительности. В работе указывается, что «вечными» кочевниками были, например, казахи Казалинского уезда Сыр-Дарьинской области (стр. 24). Действительно, это был район кочевого животноводства. Тем не менее население его занималось и земледелием, и сенокосением, возводило жилые строения. Об этом говорят факты, статистические материалы. По данным обследования уезда, в 1911 году 57,7 процента всех хозяйств имели постоянные жилые постройки (Материалы по Киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область, Казалинский уезд. Ташкент, 1913 г. стр 17). На Куван-Дарьинском, Северном и Каракумском участках уезда, где скотоводческое хозяйство было наиболее развито, население обеспечивалось жилыми постройками в зимнее время от 6 до 84 процентов. (Там же, стр. 172 – 191). Мало зимних построек было лишь на Восточно-Пустынном участке уезда. Кстати, в этом районе кочевало немногим более одного процента всех хозяйств уезда.

Кочевники в той или иной степени занимались также земледелием и сенокосением. Из 24 223 обследованных хозяйств уезда непосредственно земледелием занималась почти половина, а сенокосением – 64,1 процента. Даже в самых суровых районах Кара-Кумов и Восточной пустыни поля обрабатывали соответственно 117 и 22 двора кочевников. На этих участках косили сено 52 и 11,5 процента населения. (Там же, стр. 39, 41). Подобная картина характерна и для Перовского уезда, который также отнесен автором к зоне «чистых», «вечных» кочевников. Здесь 74,8 процента всех обследованных в 1910 году дворов занимались в той или иной степени земледелием, 72,6 процента дворов – косили сено (Материалы по Киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд. Ташкент, 1912 год, стр. 58, 60).

Исторические данные говорят о том, что отношениями земледелия и сенокосения были охвачены почти все хозяйства и все кочевые коллективы, независимо от того, занимались они этим сами непосредственно или нет. Подсчитано, что каждая средняя семья (из 4 – 5 человек) в скотоводческих районах потребляла ежегодно около 50 – 60 пудов хлеба. Кочевые скотоводческие хозяйства не был изо-

лированными и «чистыми» хозяйствами, свободными от элементов земледельческой культуры. Наоборот, они были тесно с нею связаны. То, что некоторые кочевники-скотоводы порою не возделывали полей, не имели постоянных жилых построек, вовсе не говорит о том, что они являются «вечными» и «чистыми» кочевниками.

Автор делит кочевые аулы на два основных типа: байские и крестьянские (стр. 8–9). В свою очередь байские аулы подразделяются на аулы мелкие, средние и крупные (стр. 29). В работе подробно описываются быт, форма и система ведения скотоводческого хозяйства в байских аулах, применение труда наемных и других работников. По классификации С. Толыбекова, мелкобайское хозяйство имело около 300 голов мелкого скота, 30 верблюдов и столько же лошадей. Средний бай имел овец и коз примерно 1000 голов, верблюдов – 40–50, табунных лошадей – 100 – 150. Крупный бай имел 2000 и более овец, 200 и более верблюдов, 300 и более табунных лошадей. Исходя из этого, автор подсчитывает, сколько работников было занято непосредственно в байских хозяйствах.

На наш взгляд, эти предлагаемые автором границы категорий хозяйств установлены произвольно. Не говоря уже о том, что они резко расходятся с принятыми в науке классификациями, в них не учитываются ни различия хозяйственных зон, ни особенности периода. Автор явно смешивает общие понятия «богатый», «обеспеченный» с конкретным понятием «феодал».

Предлагаемая С. Толыбековым схема оказывается искусственной и маложизненной при первой же попытке приложить ее к действительности. Так, из 2005 хозяйств Зайсанского уезда, Семипалатинской области, нанимавших батраков, только 261 хозяйство, по классификации автора, является байским (феодальным). Остальные, т. е. 90 процентов всех хозяйств, эксплуатировавших чужой труд, в том числе большая группа местных старшин, должны быть охарактеризованы как трудовые. В отдельных волостях, по С. Толыбекову, таких «баев» встречаются лишь единицы, и можно подумать, что население этих волостей было свободно от отношений феодальной эксплуатации.

Неубедительно также утверждение автора о том, что крестьянские семьи, имеющие менее 100 – 150 голов баранов и 20 – 25 голов крупного скота, не могли быть экономически самостоятельными (стр. 76). Достаточно сказать, что по Казалинскому уезду, по данным обследования 1911 года, более 90 процентов всех хозяйств имели скота намного ниже указанного «минимума». Однако они оставались лично зависимыми от знати и эксплуатировались преимущественно методами внеэкономического принуждения.

Работа излишне перегружена материалами о байских аулах. А ведь они, по определению автора, составляли в Казалинском уезде всего лишь 0,4 процента всех хозяйств, в них было занято не более трех процентов всех наемных сельскохозяйственных рабочих уезда. Типичные аулы, составляющие преобладающее большинство в Казахстане, остались вне исследования. В нем лишь упоминается об аулах, составленных из середняцких хозяйств, бедняков. Анализа их, к сожалению, нет.

Один из серьезных пробелов работы – игнорирование земли как основного средства производства кочевников-казахов. По мнению автора, в скотоводческих обществах земельного вопроса не существовало, так как якобы не было никаких ограничений во владении и пользовании пастбищами. «Никаких ограничений и регламентации пастбищ, – пишет С. Толыбеков, – там (т. е. в кочевых районах Казалинского уезда. – С.3.) не существовало» (стр. 25). «Передвижение кочевых аулов с «кона» на «кон» (т. е. на места зимней стоянки. – С.3.) и в любом направлении было абсолютно свободным. «Конь» ни в чьей собственности не находились, их занимал тот, кто первый в данный момент их находил» (стр. 26).

Такое утверждение нельзя считать правильным. Автор ошибочно отождествляет общинные формы землепользования с абсолютной свободой пользования пастбищами. При этом не учитывается, что общинное землепользование распространялось на летние и отчасти на весенние пастбищные участки, а важные в хозяйственном отношении угодья – районы зимней, во многих случаях и осенней стоянки, сенокосы – находились в индивидуально-семейной, семейно-групповой собственности. Общинное землепользование было явлением подчиненным, происходящим внутри господствующих в обществе отношений феодальной собственности на землю.

Умаление роли земли как основного средства производства тесно связано с преувеличением роли скота в кочевых скотоводческих обществах. «Классовые контрасты в общественной жизни кочевого аула, противоречия между богатством и нищетой, между правами господствующей кучки и бесправием бедноты, – пишет С. Толыбеков, – определялись количеством скота... кто был богат скотом, тот был силен, выступал вершителем судеб населения» (стр. 16.). Таким образом, скотоводческое хозяйство исследуется в отрыве от земли. Автор забывает, что главным условием содержания и накопления стада являются пастбищные угодья. По мнению автора, наделение скотом в казахском обществе имело такое же социально-экономическое значение, как и наделение помещиками крестьян землей в России. «Характер наделения скотом бедных родственников баем ничем по существу от

этого не отличался» (стр. 38). Оно был «основной формой проявления патриархально-феодальной эксплуатации в кочевом ауле...» (стр. 79).

Ошибочность такого утверждения может быть показана на следующих фактах: из 1085 семей Кумды-Уильской волости Темирского уезда, обследованных в начале XX века, пользовались чужим скотом в «маин» (в том числе и «саун») 259 семей, т. е. менее четвертой части. В Эмбенской и Джудиле-Сагизской волостях, где кочевое скотоводство получило значительное развитие, число таких семей составляло соответственно 10 и 12 процентов населения. Эти данные свидетельствуют о том, что абсолютное большинство семей вовсе не брало скота в «маин». Это и понятно, если учесть, что казахские феодалы не обладали монопольной собственностью на скот. Правом собственности на скот пользовались и крестьяне. Особенностью феодального способа производства является то, что крестьяне в большинстве своем экономически самостоятельны, но лично зависимы от знати.

«Маин» никак не может быть отождествлен с наделением земель крестьян в России. Основы, формы, масштабы и условия распространения этих явлений, а также преследуемые при этом цели совершенно различны. Наделение со стороны знати скотом необеспеченной части крестьян служило одним из средств усиления их зависимости, приобщения к феодальному хозяйству, но оно вовсе не являлось первопричиной, основой отношений зависимости.

Экономическая природа феодала в кочевом казахском обществе раскрыта недостаточно. Феодальная эксплуатация сведена к эксплуатации бедных родственников, батраков, непосредственно занятых в байском хозяйстве. А в каких экономических отношениях находились другие слои крестьянства, составлявшие большинство населения? Об этом в работе не говорится, будто крестьяне, которые вели самостоятельное хозяйство, были свободны от феодальных отношений. Между тем именно они являлись основным объектом феодальной эксплуатации. Автор оперирует понятиями бедный (консы), батрак (жалшы), но не употребляет научного термина «феодально зависимое население», не раскрывает содержание этой социальной категории, что намного шире предыдущих понятий.

Следует отметить, что на всей работе лежит известный отпечаток преувеличения роли патриархально-родовых форм и пережитков в общественных отношениях казахов. Так, например, приглашая бедного родственника к себе на работу, бай якобы делал следующее заявление: «Мы, родственники, потомки одного предка, отсюда мой долг оказать тебе помощь (жәрдем-көмек), мой скот считай своим, пользуйся его рабочей силой, молоком и шерстью, только с одним условием, что мы с

тобой и с твоими детьми должны будем организовать уход за скотом как за общим источником нашего благосостояния» (стр. 30). Совершенно очевидно, что С. Тольбеков приукрашивает облик феодала, превращая его в этакое добряка. Подобные взаимоотношения между феодалами и бедняками не характерны. По мнению автора, «считалось позором и даже преступлением бросить свой род и уходить в чужой», «...масса трудящегося населения сама жила представлениями родовой идеологии» (стр. 19). «Всякое общественное явление рассматривалось и расценивалось с точки зрения родовой идеологии» (стр. 20). Как же можно примирить эти положения с выступлениями крестьян против феодалов, с существованием демократических и феодальных идей и взглядов, расхлывшихся с родовыми понятиями, с развитием отходничества? Конечно, родовые представления оставались живучими и имели еще значительную силу в обществе. Однако из этого нельзя делать вывод, по сути дела утверждающий могущество рода и его идеологии.

Преувеличение роли общинно-родовых пережитков в общественных отношениях казахов сказалось и на основных выводах автора. По его утверждению, сущность производственных отношений, господствовавших в дореволюционном кочевом ауле, заключалась в том, что они «по форме были патриархально-родовыми, а по содержанию патриархально-феодальными» (стр. 79). В данном случае С. Тольбеков затрагивает один из центральных вопросов истории дореволюционного Казахстана. До сих пор в исторической науке было принято считать, что патриархально-феодальные отношения в крае по своей социально-экономической сущности являлись феодальными. И это крупная заслуга советской историографии, очистившей историческую науку от «родовой» теории. Положение, выдвинутое С. Тольбековым, своего рода попытка примирить две концепции относительно уровня развития и зрелости общественных отношений казахов дореволюционной поры. Но в материалах самой работы трудно найти подтверждение этому, наоборот, приведенные автором примеры свидетельствуют о господстве феодальных отношений, а не патриархально-феодальных по содержанию.

Автор порой приписывает классикам марксизма-ленинизма некоторые выражения, которые в действительности им не принадлежат. Так, К. Марксу приписываются слова, принадлежащие буржуазному экономисту Томпсону (стр. 73). Характеристика, данная В.И. Лениным производственным отношениям дореформенной деревни, ошибочно объявляется относящейся к пореформенному периоду (стр. 38).

Есть в работе и противоречивые места. Так, например, по мнению автора, крупнобайские хозяйства базировались как на «при-

менении наемной батрацкой силы, так и на использовании труда экономически зависимых кочевников» (стр. 70 – 71). Таким образом, крупнобайские хозяйства выступают как хозяйства капиталистического типа. Между тем автор вслед за этим называет их «крупными патриархально-феодальными хозяйствами» (стр. 71). «По личным наблюдениям» описываются события, происходившие в середине XIX века (стр. 36).

Бездоказательно автор утверждает, что в начале XIX века правители, стоявшие во главе крупных подразделений рода Шомекей, как-то: Кетебай-бий, Курен-батыр, Айтелес-бай, Акку-бий, Смет-батыр и многие другие «были по своему происхождению простыми казахами» (стр. 18–19). В такой же мере произвольным и мало обоснованным является другое положение автора о том, что байство якобы первоначально возникло из среды «консы», под которыми в XIX веке стали понимать беднейшие слои крестьянства.

Отмеченные недостатки и пробелы работы показывают, что автор явно поспешил с ее изданием. В исследовании историко-экономических процессов следовало бы опираться не только и не столько на «личные наблюдения», но и в первую очередь на накопленный богатый исторический материал, который, кстати сказать, использован слабо.

О ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ У КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ¹

Рассматривая вопрос о феодальных отношениях у кочевых народов, следует иметь в виду, что эти отношения имели ряд отличий по сравнению с феодальными отношениями у оседлых земледельческих обществ. Однако это не может служить основанием для их противопоставления. Собственно говоря, история не знает «чистых кочевников», когда бы целое общество занималось исключительно кочевым скотоводством.

Кочевые народы частью вели оседлый или полuosедлый образ жизни, занимались земледелием и имели более или менее тесные экономические связи с соседними земледельческими народами. Так, казахи долин рек Чу, Талас, Сырдарья, а также Семиречья наряду со скотоводческим хозяйством издревле занимались оседлым земледелием. Развитие феодальных отношений у кочевых народов сопровождалось закреплением пастбищных пространств в монопольном владении крупных феодалов. Формально, по обычному праву казахов, пастбища находились в пользовании общин, однако феодалы фактически обла-

¹ «Вопросы истории», №12, 1955 г.

дали правом распоряжения пастбищами, перераспределения кочевий, а это и было выражением феодальной собственности на землю.

Казахские ханы Тауке, Аблай, Абулхайр, Нурали, Джангир и другие распоряжались всей кочевой территорией подвластных им родов. На собраниях местной знати они определяли места кочевков, решали споры о пастбищах, выдавали феодалам специальные ханские ярлыки на право владения определенными пастбищными угодьями.

Известный исследователь Н.И. Гродеков указывает, что в Сыр-Дарьинской области во второй половине XIX в. некоторые представители знати сохранили у себя такие ханские ярлыки, в свое время данные им на право владения землей¹. Султаны, бии, «почетные, киргизы», распоряжаясь кочевьями родов, аульных общин, фактически являлись носителями прав собственности на эти участки. Один из влиятельных султанов рода «найман», Сиванкул Ханходжин, в 1829 г. в качестве главного условия для организации округа в степи выдвигал перед царским правительством: «прислать землемера для размежевания земель и предоставить оные в вечное потомственное владение» ему и кочевым коллективам, которыми управлял он. Рядовые кочевники в составе аула кочевали там, где им указывалось. В такой организации кочевого хозяйства, несомненно, отразилось феодальное право на пастбище и феодальная зависимость. По обычному праву казахов, если об одном и том же пастбище спорили два вожака, пришедшие туда в одно время с двух противоположных сторон, то преимущество давалось феодалам. «Если из спорящих один – султан, а другой – простой киргиз, то спорное место уступается первому, т. е. султану; если один из спорящих лиц – бий, а другой известный в целом роде аксакал, старейшина, то уступка делается в пользу последнего; если спор между бием и простым киргизом, то спорное место остается за первым».² Это правило отражает своеобразную систему феодального вассалитета в казахском обществе.

Казахские феодалы взимали пошлины с торговых караванов. В «Обзрении киргиз-кайсацкой степи», составленном участником торговой экспедиции в 1803 – 1804 гг., говорится: «Знатные султаны, бии и старшины всегда брали с караванов подарки, называя их пошлиною за пропуск товара через свои земли».³ Составитель «Топографического описания степной стороны, заселяемой киргиз-кайсаками, и владельцев Ташкента и Бухарии» (1816 г.) писал: «Для караванов бывают тягостны поборы, налагаемые киргизскими султанами, которые останавливают, требуя или,

¹ Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент, 1889, стр. 106 – 107.

² «Материалы по казахскому обычному праву». Сборник. Алма-Ата, 1948, стр. 212.

³ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). ф. ВУА, д. 19209, л. 14.

так сказать, вынуждая пошлину по числу скота, которые несут тюки».¹ В 1826 г. султан Темир взыскал пошлину за проход через его владение торгового каравана, шедшего в Троицк. В 1834 г. султан Саржан Касымов взыскал такую же пошлину с татарского купца Ажалямова.

Таких примеров множество.² Разумеется, казахские феодалы могли взимать поборы с проходящих торговых караванов в силу того, что они являлись владельцами этой территории, постоянно или временно распоряжались ею.

Рядовые казахи-кочевники несли ряд повинностей в пользу феодалов. Правда, эти повинности прикрывались нередко общинно-родовыми отношениями, но в действительности они являлись формой реализации земельной собственности.

В начале XVIII в. хан Тауке установил, «чтобы всякий, могущий носить оружие (кроме султанов), платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества ежегодно».³

Наиболее распространенной в Казахстане повинностью рядовых кочевников был «согум». По сообщению Д'Андре, специально изучавшего в середине XIX в. казахские обычаи, «киргизы, имеющие кочевья по близости султанских ставок, обязаны: каждый семьянин привести султану-правителю согум или какую-либо скотину на зарез. Количество и достоинства такового приношения производятся, смотря по состоянию или зажиточности приносящего. А посему бедные могут принести одну часть барана или лошади и т. п., только не иначе, как сырьем». В Букеевской орде согум приносил хану ежегодно до 10 тыс. рублей серебром, то есть стоимость 800 – 1000 голов крупного скота.⁴

Другой широко распространенной повинностью была «сбаға». «Шобага производится весною на тех же условиях, как и согум, – писал Д'Андре. – Но подобное приношение делается ордынцами не только одним ханам и султанам-правителям, но и биям и другим почетным киргизам, как знак уважения, равно и лицам, происходящим от белой кости».⁵ Верховный владелец – хан – обладал также правом взимания налога «зекет». Во Внутренней орде поступления от зекета в пользу хана составляли огромную сумму.

По сообщению М. Иванина, ханский доход от зекета в середине

¹ Там же, д. 18541, л. 123.

² Центральный исторический архив (ЦИА) Казахской ССР, ф. 4, оп. 1, св. 371, д. 2321, лл. 5, 6, 13.

³ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 22.

⁴ Там же, стр. 138-139; *Иванин М.* Внутренняя или Букеевская киргизская Орда. Журнал «Эпоха». 1866, № 12, стр. 9; *Евреинов А.* Внутренняя или Букеевская киргизская Орда. Журнал «Современник». Т. XXIX. 1851, № 9-10, стр. 80.

⁵ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 139.

XIX в. доходил до 70 тыс. рублей серебром в год. В 1844 г. доход от зекета составил 95 361 рубль серебром.¹ Существовали также различные формы отработочной ренты, прикрываемые патриархальной оболочкой: «помощь» феодалу в хозяйстве, уход за скотом богатого «родича» и т. д.

Хивинские и кокандские феодалы на юге и юго-востоке Казахстана взимали с казахов плату за кочевание. Султан-правитель Ахмед Джантюрин в 1841 г. писал председателю Оренбургской пограничной комиссии: «...зимовавшие по Сыр-Дарье киргизы разных родов вообще ныне уплатили, как куканцам, так хивинцам за кочевание закят без особых споров по примеру прежних годов».² Царское правительство, объявив всю территорию Казахстана государственной собственностью, с 1837 г. повсеместно ввело сбор за кочевание (кибиточный сбор).

Устное народное творчество казахов хорошо отразило право знати на пастбища и зависимое положение непосредственных производителей. Народная поговорка гласит: «Кімнің жерін жерлесен, соның жырын жырлайсың», то есть «на чьей земле кочуешь, тому и покорен будешь» (дословно: «На чьей земле кочуешь, того и песню распеваешь»).

Все эти факты опровергают мнение о том, что «казахское кочевое крестьянство не было связано с монополией класса феодалов на землю как на средство производства».³ Общинное пользование отдельными кочевыми участками происходило внутри в условиях монополевой собственности на землю класса феодалов.

Феодальная собственность на землю и пастбища в Казахстане имела ряд особенностей. Как правило, феодалы узурпировали и умело использовали в своих интересах общинно-родовые обычаи.

Следует также учитывать, что если весенние и летние кочевые районы в той или иной степени формально находились в общинном пользовании, то зимние кочевья были полностью захвачены феодалами на правах собственности. Не только общинной собственности, но и общинного пользования в местах зимовок не существовало. Это, по-видимому, объясняется особым производственным значением зимних участков. Зимовки служили надежным естественным укрытием для скота, использовались для сенокосения, посева, зимней тебеневки скота, возведения жилищ. Не всякий земельный участок мог служить местом зимовки. Каждый член аульной общины имел закрепленное за ним место зимовки. На этом участке он возводил жилище, хозяйствен-

¹ *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР. М. 1941, стр. 250.

² ЦИА Казахской ССР, ф. 4, оп. 1, св. 198, д. 349. л. 4.

³ *Шахматов В.Ф.* К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. «Вестник АН Казахской ССР», 1951, №7, стр. 26.

ные постройки, оставлял часть имущества и членов семьи, которые в весеннее и летнее время занимались сенокошением, уходом за посевами. В аулах богатых казахов оставались работники – «консы» – немущие кочевники. Интересно отметить, что аульная форма кочевания не соблюдалась зимою. В местах зимовок аул распадался на отдельные семьи, и каждая из них направлялась на свои участки, которые были удалены друг от друга на расстояние от 1 до 20 верст и более.

Казахские феодалы фактически и юридически сосредотачивали в своих руках на правах собственности не все пастбищные районы, а в первую очередь жизненно важные для скотоводческого хозяйства участки, чем обеспечивалось их экономическое господство в казахском обществе.

Об этом свидетельствует ряд источников. Так, Гавердовский во время поездки в 1803 г. в Бухару через казахскую степь записал: «...всякое отделение для зимних кочевков имеет определенные места, а частью и для летних и владеют оными, как собственностью каждого, – никто из посторонних, кроме собственного хозяина, пользоваться им не может, в противном случае рождаются баранты».¹ Подполковник Лукин, специально командированный в казахскую степь, чтобы склонить некоторые роды казахов официально вступить в подданство России, 27 сентября 1832 г. сообщил Омскому областному начальнику, что бии и «почетные» казахи Козганского и Коксальского родов согласны войти в подданство России с условием, «чтобы издревле принадлежащие им зимовые места, лежащие в окрестностях Кокчетавского приказа, от занятия других киргизцов освободить и представить по-прежнему в их пользу».² Старшина Бекетенов в Среднем жузе считался владельцем урочищ Каракесек, Жумарт, Карашока, Токамбай, Карбаскан-Агач, Кориксалды – в длину 10 и в ширину 10 верст, где зимовал он, его родственники и аул, подведомственный ему.³ Офицеры Вольховский и Балкашин, производившие в 1824 г. военно-топографическое обследование Малой орды, сообщают о жестокой ссоре между казахами Исыкова и Адаевского родов за зимнее урочище Каракуль.⁴ А.К. Гейнс, проезжавший по казахской степи в середине XIX в., был свидетелем, когда в районе Кокчетава «...киргизская баба принесла... жалобу на богатого соотечественника, захватившего, по смерти ее мужа, его зимовку».⁵ Красовский отмечал, что общинное владение зимовками у сибирских казахов не существует и таковое «почти никем из киргизов не признается».⁶

¹ ЦИА Казахской ССР, ф. 4, оп. 1, св. 417, л. 128

² Там же, ф. 338, оп. 1, св. 114, л. 755, л. 5.

³ Там же, ф. 329, оп. 1, св. 3, д. 34, л. 1-2.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 19235, л. 15.

⁵ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб. 1897, стр. 245.

⁶ Красовский. Материалы для географии и статистики России.

Известно, что батыр Исет Котибаров владел урочищем Еки-Чингиль на Больших Барсуках, где он имел «постоянную зимовку» и кочевал вместе со своими родственниками. Захваченное позже царскими карательными отрядами, это урочище было передано бию Джалубаеву, но вскоре возвращено Котибарову, как «его территория».¹ Семипалатинский областной статистический комитет в 1886 г. писал, что у казахов «осенью пастбища, зимовки и близлежащие сенокосы составляют частную собственность отдельных семейств, равно как и находящиеся на них колодцы и леса».²

В условиях кочевого скотоводства для закрепления зимовок большое значение имела застройка участка хотя бы временными хозяйственными постройками. В записках Д'Андре сказано:

«Неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной устроил повторные приюты для скота своего, – как-то: ямы для молодых верблюдов и т. п.».³ Губернатор Тургайской области генерал-лейтенант Баллюзек отмечал, что «...в земельных спорах из-за зимовок киргизы всего больше принимают в соображение право давности каждого на известный участок».⁴

В XVIII – XIX вв. в Казахстане сдача в аренду, дарение, завещание зимовых земельных участков не были уже редким явлением. Оренбургский военный губернатор Перовский в своей записке «О колонизации киргизов» (1833 г.) отмечал, что богатые казахи сдают пастбища скотоводам под кочевание.⁵ Семипалатинский статистический комитет писал: «Самые употребительные имущественные договоры киргизов сводятся по отношению к недвижимости к отдаче в аренду зимовых мест и пашен... Когда же зима стоит суровая и пастбища занесены снегом или, что еще хуже, после временной оттепели покроются тонким слоем льда, тогда цены растут быстро и доходят до громадных размеров. Бывали случаи, что за зимовые стойбища хозяин получал 1/20 или даже 1/10 часть пасшегося на них скота».⁶

На это указывал и Красовский. Он отмечал, что собственники все чаще открыто сдают в аренду земельные участки, получая за это лошадь, корову, несколько баранов.⁷ Феодалы не только взимали постоянные налоги, «приношения» от рядовых кочевников за «совместное кочевание», но, сдавая в аренду на зимний период земельные участки.

¹ ЦИА Казахской ССР, ф. 4, оп. 1, св. 417, д. 2848, л. 125-126.

² «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 264.

³ Там же, стр. 140.

⁴ Там же, стр. 213.

⁵ Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.-Л., 1949, стр. 208-209.

⁶ «Материалы по казахскому обычному праву», стр. 271.

⁷ Красовский. Указ. соч., стр. 71.

получали с них большие доходы. В свою очередь обедневшие крестьяне уступали за бесценок свои наделы богатым кочевникам-феодалам.

В процессе развития частного землевладения лучшие участки с водопоями оказались в руках феодалов. Для того чтобы поить свой скот речной водой, в некоторых районах рядовые кочевники нередко должны были получать особое разрешение хана или владельца прибрежных участков. Ханская власть в Букеевской орде 4 июня 1843 г. дала письменное разрешение казаху Пралиеву из рода Байбакты «...по уважению к его просьбе и за неимением им места водопоя дозволяется поить скот на Карасу... при окончности Куш-Арала и Малого Узеня».¹ В отношении сенокосных угодий «у киргизов нет общинного владения в том виде, как оно существует у русских, нет, например, передела сенокосов, равномерного распределения паев, каждое семейство пользуется клочками земли, раз навсегда отведенными ему под сенокосение. Поэтому семейство, которому раз достался плохой или богатый надел, остается при нем постоянно».²

Во Внутренней орде почти все крестьяне-скотоводы имели земельные участки, где возводили зимние жилища, иногда косили сено и содержали скот в зимнее время. Крестьянские наделы были связаны с несением «добровольной» повинности в пользу феодалов. Отношениями частной собственности были охвачены не только районы зимних стоянок, сенокосов, водопоев. Фактическое монопольное право феодалов на землю находило юридическое оформление. Так, Джангир-хан в письме правителю родов Тауке Букейханову в 1841 г. указывал точные границы своих владений в районе Камыш-Самарских озер и предписывал всем подвластным ему султанам, старшинам и населению, кочующим в этом районе, «осуществлять... охрану этих участков, но не пользоваться без разрешения».³ Крупные султаны, бии и старшины обладали правом исключительного владения наиболее плодородными пастбищными участками. Так, например, султан Мендигирей являлся собственником 400 тыс. десятин земли, где и кочевали крестьяне из рода «черкес», во главе которого он стоял.⁴ Крупные земельные собственники наделяли кочевников участками земли для зимования и сенокосения, взимая нередко при этом «подарки».⁵

Аналогичные явления в той или иной степени имели место и в других частях Казахстана. Пастбищные урочища в Казахстане часто назывались по имени его владельца-феодала.

¹ ЦИА Казахской ССР, ф. 78, оп. 2, д. 107, л. 1.

² *Медведский П.* Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. «Журнал Министерства государственных имуществ». 1862, № 8.

³ ЦИА Киргизской ССР, ф. 78, оп. 5, св. 2, д. 32, л. 1.

⁴ Там же, ф. 4, оп. 1, св. 661, л. 5042, л. 19.

⁵ Там же, ф. 78, оп. 1, св. 8, д. 68, лл. 4, 7, 10, 15.

На основании изученных документов можно прийти к следующим выводам:

1) пастбищные пространства находились в монопольном владении казахских феодалов;

2) общинное пользование отдельными пастбищными районами есть явление, происходящее внутри феодальной собственности на землю;

3) фактически и юридически казахские феодалы владели зимовыми и луговыми местами на правах собственности;

4) каждый кочевник наделялся участком для зимней стоянки с прилегающими сенокосными угодьями, которыми распоряжался как «своими»;

5) феодальная собственность на зимние кочевья являлась в руках феодалов средством эксплуатации рядовых кочевников;

6) несмотря на некоторые особенности, феодальная собственность на землю составляла основу патриархально-феодальных отношений в Казахстане.

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КАЗАХСТАНЕ¹

В связи с подготовкой 3-го издания I тома «Истории Казахской ССР» научная разработка отдельных спорных проблемных вопросов истории Казахстана приобретает особо актуальное значение.

Одним из таких вопросов является вопрос о характере феодальной собственности в Казахстане. От разрешения этого основного в системе производственных отношений вопроса зависит правильное решение многих других вопросов истории Казахстана.

Судя по статьям, опубликованным на страницах «Вестника АН КазССР» в 1951 г., среди исследователей еще не установилось единого мнения по вопросу о характере, формах и праве феодальной собственности в Казахстане. В основном существует два различных мнения по этому вопросу.

Профессор С.В. Юшков развивает положение, основанное на утверждении существования права феодальной поземельной собственности в Казахстане еще со времени Караханидского государства (XI в.). По его мнению, в условиях Казахстана «объектом феодальной собственности является не скот, а земля – пастбища».² Специфику феодальной собственности в Казахстане автор видит в том, что «...объектом феодальной собственности является не пашня, не сады и другие

¹ Вестник АН КазССР, №4(85), 1952.

² Там же, № 9, 1951, стр. 69.

угодия, как это наблюдается в земледельческих странах, а пастбища, что феодалу принадлежат в определенные времена года только общие направления в кочевом круговороте...».¹

Исходя из этой общей предпосылки, проф. С.В. Юшков определяет содержание феодальных отношений и основу феодальной эксплуатации в Казахстане. «Основанием феодальной эксплуатации в Казахстане, – пишет он, – надо признать землю, а не скот» (стр. 65).

Таким образом, проф. С.В. Юшков не допускает мысли, что скот в условиях Казахстана был объектом феодальной собственности, а считает его объектом единоличной собственности и содержанием частного хозяйства (стр. 67). О форме и характере феодальной собственности на землю в Казахстане автор говорит неопределенно.

Совершенно противоположную точку зрения отстаивает В.Ф. Шахматов. Он считает, что «в условиях кочевого скотоводства основным средством производства был и оставался скот, а не земля».² Автор в противовес проф. С.В. Юшкову считает именно эту сторону специфической особенностью производства в Казахстане. Развивая дальше это свое основное положение, В.Ф. Шахматов приходит к выводу, что «не владение землей, а владение скотом являлось определяющим фактором эксплуатации».³ По его мнению, на пастбища распространялось феодальное право в виде фактического использования и распоряжения им. Однако это право не составляло основу феодальной эксплуатации по земле.

Мы присоединяемся к основному положению проф. С.В. Юшкова о том, что земля (пастбища) в условиях казахского кочевого общества была материальной основой общественных отношений, она являлась объектом феодальной собственности, следовательно - и основой феодальной эксплуатации. Утверждение В.Ф. Шахматова, отрицающего землю (пастбище) как основное средство производства, мы считаем неправильным.

Классики марксизма-ленинизма указывали, что основным признаком феодализма является собственность феодала на землю. Они нигде не предусматривали какого-либо исключения из этого положения. Да и не может быть иначе. Безразлично, каким было общество при феодальном строе – земледельческим или кочевым, земля всегда оставалась основным средством производства, определяющим отношение людей в обществе.

К. Маркс и Ф. Энгельс в известной работе «Немецкая идеология»

¹ Там же.

² Вестник АН КазССР, № 7, 1951, стр. 26.

³ Там же.

указывали, что главной формой собственности при феодализме является собственность на землю.¹

Об этом неоднократно говорил и В.И. Ленин. В классическом труде «Развитие капитализма в России», анализируя «общественно-экономический строй помещичьего хозяйства», В.И. Ленин писал, что «...способы получения прибавочного продукта при барщинном (имеется в виду феодальное хозяйство. – С.3.) и при капиталистическом хозяйствах диаметрально противоположны друг другу: первый основан на наделении производителя земель, второй – на освобождении производителя от земли».²

Признание феодальной собственности на землю как основного признака феодального общества не означает еще признания единой формы отношений этой собственности везде и всюду.

Так как при феодализме уровень развития производительных сил и производственных отношений бывает весьма разнохарактерен то, следовательно, соответственно этому бывают различны формы собственности, формы юридического закрепления отношений собственности, но суть их остается одна.

В условиях дореволюционного Казахстана присвоение земли (землевладение) имело много особенностей. Соглашаясь принципиально с основной теоретической предпосылкой положения проф. С.В. Юшкова, мы придерживаемся вместе с тем иного мнения в отношении некоторых затрагиваемых им вопросов.

Мы считаем методологически неправильным искусственное расчленение единого объекта отношений производства на две произвольные части: на скот и пастбище, как это делают проф. С.В. Юшков и, в еще более значительной мере, В.Ф. Шахматов, когда и скот, и пастбище рассматриваются ими как изолированные объекты собственности в отрыве друг от друга. Забыто известное положение Маркса о том, что собственность на землю предполагает и собственность на ее органические продукты.

Считать, что во всех случаях при феодализме понятие «средства производства» включает только землю, или в кочевых обществах только скот, и, исходя из этой теоретической предпосылки, заранее предопределять землю или скот в качестве единственного объекта феодальной собственности при феодализме (вместо того, чтобы считать землю основным, в конечном счете, определяющим объектом), без различия стран или исторических условий, является неправильным.

По нашему мнению, это противоречит духу и содержанию понятия собственности вообще, феодальной собственности – в частности. В

¹ Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 4, стр. 15.

² Ленин В.И. Соч., т. 3, стр. 158.

определениях классиков марксизма-ленинизма средства производства или «средства труда» (Маркс) являются ими постольку, поскольку они служат источником жизни, т. е. необходимым условием добывания материальных благ. Тот или иной класс в обществе является экономически господствующим постольку, поскольку в его руках сосредоточены необходимые условия добывания материальных благ, т. е. источники жизни. Поэтому вряд ли является правильным ограничение сферы средств производства при феодализме только землей или только скотом. К. Маркс указывал, что средства труда – это источники жизни. А «источники жизни» включают в себя не только землю.¹

Производственные отношения возникают в процессе и по поводу добывания материальных благ, их распределения и присвоения. Юридическим выражением производственных отношений, как известно, являются отношения собственности.

Известно, что праву собственности предшествует приложение труда к условиям производства в процессе производства, т. е. право собственности на условия производства возникает тогда, когда приложим и уже приложен труд человека к условиям производства, в целях создания потребительных стоимостей.

В условиях степных, пустынных и полупустынных районов Казахстана, когда кочевники в своем большинстве еще не освоили даже сенкошения, человеческий труд остается не приложенным непосредственно к земле. Земля приобретает значение пастбища. Здесь материальная первооснова – «первоисточник всех средств и предметов труда» (Маркс) – земля опосредствована другой материальной основой кочевого общества – окотом, т. е. в процессе производства земля выступает в роли пастбища для скота. Отсюда ясно, что в кочевом хозяйстве непосредственно в первую очередь присваивается и воспроизводится скот. На это указывал и К. Маркс, когда писал, что «присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую однако, на каждом месте стоянки, временно используют сообща».²

Такое положение должно было оказывать и оказывало определенное влияние на характер отношений индивидуума к земле. Труд человека находит непосредственное приложение к скоту, что значит, что он приложен к земле, которая в данном случае опосредствована скотом. Таким образом, индивидуальная собственность на скот в этих условиях по времени должна была предшествовать собственности на пастбище. Иначе говоря, чтобы обладать правом собственности на пастбище, надо было

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. II. Госполитиздат, 1948, стр. 11.

² Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат, 1940, стр. 24.

вначале иметь право собственности на скот. Присвоение скота есть в то же время и присвоение земли – пастбища. Исходя из этих соображений, мы считаем, что указание К.Маркса о том, что «... у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли – на овец например – это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»,¹ в полной мере применимо к условиям Казахстана вплоть до XIX в.

Возражение отдельных авторов о том, что слово «пастушеские народы» не относится к казахскому обществу, по нашему мнению, неверно.

Следует также отметить, что подобная роль земли – пастбища в кочевом обществе породила ложное представление о якобы отсутствии феодального землевладения, что является отражением лишь внешних процессов общественных явлений, не соответствующим внутренним их закономерностям.

Проф. С.В. Юшков совершенно правильно указывает, что классики марксизма-ленинизма феодализм как общественно-экономическую формацию связывают с землевладением. Однако, по нашему мнению, проф. С.В. Юшков понимает это несколько однобоко.

Исходя из марксистского определения собственности как присвоения можно сказать, что характерной особенностью феодализма является присвоение земли. Противоречит ли это положение тому, что было сказано нами раньше, а именно, что присваивается и воспроизводится на самом деле скот, а не земля. Для нас кажется очевидным, что тут нет никакого противоречия, ибо последняя формула отражает только внешнее свойство явлений, тогда как по содержанию присвоение скота в то же время является присвоением земли, на которой передвигается скот.

Под понятием «земля» надо различать некую пространственную площадь (понятие географическое) и носителя плодов – территорию. (понятие производственное). Собственность как присвоение имеет дело со вторым понятием. Присваивается не сама земля, как некая пространственность, а ее плоды. Плод может быть продуктом или непосредственного приложения труда к земле, или естественным. Причем естественные плоды, или естественные условия земли, могут быть конкретно данными в пространстве (растение, вода и др.) и конкретно неопределенными в пространстве (например, скот). Неопределенность в пространстве непосредственного условия труда является предпосылкой и неопределенности самого пространства, т. е. пастбища. Это соответствует и согласуется с известным положением К. Маркса, приведенным нами выше, что «...у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли – на овец например, – это одновременно

¹ Там же.

и собственность на луга, по которым они передвигаются». Здесь слово «передвигаются», нам кажется, именно подчеркивает неопределенность пространства – пастбища. В силу этих причин на протяжении известного периода, когда имелась возможность свободного передвижения, собственность на пастбище выступала в форме его фактического хозяйственного освоения. Повторяю, что такое положение может продолжаться при наличии пространственных возможностей.

Этим мы хотим сказать, что пастбище само по себе не могло быть сосредоточено в руках отдельных социальных групп, не владевших скотом. Во-первых, потому что пастбище без скота не создавало потребительных стоимостей; во-вторых, существовало пастбищное обилие и в силу этого скотовод не нуждался в услуге владельца участков.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на значение географических условий, «необитаемых пространств» для производственных основ кочевых обществ. Ф. Энгельс в одном из писем К. Марксу в 1853 году писал: «Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока. Тут корень и политической, и религиозной истории. Но чем объясняется, что на Востоке не дошли до частной собственности, даже феодальной? Мне кажется, что дело главным образом в климате, в связи с характером почвы, в особенности же с теми огромными пустынями, которые тянутся, начиная с Сахары, через Аравию, Персию, Индию и Татарию до их высочайших азиатских плоскогорий».¹ Значение больших пространств для кочевых обществ также подчеркивал и К. Маркс, он писал: «...для скотоводства большие обитаемые пространства являются главным условием».² Однако из этих высказываний классиков марксизма-ленинизма не вытекает, что на Востоке не было феодального землевладения.

Когда Ф. Энгельс говорит об «отсутствии частной собственности на землю», он имеет в виду, что в условиях пространственного обилия земля сама по себе не может быть самостоятельным объектом частной собственности, поскольку ее жизненное значение обусловлено владением скота.

В этих условиях право феодалов на землю внешне выступало как право на кочевья аулов, родовых подразделений и рода. Казахские общины имели определенные направления кочевок – летовку, зимовку. Формально вся кочевая территория общины принадлежала коллективу, но фактически ею распоряжалась и владела феодальная знать. Общины состояли из феодалов и зависимых от них людей, поэтому очевидно, что только представители знати могли господствовать и рас-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXI, стр. 493-494.

² Там же, т. XII, ч. I, стр. 188.

поряжаться сферой производства. Иллюстрируем это на примере начала XIX в. Подотделение «Сын Байбатша» из тайфы «Карагул» рода Жаппас в Букеевской орде состояло из 49 хозяйств. В официальных сведениях, составленных непосредственным начальником общины, 26 семейств, т. е. более половины членов, отнесены к числу «нищих» («факиры»). Среди них 11 семейств были безлошадными, 2 семейства совершенно не имели скота. Остальные располагали преимущественно мелким скотом от 1 до 20 голов. Большинство хозяйств, которые не были причислены к разряду «нищих», также были малоскотными, неспособными существовать в полной мере самостоятельно. 15 семейств из 23 имели от 5 до 10 голов крупного скота.

Экономически внутри общины господствовали два бая, владевшие по 100 и более голов скота каждый.¹ Аналогичное положение было и в других подразделениях этого рода. В подотделении «Сын Токала» той же тайфы из 95 семейств 50 являлись «нищими» («факирами»), лишенными малейшей хозяйственной самостоятельности. Как и в первом примере, в этой общине экономически господствовали два бая, владевшие также более чем по 100 голов скота каждый.²

Интересно, что, несмотря на резкое имущественное, классовое различие среди членов общины, она по-прежнему продолжала базироваться формально на общинном пользовании землей. Ясно, что в этих условиях под этой формой скрывалось не что иное, как феодальное право на кочевья - пастбища.

Мы считаем справедливым замечание С.В. Юшкова о том, что развитие феодальной поземельной собственности в Казахстане имеет свои стадии, которые отражают этапы развития феодального общества. Освобождение феодальной собственности на пастбища от общинных форм относится к более позднему периоду истории Казахстана и знаменует собой высшую стадию развития отношений феодальной собственности. Этот процесс был длительным, в то же время закономерным.

Ошибка некоторых исследователей заключается в том, что освобождение феодальной поземельной собственности от прикрывавших ее общинных форм они приняли как скачок от действительной общинной земельной собственности к частной собственности феодалов. В свое время проф. С.Л. Фукс, придерживаясь такой позиции, писал: «Как ни условно понятие «свободных» пастбищ, как ни ограничивается оно экономическими трудностями их освоения, отсутствием безопасности и т. д. для скотоводов Казахстана до XVIII в., наличие

¹ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, л. 123, л. 21.

² Там же, л. 23-25.

отдушины в виде возможности откочевки на свободные земли было одним из реально действовавших факторов общественного производства и политической жизни, следами которого полны еще даже документы XVIII в.»¹

Далее он утверждал, что когда в связи с внешними завоеваниями этой «отдушины» не стало, взамен общинной собственности возникла феодальная собственность на землю.

С.Л. Фукс, правильно указывая на необходимость учета «наличия и отсутствия свободных земель в определении формы присвоения пастбища в условиях Казахстана», допустил серьезную ошибку, которая заключается в том, что возникновение собственности казахских феодалов на землю (пастбища) вне общинных форм он исключительно связывал с внешними факторами. По его мнению, проблема пастбищной тесноты в Казахстане возникла в результате нашествия Джунгарии и в связи со строительством укрепленной пограничной линии в Младшем жузе. Получается, что эти факторы предопределили перелом в отношении к земле как к средству производства.²

Такая аргументация не может считаться верной прежде всего потому, что феодальная собственность на землю рассматривается автором как продукт внешнего воздействия, а не как закономерность, обусловленная внутренним развитием самого общества. Безусловно, внешние факторы могли оказывать влияние на процесс сложения феодальной поземельной собственности, однако они отнюдь не могли быть первопричиной. Принятие такого положения означало бы отказать в закономерности феодальной собственности на землю в Казахстане.

В.Ф. Шахматов в своей статье «К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане»,³ опубликованной в 1951 г., допустил в освещении интересующего нас вопроса, по крайней мере, две серьезные ошибки. Во-первых, он стал на путь игнорирования значения земли – пастбища в производственной жизни общества. Признание им отсутствия феодальной поземельной собственности в Казахстане на протяжении определенного периода доведено до отрицания роли земли в комплексе феодальных отношений и феодальной эксплуатации. Во-вторых, скот рассматривается им как самодовлеющее средство производства вне связи с землей, отдельно, изолированно – как объект собственности с самостоятельной формой существования вне зависимости от пастбища. Механическое разделение скота и пастбища (земли) привело автора к неправильным выво-

¹ Известия АН КазССР, серия юридическая, вып. 3, стр. 93.

² Там же, ст. С.Л. Фукса, стр 94.

³ Вестник АН КазССР, №7, 1951.

дам о характере отношений феодальной эксплуатации в Казахстане.

Рассмотрим теперь эти вопросы более подробно. В.Ф. Шахматов считает, что эксплуатация непосредственных производителей в XIX в. в кочевых районах Казахстана строилась по скоту, а не по земле.

Автор считает, что феодальная эксплуатация в казахском обществе была основана исключительно на факте наделения скотом крестьянских хозяйств, когда последние были вынуждены обращаться к феодалам за «помощью» («саун», «жун-беру», «колик-майы» и т. д.).

Выходит, что те, которые брали скот у феодала, находились в зависимом положении, а остальные – вне этих отношений. Нельзя согласиться с таким выводом. Необходимо учитывать, что в Казахстане феодалы не обладали сословным правом на скот.

И в силу этого институт «наделения» скотом нуждающихся не мог составить основную базу феодальной эксплуатации. Для ясности следует отметить, что особенно со второй половины XVIII в. в связи с резким увеличением числа малоскотных и бесскотных хозяйств, наделение их скотом со стороны богачей начинает играть значительную роль в феодальных отношениях. Однако это не может служить основанием считать наделение скотом основной формой установления феодальной зависимости на протяжении всего феодального периода.

Кроме того, если согласиться с положением В.Ф. Шахматова, поневоле надо признать, что в Казахстане феодальная эксплуатация была основана на экономическом принуждении, что противоречит указаниям классиков марксизма-ленинизма. Уверения же автора, что «родовая помощь» является в условиях Казахстана формой внеэкономического принуждения¹ не выдерживают никакой критики. По его мнению, иногда одноаульцы шли помогать баю в хозяйстве даром («асыр») – «одни боясь бая, другие в надежде получить у него саун, третьи просто в силу обычая». Тут недоговорено опять-таки самое главное, почему крестьяне боялись бая, что лежало в основе этой «боязни».

Наивно также считать, что они шли на даровую работу в силу обычая. Ведь важно не только отметить факт наличия обычая, а объяснить, чем он обусловлен.

Другое утверждение автора, что «в казахском ауле были широко распространены отработки за долг просто даром, по приказанию бая, исключительно из-за того, чтобы не лишиться в тяжелый год «помощи» своего богатого сородича» является поверхностным, совершенно неубедительным, потому что не раскрыта действительная общественно-производственная основа этих отношений.

Подобная трактовка вопросов феодальных отношений в Казахстане

Вестник АН КазССР, № 7, 1951.

отдушины в виде возможности откочевки на свободные земли было одним из реально действовавших факторов общественного производства и политической жизни, следами которого полны еще даже документы XVIII в.»¹

Далее он утверждал, что когда в связи с внешними завоеваниями этой «отдушины» не стало, взамен общинной собственности возникла феодальная собственность на землю.

С.Л. Фукс, правильно указывая на необходимость учета «наличия и отсутствия свободных земель в определении формы присвоения пастбища в условиях Казахстана», допустил серьезную ошибку, которая заключается в том, что возникновение собственности казахских феодалов на землю (пастбища) вне общинных форм он исключительно связывал с внешними факторами. По его мнению, проблема пастбищной тесноты в Казахстане возникла в результате нашествия Джунгарии и в связи со строительством укрепленной пограничной линии в Младшем жузе. Получается, что эти факторы предопределили перелом в отношении к земле как к средству производства.²

Такая аргументация не может считаться верной прежде всего потому, что феодальная собственность на землю рассматривается автором как продукт внешнего воздействия, а не как закономерность, обусловленная внутренним развитием самого общества. Безусловно, внешние факторы могли оказывать влияние на процесс сложения феодальной поземельной собственности, однако они отнюдь не могли быть первопричиной. Принятие такого положения означало бы отказать в закономерности феодальной собственности на землю в Казахстане.

В.Ф. Шахматов в своей статье «К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане»,³ опубликованной в 1951 г., допустил в освещении интересующего нас вопроса, по крайней мере, две серьезные ошибки. Во-первых, он стал на путь игнорирования значения земли – пастбища в производственной жизни общества. Признание им отсутствия феодальной поземельной собственности в Казахстане на протяжении определенного периода доведено до отрицания роли земли в комплексе феодальных отношений и феодальной эксплуатации. Во-вторых, скот рассматривается им как самодовлеющее средство производства вне связи с землей, отдельно, изолированно – как объект собственности с самостоятельной формой существования вне зависимости от пастбища. Механическое разделение скота и пастбища (земли) привело автора к неправильным выво-

¹ Известия АН КазССР, серия юридическая, вып. 3, стр. 93.

² Там же, ст. С.Л. Фукса, стр 94.

³ Вестник АН КазССР, №7, 1951.

дам о характере отношений феодальной эксплуатации в Казахстане.

Рассмотрим теперь эти вопросы более подробно. В.Ф. Шахматов считает, что эксплуатация непосредственных производителей в XIX в. в кочевых районах Казахстана строилась по скоту, а не по земле.

Автор считает, что феодальная эксплуатация в казахском обществе была основана исключительно на факте наделения скотом крестьянских хозяйств, когда последние были вынуждены обращаться к феодалам за «помощью» («саун», «жун-беру», «колик-майы» и т. д.).

Выходит, что те, которые брали скот у феодала, находились в зависимом положении, а остальные – вне этих отношений. Нельзя согласиться с таким выводом. Необходимо учитывать, что в Казахстане феодалы не обладали сословным правом на скот.

И в силу этого институт «наделения» скотом нуждающихся не мог составить основную базу феодальной эксплуатации. Для ясности следует отметить, что особенно со второй половины XVIII в. в связи с резким увеличением числа малоскотных и бесскотных хозяйств, наделение их скотом со стороны богачей начинает играть значительную роль в феодальных отношениях. Однако это не может служить основанием считать наделение скотом основной формой установления феодальной зависимости на протяжении всего феодального периода.

Кроме того, если согласиться с положением В.Ф. Шахматова, поневоле надо признать, что в Казахстане феодальная эксплуатация была основана на экономическом принуждении, что противоречит указаниям классиков марксизма-ленинизма. Уверения же автора, что «родовая помощь» является в условиях Казахстана формой внеэкономического принуждения¹ не выдерживают никакой критики. По его мнению, иногда одноаульцы шли помогать баю в хозяйстве даром («асыр») – «одни боясь бая, другие в надежде получить у него саун, третьи просто в силу обычая». Тут недоговорено опять-таки самое главное, почему крестьяне боялись бая, что лежало в основе этой «боязни».

Наивно также считать, что они шли на даровую работу в силу обычая. Ведь важно не только отметить факт наличия обычая, а объяснить, чем он обусловлен.

Другое утверждение автора, что «в казахском ауле были широко распространены отработки за долг просто даром, по приказанию бая, исключительно из-за того, чтобы не лишиться в тяжелый год «помощи» своего богатого сородича» является поверхностным, совершенно неубедительным, потому что не раскрыта действительная общественно-производственная основа этих отношений.

Подобная трактовка вопросов феодальных отношений в Казахстане

Вестник АН КазССР, № 7, 1951.

допущена В.Ф. Шахматовым потому, что он односторонне рассматривает производственную основу казахского общества.

Нам кажется, совершенно правильно в свое время указывал проф. С.В. Юшков, когда он, полемизируя с В.Ф. Шахматовым, писал, что «было бы совершенно исключительно наивным считать, что распоряжение кочевьями со стороны казахской знати не было связано с теми или иными формами эксплуатации кочевников скотоводов».¹

Мы считаем, что основой феодальной эксплуатации всегда являлась земля. В условиях кочевых обществ она выступала в органической связи со своим органическим и естественным продуктом – скотом и составила с ним материальную основу феодальных отношений.

Всякая попытка рассматривать отдельно скот и пастбище как самостоятельные объекты собственности и сбрасывать со счета то или другое в определении природы феодальных отношений в Казахстане есть по сути дела игнорирование производственной специфики кочевго общества.

Если быть последовательным, следует, признавая скот основой эксплуатации, признать и такую же общественную роль пастбища, и наоборот, признавая пастбища (землю) основой эксплуатации, надо признавать такую же общественную роль скота.

Если универсальной формой феодальной поземельной собственности считать форму отношений в земледельческих странах, то можно утверждать, что в Казахстане на протяжении длительного периода не существовала собственность феодала на землю. Те исследователи, которые держатся подобной аргументации, по существу находятся в плену неправильных представлений. Феодальные общества весьма разнохарактерны по уровню развития производительных сил, общественных отношений, по форме материального производства и условий производства, и невозможно изобрести для них всех одну общую мерку, хотя все они обладают общими признаками. Общеизвестно, что в казахских общинах с внешней стороны действительно существовало общинное землевладение и члены общины формально не были ограничены в правах пользования пастбищем, однако они не были фактически равноправны в «присвоении земли» своей властью. Существовала резкая имущественная дифференциация среди членов общины.

Одни владели большим количеством скота, что вело к фактической экспроприации общинных земель, другие или вовсе не имели скота, или имели очень мало и поэтому фактически были отстранены от пользования общинными землями. Так выглядело общинное землевладение в Казахстане.

¹ Вестник АН КазССР, № 9, 1951, стр. 64.

Ошибкой некоторых историков является то, что они эту внешнюю сторону общественных явлений воспринимают как их сущность. Необходимо отметить, что нельзя игнорировать и эту внешнюю сторону, считать ее излишней, и при анализе и характеристике общественных отношений в Казахстане считать ее пережитком, не имеющим никакого значения. Наоборот, этот остаток общинного быта выполнял определенную служебную роль в классовых отношениях.

Итак, общинное землепользование в казахских общинах относится к внешней формальной стороне дела. Оно не может заслонить, а тем более затмить феодальных отношений, действующих как закон внутри общины, в глубине и под покровом общинного быта.

Общинный быт в общественных отношениях, имевший формальный характер, наблюдался не только в Казахстане. Он имел место и в некочевых обществах. И там, за общинными формами, внешними признаками общественных отношений скрывались основы феодальной эксплуатации.

В классовом обществе, когда внутри общины существуют классовые отношения, всякий общинный быт остается только формальным. Это можно проследить и на примере крестьянской общины в России.

Товарищ Сталин указывает, что «...в общине господствовали кулаки, «мироеды», эксплуатировавшие бедняков, батраков, маломощных середняков. Формально существовавшее общинное землевладение и происходившие время от времени переделы земли по душам несколько не меняли дела. Землей пользовались те члены общины, у которых были рабочий скот, инвентарь, семена, то есть зажиточные середняки и кулаки... Крестьянская община была на самом деле удобной формой для прикрытия кулацкого засилья и дешевым средством в руках царизма для сбора налогов с крестьян по принципу круговой поруки».¹

В.И. Ленин назвал крестьянскую общину в России полуфеодальной. Члены общины, сосредоточившие в своих руках необходимые предпосылки в виде орудий производства для освоения земли, скот – для использования в своих интересах пастбищных угодий, фактически распоряжались и являлись хозяевами этих земель, как бы общественные отношения не были прикрыты общинными формами. В условиях господства классовых отношений в обществе не может быть речи о действительных племенно-общинных отношениях.

Таким образом, отсутствие с внешней стороны в Казахстане в течение определенного периода феодальной поземельной собственности вовсе не свидетельствует об отсутствии права феодалов на землю.

В некоторых странах Востока в силу ряда обстоятельств на протя-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 15.

жении известного периода не могла сложиться феодальная собственность в такой форме, в какой мы привыкли видеть ее в странах земледелия. Но это вовсе не может служить доказательством отсутствия феодальной эксплуатации.

Право феодалов на землю не было всегда одинаковым. Развитие отношений собственности в то же время было развитием права феодалов на землю.

Как было указано выше, в течение длительного периода истории Казахстана феодальная поземельная собственность выступала в основном под прикрытием общинных форм, скрывалась под их личиной. Такое соотношение содержания и форм должно было отразиться на правовом положении собственника земли. Иначе говоря, несоответствие формы и содержания сковывало развитие и проявление правомочий, принадлежавших собственнику. Поэтому действительный собственник общинных земель – феодал выступает в то время еще со многими «недостатками» как собственник. Он пользуется правом распоряжения кочевьями. Это право состояло как из элементов управления (указание направления и определение полосы, кочевого пути, распределение мест летовки и зимовки между общинами, аулами, отдельными семьями и т. д.), так и из элементов присвоения их своей властью. Однако право распоряжения пастбищем было ограничено существующей общинной формой, поэтому феодал не имел правомочия на его отчуждение, наследование, сдачу в аренду и т. д.

После смерти феодала право собственника переходило другому, заменившему его феодалу, без соблюдения формальностей. В этом отразилась одна из специфических особенностей права феодальной поземельной собственности в Казахстане.

Право владения, использования земли феодалами вытекало из факта их экономического господства в обществе. Имея в своих руках большое количество скота и пользуясь правом распоряжения кочевьями, они фактически обладали правом владения пастбищем и использования его в своих интересах.

Таким образом, право феодальной поземельной собственности в Казахстане выступало в формах, обусловленных наличием сильных пережитков общинных отношений в жизни общества.

С конца XVIII в. отношения собственности в Казахстане развились в высшую форму, на поверхности общественной жизни появилась незавуалированная ничем феодальная поземельная собственность со свойствами ей юридическими формами.

Отношения, господствовавшие в дореволюционном Казахстане, товарищ Сталин охарактеризовал как отношения патриархально-

феодалы. Это имеет глубокое теоретическое значение в освещении отношения собственности в Казахстане.

Феодалы, основанные на феодалы собственности на средства производства, выступали при наличии значительных остатков в общественной жизни общинных, патриархальных отношений.

Отношения феодалы собственности на землю, отношения угнетения и господства, действительно имевшие место внутри казахской общины, на протяжении определенного периода в силу ряда обстоятельств скрывались формами патриархального быта. Это значит, что исследователь не может довольствоваться только формальной стороной отношений – формами и строить свои выводы на этом, поскольку в таком случае рискует заранее пойти по неправильному пути.

К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССИВНОЙ РОЛИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСТАНА К РОССИИ¹

(По материалам Внутренней орды)

Как правило, исследователи чаще всего упоминают Внутреннюю орду в двух случаях: при освещении аспектов крестьянского восстания под руководством Исатая Таиманова и при анализе феодалы собственности на землю у казахов, поскольку она получила здесь свое дальнейшее развитие и менее была прикрыта оболочкой патриархальщины. Такие вопросы, как место Внутренней орды в системе развития казахского общества, ее положение с точки зрения усиления цивилизующей роли России в Казахстане в исторической науке вовсе не ставились.

Несмотря на то, что Внутренняя орда являлась меньшей по территории и числу населения, по сравнению с другими казахскими жузами, она по богатству внутренних событий, имеющих существенное значение для всего казахского общества, занимает важное место в истории народа.

Начиная с середины XVIII века развитие казахского общества в значительной степени было связано с Россией, с ее прогрессивным воздействием. Внутренняя орда в силу особых условий представляла такую часть казахского общества, которая в большей степени отразила это прогрессивное влияние со всеми вытекающими отсюда положительными последствиями для всего казахского общества. Какую бы область жизни общества мы не взяли, – экономическую, социальную, политическую, культурную, – везде обнаруживается проявление и ма-

¹ В книге «Труды Казахского Государственного Университета имени С.М. Кирова», Серия юридическая, м 2. Алма-Ата. 1956 г.

териальное воплощение цивилизующей роли России по отношению к отсталому казахскому обществу.

В данной статье рассматриваются вопросы: как и почему Внутренняя орда явилась активным звеном, связывающим казахское общество с Россией и какие прогрессивные изменения эта связь внесла в экономику и культуру казахского народа.

Внутренняя орда, в отличие от других казахских земель, находилась в особых условиях: она была окружена со всех сторон владениями, населенными русскими. Границы орды проходили по крестьянским поселениям Астраханской, Саратовской, Оренбургской губерний, и только небольшая часть – вдоль военных кордонов и укрепленных пунктов. Это создало благоприятные условия /для непосредственного общения с русским обществом и усиления экономической связи с ним.

Важнейшей экономической формой общения двух народов, основой, на которой сходились, все больше познавали друг друга эти народы, явилась торговля. Вместе с тем товарно-денежные отношения явились силой, разъедающей и подтачивающей фундамент натурального патриархально-феодалного хозяйства казахов.

Ханская ставка, обосновавшаяся на урочище Жас-Кус, была центром торговых операций в Орде. В ярмарочные дни тут можно было встретить бухарских и хивинских купцов, казанских татар, владимирских, астраханских мещан и крестьян, знатных и бедных казахов и др.

В 1835 году на весенней ярмарке при ханской ставке принимали участие перекупщики скота и животноводческой продукции из 17 губерний России¹. В 1845) году на весенней ярмарке приезжих торговых людей было до 1 000 человек. О многолюдности и объеме торговых операций можно судить по данным 1846 года. В этом году на весенней ярмарке (с 15 апреля по 15 мая) было зарегистрировано 3 883 участника, из коих 2 700 человек были казахами. В числе других, прибывших на ярмарку людей, было: купцов II гильдии – 4, купцов III гильдии – 83, русских мещан – 162, русских крестьян – 729, татар – 34, армян – 50, калмыков – 65, туркмен – 19, хивинцев – 4, казаков – 33². В 1847 году число приезжих торговцев составляло более 1500 человек, а в 1851 году – более 2 000 человек³.

¹ *Алекторов А.* Из письма хана Джангира к графу Перовскому. «Астраханский листок», 1892 г., № 258.

² *Киттары М.Я.* Ставка хана Внутренней казахской орды, ж. МВД, т. 28, 1849 г., стр. 182.....183.

³ *Небольсин П.* Очерки волжского низовья. Журнал Министерства внутренних дел, 1852 г., ч. 39, стр. 237.

Крестьяне соседних губерний, проникавшие вглубь казахских аулов, обменивали свои изделия. В свою очередь казахи переходили на земли Астраханской, Саратовской, Оренбургской губерний, сбывая здесь скот и продукцию своего хозяйства, а взамен этого приобретали необходимую хозяйственную, домашнюю утварь и хлеб. Советник Временного Совета по управлению Внутренней ордой, учрежденного после смерти хана, Салих Бабаджанов в 1861 году писал: «теперь все ярмарки кругом орды верст на 900 известны киргизам на перечет»¹. На это указывал и Небольсин П. «Увлеченные торговлей казахи, – писал он, – начали гонять лошадей на продажу на ярмарку в Оренбургскую, Саратовскую губернии ежегодно до 3 000 голов»².

Для нас здесь важно отметить, что интересы взаимного экономического сотрудничества казахского и русского народов в такой важной области, как торговля, несмотря на ее колониальный характер, более или менее сблизили эти народы, и это не могло не иметь серьезного значения в дальнейшем развитии и углублении взаимоотношений между двумя народами. Так и было в действительности. Казахи встречались с представителями русского народа не только на торговых пунктах внутри орды, на ярмарках, куда основная их масса прибывала с целью наживы, но и за ее пределами.

Земельная теснота, захват лучших пастбищных угодий местными феодалами и колониальными властями привели к тому, что значительное число кочевников вынуждено было арендовать земли под кочевание у помещиков, соседних русских крестьян. Так, например, в 1861 году на территории Астраханской губернии на арендных началах кочевало: в Царевском уезде – 1839 казахских семейств, в Новоузенском – 84, Черноморском – 75, Красноярском – 50, Енотаевском – 71 семейство. Казахи занимали также земли Уральского казачества, калмыков. В том же году 83 481 десятина земли казахи арендовали под пастбища у помещиков князя Юсупова и графа Безбородко, владевших лучшими участками Прикаспия³. Кочуя на русских землях, казахские кочевники не могли не заметить более целесообразный хозяйственный быт, высокую культуру и лучшие стороны русской народной жизни. Нередко они заводили знакомство с русскими крестьянами, бывали у них, принимали их у себя, как друзей.

Другим серьезным каналом, по которому развивалось знакомство с русским обществом, была работа по найму казахов у русских. Многие необеспеченные кочевники в поисках временного или постоянного за-

¹ Бабаджанов С. Заметка киргиза о киргизах. «Северная пчела», 1861 г., № 4

² Небольсин П. Цитир. соч., стр. 2

³ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 6, л. 79, л. 3–4,7.

работка уходили в русские населенные пункты. В начале 1860 года по одному только Приморскому округу орды значилось в работниках о соседних губерниях 1972 казаха¹. В районах 9, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 20, 27, 28 участков Царевского уезда в 1891 году длительное время проживали в работниках у русских более 280 казахов с семьями².

Значительная часть казахов была занята на рыбных промыслах. Рыбопромышленники, по мере освоения новых рыболовных угодий Каспийского моря, все больше нуждались в рабочей силе – казахских бедняках. Депутат от Внутренней орды в гор. Астрахани Семенов в 1886 году рапортом доносил Временному Совету по управлению ордою, что «киргизы ежегодно около 10 тысяч человек нанимаются в весеннюю, летнюю, зимнюю путины к рыбопромышленникам Астрахани и Астраханского уезда»³.

Как бы ни были жестоки рыбопромышленники в обращении с

казахами, как бы высокомерно ни относились к ним царские чиновники как бы ни обманывали казахов купцы и торгаши, – все это не могло приостановить развивающегося процесса сближения казахов с народом России.

Казахи со временем стали применять нововведения, увиденные ими у русских. Желая перенять то, что было полезным по их мнению и что можно было позаимствовать, казахи нередко стали приглашать русских к себе, в орду, на временное и постоянное жительство, чтобы научиться у них технике земледелия, ремеслу. В районах кочевья казахов стали возникать небольшие хутора, поселения русских крестьян, обосновавшихся, вопреки запрещениям правительственных органов, с согласия казахских аулов. Так, например, в 1884 году в Таловской части орды среди кочевья казахов проживало 44 русских крестьянина, а в Камыш-Самарской части насчитывалось 307 крестьян⁴.

Возрастающее общение с Россией – страной, стоявшей на более высоком уровне экономики и культуры, имело существенное значение и оказывало прогрессивное влияние на все стороны общественной и политической жизни казахов. Цивилизующая роль «России по отношению к Казахстану стала заметно проявляться в жизни казахов Внутренней орды. Об этом свидетельствуют следующие факты. Как известно, казахи Младшего жуза до перехода на правобережье Урала вели кочевой образ жизни, не заботились о постоянных жилищах, хотя бы в зимний период, почти не занимались земледельческим хозяй-

¹ Там же, св. 234, д. 315, л. 1.

² Там же, св. 261, д. 5155, лл. 1–32.

³ Там же, св. 24, д. 358, л. 3.

⁴ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 23, д. 349, л. 33.

ством и сенокосением. Такое положение сохранилось в других частях Казахстана и в первой половине XIX века. В очерке о Младшем-жузе М. Михайлов (1867 г.) сообщает, что «казахи живут везде круглый год в кибитках»¹. М. Иванин, который в начале второй половины XIX века непосредственно изучал быт казахов, пишет, что жители Младшего жуза «вели совершенно кочевую жизнь, не заботясь о запасе сена на зиму...»² Л. Арасанский (1869 г.) отмечает, что в Младшем жузе казахи переходят к полuosедлой жизни вынужденно из-за бедности, а кочевой образ жизни является привилегией зажиточной части населения³. В полевом журнале экспедиции 1824 г., составленном капитаном Вальховским и подполковником Балкашиным, записано, что экспедиция проехала по р. Уралу к урочищу Тайсойган и Калмыковской крепости, прошла десятки урочищ, которые являлись зимовыми местами казахов, однако только на одном из них были обнаружены признаки заготовленного сена⁴.

Способ хозяйствования кочевников отличался крайней примитивностью. Судьба хозяйства находилась почти в полной зависимости от природных условий. В период гололедицы, джута, стихийных явлений казахи терпели огромные бедствия.

Такова была общая картина казахской степи до первой половины XIX века, на фоне которой нельзя не заметить прогрессивных изменений в хозяйственном быте казахов Внутренней орды, обосновавшейся в начале XIX века в пределах метрополии России.

Одним из прогрессивных изменений, явившихся в основном результатом общения с Россией, был сравнительно интенсивный процесс перехода кочевых аулов к оседлости и полuosедлости. Казахское население Внутренней орды, более тесно общаясь с соседними оседлыми народами, быстрее, чем казахи других управлений, усвоило практическую пользу сооружения и оборудования постоянных зимовых мест как для жилья, так и для скота. В 30-х годах XIX века наблюдается относительно массовая стройка домов, землянок по всей орде⁵. К сороковым годам XIX в. вблизи Камыш-Самарских озер возникла группа домов, выстроенная преимущественно богатыми султанами, перешед-

¹ Михайлов М. Киргизы. «Литературная библиотека», СПб, 1867 г., июнь, стр. 285.

² Иванин М. Внутренняя или Букеевская киргизская орда. ж. «Эпоха», 1864 г., №12, стр. 14.

³ Арасанский Л. Причины волнения в киргизских степях. «Деятельность», 1869 г., № 98.

⁴ ЦГ ВИА, ф. ВУА, л. 15.

⁵ На территории Букеевской орды, до ее основания, не было ни селений, ни домов, ни построек, – она представляла собою безлюдную пустыню, покинутую кочевниками-калмыками. Сенат в 1803 г писал, что там «нигде и никаких селений не заведено» (из доклада сената императору Александру I. Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, стр. 257).

шими на оседлость. К этому времени в урочищах «Теректы» насчитывалось около 30 землянок, на урочищах: «Мечеть» – 44, «Дуйсе» – 35, «Тулубай» – 15, «Умирбек» и «Темирбек» – 20, в долине реки Узени – 15. Землянки строились и в других пунктах¹. В 50-х годах постоянные зимние жилища с хозяйственными пристройками имело уже 2/3 населения², а в 1894 году в Таловской части орды было 4 930 саманных построек и 2 деревянных домика, в Камыш-Самарской части – 9 216 саманных зданий и один деревянный дом.³ Все это свидетельствует о широком масштабе перехода бывших кочевников к оседлости.

Небезинтересно отметить, что русская администрация Внутренней орды склонна была поддержать стихийный процесс оседания кочевников. В стремлении кочевников иметь постоянные жилища, хотя бы на зимний период, спя видела средство, привязывающее скотоводов к «внутренней стороне», к колониальному режиму.

Ханская власть, сохранившаяся в орде вплоть до середины XIX века, сохраняла автономию в решении ряда внутренних вопросов. При всей жестокости и антинародности режима, установленного Джангир-ханом в орде, нельзя не указать на некоторые проведенные им мероприятия, объективно, по своим последствиям, игравшие прогрессивную роль. Стремясь закрепить переселенцев-казахов на «новой земле», он понуждал влиятельных родовых начальников, в первую очередь близких родственников, к строительству постоянных зимних жилищ.

В 1827 году Джангир-хан при помощи русского правительства в песках Нарын-Кума на урочище Жас-Кус построил дом, положивший начало образованию первого значительного местного населенного пункта. Знатные султаны, старшины, тюленгуты, составлявшие окружение хана, также начали переходить из кибиток в домики, возведенные вокруг ханской ставки. Урочище Жас-Кус со временем превратилось в крупный торговый центр с постоянными торговыми дворами, лавками, амбарами. В 1841 году в ханской ставке был 41 дом⁴, а в 1849 году число домов возросло уже до 89⁵. В одном обзоре орды, составленном в 1852 году, указывается, что к этому времени в ханской ставке было 90 деревянных домов, 67 мазанок и землянок, 114 деревянных

¹ ЦГАДА, ф. 186, д. 11, стр. 193–196.

² *Медведевский П.* Внутренняя Киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении, ж. Министерства государственных имуществ, 1862, № 8, стр. 295.

³ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 28, д. 393, л. 33.

⁴ *Ханыков Я.* Очерки состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г., записки РГО, 1847, книга II, стр. 38–39.

⁵ *Киттары М.* Ставка хана Внутренней Киргизской орды, ж. МВД, т. XXVIII, 1849, стр. III.

лавок, 38 кирпично-глиняных лавок и одна мечеть. В ставке проживал 821 человек обоего пола¹. В одной из своих записок Джангир-хан не без основания писал: «Пример, который я подал к домозаведению, и мои личные убеждения побудили родоначальников и некоторых старшин к постоянному устройству на зимовках домов и землянок с некоторыми хозяйственными принадлежностями. При дальнейших внушениях и убеждениях очевидностью удобства в пользу этого, киргизы начали мало-по-малу устраивать землянки. Стремление к таким постройкам при почти всегдашних зимних холодах развивалось столь быстро, особенно в Нарын-песках и к Малому Узеню, что я сам изумлен был многочисленностью землянок: число их далеко заходит за тысячу. Каждый зажиточный киргиз думает и старается, несмотря на трудности в доставке и дороговизну леса, сделать землянку»².

Как сказано выше, поддержка местной власти постепенного оседания кочевников-скотоводов имела свои причины. Однако не следует рассматривать этот объективный общественный процесс в непосредственной связи и обусловленности с политикой ханской власти. Несмотря на относительно интенсивный процесс перехода казахских кочевников к элементам оседлости, многие из них еще оставались верными принципам старой традиции. Так, например, к середине XIX века из 45 семейств тайфы «Жайык» рода «Берш», подвластных старшине Шинтемирову, только 10 имели, наряду с юртами, кирпичные жилища. Из 118 семейств той же тайфы, подвластных старшине Идулову, только трое имели кирпичные домики³.

Характерно то, что в Букеевской орде в первую очередь строила дома, переходила к полуоседлой жизни зажиточная часть населения, тогда как раньше это считалось делом «жатаков», наиболее бедных казахов. «К оседлости, писал академик Бартольд, прежде всего переходят бедняки, не имеющие возможности кочевать жатаки...»⁴.

Другой характерной чертой этого процесса было то, что в Букеевской орде переход к полуоседлой жизни не был связан с земледелием, как это наблюдается в жизни других народов и других районов Казахстана. Как уже было сказано, территория орды вообще не благоприятствовала ведению земледельческого хозяйства, и переход к полуоседлому состоянию казахов находилась в связи с обработкой полей.

Переход к постоянным зимним жилищам создал для кочевников благоприятные условия в развитии элементов сенокосения и более ра-

¹ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 1, д. 8, л. 41.

² Приводится Небольсиным П. Очерки волжского низовья, ж. МВД, т. 39, 1852 г., стр. 235–236.

³ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 40, д. 551, л. 2–5.

⁴ Бартольд В. История культурной жизни Туркестана, л. 1927, стр. 120.

шими на оседлость. К этому времени в урочищах «Теректы» насчитывалось около 30 землянок, на урочищах: «Мечеть» – 44, «Дуйсе» – 35, «Тулубай» – 15, «Умирбек» и «Темирбек» – 20, в долине реки Узени – 15. Землянки строились и в других пунктах¹. В 50-х годах постоянные зимние жилища с хозяйственными пристройками имело уже 2/3 населения², а в 1894 году в Таловской части орды было 4 930 саманных построек и 2 деревянных домика, в Камыш-Самарской части – 9 216 саманных зданий и один деревянный дом.³ Все это свидетельствует о широком масштабе перехода бывших кочевников к оседлости.

Небезинтересно отметить, что русская администрация Внутренней орды склонна была поддержать стихийный процесс оседания кочевников. В стремлении кочевников иметь постоянные жилища, хотя бы на зимний период, спя видела средство, привязывающее скотоводов к «внутренней стороне», к колониальному режиму.

Ханская власть, сохранившаяся в орде вплоть до середины XIX века, сохраняла автономию в решении ряда внутренних вопросов. При всей жестокости и антинародности режима, установленного Джангир-ханом в орде, нельзя не указать на некоторые проведенные им мероприятия, объективно, по своим последствиям, игравшие прогрессивную роль. Стремясь закрепить переселенцев-казахов на «новой земле», он понуждал влиятельных родовых начальников, в первую очередь близких родственников, к строительству постоянных зимних жилищ.

В 1827 году Джангир-хан при помощи русского правительства в песках Нарын-Кума на урочище Жас-Кус построил дом, положивший начало образованию первого значительного местного населенного пункта. Знатные султаны, старшины, тюленгуты, составлявшие окружение хана, также начали переходить из кибиток в домики, возведенные вокруг ханской ставки. Урочище Жас-Кус со временем превратилось в крупный торговый центр с постоянными торговыми дворами, лавками, амбарами. В 1841 году в ханской ставке был 41 дом⁴, а в 1849 году число домов возросло уже до 89⁵. В одном обзоре орды, составленном в 1852 году, указывается, что к этому времени в ханской ставке было 90 деревянных домов, 67 мазанок и землянок, 114 деревянных

¹ ЦГАДА, ф. 186, д. 11, стр. 193–196.

² *Медведевский П.* Внутренняя Киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении, ж. Министерства государственных имуществ, 1862, № 8, стр. 295.

³ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 28, л. 393, л. 33.

⁴ *Ханыков Я.* Очерки состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г., записки РГО, 1847, книга II, стр. 38–39.

⁵ *Киттары М.* Ставка хана Внутренней Киргизской орды, ж. МВД, т. XXVIII, 1849, стр. 111.

лавок, 38 кирпично-глиняных лавок и одна мечеть. В ставке проживал 821 человек обоего пола¹. В одной из своих записок Джангир-хан не без основания писал: «Пример, который я подал к домозаведению, и мои личные убеждения побудили родоначальников и некоторых старшин к постоянному устройству на зимовках домов и землянок с некоторыми хозяйственными принадлежностями. При дальнейших внушениях и убеждениях очевидностью удобства в пользу этого, киргизы начали мало-по-малу устраивать землянки. Стремление к таким постройкам при почти всегдашних зимних холодах развивалось столь быстро, особенно в Нарын-песках и к Малому Узеню, что я сам изумлен был многочисленностью землянок: число их далеко заходит за тысячу. Каждый зажиточный киргиз думает и старается, несмотря на трудности в доставке и дороговизну леса, сделать землянку»².

Как сказано выше, поддержка местной власти постепенного оседания кочевников-скотоводов имела свои причины. Однако не следует рассматривать этот объективный общественный процесс в непосредственной связи и обусловленности с политикой ханской власти. Несмотря на относительно интенсивный процесс перехода казахских кочевников к элементам оседлости, многие из них еще оставались верными принципам старой традиции. Так, например, к середине XIX века из 45 семейств тайфы «Жайык» рода «Берш», подвластных старшине Шинтемирову, только 10 имели, наряду с юртами, кирпичные жилища. Из 118 семейств той же тайфы, подвластных старшине Идулову, только трое имели кирпичные домики³.

Характерно то, что в Букеевской орде в первую очередь строила дома, переходила к полуоседлой жизни зажиточная часть населения, тогда как раньше это считалось делом «жатаков», наиболее бедных казахов. «К оседлости, писал академик Бартольд, прежде всего переходят бедняки, не имеющие возможности кочевать жатаки...»⁴.

Другой характерной чертой этого процесса было то, что в Букеевской орде переход к полуоседлой жизни не был связан с земледелием, как это наблюдается в жизни других народов и других районов Казахстана. Как уже было сказано, территория орды вообще не благоприятствовала ведению земледельческого хозяйства, и переход к полуоседлому состоянию казахов находилась в связи с обработкой полей.

Переход к постоянным зимним жилищам создал для кочевников благоприятные условия в развитии элементов сенокосения и более ра-

¹ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 1, л. 8, л. 41.

² Приводится Небольсиным П. Очерки волжского низовья, ж. МВД, т. 39, 1852 г., стр. 235–236.

³ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 40, д. 551, л. 2–5.

⁴ Бартольд В. История культурной жизни Туркестана, л. 1927, стр.120.

циональной организации содержания скота в зимнее время. Прежние спорадические навыки в сенокосении, в оборудовании зимних укрытий для скота начинают занимать значительное место в экономике кочевника. Это отмечалось многими наблюдателями. «Когда приходило покосное время, – сообщает М. Иванин они (то есть жители Букеевской орды – С. 3.) отправлялись на свои покосы и скошенное сено свозили к своим зимовкам. Для топки домов зимой они свозили к ним кизяк. Зимовки свои они обрывали канавами, устраивая из вынудой земли земляные валы, и через то делая ограды для охранения от сильных стуж хотя бы части более нежного и вновь родившегося скота»¹. Профессор Островский, побывавший в Букеевской орде в 1859 году, отмечает: Летом киргизы начинают запасаться сеном для зимы и нанимают иногда луга вблизи своих зимних кочевков»². «Многие киргизы стали заготавливать корм и устраивать зимовки», – отмечает один из авторов, служивший в течение 20 лет при канцелярии Оренбургского губернатора и хорошо знавший внутреннюю жизнь орды»³. «Уже некоторые из кочующих, – говорит Терещенко, побывавший в орде начале 50-го года XIX века, – начали заводиться домиками и землянками, строить хутора кибиточные, приучаться к косе и сохе»⁴. Жители Букеевской орды «... всегда запасают на зиму сено, – писал один из очевидцев, – как подспорье подножному корму и как средство поддерживать силы животного в трудные периоды зимнего времени»⁵.

Заметное развитие сенокосение получило после суровой зимы 1827 –1828 гг., во время которой жители орды потеряли до 10 тысяч верблюдов, 289 тысяч лошадей, 73 тысячи голов рогатого скота и более миллиона голов овец. Из архивных материалов видно, что на землях владельческих дач (князя Юсупова и графа Безбородко), арендуемых казахами, последние систематически заготавливали сено⁶. В одном из документов отмечается, что казахи в 1830 году накосили сека на этих землях до 550 тыс. снопов⁷.

Сопоставление различных документальных сообщений дает основание считать, что в Букеевской орде процесс, связанный с переходом казахов в полукочевое состояние, отражает прочно сложившееся и развивающееся направление в экономике общества.

¹ Иванин М., цитир. соч., стр. 16.

² Островский З. Поездка во Внутреннюю Киргиз-Кайсацкую орду с ветеринарной целью. Журнал Министерства внутренних дел, 1859 г., февраль стр. 76.

³ Казанцев И. Описание киргиз-кайсак. СПб, 1867, стр. 218.

⁴ Терещенко А. Следы Дешкыпчака и Внутренняя Киргиз-Кайсацкая орда, ж. «Москвитянин», т. VI, № 22, 1353 г., стр. 75.

⁵ Медведевский П., цит. соч., стр. 293.

⁶ Артемьев А. Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства, ж. Министерства внутренних дел, 1859 г., октябрь, стр. 43.

⁷ Гос. ист. арх. др. актов, ф. 1290, оп. 2, л. 452, л. 5, 7.

Переход кочевников к полуседлому образу жизни и связанные с ним сдвиги в хозяйственном строе казахов Внутренней орды явились в первую очередь следствием прогрессивного влияния России, были обусловлены всем ходом объективного развития взаимоотношений двух народов.

Цивилизующая роль России по отношению к казахскому народу проявилась и в других сторонах, общественной жизни. В частности, это обнаруживается в оживлении и развитии земледельческого производства среди скотоводов.

При низкой примитивной технике обработки полей, отсутствии опыта земледелия у казахов-кочевников, хлебопашество на территории орды в северо-западных и центральных районах Малого жуза не получало развития. Низкая влажность почвы, суховеи, знойные ветры, постоянно господствовавшие в этом районе, служили естественным препятствием на пути развития земледельческого хозяйства. Это обусловило то, что казахи Внутренней орды, как и раньше, по переходу на правобережье, не занимались земледелием. Бларамберг указывал, что территория, занимаемая ордою, является «почти неудобной для хлебопашества и почти безводной»¹.

Однако такое положение казахов Внутренней орды, окруженной земледельческими народами, не могло продолжаться долго. Перенимая навыки и опыт в возделывании земель у своих соседей, казахи со временем стали в значительных, по сравнению с прошлым, размерах заниматься земледелием.

Самое важное значение в развитии земледелия среди казахов имело перенятие богатого опыта русских крестьян. В одной из записей ханской канцелярии за 1835 год отмечалось, что «казахи стали ознакамливаются с оседлым обычаем... в некоторых местностях завелась даже распашка земли, хотя не в значительных размерах»².

Влияние русского крестьянства стало особенно значительным во второй половине XIX века. Управляющий Торгунской и Калмыцкой частями орды в отчете своем за 1885 год писал, что казахи «стали понимать существенную пользу в хлебопашестве, начали заниматься обработыванием земель, засаживанием хлеба, частью своими средствами, частью через посредство русских соседних крестьян Царевского и Енотаевского уездов. Таким образом многие достигли желанной цели»³ (подчеркнуто мною – С. 3.).

¹ *Бларамберг*. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсапкой Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды. Военно-статистическое обозрение Российской империи, ч. III, СПб, 1848 г., стр. 26.

² ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 1, д. 8, л. 30.

³ Там же, св. 23, д. 348, л. 59.

Интересным является объяснение одного русского крестьянина, поселившегося среди казахов, вопреки запрещениям колониальных властей. В 1890 году крестьянин Пыхоченко, обосновавшийся неподалеку от Ставки в кочевьях старшинства № 1, следующим образом объяснил Временному Совету по управлению ордою причину поселения среди казахов: «...Киргизы № 1 старшинства Калмыцкой части, более грамотные люди пожелали приучиться посеву, к огороду и посевам хлеба, со своей стороны просили меня учить их, как не знающих киргиз, по хлебопашеству... излагая вышесказанные обстоятельства, прошу Ваше распоряжение объявить мне через местного правителя снять хутор или же остаться учителями Внутренней Киргизской орды, которые меня желают добровольно»¹ (подчеркнуто мной. – С. 3.). В 1891 году в старшинстве №2 Торгунской части Турабек Ильчибеков пригласил двух крестьян из села Николаевки Павла и Семена Тараненковых для оказания-ему помощи в земледелии сроком на один месяц, за что уплатил 15 рублей. На урочище «Джумат» в этом году им при их помощи было посеяно около 20 десятин земли².

Во многих случаях русские крестьяне приходили к казахам со своими сельскохозяйственными орудиями и помогали затем им приобрести такие орудия в соседних губерниях. Так, например, в одном из архивных документов указывается, что крестьянин Василий Моралов за определенную плату производил в 1891 году распашку земель казаку Акбаулину своим плугом³.

Наиболее распространенной формой связи казахов и русских крестьян в земледелии была соседская обработка земли. Русские нашли в орде много годных для посева участков, которые считались мало-пригодными или вовсе негодными для этой цели. Русские крестьяне арендовали земельные участки у казахов, как правило, на один сезон и сеяли на них хлеб. В свою очередь, казахи, при их помощи или самостоятельно, рядом с ними засеивали небольшие участки, преимущественно просом. Такой порядок использования пахотных угодий способствовал не только взаимному экономическому обмену казахскоговода и русского крестьянина, но оказывал действительное влияние на сознание казахского народа, все больше видевшего в русском трудовом человеке своего друга. В 1881 году в Таловской части орды казах Бектае Абиев сам обрабатывал 40 десятин земли и сдавал в аренду русским крестьянам 30 десятин. Другой казах, Таты бек Мангуров, из 50 десятин, годной к посеву земли более половины сдавал русским

¹ Там же, св. 28, д. 402, л. 2.

² Там же, св. 118, д. 2287, л. 7.

³ Там же, св. 118, д. 2288, л. 1.

крестьянам, а другую часть возделывал сам. Таких семейств, производивших соседскую обработку полей совместно с русскими крестьянами, в Таловской части орды, по официальным данным, насчитывалось 118¹. В 1899 году по всей орде самими казахами обрабатывались 3255 десятин пахотных угодий, а арендаторами, половинщиками, посевицами из русских крестьян – (до 700 десятин)².

Земледельческое хозяйство приобретало все более значительный вес в жизни казахов Таловской, Торгунской частей орды, располагавших удобными для посева участками. Характерно и то, что казахи отдаленных районов, располагавшие кочевьем на пустынных землях, видя пользу от хлебопашества, извлекаемую другими скотоводами, старались освоить незначительные участки, годные для посева. Правитель Нарынской части в одном из рапортов в 1881 году доносил: «Хотя киргизы по случаю негодной почвы не занимаются хлебопашеством, но некоторые из них, именно киргизы старшинства № 6 в отчетный год для пробы засеяли хлеб, Мулдали Иманбаев посеял 1/2 десятины, 1/2 пуда пшеницы, а снял 23 пуда; Бигали Иманбаев посеял на одну десятину 3 пуда, а собрал 60 пудов пшеницы»³. Такой результат, разумеется, не мог не оказывать влияния на вовлечение новых семейств в сферу занятия земледелием.

Земледелие среди казахов под непосредственным воздействием России, в первую очередь русского крестьянства, развивалось вопреки политике местной и центральной власти. Русским крестьянам под страхом наказания запрещалось выезжать в кочевья казахов для обработки полей, арендовать у них пахотные угодия. Также и казахам предписывалось не сдавать в аренду и на других условиях земли, предоставленные им для кочевания. Так, например, казах Акбаулин был оштрафован Временным Советом за то, что он допустил русского крестьянина Моралова на свои участки⁴. «Существует мнение, – писал чиновник Центрального статистического комитета А. Артемьев, – что киргизов необходимо отвлекать всеми мерами от земледелия, что развитие его между ними причинит вред русским, сделает подрыв нашей меновой торговле потому, что прилинейные жители тогда не будут иметь возможности сбывать свой хлеб киргизам»⁵. Это мнение в основном отражало политику, проводимую Оренбургским пограничным управлением и Временным Советом по Управлению Внутренней ордой.

¹ ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 18, д. 260, л. 14 – 16.

² Там же, св. 267, д. 5278, л. 12.

³ Там же, св. 18, д. 260, л. 53.

⁴ Там же, св. 118, д. 2288, л. 4.

⁵ *Артемьев А.* Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства. Журнал МВД, октябрь 1859 г., стр. 37.

Процесс общественного развития оказался сильнее, чем политика органов колониальной власти. Земледелие продолжало получать среди казахского народа заметное развитие, что было обусловлено всем ходом объективного развития самой истории, связи с Россией.

Ремесло, как и земледелие, находилось в казахской степи в зародышевом состоянии, носило домашний характер. Нельзя не отметить, что и в этой области наметились некоторые, хотя и незначительные сдвиги. Однако ремесленное производство по-прежнему не имело самостоятельного характера и продолжало находиться в зависимости от основного условия хозяйства – скотоводства.

В связи с ростом потребностей населения в ремесленных товарах, что было обусловлено переходом населения к полуседлому состоянию и влиянием быта оседлых соседей на образ жизни казахов, начиная со второй четверти XIX века, значение ремесленного дела в орде несколько повысилось. Советник Букеевской орды С. Бабаджанов в своих «письмах» сообщает, что хан Джангир, в бытность свою на Кавказе, пригласил в орду золотых и серебряных дел мастеров. При ханской ставке они обучали ремеслу находившихся при них казахов¹. Журнал «Сын Отечества» в 1840 году писал, что казахи орды «получили посредством русских познания во многих ремеслах»². Евреинов добавляет, что в орде «...Немногие ремесленничают»³.

При всем этом ремесленное дело по сравнению с земледелием развивалось медленно, имело примитивный, домашний характер; уровень производства оставался весьма низким.

Характерно, что когда сдвиги в хозяйственной жизни казахов наметились более определенно, колониальные власти превратили их в орудие пропаганды и восхваления политики царизма в Казахстане. Один из чиновников Генерального штаба, выражая мнение властей, писал: «Эти переселенцы (то есть казахи Внутренней орды. – С. З.) первые подали пример совершенного подчинения русской державе и более или менее счастливый быт их должен отозваться по всему кайсацкому народу. Причем, указывая зауральским кайеакам настоящий путь к мирному и счастливому существованию, они неминуемо будут вызывать себе последователей»⁴. В этих строках есть доля правды. Отражает действительное положение то, что казахи Внутренней орды стали бо-

¹ Газета «Северная пчела», 1861 г., № 4.

² О Внутренней или Букеевской Киргиз-Кайсацкой орде, ж. «Сын Отечества», 1840 г., ч. V.

³ Евреинов А. Внутренняя или Букеевская Киргиз-Кайсацкая орда, ж. «Современник», 1851 г., № 10, стр. 94.

⁴ *Бларамберг*. Военно-статистическое образование Российской империи, ч. 3, СПб, 1848 г., стр. 25–26.

лее «мирными», междоусобная борьба, баранта почти прекратилась. В результате цивилизующей роли и непосредственного влияния России, они во многих отношениях начали выделяться среди массы населения Младшего жуза. Все это не могло не быть примером положительных последствий более тесного сближения с русским обществом.

Усиление экономических связей с Россией, с русским народом привело к развитию языкового взаимопонимания. Поскольку Россия находилась на более высокой ступени экономического, культурного, политического развития и к тому же была страной господствующей по отношению к Казахстану, развитие общения шло на базе перенимания казахами элементов русской экономики и культуры. Сколько-нибудь серьезное общение народов невозможно без знания языка, должного служить орудием общения. Таким языком был русский язык. С одной стороны, знание русского языка диктовалось экономическими потребностями развития казахского общества, с другой, интересы колониального подчинения и управления казахской степью требовали местных чиновников, делопроизводителей, знающих русскую письменность и могущих нести в массы волю царского правительства. Кроме того, для правительства распространение русской грамотности среди казахов составляло определенную задачу в плане руссификации колониальных народов.

Но, независимо от того, с какой политической целью поддерживало правительство изучение русского языка казахами, сам факт возникновения в казахском обществе интереса к овладению русской грамотой был по своему значению и последствиям глубоко прогрессивным явлением.

Интерес к русскому языку во Внутренней орде по сравнению с другими частями Казахстана был более глубоким.

Известно, что дореволюционный Казахстан был страной сплошной неграмотности, тем более это относится к началу XIX века. В то время в степи почти не было ни светских, ни духовных учебных заведений. Как утверждает проф. М. Вяткин, мусульманских школ-медресе на территории Казахстана вовсе не существовало¹. Это в первую очередь относится к Младшему жузу. Русский врач С. Большой, живший среди казахов Младшего жуза в 1803 – 1804 гг., в своих записках указывает, что у казахов «нет ни школ, ни мечетей, редко кто на своем языке читать и писать умеет»². Об этом говорит также Л. Мейер³ и другие авторы. Правда, источники указывают на то, что с конца XVIII века

¹ Вяткин М. «Батыр Срым», М. – Л., 1947 г., стр. 137.

² Ж. «Сын Отечества», 1822 г., № 80, стр. 49.

³ Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства, СПб. 1865 г., стр. 229.

кое-где, в особенности в южных областях Казахстана, начали возникать первоначальные религиозные школы, но они не развились дальше домашней формы и представляли собой редкое явление.

Вместе с развитием колониальной внутренней торговли, с продвижением передовых укрепленных линий вглубь степи, пробивал себе путь в казахское общество и русский язык.

Официальные источники, архивные материалы говорят о том, что уже к середине XIX века на территории Внутренней орды имелось немало домашних начальных школ. В этих школах иногда преподавалась и русская грамота. В 40-х годах «почти у каждого богатого и влиятельного в Орде человека образовались домашние школы, — указывает один из современников, — в каждой из них обучалось от 10 до 70 человек. Учение всех заключалось в правилах магометанской религии. А в нескольких местах преподавалась русская грамота и язык»¹. Как отмечает П. Небольсин в статье «Путешествующие киргизы», некоторые баи, не довольствуясь муллами, создавали у себя школы с русскими учителями. Он, в качестве примера, ссылается на тархана Губайдуллу Исембаева, организовавшего школу с двумя русскими учителями, в которой обучалось до 130 мальчиков². Хотя можно серьезно сомневаться в количестве учеников, но вряд ли можно отрицать факт существования такой школы. Об этом говорят и другие источники. Так, например, Бларамберг (1848 г.) отмечает, что «грамотность и изучение русского языка начинает распространяться ежегодно с большим успехом»³. В центре орды в ханской ставке ханом Джангиром была открыта русско-казахская школа, где в качестве воспитателей, наряду с муллами, состояли русские учителя, обучавшие казахских детей русской грамоте⁴. Восприятие русской грамоты шло и через соседние русские селения, куда иногда направлялись на учебу казахские дети⁵.

Необходимо учесть, что в указанных сообщениях правительственных чиновников немало преувеличений, ибо они нередко сознательно приукрашивали действительность, чтобы показать последствия и успехи колониальной политики. Однако несомненным является сам факт зарождения и относительного усиления интереса к русскому языку со стороны казахского населения, важно то, что тяга к русской грамоте постепенно оформилась как устойчивое направление в народной жизни казахов.

Как уже говорилось выше, общение казахского и русского народов при колониальном режиме было затруднено. Царизм сознательно

¹ Газета «Северная пчела», 1861 г., № 4.

² Небольсин П. Путешествующие киргизы. ж. «Русский вестник», 1860 г., г. 29, стр. 45.

³ Бларамберг, цит. соч. стр. 25.

⁴ Ж. МВД, 1859 г., май, стр. 3.

⁵ Небольсин П. «Путешествующие киргизы», ж. «Русский вестник», 1860 г., т. 29, стр. 45.

натравливал один народ на другой, превращал частные инциденты в серьезные столкновения, то есть управлял народами по принципу «разделяй и властвуй». Колониальная политика служила серьезной помехой в развитии связей казахского народа с Россией, в распространении русской грамотности среди казахов. Но при всем этом объективный процесс общественного развития оказался неумолимым. История творила свое дело. Казахский народ все больше стал ощущать благотворное влияние русского народа, понимать значение русского языка, как средства общения и сближения. Один образованный казахский чиновник, живший во Внутренней орде, писал, что казахи до XIX века не имели никакого понятия о письме, и только с переездом на правую сторону Урала у них появилось первое знакомство и понимание письменности¹. Это было крупным прогрессивным влиянием в общественной жизни казахов.

Несмотря на все рогатки колониального и феодального режима, между казахскими и русскими народами постепенно развивались элементы дружбы. Казахские и русские крестьяне нередко выражали сочувствие друг другу. Так, например, русский крестьянин Герасим Иванов, из Красноярского уезда, состоял в дружбе с казахом Джанганом Бектемисовым, бывал у него со своей женой. Интересно, что Красноярский земский суд, разбирая в 1855 году дело о побеге крестьянина Иванова Г. от помещика Копытковокого» считал казаха Бектемисова причастным к этому делу, укрывателем, сбежавшего крестьянина².

По сравнению с другими областями Казахстана в Букеевской орде происходит более активное преодоление пережитков родоплеменных, общинных отношений. Развитие товарно-денежных, феодальных отношений серьезно ослабило силу и устои казахской общины, патриархальной идеологии. Таким образом роль непосредственных связей казахского населения с русским народом была в этом отношении особенно значительной. Ослабление силы пережитков патриархально-родовых и общинно-племенных отношений сопровождалось развитием классового самосознания трудовых масс. Классовая борьба в Букеевской орде, по сравнению с другими частями Казахстана, получила более серьезное развитие. В выступлениях народа стали проводиться довольно четко сформулированные классовые требования. Свидетельством этого может служить ряд народных выступлений, вылившихся затем в общее крестьянское восстание, известное в истории под названием движение Исатая Тайманова. В этом движении проявились основные черты крестьянской освободительной войны. По сравнению

¹ *Бабаджанов С.* Заметки киргиза о киргизах, газета «Северная пчела». 1861 г. № 4.

² ЦИА КазССР, ф. 78, оп. 2, св. 3, л. 46, л. 3.

с народным восстанием батыра Срыма в Младшем жузе, движение Исатая в Букеевской орде представляло собой шаг вперед в развитии классовой борьбы в казахском обществе.

Образование Букеевской орды означало важный шаг в сторону более тесного сближения казахского общества с Россией. Население Букеевской орды, в силу ее территориальной близости к России, получило возможность непосредственного общения с трудовыми массами России.

Россия как страна, стоящая на более высокой ступени общественного развития, и как Родина великого русского народа оказывала прогрессивное влияние на казахское общество. Это влияние происходило не по воле, а вопреки воле царского правительства. Влияние русского общества на казахское общество происходило через преодоление различных политических, экономических и других барьеров. Точнее говоря, рамки этого влияния были узки, тесны, ограничены, что было обусловлено существующим общественным строем, системой местного и колониального угнетения.

Историческое значение Букеевской орды заключается в том, что она, раньше и быстрее других областей Казахстана втянувшись в сферу влияния России, стала доказательством того, что общение, связь с Россией принесли казахскому обществу прогрессивное развитие.

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Задачи повышения теоретического уровня исследовательских работ по национально-государственному строительству

Представляется, что настало время охватить, обобщить и оценить то, что разработано и познано в области национально-государственного строительства в союзных республиках и по стране в целом, подвести главные итоги и сделать соответствующие выводы с тем, чтобы с большей эффективностью использовать накопленные знания в этой области для обеспечения нового подъема теоретической мысли в разработке проблем национально-государственного строительства как органической части социалистического строительства.

Одновременно необходимо проанализировать арсенал средств и методов, которыми мы пользовались до сих пор в своих исследованиях, разобраться в организации и движении самой науки о национально-государственном строительстве с целью совершенствования средств познания и их обогащения.

Такая постановка особенно уместна и своевременна для региональной зоны, куда входят республики Средней Азии и Казахстан. Дело не только в том, что историческая судьба и культура, прошлое и настоящее народов этой зоны имеют много общего в их социально-политическом развитии. Объективным основанием для такой постановки служат обширные накопленные знания, основанные на материалах по каждой из этих республик, и настоятельная необходимость перехода к выработке более широких и общих теорий, выражающих основы и мотивы развития, форм и закономерностей, а также перспектив национально-государственного строительства в этом регионе и в целом по стране. Сама жизнь диктует необходимость научной разработки и освещения на новом, более высоком уровне исторических и социологических опытов успешного социалистического развития советских народов, миновавших капитализм, интерес к которым все больше возрастает на международной арене.

О том, что в республиках Средней Азии и Казахстане к настоящему времени собран, систематизирован и обобщен значительный материал по национально-государственному строительству, говорят такие факты, как выход в свет «Истории государства и права Советского Казахстана», изданной в трех томах (1961 – 1965), «Истории государства и права Узбекистана» в трех томах (1960 – 1968), ряда крупных монографических исследований: «В.И. Ленин и национальная советская государственность» С.А. Раджабова (1970), «Бухарская Народная Советская Республика» А.И. Ишанова (1969), «Образование и развитие Узбекской ССР» А.А. Агзамходжаева (1971), «В.И. Ленин и строительство советской государственности в Туркестане» Ш.З. Уразаева (1967), «В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане» С.З. Зиманова (1970), «Развитие национальной советской государственности в Узбекистане» М.Х. Хакимова (1965), «Становление и развитие суверенного государства киргизского народа» Р. Тургунбекова (1969).

В каждой республике сложилась солидная по квалификации и составу творческая группа ученых, занимающихся исследованием проблем национально-государственного строительства. Только в одной Казахской республике в этой области знания успешно работают член-корреспондент АН КазССР А.Е. Еренов, доктора юридических наук С.С. Сартаев, С.Н. Досымбеков, Г.С. Сапаргалиев, М.А. Биндер, доктора исторических наук С.М. Кенжебаев, Л.С. Елагин, К.Н. Нурпеисов и др. То же самое можно сказать и о других республиках Средней Азии.

Следует отметить, что историко-правовая наука, в частности история национальной советской государственности, пользуется в республиках Средней Азии и Казахстане большой популярностью и заслужила

широкое общественное признание. Об этом могут свидетельствовать следующие факты. Академики и члены-корреспонденты академий наук этих союзных республик, избранные из числа правоведов (а их в настоящее время 6), все без исключения занимаются исследованием проблем национально-государственного строительства. Примечательно и то, что в Узбекской и Таджикской республиках первые правовые исследования, отмеченные государственными премиями этих республик, были по национально-государственному строительству.

Серьезные успехи историко-правовой науки в разработке проблем национально-государственного развития в условиях социализма служат значительным основанием для подъема уровня научных исследований в этой области на новую ступень.

Историко-правовая наука в республиках Средней Азии и Казахстане является составной частью советской правовой мысли вообще и историко-правового знания в частности. Она развивается в тесном контакте с научной мыслью страны и в ее системе. Ее успехи являются успехами правовой науки в целом.

Отдавая дань успехам в научной разработке проблем национально-государственного строительства, в то же время нельзя не сознавать, что не все еще достигнуто. Если подойти к результатам исследований в этой области с точки зрения требований сегодняшнего дня и сравнить их с быстрым развитием научной мысли вообще, то это отставание особенно заметно. Оно относится главным образом к научному уровню исследовательских работ.

Все больше повышается роль науки в общественном развитии, и соответственно с этим возрастают требования к самой исследовательской работе, к самой науке. Наши знания, которые удовлетворяли нас вчера, сегодня в ряде случаев уже нуждаются в развитии, расширении и углублении. Этот общий закономерный процесс познания в условиях социализма функционирует в самых благоприятных объективных условиях и приобретает особую актуальность. Это относится и к разработке проблем национально-государственного строительства в союзных республиках. «Партия должна будет уделять еще большее внимание развитию теории, – говорилось в отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду, – поднимать уровень работы научных учреждений, добиваться тесной связи общественных наук с практикой партийной и государственной работы, с решением конкретных задач коммунистического строительства».¹

Успехи научной разработки проблем национально-государственного строительства не должны заслонять недостатки и проблемы в этой об-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972, с. 103.

ласти. Наоборот, подлинные творческие успехи еще яснее очерчивают не охваченные познанием участки и массивы, способствуют формированию более конкретных представлений о новых проблемах, вооружают познающего субъекта новыми возможностями проникновения в изучаемые явления. Следовательно, когда мы говорим об усложнении задач науки, то имеется в виду не решение каких-то нереальных, непосильных задач, а необходимость решения таких новых задач, для которых созданы реальные предпосылки и для которых созрели условия такой постановки.

Одной из таких актуальных задач, встающих перед исследовательскими работами в области национально-государственного строительства, является повышение их теоретической и практической ценности. Это означает, что центр целевой установки исследования следует перенести с воссоздания конкретного хода истории национально-государственного развития на более полное и адекватное раскрытие внутренних двигательных мотивов этого развития, на установление ведущих факторов, элементов в системе сложных связей и отношений национально-государственного строительства, например в союзных республиках, с тем, чтобы наши новые знания вооружили советских людей и органы Советского государства теорией этого процесса, опытом практического воздействия на него и управления им в интересах строительства социалистического и коммунистического общества.

Одним из важнейших условий углубления и развития исследовательской деятельности, ее плодотворности является освоение методологических принципов познания действительности и построения теоретических знаний, разработанных в материалистической диалектике. Без научной методологии и не опираясь на нее, трудно и невозможно широко теоретически осмыслить изучаемую предметную область, причем всегда существует опасность скатиться на путь односторонних и узких выводов, отражающих только некоторые, часто не главные стороны объекта исследования.

Вести научно-исследовательскую работу на современном уровне с использованием современных методов – это значит в первую очередь усвоить научную методологию познания, разработанную диалектическим материализмом. В известном Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» подчеркивается, что «первостепенное внимание в научных исследованиях следует уделять марксистско-ленинской методологии, принципам классово-партийного, конкретно-исторического подхода к общественным явлениям».¹

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 9. Изд. 8-е. М., 1972, с. 31.

В настоящем докладе в порядке постановки рассматриваются лишь отдельные вопросы методологии изучения проблем национально-государственного строительства. Основная задача доклада состоит в том, чтобы обратить внимание исследователей на чрезвычайную важность постоянного обращения и освоения марксистско-ленинской методологии научного познания.

Факты и их основания

Национально-государственное строительство как процесс созидания и развития обладает большой наглядностью. Его можно видеть и ощущать, можно воссоздать его картину по конкретным фактам. Оно есть внешне проявляющееся развитие. Исследователь проблем национально-государственного строительства имеет дело с многочисленными фактами, относящимися к различным сторонам развития этого процесса; вернее, исследователь начинает свою работу со сбора массы эмпирических фактов, воссоздающих это строительство.

Таким образом, вопросы о том, как обращаться с разнообразной массой эмпирических фактов, как владеть ими, каким путем использовать их для теории, являются жизненными вопросами для исследователя. В этом отношении каждый из нас идет своим путем: полагается на опыт, на усвоенные методы и знания, руководствуется методологией марксистской диалектики в такой мере, в какой она усвоена.

Тот этап, который на сегодня достигнут в области исследования проблем национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане, может быть охарактеризован в большей степени как этап накопления массы фактического материала и его обобщения на уровне воссоздания событийной картины. В результате наблюдения и описания с различных сторон самого процесса и интенсивных поисковых работ в архивохранилищах областей, республик и Союза, в текущих фондах государственных органов, которые ведутся особенно активно и широко в течение последних 20 лет, собрано и накоплено много ценных и оригинальных эмпирических фактов по национально-государственному строительству в республиках Средней Азии и Казахстане. Можно сказать, что по ряду проблем основные документы и факты стали уже достоянием научной общественности.

Накопление фактического материала по многим разделам проблемы достигло такого размера и масштабов, что теперь находить принципиально новые фактические данные становится все труднее. Трудно, например, предполагать, что где-то могут быть не тронутые исследователями значительные «залези» принципиально новых документов

и фактов по истории Бухарской Советской Республики, по государственному строительству в Туркестанской АССР и Казахской АССР, по национально-государственному размежеванию в Средней Азии и Казахстане и по некоторым другим проблемам, хотя это совсем не исключается. Разумеется, не может быть речи об исчерпании эмпирического исторического материала. Бесконечен и процесс поиска новых данных и фактов. Для нас важно отметить ту мысль, что исследователи проблем национально-государственного строительства не могут более жаловаться на недостаток материалов и фактов.

Отсюда мы вовсе не делаем вывода о желательности сужения или ограничения объема и темпов собирательских и поисковых работ по накоплению новых фактов как по ранее исследованным, так и тем более по неисследованным и мало исследованным проблемам. Процессы и явления национально-государственного строительства периода коммунистического строительства должны быть тщательнейшим образом изучены как в плане собирания фактов о них, так и в плане формирования знания о современных его проблемах. Немало еще научных проблем национально-государственного строительства, которые остаются не рассмотренными и не разработанными в науке. К тому же всякое знание имеет относительное значение, оно нуждается в совершенствовании и развитии, и с этих точек зрения поиски и сбор эмпирического материала никак не могут быть ослаблены.

Казалось бы, по мере накопления новых фактов, более полно освещающих стороны, моменты и процессы национально-государственного строительства, должно соответственно этому развиваться и научное знание о нем. А между тем заметно бросается в глаза отставание теоретического знания от сбора и первичной обработки фактов. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на некоторые примеры. Первое монографическое исследование о национально-государственном строительстве в Казахстане увидело свет в 1948 г. (М. Сапаргалиев. Возникновение Казахской советской государственности. Алма-Ата, 1948). На протяжении последующих лет в основном на эту тему было написано и опубликовано более десяти диссертационных и монографических работ. Они, безусловно, чем-то, особенно обширностью привлекаемого фактического материала, полнотой освещения тех или иных вопросов, а также уровнем обобщения и анализа, отличались друг от друга. В этом отношении знание прогрессировало. Но если подойти к этим работам с точки зрения новых принципиальных обобщений, то они отличались друг от друга. Точнее говоря, за это время написано явно недостаточно новых крупных исследовательских работ по этой проблеме. Я бы сказал, что такое положение характерно не только для Казахстана. Ис-

следование С.А. Раджабова «Создание узбекского социалистического государства» было издано в 1950 г. С тех пор опубликован ряд интересных, более полных и ценных исследований по этой же проблеме. Однако нелегко ответить на вопрос о том, какие же принципиальные теоретические установки и построения на протяжении этого последующего периода были обновлены или вновь сформулированы в данной проблеме.

Повторяю, что прогресс в исследовательской работе в области национально-государственного строительства несомненен. Было бы несправедливо не видеть и не признавать этого. Моя мысль относится к другому аспекту вопроса, а именно – к серьезному отставанию теории от темпа и объема накопления эмпирического материала. А если говорить прямо: над исследовательскими работами явно, порою чересчур, довлеет описательность в ущерб и во вред теории. Это – натораживающее и неоправданное явление.

Вопрос теперь стоит о мерах и путях преодоления отставания теории от фактов; вернее, как сделать, чтобы накопленные факты стали достоянием и подспорьем теории, и тем самым обеспечить более ускоренное развитие теоретического знания? Если и здесь быть откровенным, то слабость наша – в основном методологическая слабость.

На данном этапе, когда собрано и систематизировано огромное количество эмпирического материала, которое будет увеличиваться с каждым днем, исследователю нужно отойти от увлеченности фактами и умерить чувство любования ими, как бы они сами по себе ни были интересными. Необходимо от разрозненных фактов эмпирического рассмотрения перейти к их сущности, к анализу субстанциональных определений предмета. Ведь задача науки состоит в том, чтобы познать сущность изучаемого явления, а эмпирический материал должен быть ступенью к познанию сущности в известной мере и указателем, ведущим к ней. Собственно говоря, науки еще нет, пока мы находимся на стадии эмпирии. Наука начинает проявляться только при переходе к познанию существа.

Научное исследование проблем национально-государственного строительства предполагает выяснение и постижение социальных его функций и системных условий, а также внутренних законов движения этого процесса. А эти внутренние законы, непосредственно управляющие движением и развитием, лежат в глубине процесса, выражают самое существенное в этом явлении, которое, в свою очередь, объясняется и определяется в конечном счете социально-экономической жизнью общества. К. Маркс указывал: «...Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя».¹

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 384.

Таким образом, процесс формирования научного знания, теории есть процесс проникновения в глубь, в тайны фактов и явлений, есть в некотором роде процесс преодоления явлений в пользу их сущности.

Научное познание – сложная деятельность. Упрощать ее невозможно. Исследователь сталкивается с трудностями и при сведении многообразия фактов к единству, к их сущности (эмпирический уровень). Еще более сложной ступенью познания является выведение многообразия из единства – субстанции (теоретический уровень). Порою кажется, что более или менее сносно представляешь всеобщие методы познания, разработанные в материалистической диалектике. Как только попытаешься применить их к анализу реальной ситуации, к определенному жизненному явлению, так возникают трудности и новые вопросы. Это закономерно. Но закономерно и другое: чем глубже овладеваешь марксистско-ленинской методологией познания действительности, тем больше имеешь шансов на успех, на постижение сущности явления, на то, чтобы научное знание было более истинным.

Как бы ни было трудно исследовать национально-государственное строительство в его существенном и необходимом содержании и в моментах, как бы ни потребовало много усилий сведение явления к его сущности и выведение из нее многообразия форм проявления, наука без этого не может иметь существенного успеха и развития. «...Задача науки, – указывает К. Маркс, – заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению».¹

Резюмируя, следует сказать, что факты должны быть сведены к их основанию, т. е. к господствующим в них самих внутренним законам, импульсам. Только таким путем можно преодолеть логический разрыв, противоречие между фактами (явлением) и их сущностью, только таким путем можно обеспечить развитие научного знания, теории.

Роль принципа противоречия в изучении национально-государственного строительства

Время, когда довлело мнение об отсутствии противоречий в социалистическом обществе, о бесконфликтности развития социалистических начал и явлений, ушло в прошлое. В последнее десятилетие советские философы немало сделали для восстановления в полных правах и для научной разработки универсального закона диалектики – закона единства и борьбы противоположностей. Теперь не стоит вопрос о том, противоречиво ли движение и развитие социалистического общества.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 343.

Актуальным и проблемным остается вопрос о том, как проявляется противоречие в конкретных областях жизни и в обществе в целом. В этом направлении в отдельных отраслях науки предпринимаются серьезные попытки использования принципа противоречия как метода и как средства познания конкретной предметной области этой науки, проводятся широкие обсуждения. Только недавно закончилась дискуссия, организованная редакцией журнала «Проблемы мира и социализма», по вопросу о противоречиях при социализме, которая велась в течение 1972 – 1973 гг.¹

И в правовой науке за последние годы наблюдается заметный поворот к проблеме противоречия. Уже появился ряд работ, в том числе и специальная монография, посвященных природе и формам противоречия в правовой надстройке социализма. Серьезное начало положено. Предстоит теперь и исследователям проблем национально-государственного строительства вооружиться этим методом и принципом познания с тем, чтобы с его помощью раскрыть, постичь и понять модификации противоречия в конкретной изучаемой реальности.

Овладение принципом противоречия как методом проникновения в изучаемое явление и как всеобщей истиной, развертывающейся и обнаруживающей себя в многообразных конкретных формах противоречий, повышает творческую активность и результативность деятельности познающего субъекта, составляет еще одно из основных условий постижения истины и истинности нашего знания.

Наши исследования по истории и современным проблемам национально-государственного развития республик Средней Азии и Казахстана, как правило, содержат качественные сведения, много доказательного материала и научных обобщений по обоснованности и жизненности политики, мероприятий и организаторских усилий коммунистических партий и Советского правительства в развитии национальных отношений и государственности в этих республиках, по их конкретным формам и громадным достижениям в этих областях. Однако не всегда можно получить удовлетворительные ответы на вопросы о том, как внутренне сложен и противоречив этот путь национально-государственного развития, в чем заключались и как развивались взаимно предполагающие и взаимно отрицающие стороны в единстве связей как условие и источник развития. Вместо выделения и показа сущности процесса развития и ее проявления в области социалистического государства, взятого в единстве с его социально-экономическими основами вообще, а в области национально-государственного развития советских республик в частности, мы часто сосредоточиваем свое внимание всецело на внешних при-

¹ См.: «Проблемы мира и социализма», 1972, №3, 1; 1973, № 2, 3, 4.

знаках этого развития, на явлениях, лежащих на поверхности процесса, на результатах движения и развития, каковые, безусловно, нужны и важны. Однако они не могут заменить содержательного, синтетического анализа изучаемого явления. Описывая и обобщая полученные эффекты и результаты национально-государственного строительства и развития, мы не всегда задаемся целью взглянуть во внутрь самого этого процесса и на социально-экономические его первопричины и мотивы, на сложный и противоречивый путь внутреннего развития, приведшего к этим результатам, на причинные их связи, с необходимостью породившие их и облекавшие это развитие в данную форму.

При таком традиционном подходе к изучению явлений национально-государственного строительства описательность так или иначе остается основной формой воспроизведения их мышлением. Наши труды, будучи подчиненными и силе описательности изучаемых явлений, не могут играть большей роли, чем реконструкции событий и воссоздание картины явлений, чем удовлетворение жажды познания себя и своей истории, чем накопление систематизированного и обобщенного на уровне явлений материалов.

Нередко над исследователями довлеет хорошее желание описать, показать и обобщить все хорошее, все положительное, что радует советских людей в национально-государственном строительстве советских республик, что может иметь притягательную силу для угнетенных народностей и наций мира. Это похвально и необходимо. Но это – результаты развития. Процесс выведения всего этого, путь вынашивания больших преобразований и значительных результатов, изучение и раскрытие которых входят в собственную задачу научного познания, остаются часто в стороне, в тени.

Если говорить открыто, мы не освободились от ощущения робости перед рассмотрением национально-государственного развития во всей внутренней его сложной связи и противоречии сторон. Мнение о том, что закон единства и борьбы противоположностей присущ только досоциалистическим общественно-экономическим формациям и что социализм свободен от действия этого закона, мнение, которое до недавнего времени было распространено среди ряда представителей гуманитарных наук, отразилось и на изучении проблем национально-государственного строительства в союзных республиках.

Развитие любого явления и общества в целом совершается по законам диалектики. Это означает, что коренным внутренним мотивом всякого изменения и движения является противоречие. Противоречие – это то, что имманентно присуще каждому явлению и обеспечивает его движение и самодвижение. В.И. Ленин, конспектируя «Науку логи-

ки» Гегеля, выделил и подчеркнул то место, где говорилось: «Противоречие же есть корень движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью», и указал, что противоречие есть «принцип всякого самодвижения».¹

Разумеется, что советская национальная государственность не составляет исключения из общего закона развития. Ее движение и развитие, как и любого другого процесса, основным своим источником имеет противоречие, проявляющееся в виде единства и борьбы противоположных моментов и сторон, заключенных в свойстве самого явления.

Если вообще «развитие есть «борьба» противоположностей»,² то национально-государственное развитие должно быть рассмотрено и изучено в первую очередь в плане раскрытия его противоречий, свойственных для него и объективно существующих в нем.

Постичь и познать национально-государственное строительство означает познание его в развитии, «самодвижении».

Главная задача теоретического мышления – выявление и познание сущности изучаемого события, поскольку только в ней кроются мотивы и причины самодвижения и развития. А эта сущность есть воплощение того, что мы называем единством и борьбой противоположностей. Значит, познать характер, основное содержание и сущность национально-государственного строительства вне принципа противоречия диалектико-материалистической логики невозможно.

Противоречие – не выдумка и не изобретение познающего субъекта. Оно реально существует в любом развивающемся и органическом явлении, в том числе и в национально-государственном развитии. Задача науки заключается не только в том, чтобы установить, есть ли противоречие в изучаемом явлении, или констатировать его наличие, а в том, чтобы установление, раскрытие и анализ противоречия конкретного целого сочетались с его разрешением, так как разрешение противоречия является главным в материалистической диалектике.

Приходится констатировать, что в большинстве исследовательских трудов национально-государственное строительство в той или иной союзной республике описывается почти исключительно в «победных» тонах, излагается в одностороннем подборе только положительных фактов и развивающихся сторон явления. Безусловно, что это – весьма важный аспект, связанный с конечным результатом движения и развития. Однако научная мысль, если она действительно претендует быть научной, должна вскрывать механизм процесса развития в основных элементах,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 125.

² Там же, с. 317.

логически воспроизводить весь сложный путь борьбы различных мотивов и тенденций реально развивающегося общественного процесса.

Действительно, какое бы явление из области национально-государственного строительства мы ни взяли и в прошедшее и в настоящее время, в нем всегда есть противоречие старого и нового, консервативного и прогрессивного. Их соотношение и взаимодействие менялись и становились разными на различных этапах развития социалистического общества. Познание частей и сторон противоречия в «самодвижении» и развитии национально-государственных явлений делает наши знания более полными, более истинными, а следовательно, теоретически и практически значимыми. При таком подходе можно овладеть «искусством» (теорией) ускорения наступления и развития событий, нужных и полезных обществу, предугадать и предупредить возможные отрицательные последствия движения явлений, вовремя «снять», преодолеть нежелательные и вредные приращения, противоречия (несовместимые противоположности), которые непременно и всегда будут возникать в ходе движения и развития явления и превратятся в тормоз поступательного движения, если их вовремя не разрешить.

Социализм создает максимум благоприятных условий для познания противоречия, его структуры и отношений взаимодействия в ней. Только в социалистическом обществе можно своевременно разрабатывать и принимать самые эффективные меры по преодолению выявленных противоречий и коллизий.

Накануне Октябрьской социалистической революции противоречие в национальном вопросе было доведено до накала. В нем действовали несовместимые противоположности, столкновение, причем единство отрицалось как устаревшее, отжившее. Стремление угнетенных народов к свободе и самостоятельному политическому развитию, с одной стороны, лозунги «неделимой России», с другой, представляли две силы, две тенденции, две противоположности, разрушавшие единство – «единое Отечество». Национальный вопрос во всем таком объеме, во всей своей сложности был унаследован Советской властью. Ленинское учение о самоопределении наций и народов, его немедленное осуществление на базе Советов было направлено на преодоление этого сгустка противоречий в национальном вопросе.

Преодоление главного противоречия в национальном вопросе (в системном вопросе) создало объективные условия и реальные предпосылки для разрешения неглавных противоречий в явлениях национального вопроса (подсистемных явлениях). Коммунистической партии и Советскому правительству приходилось порою проводить и осуществлять крупные специальные политические мероприятия, чтобы преодолеть противоречия, тор-

мозившие процесс социалистического развития ранее угнетенных народов, особенно народов Советского Востока. Так, национально-государственное размежевание, осуществленное в Средней Азии и Казахстане в середине 20-х годов на уровне важнейшей партийно-государственной политики, было направлено на разрешение и преодоление противоречия, проявляющегося в несоответствии между политикой автономно-государственного развития национальностей и исторически сложившейся здесь системы административно-территориального их устройства без учета интересов развития и самоопределения этих национальностей. Такое противоречие могло быть преодолено и было преодолено только при Советской власти, социально-экономический и политический режим которой создает объективные предпосылки и реальные условия для активного вмешательства в процесс развития национальной жизни.

Национально-государственному развитию как предметной целостности присущи внутренние противоречия, а для явлений (частей) этого процесса, в свою очередь, характерны особенные противоречия, связанные с противоречиями предметного целого, но в то же время не тождественные им. Задача исследователей состоит в том, чтобы рассматривать конкретные явления национально-государственного строительства и в плане их собственных внутренних импульсов движения и через них раскрывать свойства целого.

Изучение и анализ процессов и явлений национально-государственного строительства и его социально-экономических основ как в историческом, так и в современном плане могут быть более плодотворными и успешными, если исследование довести до раскрытия двигательных мотивов, заложенных в них. Иначе говоря, более глубокие знания о национально-государственном строительстве можно получить, если применять категории противоречия в его познании, если все время выявлять и раскрывать диалектические противоречия, присущие этим отношениям.

О системном анализе национально-государственного строительства

В последнее время часто говорят о системном анализе явления, о плодотворности его применения наряду с другими методами в процессе познавательной деятельности. В данном случае речь идет не о какой-то новой категории диалектики. Системность, целостность, несомненно, относятся к фундаментальным категориям материалистической диалектики.

То, что национальная советская государственность представляет собой качественную определенность, не вызывает сомнения. Однако

констатация только этого факта для науки ничего нового не дает. Размышляя над проблемой целостности, можно заранее утверждать, что она есть не оболочка и не картина явления. Целостность – это качество, объективно присущее предмету, она выражает единство и специфику частей и связей внутри предмета. Следовательно, задача научного осмысления процесса развития национальной советской государственности состоит в том, чтобы понять и выразить его как единство многочисленных определений, т. е. как что-то конкретное.

Системный подход к изучению национально-государственного строительства в союзных республиках предполагает рассмотрение его не только как конкретной целостности с характерной и присущей этому явлению внутренней организацией. В самом начале станут вопросы об уровне этой организации как некоей целостности и о ее месте в массе и отношениях однопорядковых или однотипных больших и малых систем. Национальная советская государственность, являясь системной целостностью, в то же время входит в другую систему более высокого уровня, в социалистическую государственность и по отношению к последней выступает как момент, аспект этого широкого целого. В свою очередь, национальная советская государственность включает в себя системные подразделения, являющиеся ее частями и структурными элементами, каждое из которых может выступать как система меньшего и частного уровня организации и олицетворять ее.

Обычно мы считаем, что это лишь еще раз доказывает необходимость рассмотрения национально-государственного развития союзной республики во всеобщей связи с развитием социалистического государства в целом, с одной стороны, с теми «местными», региональными факторами, влияющими на это развитие, с другой. За признанием всеобщей истинности диалектических законов и категорий следует сложный аналитический труд исследователя, направленный на воплощение, превращение этой универсальной истины в конкретную истину. От исследователя требуются раскрытие и анализ конкретных условий всеобщего взаимодействия явлений вообще, диалектики целого, системности в частности. Вот тут-то и возникает немало трудных проблем. И системный анализ в комплексе с другими методами познания облегчает преодоление этих трудностей на путях познания и постижения истины в изучаемой области.

Главное методологическое требование состоит в том, что национально-государственное строительство в союзных республиках во всей своей конкретности может быть изучено и познано только в тесной связи с развитием социалистического государства, в рамках его закономерностей и политики. Не овладев и не руководствуясь ими, нельзя

понять и осмыслить внутренние процессы национально-государственного строительства.

В то же время национально-государственное строительство независимо от того, изучается ли оно как явление в масштабе страны в целом или в рамках ее отдельных конкретных регионов, при всей органической его связи с другими социально-политическими системами и факторами обладает относительной самостоятельностью и внутренними импульсами движения и развития. Это вытекает также из признания его как системной целостности определенного уровня. Отсюда национально-государственному строительству как относительно целостному процессу присуща своя внутренняя организация, в которой определенным образом связаны его части и элементы, составляющие эту целостность, присущ специфический только для этой системы вид взаимодействий между этими частями и элементами, с одной стороны, и между системным целым, с другой.

Чтобы понять внутренние мотивы, двигательные факторы и закономерности национально-государственного строительства, нужно тщательнейшим образом разобраться в его социально-экономических и политических условиях бытия и развития, а также в его органической структуре. Необходимо разобраться в его внутренних определениях, выявить выполняемые каждым из них специфические функции в системе целого, установить прямые и обратные связи между ними и в силу объема влияния одной части на другие и на систему в целом, отыскать внутреннее единство в этих многообразных связях и отношениях, которые содержат в себе основную характеристику целостного явления. Только тогда и таким путем удастся различить и отделить основные связи от неосновных, ведущих структурных частей и явлений от неведущих и установить качественные закономерности движения и развития изучаемого явления.

Системный метод в познании предполагает сознание того, что изучаемое явление – внутренне отрегулированная, специфическим образом настроенная целостная организация. Суть изучения и постижения этого явления заключается в правильном отражении взаимодействия структурных его частей и элементов, форм движения и развертывания этих взаимодействий, которые и обуславливают ориентированную внутреннюю организацию явления. Национально-государственное строительство не представляет какое-то исключение из этого общего правила. Осмысленный и понятый системный метод выступает как инструментальный анализа реально данной, конкретной системной определенности, уменьшает риск блужданий на путях ее познания и имеет целенаправляющее значение.

Вопросы о том, какова структурная организация национально-государственного строительства, иначе говоря, какие структурные

части и элементы оно имеет и каковы уровень и вид взаимодействий между ними, суть вопросы, которые до сих пор не ставились конкретно и специально в научной юридической литературе. Именно это обстоятельство является одной из причин недостаточного уровня и, просто говоря, слабого теоретического воспроизведения национально-государственной реальности.

В настоящем докладе не ставится задача сформулировать ответы на указанные вопросы. Основная наша цель заключается в том, чтобы обратить внимание исследователей истории и теории национально-государственного строительства на необходимость философского осмысления предметов и явлений изучаемой области как основное условие обеспечения истинности наших знаний, а следовательно, и научной ценности обобщений и теоретических выводов.

К структуре национально-государственного строительства можно подходить с точки зрения содержательной функциональности (т. е. направления деятельности) и с точки зрения функциональной предметности (т. е. опредмеченных функций). В первом случае национально-государственное строительство рассматривается и изучается в плане его назначения и цели, а во втором – в плане его институтов и учреждений, реализующих функции государства. Исследование структурной организации национальной государственности должно идти по этим двум линиям, с тем чтобы, подытожив их, можно было получить целостный результат.

Отметим, что во многих наших исследованиях, посвященных национально-государственному строительству в республиках Средней Азии и Казахстане, отдельные структурные его компоненты изучаются и освещаются каждый в отдельности, без достаточной видимой связи между частями и целым, без целенаправленной попытки определения форм и видов их взаимодействий, а также без раскрытия функциональной роли каждой структурной части в системе целого. В результате такого подхода целое изучается само по себе или как суммарное выражение некоторых его частей и элементов.

Структура предмета, в данном случае национально-государственного строительства, не столько выражает число частей, сколько его строение, представленное многообразием сложно взаимодействующих частей и их единством. При всем этом, однако, структура предмета не должна заслонять целое. К тому же целое как система обладает целостными свойствами и закономерностями, которые могут и не быть, и не обнаруживаться в составляющих его компонентах.

Необходимость коллективных обсуждений теоретических вопросов

Область национально-государственного строительства относительно бедна теоретическими построениями. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что у нас не ставятся и не поднимаются спорные, дискуссионные вопросы теории, т. е. вопросы о формах и видах теоретического анализа и теоретического осмысления явлений национально-государственной деятельности. Это, однако, не говорит о том, что данная предметная область познания проста и односложна по составу и структуре и что логическое и теоретическое ее отражение всегда выступает в ясной, недвусмысленной форме, не допускающей толкования и споров. Скорее всего можно утверждать другое: национально-государственное строительство – процесс комплексный, что это – сложная конкретность, органически и сложно связанная с многими ведущими сторонами общественной жизни. Более того, оно есть целостная социально-политическая проблема, изучение и постижение которой сложны и противоречивы.

В чем тогда причина такого положения, что при наличии, можно сказать, обилия исследовательских работ по национально-государственному строительству явно недостаточны глубокие теоретические обобщения и построения. Нам представляется, что это объясняется рядом причин, среди которых немаловажное значение имеют следующие: наши исследования являются преимущественно историко-описательными; мы привыкли мыслить во многих случаях стандартно, явно недостаточно пользуясь арсеналом средств познания, разработанных материалистической диалектикой; раздробленность сил ученых не дает возможности взяться за крупные проблемы национально-государственного строительства, а на основе изучения его частных и регионально суженных вопросов трудно добраться до важных, тем более больших теорий.

Противоречие в теории возникает только тогда, когда познание явления от эмпирических методов переходит к анализу его сущности, свойств субстанции. Следовательно, противоречие в теории есть признак ее движения к установлению объективной истины. До тех пор, пока изучение национально-государственного строительства будет находиться преимущественно на стадии описательности и изложения, противоречие в теории будет обнаруживаться в самой слабой степени.

Мы порой считаем, что отсутствие разногласия в суждениях и в теоретическом осмыслении явлений национально-государственного строительства – это признак единодушия и сплоченности ученых, ра-

ботающих в этой области. Разумеется, это – заблуждение. Единодушные во мнениях, в теоретическом воспроизведении надо «заработать», достичь посредством сопоставления и сравнительной оценки различных суждений и теоретических схем, отражающих отдельные моменты исследуемого объекта, путем синтеза их и отбора из них наиболее близких к истине или обладающих большей истинностью с тем, чтобы на основе этого уровня познания двигаться вперед к новым вершинам знания. Отсюда единодушные и единое мнение на всех этапах познания – есть не что иное, как слабость познания.

За последнее десятилетие, например, теория социалистического права сделала серьезный шаг вперед, хотя достижения в этой области по сравнению с некоторыми отраслями общественных наук оцениваются весьма скромно. Появилось немало исследовательских работ, осуществленных на уровне монографий, в которых авторы на основе более глубокого и конкретного изучения тех или иных правовых явлений аргументированно выдвигают интересные теоретические суждения и схемы, отражающие логику движения этих изучаемых явлений. Они часто расходятся между собою, но столкновение и сравнение их, научные дискуссии вокруг них способствуют и служат интересам истинного знания, а следовательно, и интересам самой теории, подлинной теории. Теоретические дискуссии происходят и по отдельным проблемам Советского государства. Именно этого нельзя сказать относительно проблем национально-государственного развития.

Любое явление внутренне едино и в то же время противоречиво. Научное познание, во-первых, не может не отражать эту имманентно присущую явлению противоречивость, а, во-вторых, оно каждый раз отражает не все явления во всей их внутренней сложной связи, а только его отдельные стороны и моменты движения, отсюда и закономерность существования ряда теорий по одному и тому же типу движения.

Принципиальная классово-партийная позиция и единство методологического и теоретического фундамента не нивелируют творческое мышление ученых. Наоборот, они способствуют постижению объективной истины через противоречия в суждениях и теоретических построениях.

Принцип партийности в науке предполагает постижение истинности и раскрытие объективной закономерности развития того или иного явления, а также использование познанных законов в интересах социалистического общества и народных масс. Постоянное единодушное и поддакивание друг другу по изучаемым и спорным научным проблемам и вопросам не имеют ничего общего с партийностью в научном познании. Дискуссионность в познании – естественное и необходимое

явление. Догматическое мышление только вредит познанию и подлинной науке.

Национально-государственное строительство – одна из важнейших областей социально-политической жизни и отношений социалистического общества. Оно в то же время представляет одну из важнейших сторон функций Советского государства и основной компонент и органическое свойство государственного строительства в нашей стране. Следовательно, изучение явлений и аспектов национально-государственного строительства должно осуществляться в рамках строгой научности и партийно-политического принципа, т. е. их научный анализ и познание должны осуществляться конкретно и в строгом соответствии с практикой, а их выводы и обобщения должны служить задачам практики социалистического и коммунистического строительства.

Именно интересы практики требуют того, чтобы исследования в области национально-государственного строительства были глубокими и жизненными. А этого более успешно можно достичь путем координации, объединения усилий ученых и разработки более весомых и актуальных проблем, а также путем систематических коллективных обсуждений спорных теоретических вопросов.

На правах рукописи

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ¹

(По материалам республик Средней Азии и Казахстана)

Материалы для обсуждения на Всесоюзной научной сессии, посвященной проблеме: «Закономерности перехода ранее отсталых народов к социализму и коммунизму, минуя капитализм».

В числе важнейших теоретических вопросов, разработанных XXI и XXII съездами КПСС, вопросы теории развития Советского государства занимают видное место. На основе глубокого анализа и обобщения живых и сложных процессов, составляющих общественное и политическое развитие общества, партия установила новые закономерности, характерные для современного этапа развития социалистического общества. Они отображают великие сдвиги и грандиозные преобразования, происшедшие во всех областях жизни общества и народа. Вы-

¹ Издательство АНКаз ССР, 1962 г.

вод XXI съезда КПСС о том, что в нашей стране социализм победил не только полностью, но и окончательно, что наша страна вступила в новую полосу своего развития – в период развернутого строительства коммунистического общества, имеет важнейшее теоретическое и практическое значение.

На XXII съезде и в новой Программе партии поставлен и решен ряд кардинальных вопросов теории и практики строительства коммунизма, в том числе и вопросы теории и практики развития Советского государства, а именно: о перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное государство, о характере и задачах этого государства и его судьбах при коммунизме, о перерастании социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление и др. Составной частью вопроса о социалистической государственности является вопрос о функциях, характере и судьбах национальной советской государственности в период строительства коммунизма. Это непосредственно вытекает из того, что Советское государство по своему составу является многонациональным, а по структуре – федеративным. Наше социалистическое государство есть Союз Советских Социалистических Республик. Отсюда изучение Советского государства, его задач, функций и деятельности предполагает в то же время изучение его составных частей, характерные черты которых воплотились в первом.

Научное обобщение накопленного богатого опыта государственно-го строительства в советских национальных автономиях и разработка теоретических вопросов развития национальной советской государственности на современном этапе составляют важную задачу науки, направленную на дальнейшее совершенствование деятельности социалистического государства в целом, национально-территориальных единиц, входящих в него, в частности. Вместе с тем глубокая научная разработка проблемы национальной советской государственности имеет и международный аспект. Следует сказать, что при обилии литературы о социалистическом государстве в целом, исследования в области национальной советской государственности представлены весьма скудно. Причем, как правило, в них явно недостаточно ставятся и рассматриваются важные теоретические вопросы.

В данном небольшом выступлении, ограниченном объемом и временем, мы хотим в порядке постановки рассмотреть лишь некоторые из основных вопросов теории развития национальной советской государственности, имеющих, на наш взгляд, важное принципиальное значение для практики коммунистического строительства в нашей стране. Эти вопросы, рассматриваемые нами в настоящем выступле-

нии, следующие: 1) о задачах национальной советской государственности на современном этапе и возможностях, заложенных в ней, которые следует использовать для решения этих задач; 2) о специфическом моменте в функциях национальной советской государственности и 3) о судьбе национальной советской государственности в период перехода от социализма к коммунизму.

I

При рассмотрении задач национальной советской государственности нам представляется необходимым иметь в виду двуединую их сторону. Национальная советская государственность, как органическая составная часть социалистического государства в целом, имеет общегосударственную задачу, т. е. такую же задачу, какую несут обычные административно-территориальные единицы, его составляющие. При этом в основе народнохозяйственного планирования лежат экономические, стратегические и иные общие интересы государства и общества в целом, определяемые необходимостью и целесообразностью правильного и полного использования людских, материальных и природных ресурсов той или иной местности, эффективностью вложения капиталов, которые в совокупности служат и ускоряют строительство социализма и коммунизма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Другую сторону задач национальной советской государственности составляет отражение специфически национального, содержание которого определяется политикой Коммунистической партии и Советского государства в области национальных отношений на данном этапе развития социалистического строя. Так, например, в переходный период от капитализма к социализму, наряду с обеспечением политического равноправия наций и народностей, ликвидация вековой экономической, культурной и политической отсталости народов, объединившихся и сплотившихся на добровольных началах в составе Союза Советских Социалистических республик, составляли первостепенную заботу партии и государства в области национальных отношений. Эта грандиозная и трудная задача была решена одновременно с построением социализма в нашей стране.

Эти две стороны задач национальной советской государственности не оторваны друг от друга, точнее они неотделимы. Однако они не совпадают и не одно и то же. До тех пор, пока сохраняются условия, вызвавшие к жизни систему национальной советской государственности, сохраняются и оттенки различия между отдельными сторонами ее задач. С постепенным исчезновением этих различий происходит их слияние и тем самым устраняются объективные условия существования национальной советской государственности, как таковые.

Если рассмотреть задачи национальной советской государственности с точки зрения соотношения и роли их сторон, то определяющей и главной является та сторона задач, которая характеризуется как общегосударственная. А другая, специфически национальная сторона задач занимает подчиненное положение по отношению к первой, точнее, она вырастает и развивается на базе первой, существует постольку, поскольку существует первая, и определяется ею.

Постараемся теперь эти взаимосвязи сторон задач национальной советской государственности представить на примерах. Известно, что республики Средней Азии и Казахстан достигли за годы Советской власти колоссальных успехов во всех областях жизни. Так, валовая продукция промышленности в 1960 г. по сравнению 1913 г. возросла: в Казахской ССР в 58 раз, в Узбекской ССР в 20 раз, в Киргизии в 61 раз, Таджикистане в 38 раз, Туркменской ССР в 22 раза.¹

Важным является не только весьма высокий темп развития производительных сил в области промышленности. Вызывает восхищение и то, что, несмотря на низкий уровень промышленной базы, с которой началось развитие этих республик в советскую эпоху, в ряде случаев темп и рост валовой продукции промышленности в них опережают общесоюзный уровень (в целом по Союзу она возросла в 45 раз). Одним из критериев, характеризующих экономическое развитие страны, принято считать выработку электроэнергии. Если подходить к оценке экономического прогресса республик Средней Азии и Казахстана с этой стороны, то мы имеем следующую картину: если производство электроэнергии по СССР в 1960 г. по сравнению с 1913 г. увеличилось примерно в 140 раз, то за это же время оно возросло: по Казахской ССР более 8000 раз, по Узбекской ССР около 1800 раз, по Киргизской ССР более 870 раз, по Таджикской ССР в 1290 раз, по Туркменской ССР в 300 раз.²

Грандиозны успехи этих республик, как и других республик нашей страны, и в области сельского хозяйства. Достаточно сказать, что, по данным начала 1961 г., в балансе энергетических мощностей сельского хозяйства механические двигатели соотносились к рабочему скоту: по Казахской ССР как 70:1, по Узбекской ССР – 45:1, по Киргизской ССР – 20:1, по Таджикской ССР – 40:1, по Туркменской ССР – 28:1. Ведь в недалеком прошлом в этих краях рабочий скот был почти единственной господствующей мощностью в сельском хозяйстве. На полях республик Средней Азии и Казахстана к концу 1960 г. было тракторов (в расчете на 15-сильные) более 430 тыс., зерновых комбайнов – 101 тыс. единиц.³

¹ Народное хозяйство СССР в 1960 году, М., 1961, стр. 227.

² Там же, стр. 219, 272.

³ Там же, стр. 484, 487 – 488.

личится в 12 раз, химической промышленности – в 70 раз. Произойдет крутой подъем всех отраслей сельскохозяйственного производства. Производство хлопка к 1980 г. будет доведено до 7 млн. т, т. е. более чем в два раза больше, чем это намечено планом на 1962 г.¹ О грандиозности и смелости плана развития Казахской ССР свидетельствует то, что в 1940 г. во всей нашей стране было выплавлено лишь 18,3 млн. т стали, а в будущем, к 1980, только один Казахстан, не имевший раньше своей металлургии, будет выплавлять 30–35 млн. т стали в год.

В 1958 г. все электростанции Советского Союза выработали 235 млрд. кВт/ч электроэнергии, а через 20 лет одна Казахская республика доведет ее ежегодную выработку до 200 млрд. квт-ч; ежегодно будет добываться 120–130 млн. т железной руды, производиться 2 млрд. пудов товарного хлеба – вот те рубежи, определенные для Казахской ССР на 20 лет.²

Аналогичные высокие показатели роста экономики в период строительства коммунизма характерны и для других республик Средней Азии.

На основе решения задач по созданию материально-технической базы коммунизма будут решаться и другие важнейшие задачи этого периода: совершенствование социалистических общественных отношений и постепенное их развитие в коммунистические, преодоление пережитков капитализма в сознании людей и воспитание активного строителя коммунистического строя.

Эти задачи имеют общенациональную (общегосударственную) и национальную стороны, являются их воплощением и единством. При чем первая сторона определяется задачами развития всей страны в период строительства коммунистического общества, а вторая – политикой в области национальных отношений, закрепленной в Программе партии. Они едины и соотносятся друг к другу как часть общего. Национальная сторона задач представляет собой национальную форму общенациональных задач партии и государства.

С полной и окончательной победой социализма в нашей стране задачи партии и государства в области национальных отношений не исчерпываются. Они приобретают качественно новое содержание и будут решаться как часть общих задач и в интересах строительства коммунистического общества. Если в переходный период от капитализма к социализму основной задачей в области национальных отношений была ликвидация в них наследия прошлого и обеспечение фактического равенства наций и народностей, то в период строительства коммунизма главной задачей встает развитие социалистических национальных отношений в коммунистические межнациональные отношения, со

¹ Газета «Правда», 2 марта, 1962 г.

² Журнал «Партийная жизнь Казахстана», 1961, № 12, стр. 4–5.

всеми вытекающими отсюда последствиями. Национальная советская государственность призвана сыграть в этом важную роль. «Развернутое коммунистическое строительство означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, – говорится в Программе партии, – характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства. Строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов. Все интенсивнее становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями, растет вклад каждой республики в общее дело коммунистического строительства».¹

С перерастанием государства диктатуры пролетариата в общенародное государство значительно расширяется социальная база социалистической государственности, укрепляется советская демократия, т. е. рождение общенародного государства означает наступление качественно нового этапа в улучшении и развитии всей деятельности государства, в том числе и национальной советской государственности. В процессе развертывания борьбы за строительство коммунизма произойдет постепенное стирание классовых граней между рабочими и крестьянством в масштабе всей страны и развитие коммунистических общественных отношений, которые будут усиливать социальную однородность масс, способствовать развитию общих коммунистических черт культуры, морали и быта, и тем самым еще больше укрепят доверие и дружбу народов.

Партия нацеливает на то, чтобы в выполнении больших задач в области национальных отношений, встающих в период строительства коммунизма, «полностью использовать и совершенствовать формы национальной советской государственности народов СССР».²

Диалектика развития национальной советской государственности, как и социалистической государственности в целом, состоит в том, что по мере развертывания борьбы за строительство коммунизма, по мере развития начал коммунистического общественного самоуправления, она не будет ослабляться и хиреть. А наоборот, в период развернутого строительства коммунизма советская национальная государственность всемерно будет укрепляться. «Необходимо полностью использовать все возможности, заложенные в советских принципах федерации и автономии»³ в этих новых условиях.

Возможности, заложенные в принципах советской федерации и автономии, которые следует использовать полностью в интересах коммунистического строительства, выражаются, по нашему мнению,

¹ Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 405–406.

² Там же, стр. 406.

³ Там же, стр. 190.

в следующем: а) советская федерация национальных автономий оказалась наиболее жизненной и эффективной формой государственного устройства народов СССР, максимально способствующей их дальнейшему экономическому и культурному развитию и интернациональному сплочению трудящихся различных наций, а также укреплению их дружбы; б) советская федерация, прошедшая в ходе социалистического строительства суровую школу испытания и великолепно ее выдержавшая, вобрала в себя лучшие опыты и методы государственного руководства творческой деятельностью многонационального населения СССР; в) советская федерация, сыгравшая крупную роль в разрешении национального вопроса в нашей стране, пользуется авторитетом, и социалистические нации видят в ней выражение близкой и родной им социалистической государственности. Все эти стороны национальной советской государственности, взятые вместе, определяют ее огромную внутреннюю возможность и характеризуют ее как важнейшее орудие строительства коммунизма в нашей стране на современном этапе.

За годы семилетки, а еще больше в течение 10–20 лет произойдет новое бурное развитие экономики республик Средней Азии и Казахстана, невиданно высокими темпами будут развиваться производительные силы общества, произойдет коренная перестройка в определяющих отраслях народного хозяйства, что в свою очередь будет определять подъем культуры народов этих республик. Основным законом, определяющим всю совокупность методов деятельности национальной советской государственности и всей жизни республик Средней Азии и Казахстана, так же как и других советских республик, является безусловное обеспечение выполнения и перевыполнения заданий как семилетнего, так и двадцатилетнего плана строительства коммунистического общества в нашей стране.

Постоянное совершенствование методов и форм деятельности Советского государства, его структурных частей, отдельных звеньев и аппарата в соответствии с требованиями и задачами периода строительства коммунизма является одной из важнейших задач современного развития страны. Решение задач периода развернутого строительства коммунизма теснейшим образом связано со степенью совершенства государственного руководства и управления отраслями народного хозяйства, следовательно, с тем, насколько повседневная направляющая и организаторская деятельность государственных органов является на данном этапе развития общества наиболее целенаправленной и активной. А это требует того, чтобы органы государственной власти и управления как в центре, так и на местах, как союзные, так и республиканские, в процессе

своей деятельности внимательно следили за жизненными явлениями, в особенности за экономическим развитием общества, учитывали и определяли действенность отдельных методов, форм государственного руководства и управления и принимали меры к их совершенствованию, исходя из понятных и осмысленных интересов общественного развития. В этой связи образцом может служить деятельность нашей партии, строящей свою руководящую роль в государстве и в обществе в полном соответствии с требованиями объективной жизни и постоянно обогащающей теорию марксизма-ленинизма новыми выводами и положениями, освещающими путь коммунистического шествия страны.

II

Вопросы развития и совершенствования национальной советской государственности тесно связаны с вопросом развития социалистических наций. Как в период строительства социализма, так и в период строительства коммунизма социалистические нации развивались и развиваются на незыблемой основе пролетарского интернационализма, на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы. Высокие темпы развития производительных сил общества, особенно характерные для периода развернутого строительства коммунизма, усиливают подвижность и миграцию населения и намного расширяют сферу взаимного общения народов. В этой обстановке, с одной стороны, создаются значительные благоприятные объективные условия для сближения наций и укрепления их единства, а с другой стороны, повышается ответственность органов национальной советской государственности по использованию этих объективных условий в интересах интернационального воспитания народов и строительства коммунистического общества.

Поскольку национальная советская государственность относится к социалистическому государству как часть целого, постольку цель и задачи их в главном совпадают. Однако это вовсе не означает, что национальная автономия, олицетворяющая национальную советскую государственность, выполняет такие же задачи по объему и форме, какие выполняются социалистическим государством в целом. Компетенция всесоюзных органов, выступающих от имени Советского государства в целом, и компетенции органов власти и управления союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов в конкретных областях народного хозяйства и культурного строительства определены Конституцией СССР, конституциями союзных республик и другими нормативными актами. Задачи каждой национальной автономии обусловлены ее

конституционным правомочием, столь широким в смысле разрешения всех основных вопросов внутреннего развития. В то же время, как бы ни отличались по объему и конкретному характеру задачи, выполняемые национальными автономиями, составляющими СССР, в основе их лежит единая цель, единство интересов, единство природы форм и методов решения задач. Различие между задачами структурных частей государства есть различие их обязанностей, определяемых в соответствии с их возможностями осуществлять общую задачу, общую функцию государства. Функции, осуществляемые государством в целом, предопределяют содержание форм и методов всей деятельности национальной советской государственности. Национальная автономия не имеет свою особую функцию, отличную от функции государства в целом.

В этой связи важное значение имеет постановка вопроса: каково соотношение общего и национально-специфического в функциях национальной советской государственности на современном этапе, как проявляется и должны проявляться специфические моменты в общих функциях, характерных для социалистического государства в целом, в национальных автономиях.

В период развернутого строительства коммунизма деятельность и возможности Советского государства, его структурных частей и аппарата в целом используются и направлены на выполнение триединой задачи: в области экономики – создание материально-технической базы коммунизма, в области социальной – перерастание социалистических общественных отношений в коммунистические, в области идеологии – воспитание активного строителя коммунистического общества.

Эти же задачи определяют сущность и основное содержание деятельности и функций национальных советских автономий как составных частей и структурных компонентов социалистической государственности в целом. Национальные автономии не имеют каких-либо других особых функций, свойственных только им, хотя они в процессе осуществления основных функций и выполняют специфические национальные задачи, которые можно было бы называть национальными моментами в общих функциях государства. Эти специфически национальные моменты не обособлены и не отделены от общегосударственных задач, наоборот, они проявляются лишь в процессе осуществления этих задач и служат делу развития социалистических наций в коммунистические, с вытекающими отсюда всеми последствиями. Эти национальные моменты в функциях национальной советской государственности не имеют самостоятельного бытия, потому и не могут быть решены обособленно от задач, определяющих функцию государственности.

Национальный вопрос был подчиненным вопросом к диктатуре пролетариата, когда он только что был поставлен и не был разрешен. Тем

более в период развернутого строительства коммунизма, когда национальный вопрос разрешен окончательно и встала во весь рост проблема дальнейшего сближения наций, национальные моменты в функциях национальных автономий не могут быть определяющими, главными в их деятельности. Это, однако, не означает сужение национальных задач автономии. Они на новом этапе развития нашего общества и социалистического государства становятся иными по своему содержанию, более глубокими, но менее острыми в плане социально-политическом. Особенностью осуществления задач в области национальных отношений является то, что они входят не в какую-либо отдельную функцию национальной советской государственности. Они проходят и осуществляются во всей ее деятельности в интересах и в соответствии с задачами строительства коммунистического общества.

Таким образом, национальные моменты в государственных функциях, наилучшим образом и наиболее полно осуществляемые в условиях советской федерации, с одной стороны, не могут быть обособлены, преувеличены, идеализированы, а с другой стороны, не могут быть зачеркнуты и игнорированы. Эти крайности в одинаковой степени теоретически несостоятельны, а практически вредны.

Специфически национальные моменты в функциях и деятельности национальной советской государственности составляют тот важный элемент, правильное использование которого может способствовать разрешению задач в области национальных отношений в период развернутого строительства коммунизма. Национальная советская государственность призвана сыграть важнейшую роль во всестороннем развитии наций и по их сближению на базе социалистических и коммунистических отношений. Национальная советская государственность призвана всеми находящимися в ее распоряжении средствами умножать и развивать общие коммунистические черты в каждой нации, наращивать условия перехода социалистических наций в коммунистические.

Национальный момент в функциях национальной советской государственности проявляется в разнообразных формах, в различных областях ее деятельности. При всем этом во всех случаях определяющими остаются интересы строительства коммунистического общества в нашей стране. Приведем отдельные примеры, наглядно объясняющие характеры и формы национального момента в функциях национальной советской государственности.

Во главу угла в системе специфически «местных» задач национальной советской государственности должны быть поставлены вопросы дальнейшего усиления взаимного обмена между нациями производственным опытом, технической научной мыслью и духовными богат-

ствами с тем, чтобы успехи и прогрессивные традиции одной социалистической нации стали бы достояниями других социалистических наций. Такое взаимообогащение опытов и культур народов ускоряет развитие общих коммунистических черт в каждой нации.

В период развернутого строительства коммунизма еще больше будет усиливаться со стороны народов СССР тяга к изучению и перениманию в первую очередь богатых по содержанию опытов и культуры великого русского народа, русского рабочего класса. Это такой же закономерный процесс, как само поступательное развитие общества в коммунизм. Русский язык превратился в язык межнационального общения и стал фактически вторым родным языком для всех народов СССР. Одной из основных задач национальной советской государственности является всемерное содействие и создание еще большего простора для развития подобных этим явлений, имеющих глубоко интернациональный характер.

Одним из условий дальнейшего расцвета и сближения социалистических наций является нарастающий рост числа национального рабочего класса, являющегося наиболее передовой, организованной частью каждой нации и последовательным носителем идей интернационализма и коммунизма. Рабочий класс и в период строительства коммунизма сохраняет руководящую роль в обществе, в том числе и в системе общенародного государства. Рабочий класс каждой социалистической нации, формировавшийся и развивающийся под руководством и с помощью русского рабочего класса, воспитанный в интернациональной семье рабочих, играет важнейшую роль в экономической, политической и идеологической жизни народов нашей страны. За годы Советской власти выросли многочисленные кадры рабочих в республиках Средней Азии и в Казахстане. В 1960 г. только одного промышленно-производственного персонала насчитывалось: в Казахстане – 562,5 тыс. человек, в Узбекистане – 364 тыс., в Киргизии – 107 тыс., в Таджикистане – 74,5 тыс. и в Туркмении – 67 тыс. человек.¹ Среди них значительное место занимают представители местных национальностей: узбеки, казахи, таджики, киргизы, туркмены, уйгуры. Следует отметить, что во всех этих республиках до революции вовсе не было или почти не было национального рабочего класса.

В условиях еще более высоких темпов развития отраслей народного хозяйства, намеченных на период строительства коммунизма, роль национальной советской государственности в подготовке в особенности промышленных кадров намного возрастает. В этой части накоплен богатый

¹ Народное хозяйство СССР в 1960 году. Статистический ежегодник. М., 1961, стр. 640–641.

опыт, и он безусловно, послужит успешному решению этого вопроса. Следует сказать, что в некоторых ведущих отраслях промышленности ряда республик Средней Азии и в Казахстане недостаточно растет и воспитывается производственный персонал рабочих и инженерно-технических работников из местных национальностей. Такое положение закономерно на данном этапе, поскольку особенно в этих краях возникли такие отрасли промышленности, которых вовсе не было в прошлом, а промышленность в целом развивается невиданно быстрыми темпами, опережая подготовку кадров на местах. Но фактом остается то, что подготовка национальных кадров для ряда ведущих и новых отраслей промышленности отстает от потребностей. Осмысленное решение этого вопроса составляет один из примеров того, в чем должен заключаться национальный момент в функциях национальной советской государственности.

Возьмем область работы среди женщин местных национальностей. Известно, что в дореволюционное время их положение в этих краях было особенно тяжелым. Советская власть осуществила громадную программу по раскрепощению женщин, приобщила их к образованию, культуре, к общественной жизни и сделала их активными строителями социализма и коммунизма. Однако было бы неправильным думать, что работа среди женщин местных национальностей в республиках Средней Азии и в Казахстане исчерпала свои особенности, следовательно, не нуждается в особой заботе партии и государства. Удельный вес женщин в общем числе рабочих и служащих, по данным 1960 г., в республиках Средней Азии и в Казахстане составляет от 36 до 41%, тогда как по СССР – 47%, а удельный вес женщин из местных национальностей как в общем числе женщин – рабочих и служащих, так и в массе местных рабочих и служащих, в особенности в промышленности, остается еще относительно незначительным. Нельзя не сказать, что в этом и в других областях в известной степени еще дает знать историческое прошлое народов Советского Востока.

Теперь немало женщин на Советском Востоке, имеющих высшее и среднее образование, или обучающихся в вузах и других учебных заведениях. Это, безусловно, относится к одному из крупнейших успехов национальной политики Коммунистической партии и Советского государства. Но было бы близорукостью не видеть отдельных недостатков и задач в этой области, выдвигаемых современным развитием общества. В ряде республик Средней Азии и в Казахстане среди специалистов с высшим и средним специальным образованием еще относительно мало женщин из числа народов Востока. Так, в Киргизской ССР, по данным 1960 г., в общем числе специалистов-киргизов женщин с высшим образованием составляют 20%, со сред-

ним специальным образованием – около 12%.¹ Содержание и формы национального момента в функциях и деятельности национальной советской государственности всецело определяются задачами партии и Советского государства в области национальных отношений в период развернутого строительства коммунизма. Было бы политически ошибочным, а практически вредным выдвигание национального момента в деятельности национальной советской государственности в качестве ведущих, тем более самостоятельных задач, оторванных от главных задач Советского государства. Осуществление ясно определенных Программой партии задач в области национальных отношений в плане и в интересах строительства коммунизма в нашей стране представляет важнейшую составную часть функции национальной советской государственности.

Национальный момент в деятельности национальной советской государственности имеет глубоко интернациональную природу. Она обусловлена тем, что в нашей стране нет больше социального антагонизма между социалистическими нациями и народностями, они объединены единством мировоззрения, целей и задач. Общественный и политический строй, в котором живут советские люди, является общенародным и общенациональным. Интернационализм национального момента в деятельности национальной советской государственности на деле заключается в том, что национальная советская государственность охраняет и обеспечивает в равной степени интересы всех наций и народностей, населяющих данную республику, не делая привилегии ни для одной из них. Так, в Казахской ССР наряду с казахами живут и трудятся бок о бок представители десятков других народов: русские, украинцы, узбеки, уйгуры, татары и др. В задачу национальной советской государственности в Казахстане входит забота о всестороннем развитии всех наций и народностей, дальнейшее интернациональное их воспитание, сплочение и сближение. Национальная советская государственность не допускает возвеличивания интересов какой-либо нации, наоборот, исходя из конкретных условий и уровня развития каждой из них и в соответствии с ними, строит свою деятельность, направленную на обеспечение всестороннего их расцвета в процессе и на базе строительства коммунизма.

Следует отметить, что отдельные звенья органов власти и управления в республиках Средней Азии и в Казахстане в своей повседневной деятельности не всегда учитывают национального момента, что не может считаться нормальным.

¹ Народное хозяйство Киргизской ССР в 1960 году. Статистический ежегодник, Фрунзе, 1961, стр. 178.

III

Национальная советская государственность возникла в определенных исторических условиях с определенной исторической задачей. Разумеется, по выполнении этой задачи она уступит место более совершенной организации, отвечающей новым условиям коммунистического строительства. Известно, что В.И. Ленин советскую федерацию рассматривал как переходный этап к более тесному единству народов, научившихся и добровольно поднявшихся выше национальных интересов. Надо думать, что по достижении решающих успехов в сближении наций вряд ли будет особая надобность в сохранении национальной советской государственности. Этот процесс произойдет, вероятно, до того, как отомрет социалистическая государственность вообще.

Уже сейчас на наших глазах происходят такие объективные процессы и явления, свидетельствующие о накоплении в национальных автономиях нового коммунистического содержания, о нарастании условий сближения и более тесных отношений между ними, которые в совокупности ломают старые представления и старые формы государственности. Решающими в этом являются социально-экономические факторы и те громадные сдвиги, достигнутые в этих областях в нашей стране. По мере развертывания борьбы за создание материально-технической базы коммунизма и по мере преодоления различий между классами и стирания граней между ними будут еще больше укрепляться и развиваться национальные взаимоотношения и произойдет перерастание социалистических наций в коммунистические. В период развернутого строительства коммунизма в нашей стране развиваются общие коммунистические черты в каждой нации, тем самым еще более успешно и активнее будут преодолеваются национальные различия и политические надстройки, порожденные этими различиями.

Для примера возьмем вопрос о границах между союзными республиками. Граница является политико-правовой категорией, присущей государственности, и непременным ее атрибутом. Каждая союзная республика имеет свою границу, в пределах которой она властвует. В строгом понятии граница служит как бы знаком различия между государствами и выражает их определенную обособленность при всех самых тесных их взаимных отношениях и связях. Однако в силу социалистической природы союзных республик, единства их целей и задач никогда границы не могли служить препятствием в развивающихся их взаимоотношениях и разносторонних, глубоких связях. Но при всем этом граница определяла пределы власти той или иной республики.

В период развернутого строительства коммунистического общества все более интенсивным становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями и растет вклад каждой республики в общее дело, и в силу этого границы постепенно теряют свое былое значение. По мере ликвидации национальных различий и развития национальных взаимоотношений в самом широком смысле (в экономическом, политическом и культурном) понятие границы между союзными республиками наполняется новым содержанием. Это нашло отражение в Программе КПСС, где записано: «Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели – коммунизму».¹

В силу необходимости проведения громадной организаторской работы, способной обеспечить планомерную и ритмичную деятельность общества по созданию материально-технической базы коммунизма, будут создаваться такие органы управления отдельными отраслями народного хозяйства, которые будут переступать границы союзных республик и обслуживать интересы нескольких союзных республик. Такое явление в такой же степени объективно закономерно, как и сближение и смешение наций. Н.С. Хрущев указывает, что «с продвижением к коммунизму руководство социалистическим хозяйством усложняется, связи между его отраслями и экономическими районами страны приобретают более тесный характер».² «Уже в настоящее время жизнь подсказывает необходимость создания некоторых межреспубликанских зональных органов для лучшей координации усилий республик в осуществлении планов коммунистического строительства».³

В настоящее время, например, успешно функционирует межреспубликанский орган по руководству освоением Голодной степи, в котором заинтересованы Узбекская, Таджикская и Казахская республики. Отражая требование времени и в целях дальнейшего улучшения координации усилий союзных республик, решением ЦК КПСС и Совета Министров Союза ССР создано в стране 17 крупных экономических районов, в том числе Казахский и Среднеазиатский.⁴

¹ Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 405.

² Хрущев Н.С. Доклад на общем собрании партийных организаций Высшей партийной школы Академии общественных наук и Института марксизма и ленинизма, 6 января 1961 г.

³ Хрущев Н.С. Доклад «О Программе Коммунистической партии Советского Союза». Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 190–191.

⁴ Газета «Правда», 23 февраля, 1962 г.

В последнем объединяются Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская союзные республики. Секретарь ЦК партии Эстонии И.Г. Кэбин в опубликованной недавно статье¹ описывает, какими перспективами располагает организация западного экономического района, объединяющего три прибалтийские республики. Объединение усилий этих трех республик открывает большие возможности по развитию производства и использованию электроэнергии в этом районе путем создания единой системы энергосетей посредством кольцевания их, в специализации предприятий, координации научно-исследовательских работ и в снижении себестоимости промышленной продукции.

Впредь будут развиваться межреспубликанские органы управления хозяйством, в особенности по таким вопросам, как орошение, кольцевание электроэнергии, транспорт и т. д. Все это свидетельствует о том, что национальная советская государственность находится на новом этапе своего развития и подчиняет свою деятельность общему делу – строительству коммунизма.

IV

Современная эпоха, основным содержанием которой является переход от капитализма к социализму, характеризуется как эпоха громадного подъема и нарастания социалистических и национально-освободительных революций и активного распада колониальной системы. Только за последние четыре года в результате решительного наступления трудящихся масс, угнетенных народов колоний и зависимых стран против тирании империализма, вылившегося в национально-освободительные революции, создано 21 новое суверенное государство.² Процесс разрыва с империализмом и борьба народов за образование государств национальной демократии, свободных от господства империализма, превращаются в неодолимую силу эпохи.

Величайшими факторами, вдохновляющими угнетенные империализмом народы на национально-освободительные революции, служат великие идеи марксизма-ленинизма, являющиеся научным синтезом классово-борьбы и исторического опыта строительства социализма и подлинного разрешения национального вопроса на основе этих идей в странах мирового социалистического лагеря, в первую очередь в СССР.

Перед народами, сбросившими иго колониализма и в упорной

¹ Журнал «Коммунист», 1962.

² Газета «Правда», 13 марта, 1961.

борьбе добившимися политической самостоятельности, во весь рост встают вопросы о защите, формах и путях развития этих завоеваний.

Агентура империалистов старается сбить с пути эти народы и навязывает им капиталистический путь развития. «Капиталистический путь развития был бы еще мучительнее и длиннее у народов колоний, за счет которых западные державы построили свое благополучие, – говорил Н.С. Хрущев на XXII съезде партии. – Зачем же сейчас, в середине XX века, навязывать этот долгий и тяжкий путь народам? Коммунисты считают, что вековую отсталость народы смогут ликвидировать на пути социализма».¹

В современных условиях накопленный богатый опыт государственного устройства национальностей на базе Советской власти и перспективы развития национальной советской государственности, как и разрешение национального вопроса в нашей стране в целом, приобретают важное политическое и международное значение.

Путь возрожденных народов республик Средней Азии и Казахстана, создавших свою национальную государственность в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, как и история развития ряда других социалистических наций, – это путь народов отсталых, угнетенных и задавленных в прошлом и достигших в ходе некапиталистического развития феноменальных успехов во всех областях общественной жизни при Советской власти. Практика подтвердила обоснованность и жизненность пророческих слов В.И. Ленина о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».²

¹ Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 20.

² Ленин В.И. Соч., т. 31, стр. 219.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАЗАХОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Введение	5
----------------	---

Часть первая ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА У КАЗАХОВ

Глава I Хозяйственный строй

Территория и население	13
Кочевое скотоводство	22
Режим кочевого хозяйства	29
Земледелие и сельскохозяйственная техника	36
Ремесло, промыслы и промышленность	49

Глава II Некоторые особенности общественного быта казахов

Общинно-родовые пережитки и их роль в общественных отношениях	60
Аульская община	73
Товарно-денежные отношения	88
Выводы	106

Часть вторая ФОРМЫ И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ У КОЧЕВНИКОВ

Глава III Формы и отношения собственности на скот

Экономическая роль скота	108
Формы собственности на скот	111
Саунные отношения	114
Классы и скотовладение	129

Глава IV
Формы и отношения собственности на землю

Роль земли в производстве кочевников	134
Формы землепользования	139
Монопольное право феодалов на землю	146
Характер частного землевладения	163
Феодальные и общинные отношения в землевладении	174
Выводы	184

Часть третья
КЛАССОВОЕ СТРОЕНИЕ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава V
Класс феодалов

Султаны	189
Бии	200
Тарханы	209
Старшины	214
Баи	222
Духовенство	227

Глава VI
Класс непосредственных производителей

Жай-шаруа	239
Кедей-шаруа	247
Байгуши	252
Жатаки	261
Жалшы	266
Егинши	268
Жумыскеры	272
Рабы (кулы)	278
Тюленгуты	284
Выводы	299
Заключение	304

СТАТЬИ

Исследование на большую историческую тему	308
Об одном историко-экономическом исследовании	315
О патриархально-феодалных отношениях у кочевников-скотоводов	322
К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане	329
К вопросу о прогрессивной роли присоединения Казахстана к России	341

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Задачи повышения теоретического уровня исследовательских работ по национально- государственному строительству	356
Факты и их основания	360
Роль принципа противоречия в изучении национально-государственного строительства	363
О системном анализе национально- государственного строительства	368
Необходимость коллективных обсуждений теоретических вопросов	372
Некоторые вопросы теории советской национальной государственности	374

Директор издательства «Арыс»
Гарифулла Анес

Серия “Лучшие образцы казахской науки”

Салык ЗИМАНОВ

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ КАЗАХОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА И БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО**

Редактор
Технический редактор
Художник
Верстка

Майра МУСАПИРОВА
Дарико ОМАРГАЛИЕВА
Табылды МУКАТОВ
Ринат КУРМАШЕВ

ИБ № 801

Подписано в печать 20.12.09

**Формат 60x90/16. Офсетная печать.
25 печатных листов. Тираж 2000 экз.
Заказ №23**

**Отпечатано в типографии "DALAPRINT"
050056, г. Алматы, ул. Ереванская, 1.**

Дорогие читатели!

Более семнадцати лет фонд «АРЫС», созданный ведущими казахстанскими историками, политологами и публицистами, занимается сбором, исследованием и публикацией наследия выдающихся представителей казахстанской интеллигенции – жертв политических репрессий.

Фонд стремится достойно увековечить их память: содействует открытию музеев, памятников и тематических экспозиций, активно участвует в проведении юбилеев и других мероприятий, оказывает посильную помощь семьям репрессированных.

Издательство при Фонде «АРЫС» всегда квалифицированно и качественно выполнит все Ваши заказы, относящиеся к сфере науки и культуры, выпустит Ваши научные и литературные труды, монографии, брошюры, авторефераты, буклеты и т. п.

*050009, г. Алматы
пр. Абая, 143
5-этаж
528, 529-кабинеты
тел./факс: 394 37 66,
385 74 67*

Для заметок

Лучшие образцы казахской науки

Книгу сборника избранных произведений видного ученого, академика С. З. Зиманова составляют научно-исследовательские труды, опубликованные в 1950-1960 гг., и монография «Общественный строй казахов первой половины XIX века», изданная в 1958 г. В трудах исследуются особенности кочевого скотоводства в Казахстане, роль и место патриархально-родовых пережитков в общественных отношениях казахов, развитие земледелия и товарно-денежных отношений в казахском обществе в первой половине XIX в.

